HEBA



2·2024

НЕВА 2
2024
ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Евгений ВИТЧЕНКО
Карантинный цикл. *Стихи* • 3

Мария БУШУЕВА
Тихая душа. Шкаф. Сбежавший. Светящиеся фонарики. *Рассказы* • 8

Слава СЕРГЕЕВ
Чтение и чувства. *Страницы романа* • 27

Максим ЗАМШЕВ
Стихи • 73

Иван БЕСКРОВНЫЙ
Дуб Артем Воробьев. Птица в хоре. Трагедия. *Рассказы* • 76

Павел КРУСАНОВ
Полет шмеля. *Рассказ* • 101

Алексей ШИХАЛЁВ
Стихи • 109

Елена ВЯХЯКУОПУС
На перекрестках. Все нужно делать вовремя. Женская гордость. Две матери. Пипа. Сад. «Молочные ведомости». *Рассказы* • 113

Павел ВЯЛКОВ
Король и шут: парадигмы времени. Звездные войны: postscriptum истории. Ночь в Шереметьеве… «Атлантида». *Рассказы* • 122

Света ЛИТВАК
Стихи • 151

12+

ПУБЛИЦИСТИКА

Михаил КУРАЕВ
100 лет без Ленина.
Размышления с отступлениями • 157

КРИТИКА И ЭССЕИСТИКА

К 140-летию Е. И. Замятина
Вячеслав ВЛАЩЕНКО
«Огненное А» и духовная драма Евгения Замятина • 176

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Территория памяти. *Александр Мелихов.* Это многих славный путь. **Книжный остров.** *Публикация Е. Зиновьевой* • 210

ПИЛИГРИМ

Архимандрит Августин (НИКИТИН)
Харбин — «русский Китеж». *Часть 9* • 228

Издание журнала осуществляется при финансовой поддержке Министерства культуры и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации.

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы» запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать на почтовый адрес журнала (191186, Санкт-Петербург, а/я 9). Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Главный редактор
Наталья Анатольевна ГРАНЦЕВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Александр Мелихов *(зам. главного редактора)*. **Игорь Сухих** *(шеф-редактор гуманитарных проектов)*. **Ольга Малышкина** *(шеф-редактор молодежных проектов)*. **Елена Зиновьева** *(редактор-библиограф)*. **Наталия Ламонт** *(редактор-координатор)*.

Дизайн обложки **А. Панкевича**
Макет **С. Булачевой**
Корректор **Е. Рогозина**
Верстка **Д. Зенченко**

© Журнал «Нева», 2024

Евгений ВИТЧЕНКО

КАРАНТИННЫЙ ЦИКЛ

* * *

Во что-нибудь переодеться,
И душу выбрать посветлей,
И вспомнить счастье. Лето. Детство.
Как надрывался соловей
На ветке вишни. Как я слушал,
Не веря собственным ушам,
Его любви тяжелый случай.
От пения остался шрам
На сердце детском. Сколько было,
Уже не помню, полных лет.
А помню только: сад, крапива,
И, главное, еще не спет
Куплет моей недолгой жизни.
Да что куплет: ни слова нет!
Как бы еще не родились мы,
И облика особо нет.
Еще твой май теплом обласкан,
И мой сентябрь не дождит...
Еще проигрываю на спор
Тому, что будет впереди.
Еще нет повести печальней,
Чем повесть о Джульетте той,
С которой рос под тенью пальмы,
Детсадовской твоей сестрой.
Еще мгновение, и вырос
Ошибок трудных опыт твой.
Твоя вселенская безбытность,
Неизбываемая хворь.

Евгений Витченко родился в 1983 году в Караганде. Окончил факультет истории и политических наук Тюменского государственного университета. Публиковался в литературных журналах «Крещатик», «Новая Юность», «Нева», «Сибирские огни», «Нижний Новгород» и др. Живет в Тюмени.

Пластинка на задах играет.
Потусторонний ветерок,
Как и прогретый за́ день гравий:
У самых ног.
Мгновение и дуновенье,
Ночной неугасимый свет
И это оперное пенье
Сквозь тридцать, даже с лишним, лет.

* * *

Как женщины прекрасны в дождь!
Готические
эти шпильки,
вид сверху,
с высоты подошв,
глаза, промокшие до нитки.
Со всех пяти сторон вода.
Оркестр, тушь!
И дамы в мыле
на шпильках
достигают дна,
но даже ног не замочили.
Одна из них с куста на куст
летит, стрекозочкой
стрекочет,
и жалящий
ее укус
в душе остался в виде точек.
И что ей твой холодный душ,
она — душа,
ей выйти не в чем.
И дождь,
стихающий к тому ж,
и чувств изношенные вещи:
все говорит о том, что ты,
влюблен ли, болен,
прешь по встречке...
А если что,
то нашатырь
у ангела в его аптечке.
В его аптечке белый бинт
на случай
перебинтоваться.
Так и живешь
себе одним
солдатиком из сказки Ганса.

И замечаешь: мир вокруг
нисколько не
переменился.
Все так же
падает в траву
пустая стреляная гильза.
Еще дымок над гильзой той,
еле заметный
привкус дыма.
Вранье,
что выстрел холостой,
ведь холостой не значит мимо.

* * *

Потеря бдительности или
Потеря и́з виду души.
О ней нечаянно забыли
В метафорической глуши.
Как фехтовальщики сойдемся.
Нет: как придворные пажи!
Послеполуденного солнца
Льняное масло побежит…
По анфиладе комнат будем,
Как пчелы с пасеки, кружить,
Из всех сподручных бить орудий,
Рапирой о рапиру вжик.
Как точно выразить и емко,
Что акцентированный твой
Укол убьет во мне ребенка,
Отправит детство на покой?
Теперь покой нам только снится.
Теперь иные времена:
Из клетки выпорхнет синица
Грудной наружу у меня.
Взросление не за горами.
Но тяжело взрослеем мы,
Что мотыльки повыгорали,
Повы́линяли наши льны…
Повыгорели наши лица,
Особенно кто побледней.
Лишь туча свадебного ситца
На весь земной остаток дней.
Лишь прогорает без остатка
Душа, поди ее сыщи.
Лишь пахнет приторно и сладко
Спирт прогорающей души.

* * *

«Ощипана голова,
Что гуглить вчерашний день...
Как рощица, догола?»
Все ровно, как ты хотел,
Падение, шов за швом,
Глоточек, бокал, пустяк...
«Шампанское не зашло?»
Советское на устах
Еще не обсохло, нет
(Так было и с молоком).
Высоткам Москвы: привет,
Московским мостам: поклон.
«Хотела-то что сказать?»
Что тоже еще в соку.
И что выхожу в горсад
На грабовом рдеть суку
Последним твоим листком,
Как только последний лист
И может висеть, лицом
Упасть обреченный вниз...
«Так лист, говоришь, лицом
Вниз падает, то есть ниц?»
Вниз я упаду, а он
Прикроет мне самый низ...

* * *

Ничего-то мне не остается,
Как идти по следу твоему,
Вспоминать, как кот о ноги терся,
Тень на солнце как росла в длину.
Героиня выдохов табачных,
Из тебя выпархивал дракон
И по полу ползал на карачках,
Бился, как припадочный, об пол.
Как подолгу мы не выходили
В люди и читали по ролям
Бродского, как истово любили
Стереофонический рояль.
Горовиц смотрел на нас с пластинки
С укоризной, и немудрено:
По неделям маковой росинки
Не было, лишь красное вино.
Красное сухое, а в остатке
Ни похмелья, ни упадка сил...

Как незащищенное в охапке
Зимних роз я сердце приносил.
И оно еще довольно долго
Билось, как на леске окунек.
Как обычно, виноваты оба
В том, что гаснет встречный огонек.
Что свеча за неименьем света
Прогорит до блюдца. Полутьма
Или тьма полнейшая эффектна,
Но весьма удушлива. Весьма!
Занята собой не понарошку:
Она скроет две фигуры с глаз
Не долой, но чтобы на дорожку
Тьмой глаза подернулись у нас.

* * *

Мы — полуфрики, полубоги.
Мы разговариваем, как
Две белохвостые сороки
На разных птичьих языках.
Ты на голландском диалекте,
Я — вологодских деревень.
Язык мой пел холмы вот эти,
Пока не одеревенел...
А ты поешь вот этот город,
Его каналы и мосты.
Ему к лицу зима и холод,
Черты окаменелости.
За каждым светоносным слоем,
И даже для того, кто слеп,
Звучат часы с сердечным боем,
И стрелки оставляют след
На циферблате пыльном-пыльном.
А я в краю среди икон...
Сошелся свет не то чтоб клином,
А острым, ранящим клинком.
И я стою себе в сторонке,
В анатомическом углу,
И кровь стекает струйкой тонкой
С пластинки, вставившей иглу.
И голос твой куда светлее
На той пластинке, например,
Чем у молчащей в галерее
Всю жизнь молочницы Вермеер.

Мария БУШУЕВА

РАССКАЗЫ

ТИХАЯ ДУША

Из всех теток его — самая любимая. И вот — три дня в больнице, и всё. Увесистого вида врач, заведующий отделением Даниил Игоревич Семин, пряча глаза в планшет, назвал диагноз. Он врачу не поверил. Вышел в коридор. Незнакомый лобастый мужик шагнул ему навстречу: тоже мать? Нет, сестра ее, матери давно нет. А у меня маманя, я сегодня врачу бабло принес, опоздал. Лобастый походил на братка конца девяностых, но, судя по дорогой одежде, вполне мог теперь оказаться генеральным директором или депутатом. А отчего? Он произнес страшное слово: диагноз оказался тот же. Вышли вместе. Мужик спросил: на колесах? Могу подкинуть — и показал на джип. Не надо. Пройду пешком, так мне будет полегче, ходьба лечит. Приостановился, добавил грустно: «Не верю я в его диагноз, мне говорили, негласное распоряжение спускают врачам — не сильно усердствовать при лечении пожилых и стариков. Балласт для экономики...» И он, не оглядываясь на мужика, вышел из больничной ограды и побрел по мокрой мостовой.

И вспомнилось: ему шесть лет, они идут с бабушкой по темной дождливой улице к ее племянницам Татьяне и Раисе — двоюродным сестрам его матери. Пытаясь после развода с его отцом устроить личную жизнь, мать появлялась дома редко и всегда с чужим мужчиной, пугающим его холодной ладонью и по-змеиному блестящими волосами, прилипшими к узкой маленькой голове. И он, впечатлительный ребенок, както знал без слов, что обладатель ледяных пальцев обязательно обидит его мягкую мать и она исчезнет. Так и случилось: мать вернулась домой, но вскоре погибла в аварии. Бабушка много лет скрывала от внука правду, но однажды он услышал, как говорила она кому-то по телефону: наивная моя доченька связалась с наркоманом — и вот... Все мечтал о славе, журнальчики собирал с портретами кинозвезд и застыл на стуле, как памятник, нашли его сидящим, наклонившимся, чтобы завязать шнурки ботинок, на мой взгляд, ничтожный был человек и умер от передозировки наркотика, а все-таки помяну его, раз дочь моя разглядела в нем что-то хорошее.

До темной улицы, мигавшей тревожными огоньками, они ехали на трамвае, а к деревянному дому сестер нужно было идти пешком мимо долгой стены мыловаренного завода.

Мария Бушуева — прозаик, критик, автор нескольких книг прозы, в том числе романов «Отчий сад», «Лев, глотающий солнце», «Рудник», «Демон и Димон» («Проекции»), «Королев. Главный конструктор», а также множества публикаций в периодике и в сетевых журналах («Москва», «Нева», «Знамя», «Зинзивер», «Дружба народов», «Наш современник», «Нижний Новгород», «День и ночь», «Сибирские огни», «Гостиная» (США), «Алеф» (Израиль), «Литературная Америка», «Новый континент» (США)). Стихи переводились на французский язык. Автор монографии «„Женитьба“ Гоголя и абсурд». Лауреат журнальных премий.

— Живут же, Господи, на краю света, — иногда ворчала бабушка, сжимая его ладошку.

Чем дальше они шли, тем сильнее сгущалась щиплющая глаза едкая тьма, сначала казавшаяся синеватой, потом почти черной, и когда тяжелый запах и смог рассеивались, они оказывались на грязной, неасфальтированной дороге, возле тянущихся вдоль нее серых домишек. Он был уверен тогда, что это действительно край света. И сейчас, медленно бредущий по сверкающему проспекту, вспомнил ощущение детства — ощущение непроглядной бескрайней пустоты, скрывающейся за деревянной халупой двух молодых, рано осиротевших его теток. Младшую, белянку Раису, он любил, возможно, изживая в играх с ней тоску по исчезающей матери. Тоска была бы непереносимой для его детской души, если бы не уравновешивала ее боль обиды: мать променяла его, своего сынишку, на ледяные пальцы чужого человека и, что еще было больнее, на нового ребенка. О новом нашептала в отсутствие бабушки ее близкая приятельница, бывшая режиссерша кинохроники, мужеподобная старуха Эра Петровна: «Твоя мама тебя бросила, у нее родится другой мальчик, Виталик, — внушала бывшая режиссерша, приблизив к нему прищуренные глаза, — она умрет, бабушка твоя тоже умрет, их обеих закопают». Эра Петровна хрипло хохотнула и постучала по ножке стола: тук-тук-тук. И его сердечко вздрогнуло и откликнулось, ударив в грудь: бом-бом-бом. Пугающие слова он от бабушки утаил и по-прежнему оставался с Эрой Петровной, когда бабушка уезжала в редакцию газеты: она внештатно подрабатывала, занимаясь правкой статей. Может быть, утаил оттого, что сам интуитивно предчувствовал свое одиночество и, помня, что в сказках повторенное обязательно исполняется, по-детски боялся магии слов — неотвратимости дважды произнесенного. Если замолчать пророчество, бабушка и мама будут жить, и мама не обменяет его на нового. Имя Витя стало для него неудачным на всю жизнь: виталики предавали его, подставляли, обманывали и, наконец, один из них увел его жену.

Приносившая с собой запах табака, колючий юмор и надтреснутый смех Эра Петровна, сама того не ведая, помогла ему перенести потерю матери, бросив спасательный круг зловещих фраз. Как-то бабушка в одном из вечерних разговоров с ним приоткрыла занавес над жизнью сиплоголосой старухи, и он увидел, что скрывалось за тяжелым полотном, а значит, и за черным пророчеством, так напугавшим его.

— Эра из бедной многодетной семьи, она всего добилась сама, я уважала ее за едкий ум и отзывчивость на чужие беды, но иногда общаться с ней бывало тяжело, потому что психика ее искажена с юности после десяти лет в лагере по пятьдесят восьмой статье.

Он, студент-историк, уже знал о пятьдесят восьмой.

— Как-то честно призналась: я твоего маленького внука ненавидела из зависти, что у него такая хорошая мать — красивая, добрая, языкам его учит, Пушкина ему читает, а моя сноха — обычная хамка, и внучка Линка от нее страдает. Эра души не чает в своей Линке... Но мне кажется, больше она завидовала твоей сообразительности, Линка с родовой травмой родилась, может, оттого и не унаследовала ум своей бабушки.

Линку Эра Петровна к ним приводила, и ему нравилось играть с хорошенькой покорной девочкой. Однажды, бегая с Линкой по квартире, расшалившись, они разбили большое зеркало, и, словно доказывая роковую верность старинной приметы, на следующий день, столкнувшись с грузовиком, разбилось легковое такси, в котором ехала его мама.

Уже после смерти бабушки он случайно получил подтверждение ее словам об искаженной психике, узнав об Эре Петровне кое-что еще: в одном из северных журналов были опубликованы воспоминания какого-то политзэка — шли девяностые годы,

и страна освобождалась от запретов на исповеди жертв истории. Автор, подробно описывая лагерный быт, не скрыл фамилию, имя-отчество той, что выжила в лагере и получила место библиотекаря благодаря доносительству. Давнее «тук-тук-тук» оказалось самораскрытием. Выходит, понял он, Эру Петровну сломали, и она всю жизнь прятала в душе постыдную муку своего прошлого, смертельно боясь, что тень его упадет на любимую внучку. Он закрыл журнал , чувствуя, как рождается в его душе прощение за свой детский страх.

От еще одной бабушкиной подруги, экстравагантной старушки Изы Борисовны, бывшей актрисы-травести, в свои «за восемьдесят» ходившей летом в туфельках на шпильках и в платье с глубоким вырезом, открывающем пятнистые параболы спины, он услышал, что Линка вышла удачно замуж за какого-то парня из рабочей семьи. Парень очень быстро сделал успешную карьеру, причем не без активной помощи Эры Петровны, передвигавшейся теперь с костылем лишь в пределах квартиры, но сохранившей нужные телефонные связи и умело управлявшей Линкиной судьбой. Отражаются ли нравственные падения тех, кто был изломан временем, на жизни их потомков? — подумал тогда, мысленно снова открыв и закрыв журнал. Но разве милая Линка заслужила родовую травму или кару судьбы? Конечно, нет.

После прочитанных мемуаров бывшего зэка он резко охладел к истории, колючие следы которой слишком больно ранили его детство. Возникнув на страницах журнала, Эра Петровна, совершенно не ведая того, помогла ему вторично — он вышел на дорогу своего призвания. Забросив ставший ненужным институтский диплом в коробку со старыми документами и черно-белыми снимками незнакомой родни, стал заниматься живописью и, уже обретя имя профессионального художника, вспоминал иногда старую режиссершу, обводя мужеподобную фигуру в коричневых брюках и грубом свитере невидимым мистическим абрисом.

Изу Борисовну, приносившую в качестве гостинца подернутые белой дымкой окаменевшие шоколадные конфеты, бабушка, какое-то время работавшая в драмтеатре заведующей литчастью, обожала за театральные анекдоты и за рассказы Изы о дореволюционной творческой среде, которую неплохо знал Изин отец-фотограф. Изин дед как-то сумел еще до 1917 года выбраться из такого же окраинного местечка, откуда вела родословную Эра, однако в отличие от ее родни преуспел, и его сын открыл свою мастерскую, через нее прошли почти все горожане, имевшие отношение к искусству. А начав стареть, Изин отец бесплатно, по доброте душевной, обучил фотоделу двух мальчишек, послевоенных сирот: оба стали фотокорреспондентами. Младший из них, сутулый, с клокастыми бровями, окончив филологический факультет местного вуза, дорос до главного редактора той газеты, где подрабатывала бабушка. Он приходил к ним и после вечернего чая наизусть читал Гумилева, обязательно начиная с «Жирафа», бродившего далеко-далеко на озере Чад, а завершал декламацию стихотворением, в страшно-тихом пространстве которого спокойный рабочий в блузе светло-серой отливал для поэта смертельную пулю. Завершив чтение и пристально глядя куда-то вниз, в пол, точно там, на досках, был начертан трагический вывод, не видимый ни бабушке, ни ее внуку, главред неизменно добавлял: «Напророчествовал Гумилев себе гибель», — подтверждая для ребенка власть тайной магии произносимых слов. Мистическая роль Изы Борисовны и ученика ее покойного отца впоследствии свелась в памяти к повторяющемуся сигналу об опасности серого цвета и к яркому детскому восторгу от изысканности жирафа: его собственный жираф бродил под клокастыми облаками-бровями, и, точно отражаясь сам в себе, множился, заполняя в разных вариациях волшебного узора на его шкуре все альбомы для рисования, все чаще

покупаемые для внука бабушкой. Две старые оригиналки и угрюмый чтец оказались проводниками в его судьбу.

Иногда Иза Борисовна, кроме каменных конфет, доставала из кожаной антикварной сумки старинный альбом с фотографиями дореволюционной русской интеллигенции: учителей, врачей, чиновников, — и погрустневшая бабушка рассматривала лица тех, кто давно превратился в безымянные кости под асфальтом их городского парка, где танцевала вечерами обкуренная молодежь. Бабушка в этот парк не ходила принципиально: грех на бывшем кладбище гулять, объясняла она, но никогда не добавляла, что ее отец, тоже «из беловоротничковых», покоился там же — под чертовым колесом или гремящей танцплощадкой.

— И коляски с малышами здесь катают,— укоризненно говорила бабушка, — топчут своих предков.

Новый не сумел родиться. Но успел отправить свое отражение, и оно, сгущаясь порой до призрака, сопровождало взросление сводного живого брата, лишая его безмятежной защищенности — необходимого растущему витамина силы: за каждым словом дружбы мерещилась отверженность, за каждым углом любви таился соперник-победитель. Безусловную радость приносила только живопись. И он как-то незаметно для себя смирился с маркером несчастливости. Таким же невидимым клеймом была помечена и его любимая тетя Раиса.

Фамилию врача не запомнил: то ли Сомов, то ли Зимин, и когда на следующий день прочитал в сетевых новостях о смерти сорокалетнего медика, заведующего отделением, которого нашли возле магазина, но, к сожалению, спасти не смогли, по предварительной версии, причина — инфаркт, мелькнула мысль: не тот ли? В комментариях кто-то возмущался, что вдове не отдали найденные возле покойного продукты... Впрочем, остановил себя, зачем я это читаю? Тот, прячущий глаза в планшет, — обычный равнодушный клерк от медицины, держащийся за место и за деньги, а моя мысль, что умерший он самый, всего лишь результат моего собственного воображения — наивной веры в силу общечеловеческой совести, которая однажды, постепенно всплывая из глубины ноосферы, взойдет над миром, чтобы покарать всех и каждого за утрату человечности.

За окном мутно серело небо. Дождь шел второй день, то затихая, то набирая силу вновь. Сетевые новости пугали взрывами, смертями, отравляли ложью, приправленной светской пошлостью и модными технологиями. Чтобы отвлечься от грустных мыслей, он позвонил дочери.

— Па-а-ап, — тягуче запела Лизка, — я как раз хотела тебя попросить, ну-у-у, я присмотрела смарт-браслетик с бриллиантами, скину тебе в почту номер заказа, оплати-и-и-и, и я пошлю тебе свою лав.

...Домик сестер был трухлявый, низенький, состоявший из кухоньки и двух комнат. Пахло в нем горящими дровами: не только зимой, но и в сырые дни любого сезона приходилось топить печь. Его удивляла и печь, завораживая древним танцем огня, и взбитые подушки на железных кроватях с блестящими елочными шишечками на спинках, и отделанные кружевом покрывала, поражающие ровной, как лист альбома для рисования, снежно-белой нетронутостью. У них дома ничего похожего не было: вещи и одежда жили своей вольной жизнью, а на мятом покрывале его деревянной кровати вечно валялись книжки, машинки и шахматные фигурки.

Раиса, финского типа миловидная льняная белянка, всегда радовалась их приходу, а брюнетка Татьяна никогда при них своих чувств не проявляла. На Раисе держалось все сестринское маленькое хозяйство: три огородные грядки, растопка печи, запас воды, которую она сама носила в ведрах из уличного колодца, и всегда идеальная бе-

лизна покрывал. К тому же Рая уже работала и, очень способная к точным наукам, в первый же год получила инженерную должность в НПО, разрабатывающем детали для космических кораблей: страна была одержима космосом. Сестры надеялись, что НПО поможет им с квартирой, они мечтали о горячей воде, теплом клозете и электрической печи. Вся личная жизнь Раисы была отдана сестре, в оленеглазом лице которой опытный физиономист уловил бы тонкие следы черт далекого азиатского предка. Татьяна была задумана природой как настоящая красавица, но злой колдун — костный туберкулез — превратил ее спину в остроконечный пень: Татьяна была горбуньей. Сердобольная бабушка, желая вернуть племяннице нормальное тело, обращалась к знакомому кудеснику — хирургу, срезающему у несчастных их горбы, ответ его стал окончательным приговором: из-за сильного смещения сердца операцию делать нельзя. И учиться в техническом вузе, где приходилось много чертить и проходить практику на заводе, Татьяна из-за проблем с сердцем не смогла и ушла с третьего курса. Ни на какой работе она не удерживалась. Посторонним могло показаться, что она давно привыкла к своей инаковости — ее лицо, горделиво спокойное, удивляло тех, кто привык к суетливости горбунов, пытающихся скрыть свои уродливые выступы, плетя вокруг них сеть лихорадочных движений и слов. Нет, Татьяна рыдала и плакала только наедине с Раисой, на людях же была нетороплива и вела себя так, будто с ее телом все хорошо. Пока Раиса, постоянно чувствовавшая смутную вину за свою прямую спину, придя с работы, занималась хозяйством, Татьяна красиво сервировала стол к ужину — это было единственной ее обязанностью, а днем, в одиночестве, она листала журналы или мечтала, читая классику. И тайно соотносила себя с пушкинской героиней, на беду родившейся не в девятнадцатом веке и не в романе, а в советское время, в предвоенный год. Раиса была на четыре года моложе. Их отец подарил жизнь младшей дочери и ушел на фронт, чтобы не вернуться: контуженным попал в плен и свою гибель встретил в концентрационном лагере, где организовал коммунистическое подполье, вскоре раскрытое.

— Знала я, что брат мой Юра погибнет, — рассказывала бабушка внуку, не сильно вникая в особенности детского восприятия, — мне было двадцать, я всем увлекалась, что попадало на глаза — даже прочитала старинную книжку по хиромантии. И вот руку его посмотрела, с картинкой сверила: линия жизни у него была перечеркнута, что предвещало насильственную смерть. И все из-за его жены Нины, изменил ей однажды, с кем из мужчин не бывает, она от кого-то из доброхотов узнала и не простила — вот он, совестливый, и попросился сам на фронт, надеясь так искупить свою вину. У него же бронь была, ценных специалистов берегли... Раиса на него очень похожа. Только имя ей не подходит, у нас таких имен в роду нет, это Нина ее назвала в честь кого-то из своих. Конечно, страдала Нина как мать из-за горба Татьяны, оттого и умерла рано. А брата моего так и не простила... Знаешь, какой он был? Сидит, работает в выходной у себя дома, стал в тридцать лет начальником, своего шофера имел, а увидит, что немолодая соседка несет ведро, тут же выбежит и ей до квартиры ведро донесет. После Победы о Юре никаких вестей не было, и не жена его Нина, а я написала в пятьдесят втором в канцелярию Сталина, оттуда прислали ответ, что погиб он в плену, проявив геройство и мужество, верный воинской присяге, я дословно документ помню. Значит, мучительную смерть принял.

Этот скорбный бабушкин монолог, полный непонятным и далеким, слушал он по дороге от племянниц вполуха, больше его занимали подаренные Раисой рыже-коричневые яички — их соседи по улице держали кур, — до этого он видел яйца только белые магазинные и постеснялся спросить: может быть, Раиса и Татьяна сами покрасили их акварельной краской?

Маленького племянника Татьяна не любила, запретив себе навсегда думать о детях. Отворачивалась, когда Рая, изображая лошадку, катала его, еще трехлетнего, на своих плечах, ставшими широкими от постоянной тяжелой работы по дому. В веселых забавах Татьяна участвовать не могла, и к привычной таимой горечи от своей физической неполноценности примешивалась жгучая ревность: Татьяна ревновала Раису ко всем, кто оказывался рядом.

— Бедная Рая, — сетовала бабушка, — даже на вечеринку в коллективе никогда не остается, как-то задержалась на работе всего на полчаса, пришла домой, а сестра уже рыдает. Конечно, Таню жаль: умница ведь, училась прекрасно, поразительно сдержанная, со вкусом умеет одеться, несмотря на свою беду, и лицом красивая, да все напрасно. Кара судьбы. Мне о своей родословной Нина как-то рассказала, дальний ее предок был бурятский тайши, внук его в сибирское купечество записался, так вот, может, в каком-нибудь их предке-богаче и причина: могли по его приказу запороть невинного работника до смерти, через век пришла расплата в виде горба. Я верю в закон неизбежности возмездия, на Востоке его называют законом кармы, и считаю, что справедлив он не только для одного человека, но и для истории всего рода... И Раю мне жаль: она Таней восхищается, считает ее много умнее себя, о танцах или кинотеатре с молодым человеком и разговора у Раи быть не может, она и в мыслях такого не держит. А ведь симпатичная и далеко не глупая, нравится многим, студент один замуж ее звал, потом молодой офицер все ходил под окнами, ждал ее, записки писал, да вскоре понял: не оставит Рая сестру. Такая вот тихая верная душа.

Квартиру сестрам дали не от НПО, расселила их городская власть, решившая снести деревянное захолустье и построить на месте улицы панельный микрорайон. В типовой панельной девятиэтажке дали Татьяне и Раисе двухкомнатную квартиру. Он помнил первое впечатление от двух смежных комнат, в большей сестры поставили диван, стол, сервант, шкафчик с книгами и телевизор, а в меньшей — свои железные кровати, показавшиеся ему чужими предметами, смущенными гостями из другого мира, где остались печь с волшебным огнем и небольшой дворик с черным узором неровного забора. Татьянин горб в панельной квартире точно вырос, и он, исследуя вместе с Раисой новый дом, постоянно на него натыкался. Казалось, и Татьяна ощущает себя здесь, в квартире с удобствами, о которых столько лет сестры мечтали, гораздо менее уютно, чем в том домишке. Возможно, им обеим недоставало небольшого дворика и улицы. Там Раиса, то половшая грядки, то ходившая за водой или к соседке за соленьями и куриными яичками, мелькала у Татьяны перед глазами не так часто, как здесь. И горб, вписанный в пейзаж с несколькими уличными деревьями и кустами, со временем стал как бы частью природы и почти не замечался. Обе сестры чувствовали: в старой хибарке жило печное тепло, рассеявшееся по дороге в новую жизнь. И после полугода слез Татьяна собрала чемоданчик и впервые в жизни одна, без сестры, уехала в санаторий. Вскоре Раиса сообщила потрясшую всех новость: Татьяна выходит замуж за встреченного в санатории инженера из далекого Ангарска. Инженер — сорокалетний вдовец Анатолий, намучившийся с женой-алкоголичкой. Он старше Татьяны на восемь лет, сам не пил никогда и не пьет, детей нет. Татьяна поразила его красотой лица и культурой, он теперь без нее своей жизни не представляет... Странный брак оказался счастливым. Взаимная любовь светилась в голубых глазах Анатолия и в оленьих Татьяны: пара приехала как-то на пару дней в родной город жены.

— Похоже, Анатолий любит нашу Таню так сильно, — резюмировала встречу с ними бабушка, — оттого, что к его чувству примешивается боль от ее физического уродства. Он, наверное, и первую жену любил через сострадание.

По-прежнему восхищавшаяся сестрой Раиса иногда приходила и читала их с Анатолием письма: его перевели в закрытый город под Красноярском, с продуктами там было много лучше, чем в других местах, у семьи сложился небольшой круг друзей, в общем, как не раз повторяла бабушка, старшая племянница вытащила счастливый билет. Как-то приехала Татьяна без Анатолия — его не отпустили с работы, — попросила бабушку помочь с больницей: ей нужно было прервать беременность. В своем небольшом городе она к медикам обращаться не стала, опасаясь пересудов. Объяснила она свое решение нежеланием пускать ребенка в жизнь, где над ним стали бы издеваться жестокие ровесники, насмехаясь, что у него мать не такая, как все. Бабушка через жену хирурга-кудесника нашла врача, все прошло без осложнений. Больше Татьяна не приезжала. Прожили они с мужем в мире и согласии три десятилетия: через сорок дней после смерти Анатолия ушла и Татьяна. О ее смерти узнал он от Раисы, полностью ослепшей из-за глаукомы на один глаз.

Он по-прежнему, как в детстве, любил свою тетку, живущую теперь на нищенскую пенсию. А передать нить своей любви дочери, растущей под алчную мелодию времени, не смог: Лизка ценила только яркое и дорогое, честный труд, которому отдала двоюродная бабка Раиса свою жизнь, считала уделом лохов-совков, и как-то он услышал, как врала она вдохновенно кому-то по мобильному, что учится в МГИМО, хотя он, уже разошедшийся с ее матерью, модной блогершей, знал, что бывшая жена и ее новый супруг Виталий с трудом впихнули Лизку в частный маленький вуз с торговым уклоном. В общем, с дочерью у него получился прокол. Этический брак. И надежды на переплавку ее души как-то день ото дня слабела.

Он вышел из дома и снова брел по проспекту, вспоминая простую жизнь Раисы, и не замечал усилившегося дождя.

Через год после замужества Татьяны Раиса решилась впервые отдохнуть на черноморском побережье. Зарплату она получала приличную, к тому же путевка от НПО в дом отдыха была с большой скидкой, что радовало бережливую Раису: научилась тщательно рассчитывать бюджет еще в годы полуголодной своей юности. Яркие краски юга и словесные букеты витиеватых комплиментов от седого хромого ловеласа, ни на что большее, кроме пляжной болтовни, не претендовавшего, вселили в нее робкую надежду на возможную встречу с тем, кто скрасит ее одиночество. Она уже считалась в их научном крыле НПО старой девой и не верила, что может кому-то понравиться: свое лицо в зеркале виделось блеклым и точно рассыпающимся, иногда ей казалось, еще месяц-другой одинокой жизни, и в зеркале отразится только песчаная пыль. Женатые мужчины в их коллективе, на праздниках подвыпив, спорили в курилке, удастся ли кому-то из них сделать эту скромную белянку женщиной, но все ограничивалось только мужскими шутками. На книжной полке дома стоял у Раисы фотопортрет отца. Татьяна, воспринявшая мнение матери о муже как об изменнике, еще в подростковом возрасте вычеркнула факт его наличия из своей биографии, и при ней Раиса держала дорогой ей снимок, с которым ощущала теплую связь, в старом альбоме. Никогда не виденный отец стал единственным мужчиной ее души, и то, что погиб он, проявив геройство и мужество, как сказано было в гербовой бумаге, когда-то присланной из главной канцелярии страны, сделало его образ недосягаемым для сравнения даже с офицерами, нравящимися Раисе больше мужчин других профессий. Иногда, вспоминая того влюбленного лейтенанта, что чертил зигзаги надежды под окнами их деревянного дома, она думала с сожалением, что он походил на отца: такой же светловолосый, сероглазый... Раиса и сама в подростковом возрасте мечтала о военной профессии, волнуясь, читала о знаменитых женщинах-летчицах и жалела, что не ро-

дилась мальчишкой. Втайне от Татьяны, которую ранили даже соседские разговоры о детях, она все годы мечтала о сыне. Мечта становилась тоньше, нереальнее: тень стародевичества закрывала все плотнее светлую веру, что сын когда-нибудь родится.

Как-то в их научном отделе, где было всего три женщины, отмечали Восьмое марта. Раиса всегда ждала таких маленьких праздников: в часы общих застолий она ощущала с коллективом родственное единение, чем-то похожее на давнюю, почти симбиотическую связь с сестрой. Когда все сотрудники, слегка подвыпив, развеселились, неожиданно пришел слесарь из цеха, настроенный на скандал из-за чертежа с предполагаемой ошибкой. В цеху выполнялись экспериментальные заказы и многократно проверялись сконструированные приборы и детали, прежде чем разработки НПО уходили на большой завод.

Слесаря седьмого разряда, самого высшего у них в НПО, в отделе хорошо знали и ценили, но конфликтнуть ему не дали, усадили за стол, где стояли принесенные женщинами традиционные салаты с майонезом, пирожки, испеченные дома Раисой, большой магазинный торт, бутерброды с дешевой колбасой и три бутылки вина. От выпивки слесарь отказаться не смог, плюхнулся на стул, — он был коренастый, большеголовый, немного похожий на цыгана, — и оказался напротив Раисы. Подняли бокалы за прекрасных дам. Раиса тоже выпила, отчего раскраснелась и похорошела. Внезапный взгляд сидящего напротив мужчины, словно увиденного ею сейчас впервые, проник в самую глубину ее глаз — показалось, летит она в какой-то долгий туннель, находящийся по ту сторону зрачков.

Через два месяца слесарь Георгий, в близком общении Гоха, переехал в панельную двушку Раисы. Был он из самой простой семьи, живущей в пригороде. Отец его, участник Отечественной войны, всю жизнь сапожничал, а став стариком, шил домашние тапки для бывших своих клиентов и знакомых, а мать вязала шапочки и плела разноцветные домашние коврики. Молчаливая и робкая, она очень стеснялась Раисиной образованной тетки. Они приехали с бабушкой в февральский метельный день поздравлять Раису с днем рождения, и он, десятилетний, заметил: Раиса похожа, как дочь, на понравившуюся ему старушку мать опьяневшего балагура. Старушка показалась ему очень доброй, а Георгий слишком шумным. Бабушка сразу угадала, что принадлежал избранник Раисы к тому народному типу хлебосольных, отзывчивых на чужую беду мужиков, которые готовы любому отдать последнюю рубаху, и только в семье проявляется их скрытая нереализованная властность, иногда доходящая до тирании. Боюсь, что Рае с ним будет нелегко, сказала внуку, когда они ехали домой. И оказалась права. До рождения Леши — мечта Раисы о сыне сбылась — жили они с Георгием хорошо, хотя ее и утомляли набегающие по пятницам его приятели — все с водкой, пивом и вином. Приходилось беспрерывно готовить им закуску, печь пироги, подносить еду и уносить грязные тарелки. К тому же, оказалось, Гоха, лидирующий в своей компании, — он был начитаннее других работяг и разбирался не только в технике, но и в политике, — сильно ревнив, нередко он скандалил из-за ее случайного взгляда, предназначенного, как ему казалось, кому-то из дружков, расползавшихся за полночь на полусогнутых. Заедало его и неравенство с женой в НПО: она — инженер, он — слесарь. Возможно, оттого Гоха намеренно тянул с законным оформлением брака: оформили они все документы, когда Леше исполнилось два года. Выйдя из загса, не лишенный прозорливости Георгий спросил, смеясь: «Небось не верила, что когда-нибудь печать у тебя в паспорте будет?» Иногда Раиса думала с грустью, что сестре Тане повезло больше: Анатолий, конечно, по пятницам водит жену в театр или на концерты... Но в темное время суток Гоха был ласков, и ее обдавало жаром од-

но лишь прикосновение его больших рук. Сынишку он любил, хотя порой покрикивал на него, пугая малыша. Плохо было то, что Гоха, стал ревновать Раису и к мальчику: жена ушла в заботу о сыне, оттого Гохина потребность во внимании громыхала, как пустая бездонная бочка. Раиса изредка приезжала к тетке поделиться своими переживаниями и сомнениями. Иногда она привозила маленького застенчивого Лешу, забавно смеющегося, если спрятанная взрослым мальчиком игрушка снова появлялась из-за его спины. Лешка был в отца крупноголовым и губастым, но светленьким в мать и словно приросшим к ее теплому боку: не отходил от Раисы даже на полшага. Когда, ощутившая силу материнства, Раиса твердо попросила Гоху сделать приятельские застолья пореже, муж впервые впустил в их семейный дом матерное слово. Кинув ей в лицо свои дурно пахнущие носки, грубо проорал: «Я женился, б..., чтобы ты терпела моих друзей и мне стирала!» Кожа на ее лице в месте соприкосновения с грязной тканью воспалилась, а низкое слово окатило душу ледяной несправедливостью. Вечером у Раисы впервые случился приступ глаукомы. С этого дня, сначала понемногу, стало у нее слабеть зрение. Георгий по своей природе не злой, уговаривала она себя, прощения за свою грубость попросил, сказал, что носки бросил случайно, поддавшись гневу, поклялся, что мата от него она больше никогда не услышит, ночами он по-прежнему горяч, сынишку любит... И все-таки тяжело видеть, как нестерпимо далек он с его вспышками раздражения и пьяными политическими спорами от образа ее деликатного отца, о котором много рассказывала отцова сестра, дорогая ее тетя. Раиса даже подумывала о разводе с Георгием, но вскоре умерли один за другим его родители, и в чувствах Гохи к жене появилось что-то сыновнее. Ее сначала удивляли его внезапная, какая-то детская послушность и то, что он все чаще звал ее не по имени, а мамой. Чуть позже, не склонная к долгому анализу ни своего, ни чужого поведения, Раиса просто поняла сердцем: без нее Гоху погубит бутылка, — и в отношении к нему женское сменилось на материнское, прощающее. Время, когда они остались вдвоем — окончивший техникум Лешка ушел в армию, — стало для Раисы почти счастливым: ни ссор, ни пьяных пятниц. Все вечера они мирно проводили с мужем: или читали каждый свою книгу, Гоха любил военную литературу, она — исповедальные рассказы о жизни, или дремали у телевизора. Гоха купил новый с большим экраном. Теплое биение их сердец звучало в унисон. Летом они съездили в Сочи, снявшись на фото у памятника Пушкину: немолодая пара, сросшаяся невидимыми корнями, давшая жизнь молодому побегу. Молодой побег вернулся и в первый же вечер обидел стареющих родителей, так ждавших его возвращения: не остался с ними дома, а умчался к друзьям, словно переняв эстафету былой отцовской традиции веселых пятниц.

Через неделю Лешка сообщил, что приятель зовет его работать в кооператив. Страна уже заболела денежной лихорадкой, в НПО деньги платить работникам перестали, по коридорам сновали сомнительные типы в джинсах и кожаных пиджаках, а по радио постоянно передавали криминальные новости о гибели очередного директора завода. Освободившиеся места занимали вышедшие из подполья «авторитеты» или молодые карьеристы, быстро отрекшиеся от всего советского и ловко прихватившие партийные и комсомольские сейфы.

— Нет, — твердо сказал Георгий сыну, — в спекулянты не пойдешь. Мы с матерью даже копейки незаслуженной у страны не взяли и тебя не для того растили!

Лешка огорчился, но слову отца, воспринявшего как личную трагедию распад СССР и обнищание большинства честных людей, воспротивиться не посмел: помнил его пролетарский ремень, наказующий за двойки. Сколотив бригаду из друзей, занялся ремонтами. Приятеля-кооперативщика, успевшего подсесть на долларовый нарко-

тик, года через полтора застрелили, а Лешка начал встречаться с его девушкой, после торгового училища работавшей продавщицей в галантерее, только что приватизированной директором — бывшим комсомольским активистом. Лешка проводил сладостные часы в постели с веселой продавщицей, но хотела она в качестве мужа склеить кого-то из случайно разбогатевших — народ называл их «новыми русскими» или «прихватизаторами» — и, когда Лешка ей сделал предложение, отказала. Этот дурак (как потом рассказывала уже взрослому внуку бабушка, в тот год она была еще жива) накачался таблетками — откуда он их взял, осталось неизвестным — и едва не отправился к праотцам. Раиса, узнав, что сын пытался покончить с собой, ослепла на один глаз полностью, а всегда говорливого Георгия сковала седая паутина молчания: он сутки сидел, не вставая с дивана и не прикасаясь к еде. В ту страшную для нее ночь Раиса уснуть не смогла, сердце сжимал не только запоздалый ужас, что сын мог умереть, но и горькое понимание: ему безразлично, что случилось бы с матерью и отцом, если бы его не спасли. И лишь под утро, когда в синеватой дымке комнаты впервые за всю жизнь возникло перед ней видение — женщина в светлых, чуть колышущихся одеждах, не касающихся пола, смотрела на нее, — Раиса ощутила внезапный покой и заснула. Это приходила сестра моего деда, ставшая в двадцать лет монахиней, говорила бабушка племяннице и внуку, она молится за нас в небесном монастыре. Только помогает не всем в нашей родне, а лишь тем, у кого чистая душа. Если в трагические или самые трудные дни увидишь призрак женщины в светлых одеждах, опасность минует, все будет хорошо.

Я люблю Жанну, сказал Леша, я жить без Жанны, мама, не смогу. Безумный поступок, совершенный ради любви, стал известным в их дворовых кругах, и местная слава, сделавшая Жанну роковой героиней, наполнила живой энергией пробуждающийся росток ее чувства и компенсировала нехватку у героя мелодрамы своей квартиры и денег. В конце концов юная продавщица ответила Леше согласием. Оказалось, Жанна из их же панельного дома. Раиса не раз видела ее мать, востроглазую брюнетку, водившую машину с инвалидным значком. Инвалидом оказался муж востроглазой, отчим невесты. И вот что я тебе скажу, заканчивая рассказ о внучатом племяннике, подводила итог бабушка: Леша счастлив с этой Жанной. К учебе он не тяготел, звезд с неба не хватает, но ему от рождения дано самое ценное — сердце, способное на большую любовь.

Дочка Лешки и Жанны родилась на полгода раньше Лизки, а Георгия, ставшего дедом, вскоре настиг инсульт: он узнал о внезапной гибели начальника своего цеха — тот застрелился из охотничьего ружья. Седая паутина вернулась к Гохе и снова сковала его тело. Он выжил, но по речи и поведению стал трехлетним ребенком, да еще с неработающей правой рукой, которую держал согнутой у груди, точно лапку тушканчика. Платили Гохе мизерную пенсию. Раиса теперь преданно ухаживала и за малышкой внучкой, и за неразумным мужем. Видно, мне так на роду написано, иногда думала она, сначала сестра Таня, а теперь беспомощный Гоха... Когда пришедший навестить Георгия один из старых его приятелей рассказал, что НПО развалили, цех переоборудовали в казино, а на месте научного отдела выросли три какие-то смутные фирмы, по всему видно, поганки-однодневки, Гоха зарыдал. Значит, понял, подумала Раиса, уже оплакавшая втайне от больного мужа свое родное, работавшее на космос НПО, погубленное новыми хозяевами. Десять лет ухаживала Раиса за мужем, пока не умер он от второго инсульта. А когда умер, пришла теща Леши и, вкрадчиво улыбаясь, предложила Раисе переехать к ней, а молодую семью — Лешку, Жанку и девочку, названную Жанной иностранным именем Анжелика в честь поп-певицы, на которую Жанна, как считали дворовые подружки, была чем-то похожа, — пересе-

лить в Раисину двушку. Пусть они живут отдельно своей семьей, а ты с нами, мы с мужем в одной комнате, ты в другой, холодильника у нас два, но подушку и простыни возьми свои, приказала она и ушла, не посчитав нужным вникать, согласна ли Раиса с ее решением.

Вечером зашел Леша и удивился, увидев, как складывает Раиса свою одежду в чемодан. Ты куда собираешься, мам? Узнав о предложении, он рассвирепел и, перевернув чемодан, выкинул все вещи на пол. Ты почему такая? — сказал, успокоившись и обняв ее за плечи. Какая? Слушаешь эту... Живи, мам, как жила, а будет скучно, Анжелка прибежит к тебе, иногда может у тебя и переночевать. Она с учебой барахтается, подтяни ей математику, иначе потом в девятый класс ее не возьмут, ты ведь у нас в этом деле мастак, а репетитор, знаешь, сколько сейчас берет, жесть!

Раиса математику внучке подтянула, потом сама ее готовила к ЕГЭ, пришлось заниматься с внучкой и русским языком: нечитающая Анжелика грамотностью не отличалась. Леша с детства книги любил, но Жанна, предпочитающая проводить свободное время с пивком и домашним кинотеатром, намеренно отвадила дочь от чтения, считая, что ребенка нужно учить думать о деньгах, а не приучать витать в придуманных облаках. Лешка как муж и отец ни в чем не мог жене перечить, лишь однажды пожаловался матери: «Скучно мне с Жанкой, она книги у меня из рук вырывает и, когда меня дома нет, выбрасывает». Раиса вспомнила ту страшную свою ночь — ночь без сна. Но ничего сыну не сказала.

Анжелика поступила на экономический факультет в университет, правда, для бюджетного места баллов ей не хватило, и отец стал за учебу платить: к этому времени его спаянная бригада уже не только ремонтировала, но и строила загородные дома. Жанна научилась водить машину, получила права и сама возила мужа «на объекты», присматриваясь к жизни богатых и стараясь потом многое из подмеченного копировать в их панельном мирке. Большинство из обладателей тугих кошельков тяжело расставалось с деньгами, лишь некоторые, наоборот, намеренно демонстрировали, что любая трата для них пустяки. Один из таких хвастунов, владелец казино, заказавший постройку огромного замка, усмехнувшись, открыл портфель, полный бумажными купюрами, и сказал: бери, сколько возьмешь. Пораженный Лешка рассказал об этом матери. Так, может, его казино то самое, воскликнула она, которое на месте цеха, где твой отец слесарем работал. Новая жизнь мучила Раису своей несправедливостью и тяжелила вопросом: почему шикуют получившие ни за что ни про что заводы и земные богатства и так трудно живет обманутый народ, который по закону должнен быть хозяином страны и всех недр, а на деле опущен ниже плинтуса. Тысячи обедневших, выброшенных людей за эти годы умерло... Не выдерживало зрение Раисы искаженной картины времени, становилось все слабее, и в одиночестве чаще и чаще вспоминала она своих умерших: тихо плакала о Тане, о муже Георгии, о тете — сестре отца, — и, налив себе рюмочку молдавского вина, выпив, шепотом произносила: «За упокой». Воспитанная в атеизме, хоть и верила она в какую-то неземную жизнь, откуда однажды пришла к ней женщина в светлых одеждах, но в церковь не ходила. И поражалась, что в православный храм зачастила бойкая теща Леши. Не удивляйся, мам, объяснял сын, — к ним постепенно вернулась доверительная откровенность, дарившая Раисе минуты счастья. Даже про героическую гибель своего деда отыскал Леша по просьбе матери несколько строк в Интернете — сохранившийся рассказ выжившего узника. Грехи свои теща отмаливает, наша православня вера добрая, всех за грехи прощает, вот она о прощении в церкви и просит, потому что сильно боится наказания. Покупателей, работая в торговле, обвешивала и обсчитывала, мужьям изменяла, двоих схоронила, за взятку инвалидность третьему оформила, чтобы меньше за квартиру пла-

тить, правда, он мужик нормальный, отзывчивый, теща им крутит и вертит, а бедную Жанку она вообще до пятнадцати лет держала в деревне у злющей бабки, оттого Жанка такая взвинченная. Мы не только за квартиру платим, еду на всех тоже мы покупаем.

Везде теперь обман, везде ловкачи, печалилась Раиса, как-то Анжелочка к такой жизни приспособится, не станет ли дурному подражать... Вот Лизе повезло, у нее есть хороший пример — отец. Честный человек, талантливый художник.

Племянник приехал и предложил:

— Тетя Рая, напишу твой портрет.

— Что ты, — отмахнулась она, — не надо, ты глянь, какой я стала: с одного глаза, который хоть как-то видел, сняли катаракту, а все равно зрение нечеткое, сказали, не только глаукома, еще и маскулярная дистрофия, да лучше бы и совсем не видел: волос осталось всего ничего, и те седые, а морщины по всему лицу, точно следы от колес. Лучше возьми фотографию твоего двоюродного деда, моего отца, и напиши его портрет.

Он взял фотографию, сделал набросок... Но не успел.

Дождь кончился поздним вечером. Врач Даниил Игоревич Семин вышел из своего «кадиллака», поскользнулся на мокром асфальте и, на ходу доставая мобильный, чтобы получить от супруги указания, какие купить продукты, поспешил в «Азбуку вкуса». Когда с плотно набитыми пакетами он вернулся к месту своей парковки, рядом с «кадиллаком» стоял черный джип. Из него выскочил лобастый мужик.

— Не узнаешь? — спросил Семина.

— Не...

— Был я сегодня утром у тебя в кабинете! Так ты, значит, указание выполняешь не сильно усердствовать при лечении стариков, они для вас, сволочей, балласт?

Лобастый рукой в перчатке вмазал Семину по лицу. Семин качнулся и упал. Лобастый сморщился, плюнул на траву возле ботинка лежащего и уехал.

СВЕТЯЩИЕСЯ ФОНАРИКИ
Три рассказа

Шкаф

Так получилось, что Даша видела только ногу своей рано умершей тети Тамары, считавшейся в кругах родни красавицей. Да и то не всю ногу, а часть: от колена до туфельки на тонком каблучке.

Когда племянница по телефону сообщила о своем приезде, бабушка тут же позвонила Дашиной маме на работу и сказала: может, и не приедет, она же врушка, ты же знаешь, всю жизнь обманывает своего мужа, что блондинка, а волосы красит с шестнадцати лет. И Даша подумала, что тетя Тамара не самая настоящая красавица, каких можно увидеть в кино, и не очень хорошая, ведь врать — это плохо. И вообще, Дашина мама красивей, ведь у нее свои золотые волосы. Муж Тамарки — теперь в их закрытом городе главный инженер, добавила бабушка, не то что твой. Правда, говорят, у них там радиация.

«Твой» означало Дашиного папу. Папа жил не с ними, а со второй Дашиной бабушкой, откровенно объяснившей отказ видеть внучку нежеланием к ней привыкать. Мама называла ту бабушку Снежной Королевой, а папу Каем. Даша уже по книжке

и по мультику знала сказку про осколок зеркала — и представляла себя то отважной девочкой Гердой, которая обязательно вернет Кая из ледяного плена, то маленькой разбойницей, казавшейся ей иногда тоже привлекательной. Ведь у нее были свои олени и она не была жадной.

Через час бабушка уже открывала дверь. Голос тети Тамары показался Даше ненастоящим. И Даша побежала в свою комнату и спряталась в шкаф.

Даша всегда пряталась, если ей кто-то казался ненастоящим. А если спрятаться было некуда, пряталась в себя. Когда бабушка привела ее в телестудию, чтобы внучка прочитала стихотворение на детском празднике, который покажут зрителям, Дашу обступили болтающие женщины — и они все показались ей ненастоящими. Она спряталась в себя и размышляла: может быть, эти яркие тети — большие бабочки и только притворяются людьми. Они порхали вокруг нее и уговаривали прочесть стихотворение. Даша хмуро смотрела на говорливых бабочек исподлобья и молчала. Какая бука ваша девочка, смеясь, сказала одна из них, взмахнув разноцветными крыльями кофты, совсем на вас не похожа. Бабушка раньше работала на телевидении — и ее там знали.

— Да, — бабушка вздохнула и укоризненно поглядела на внучку, — она упрямая, если замолчит, то на полдня.

В детскую передачу Дашу не взяли. Бабушка немного ее побранила по дороге домой, а потом зашла вместе с ней в магазин и купила альбом для рисования, потому что Даша больше всего на свете любила рисовать.

И в альбоме в тот же вечер появился потрет мамы. У мамы были косички, точно у девочки. Она получилась очень высокой, выше столбов, рядом с которыми плыли облака. Вместо самолета Даша нарисовала летящего папу. Бабушка иногда называла маму своей глупой девочкой, а папу витающим в облаках. Даша так все и нарисовала. А когда мама надевала туфли на очень высоких каблуках, чтобы пойти с дядей Мишей в театр или на концерт, мамино лицо от Даши убегало куда-то ввысь, приходилось задирать голову, чтобы уловить в глазах мамы ответный блик улыбки. Пугающее непонятное слово «радиация» почему-то связалось у Даши не с далеким городом тети Тамары, а с дядей Мишей.

Мама, посмотрев рисунок, сказала бабушке:

— А ведь для четырех лет очень хорошо! Я себя узнала.

— А почему город тети Тамары закрыт? — спросила Даша у бабушки. — У него ведь нет дверей.

— Дверей нет, — сказала бабушка, — но войти в него нельзя.

— Почему?

— Там есть секретный завод.

Дашу этот ответ устроил. Конечно, если есть секрет, то он должен быть спрятан, как мама прячет в шкатулку с ключиком письма от дяди Миши-радиации.

— Ваша Дашка где? — кричала тетя Тамара своим ненастоящим голосом. — Я же ее ни разу не видела!

Да, так получилось, что в прошлый приезд она не застала ни Дашу, ни бабушку: они жили летом на даче. А до этого тетя Тамара вообще не приезжала, то есть приезжала, когда Даши еще не было. Представить, что ее не было, Даша совершенно не могла. Она любила смотреть альбомы, которые стояли и лежали у них на книжных полках, и ей казалось, что она узнает на фотографиях какие-то места, где жила раньше. Както она попробовала сказать о своих узнаваниях маме.

— А я жила вот в этом доме, — на фото чернел большой деревянный дом, недалеко сверкали на солнце купола собора. — У нас было две собаки, они нас охраняли, а еще мне нравилось, как звонит колокол.

— Вот выдумщица,— улыбнулась мама. — Это город Псков. Ты ничего не можешь о нем знать.

В другой раз Даша снова попробовала заговорить о том, что ей помнилось.

— А я здесь была, — она ткнула пальчиком в снимок, — этот дяденька в круглых очках уронил мне на ногу тяжелую книгу, мне было немного больно, мы с ним поссорились, но потом помирились.

— Даша! Мне ты можешь рассказывать все, что захочешь, любые свои фантазии, — сказала мама строго, — но только мне. Этот дяденька на снимке Гарвардской библиотеки жил много лет назад, это очень далеко, в Америке.

— Но я его помню, — сказала Даша и заплакала. Ей не понравилось слово «фантазии», оно напомнило ей сердитого фазана, расхаживавшего в клетке зоопарка.

Услышавшая плач бабушка прибежала из кухни, посадила к себе Дашу на колени, обняла.

— Зачем ты с ней так сурово, — шепнула маме укоризненно, — ребенок должен быть выдумщиком. Иначе вырастет сухарем.

В сухарь Даше превращаться не хотелось — и она заплакала еще сильнее, уткнувшись в большую теплую бабушкину грудь.

— Мне хватило одного выдумщика, ее отца, — сказала мама. — Уверена, он бы назвал ее фантазии воспоминаниями о прежних жизнях. Читает всякую ерунду, а денег кот наплакал. Не то что муж Тамары — настоящая опора семьи.

Даша сквозь слезы улыбнулась: ей представился плачущий кот в сапогах. Наверное, он раскаялся а том, что всех обманывал. Значит, Дашу обманывать не будет — они станут вместе жить дружно, долго и счастливо. Даша слезла с колен бабушки и пошла рисовать кота.

— У Тамары, в отличие от тебя, — донеслись до нее слова бабушки, — женского ума вагон и маленькая тележка.

Нога тети Тамары была в прозрачном бежевом чулке, очень стройная, ровная. Даша, разглядывая ее в щель между дверцей шкафа и его стенкой, решила, что хотя мама все равно всех лучше, но тетя Тамара, имея такую ногу, конечно, не может не быть красавицей даже с крашеными волосами. Она стояла у шкафа и уговаривала Дашу своим ненастоящим голосом:

— Ну выходи, Дашунька, я хочу на тебя посмотреть!

Даша упорно молчала и размышляла о вагоне и маленькой тележке, в которых тетя Тамара возила свой женский ум. Конечно, это только так говорится, Даша уже понимала, что взрослые часто произносят неправильные слова. Но представлять было интересно: к большому зеленому вагону Даша приделала в воображении тележку, а в нее поместила сердитого фазана. Фазан смотрел на Дашу испуганно, он явно боялся путешествия в открытой тележке по железной дороге. Даша и сама бы, наверное, испугалась. Пожалев фазана, она вернула его в клетку зоопарка, задумавшись, чем бы заполнить образовавшуюся пустоту. А если тележка не пустая, если в ней прячется под шапкой-невидимкой ум тети Тамары? Уму не хватило целого вагона, и он, как тесто, заполнил еще тележку и толкал фазана в пернатый бок. Может быть, фазан испугался совсем не путешествия, а его?

— Тамара, — послышался голос бабушки, — оставь ее в покое. Пусть сидит в шкафу, если ей там нравится.

И взрослые о Даше забыли. Запахло чем-то ванильно-шоколадным, чуть позже сладость сменилась горьким дымком: это бабушка закурила. Потом пришла с работы мама, а тетя Тамара уехала.

Даша вылезла из шкафа, попрыгала на паласе, потому что у нее от долгого сидения в шкафу затекли ноги, и вдруг опечалилась. Ей стало почему-то очень грустно, что она так и не увидела красивую тетю Тамару.

Сбежавший

Справа от двери в класс была еще одна дверь — в стенной шкаф, высокий, сквозной, состоящий из основной части, где стояли какие-то коробки, и верхней, отделенной от большого углубления только узкой перекладиной. Верхние створки открывались наружу, и когда спрятавшийся в шкаф Тимка высунул из них на уроке истории свою длинноносую голову, по-птичьи покрутил шеей, выкатил круглые глаза и трижды прокричал «ку-ку» — их пятый класс просто сотрясло от смеха.

Даша тоже сначала засмеялась, но, увидев, как пунцово-красный учитель истории пытается под гогот детей стащить вниз Тимку, смеяться перестала. Ей стало жалко толстоватого Игоря Петровича. Он преподавал у них всего месяц и так интересно рассказывал о Древней Греции, так вдохновенно читал отрывки из «Илиады», что Даша просто влюбилась в Гомера. Она решила, что Гомер участвовал в сражениях и, будучи ранен, потерял на поле боя зрение. На одном из уроков истории она даже сочинила две длинные строки — свой эпилог к его поэме.

Тимка был коротышкой, на физре стоял среди самых последних; коротконогий, но с мускулистыми руками, он легко, точно родился в джунглях, взбирался по канату до потолка, заставляя длинных щуплых одноклассников ему завидовать. Игорь Петрович продолжал дергать его за болтающие ноги, пытаясь стащить вниз, но Тимка держался за перекладину крепко. Класс хохотал, кое-кто в приступе смеха бился головой о парту, а Тимка, несмотря на усилия учителя, умудрялся с перерывами продолжать кукукать, что усиливало шквал веселья. Полноватая фигура Игоря Перовича вдруг точно осела, он отпустил ноги Тимки и выбежал из класса.

Даша так остро ощутила отчаяние учителя, точно сама была им.

Через день снова был урок истории. Но пришел вести его не Игорь Петрович, а явилась, стуча каблуками, завуч Аглая Викторовна — она преподавала у старшеклассников. Тимка попробовал было повторить успех представления — опять заранее спрятался в шкаф и во время объяснения нового материала, открыв створки, бодро прокуковал. Класс только успел захихикать и подать пару веселых реплик, как Аглая Викторовна произнесла зло, заставив всех тревожно замолкнуть: «Кукуй, кукушечка, накукуешь себе короткую жизнь!»

На перемене Даша догнала в коридоре Аглаю Викторовну и спросила про Игоря Петровича. Он уволился, сказала та равнодушно, сбежал от вас, не все могут работать в школе. А тебе что до него?

Даша никогда не смогла бы объяснить, что вместе с ним исчезло море, унося с собой белые паруса кораблей. Ей стало так грустно, что вечером на странице ее дневника, который она только с приходом Игоря Петровича и начала вести, появился вопрос: зачем люди живут?

Через неделю исчез Тимка, говорили, что у него нашли «страшную болезнь», какую — никто не знал. Даша рассказала бабушке о злых словах учительницы, и та, покачав головой, подтвердила Дашины размышления: завуч поступила плохо. Очень плохо.

— Дети внушаемые, и от недоброго слова с ними может случиться беда.

— Так Тимка от этого заболел? — спросила Даша.

— Трудно сказать, — бабушка хотела быть объективной, — точно не зная, что с ним, нельзя винить Аглаю Викторовну.

Но гораздо страшнее Тимкиной болезни оказались несколько строк в местной «Вечерке» — газету выписывала бабушка. Даша, конечно, взрослых скучных газет не читала, а тут, вынимая из почтового ящика, зачем-то в нее заглянула. И обнаружила среди новостей на последней странице, где обычно писали о кражах и других детективных историях в стиле Шерлока Холмса — Даша видела о нем фильм, — короткую информацию: погиб некто И. П. Андронов, по неподтвержденной информации, он покончил с собой, начато расследование.

У Даши от волнения так сильно забилось сердце, что она остановилась на лестнице, не в силах подниматься к своей квартире: совпадали только инициалы, она не знала фамилии Игоря Петровича, отчего же возникла пугающая мысль: Андронов — это он?

Очень застенчивая, Даша почему-то совершенно не боялась учителей. Возможно, вселяли в нее уверенность способности к учебе: по математике был с ней на равных только кудрявый Левка, такой же низенький, как Тимка. Левку с семи лет репетиторы готовили в профессора, о чем он сам говорил с гордостью. Его умная семья дружно создавала цельный, объемный образ Левкиного будущего. А Дашин родительский дом давно разбился, и только в бабушкином осколке с трудом она могла различить туманный намек на собственное далекое отражение. Левкина мама, фанатично любящая сына, иногда приглашала Дашу к ним домой. Она симпатизировала девочке, самой начитанной в классе. Даша и на унылых уроках успевала читать посторонние книжки, пряча их на коленях под партой, а домашние задания, даже по алгебре и геометрии, выполняла обычно на большой перемене. Никто из взрослых ее учебу не контролировал. Ее вторая бабушка, мать отца, отказавшаяся общаться с внучкой из-за развода родителей, была преподавателем математики — наверное, Даша унаследовала ее способности, абсолютно не планируя связать с точными науками будущее. Она мечтала стать художницей — и все последние страницы ее тетрадей были теперь заполнены изображениями гомеровских кораблей под парусами.

— А как фамилия Игоря Петровича? — спросила она завуча, увидев ее в коридоре.

— Он что, кинозвезда, чтобы я помнила его фамилию?! — заорала Аглая Викторовна, приостановившись. — И вообще, какое тебе дело до него?! Я же, по-моему, русским языком объяснила: он больше в нашу школу не вернется!

Вечером Даша смотрела на голый тополь за своим окном, очерченный сумеречным светом, на присевшего на ветку и тут же вспорхнувшего с нее воробья, скорее угаданного взглядом, чем увиденного — уже темнело. Если Игорь Петрович жив, думала она, его можно случайно встретить на улице. Их школа центральная, вероятно, он должен жить где-то рядом. А если его дом не здесь и приезжал он в школу из дальнего района? Тогда в центр города он обязательно наведается, как делают все жители окраины, где нет хороших магазинов. Даша решила чаще заглядывать в центральный книжный, в котором имелся отдел истории: сюда-то Игорь Петрович непременно придет!

Но прошла зима, потом весна — а Игоря Петровича Даша так и не встретила. Ее уже узнавали продавцы: они смотрели на девочку, иногда покупавшую серьезные книги по истории, с уважением. Даша часто сама ходила за продуктами, а сдачу от вверенной ей суммы оставляла с согласия бабушки себе в качестве вознаграждения за неприятный труд. Этих денег хватало на покупку одной книги в месяц.

Игорь Петрович не растворился в ее памяти, как случается часто с людьми, мелькнувшими и вскоре исчезнувшими. Она помнила его вдохновенное чтение «Илиады», помнила его осевшую, точно сугроб, полноватую спину — и ее снова пронизывала жалость к сбежавшему учителю. Виновник побега Тимка болел очень долго. Вер-

нулся в школу уже перед летними каникулами такой бледный, что Даша, увидев его, вспомнила рассказы о привидениях. Для их класса он и стал призраком: из-за пропусков его оставили на второй год.

Всю зиму бабушка откладывала деньги из своей пенсии, чтобы свозить Дашу летом на море. Иногда, забыв, что рядом внучка, которая еще для семейных разборок мала, она ругала дочь: покупаешь с каждой зарплаты себе что-то модное — то платье, то костюм, то красивые дорогие туфли, о ребенке не думаешь, а твой бывший муженек... Тут бабушка вспоминала, увидев печальные глаза Даши, что ругать родителей в присутствии ребенка непедагогично, и замолкала.

Перед отъездом на море Даша еще раз решила зайти в книжный. К остановке транспорта, недалекой от здания магазина, подполз усач-троллейбус. Ожидавшие его дружно к нему шагнули — и в одном из шагнувших она внезапно узнала Игоря Петровича. Значит, жив! Или... Или ей показалось, что в троллейбус садился он? Уверенности у Даши не было, но чувство радости от узнавания перекрывало сомнения.

Первое, что увидела Даша, когда они с бабушкой пришли к морю, был взлетевший над легкой волной белый парус. Бабушка привела Дашу в бухту, где отдыхали только две-три пары, каждая на приличном расстоянии от другой. Курортники ленивы, сказала бабушка, идти по жаре куда-то им не хочется, потому они все на главном пляже, а мы с тобой будем купаться здесь.

Парус скользил — и огромное водное пространство, слившееся с небом, на котором неподвижно белело маленькое облако, похожее на лошадь, и застывшие, словно прошедшие века, камни, окружившие бухту, все это поразило Дашу: ей почудилось, что она попала во времена Гомера. Всплыли в памяти две строки, сочиненные на уроке истории:

> Вот битва кончилась, и я остался жив, чтоб рассказать об этом
> Всем поколениям отважных греков.

Светящиеся фонарики

Лидия Михайловна преподавала математику. Даже самые отъявленные лодыри и ненавидящие алгебру и геометрию гуманитарии, не отрываясь, смотрели на доску, заслушиваясь ее объяснений, точных и одновременно образных, превращавших математику в нечто завораживающее, почти волшебное. Самые хулиганистые не болтали и не озорничали на ее уроках. А ведь Лидия Михайловна никогда не повышала голоса, казалась тихой и почти домашней, совсем нестрогой. Если ученики радовали ее сообразительностью, она говорила: вижу, как фонарики в ваших головах светятся, да так красиво светятся, просто загляденье. Даше иногда казалось, она тоже видит светящие фонарики. А, если кто-то из учеников не мог ответить, потому что не выполнил домашнего задания и не усвоил материал, Лидия Михайловна говорила грустно: как мне жаль твой фонарик, он сегодня совсем темный, ты совсем о нем забыл. Даша чувствовала: Лидия Михайловна — талантливый педагог и очень хороший человек. Дашина бабушка, побывав единственный раз за весь год на родительском собрании, где Лидия Михайловна рассказывала о каждом семикласснике его родителю, назвала ее учителем от Бога. У Лидии Михайловны не было любимчиков. Она ко всем относилась ровно и доброжелательно. Но Даша интуитивно угадывала — ее учительница выделяет: часто, когда кто-то не справлялся с заданием у доски, просила: Даша, помоги, пожалуйста.

Иногда Лидия Михайловна болела, и Даша замечала, что исчезает Лидия Михайловна, а значит, заболевает после каких-то больших огорчений, к примеру, плохих результатов контрольной по алгебре или наглой реплики кого-то из нахальных, заносчивых учеников, брошенной на перемене в ответ на ее мягкое замечание. В Дашином «А» классе собрались дети городского начальства: к учителям некоторые из них не относились с уважением. Но большинство учеников Лидию Михайловну любило. Если математика была последним уроком, многие оставались, чтобы поговорить с ней обо всем, даже о смысле жизни.

И вот сегодня, увидев толпу в вестибюле школы и венки с черными лентами, Даша узнала, что преподаватели и несколько старшеклассников направляются на похороны Лидии Михайловны, которой не было в школе только три недели. Потрясенная, Даша стояла и смотрела на портрет в черной рамке. Известие пронзило ее, в сознании внезапно прозвучало: это она, Даша, виновата в смерти Лидии Михайловны. Это она возвела в необратимую степень теплящуюся болезнь пожилой учительницы. Да, как раз три недели назад это и произошло.

Даша шла домой и мысленно казнила себя. Вспоминала, как на даче, куда ее отправили с детским садом, не стала говорить милой воспитательнице, что догадывается: кладет под подушку конфетку, пока Даша спит, сама воспитательница, а не прилетавший на вертолете волшебник. Даше в то лето было всего четыре с половиной года, но она понимала: взрослая девушка огорчится, если узнает, что в ее сказку ребенок не верит. Значит, тогда я была хорошей, горестно думала Даша сейчас. А стала плохой, высокомерной, бессердечной. Не пожалела Лидию Михайловну и так резко ей ответила, что учительница побледнела. Слова ударили по ее болезни — недуг сразу возрос в геометрической прогрессии — Лидия Михайловна умерла. У нее была нежная, чувствительная душа. Была? Или душа вечна? Бабушка порой говорит грустно: когда я уйду из этого мира, Дашенька, моя душа будет прилетать к тебе и помогать в трудные минуты, которые, к сожалению, случаются у всех. Я не заслуживаю любви даже моей бабушки, решила Даша, я стала плохой, жестокой.

Тогда математика была последним уроком, и несколько учеников остались, чтобы поговорить с мудрой учительницей. Осталась и Даша. Кто-то первым спросил:

— Лидия Михайловна, как вы думаете, кем я стану, когда вырасту?

— Я думаю, ты станешь инженером. Ты же любишь технику.

В интересный разговор включились все.

— А я?

— Возможно, Андрюша, военным, как твой папа.

— А я?

— Ты , Лиза, я помню, мечтаешь стать врачом — и станешь.

— А я?

— Ты, Миша, мне кажется, вслед за своим папой-депутатом займешься политикой.

— А я? — спросила Даша, подойдя к учительскому столу.

Лидии Михайловна улыбнулась и сказала:

— А тебя, Дашенька, я вижу учителем математики.

— Нет! — выкрикнула Даша. — Я ни за что не буду учителем! — и, схватив рюкзак, она выскочила из класса, успев заметить, какой неестественной белизной покрылось лицо Лидии Михайловны.

Я ведь хочу стать художницей, думала Даша, пытаясь найти себе оправдание. Дома она, не переодеваясь, упала на тахту и уткнулась лицом в старую диванную подушку. Неужели не знала Лидия Михайловна, что я рисую? Не заглядывала на последние

страницы моих тетрадок? Там всегда рисунки. Учителя иногда сердятся, если их находят. К тому же моя вторая бабушка, папина мама, отказалась меня видеть, поэтому я совсем ее не знаю, а ведь она преподаватель математики... Но ни рисунки, Лидией Михайловной не замеченные, ни равнодушная к Даше бабушка-математик не служили оправданием жесткого ответа, брошенного в ответ на ласковые слова.

Даша ощутила, что задыхается. Она села на тахте, откинула с лица повлажневшие волосы, вытерла ладонью мокрые щеки, потерла виски. Любила ли ее Лидия Михайловна больше других учеников? Выделяла — да, но любила она всех. Каждому доставалась частичка света для его маленького фонарика. Наверное, Даша напоминала ей саму себя в школьные годы — и поэтому она увидела ее учителем математики. И вот — Лидии Михайловны нет.

О своей вине Даша не сказала никому, даже бабушке.

Лидию Михайловну заменила другая учительница, постоянно хвалившая Дашу. Но если раньше самые сложные задания Дашу увлекали, как интересная игра, теперь она получала верный результат автоматически, предпочитая на уроках математики читать книгу, положив ее себе на колени под партой. Иногда, глянув на преподавательницу, она думала, что та вполне неплохая, не кричит, объясняет ровным голосом, иногда шутит, только вот фонарики в классе теперь никогда светиться не будут.

Слава СЕРГЕЕВ

ЧТЕНИЕ И ЧУВСТВА

Страницы романа

ВВЕДЕНИЕ

1.

Ширли — симпатичная девочка-бармен в Нетании, небольшом приморском городке к северу от Тель-Авива. Белые крашеные волосы, прямой нос, серые глаза, в ней трудно узнать еврейку. Когда мы зашли во второй раз, выяснилось, что она тоже «русская». Здесь так называют всех приехавших из бывшего СССР, а в Нетании их много — никто не разбирается, откуда ты конкретно — из СССР, значит, русский. Ширли родилась уже в Израиле, но ее мама и папа из Киргизии — раньше город назывался Фрунзе, теперь Бишкек. Родители евреи, папа наполовину киргиз, поженились в 1985-м и в самом конце 1980-х годов уехали сюда, а через пару лет их бывшая родина развалилась.

Разговор идет на смеси русского и английского, когда Ширли не хватает русских слов.

— Бывали в Бишкеке?

Я качаю головой:

— Нет.

— А вы откуда?

— Москва.

Ширли кивает головой:

— Понятно. Тут много москвичей.

— Как вам тут живется? — после небольшой паузы спрашиваю я.

— Хорошо, — без колебаний отвечает Ширли. — Хорошо. Мне тут нравится. Я уже и в армии отслужила.

Мы сидим у стойки, у кранов с пивом. Carlsberg, Heineken, Guinness... Похоже на циферблаты каких-то приборов. Приборы показывают, где вы, не хуже навигатора — это ваша цивилизация, в общем, ваша или близкая вам культура, каких-нибудь километров сто пятьдесят-двести на восток, на Территории[1] или в Иорданию — и ничего этого не будет или будет только в отелях для иностранцев и под охраной полиции. Играет музы-

Слава Сергеев — писатель и журналист. Родился в 1965 году. По первому образованию геолог. Учился в Литературном институте имени А. М. Горького на отделении прозы. Печатался в изданиях «Дружба народов», «Континент», «Независимая газета», «Новое литературное обозрение», «Знамя», «Новое время» и других. На данный момент автор пяти книг прозы на русском языке. Участник лонг-листа премии «Национальный бестселлер» (2007 и 2011) и шорт-листа премии им. Довлатова «Заповедник» (2015). Автор серии интервью с выдающимися деятелями культуры и серии статей на темы истории литературы. Проза переведена на итальянский и испанский языки. Живет в Иерусалиме.

[1] Так в Израиле называют Палестинскую автономию. — Здесь и далее примечания автора.

ка, песни в основном на иврите, но встречаются и английские. Улыбнувшись нам, Ширли вдруг ставит Земфиру[2]. «Расскажи мне про Австралию, мне это очень интересно...»

Русские слова звучат немного странно в этих местах, но из больших окон бара через улицу видны невысокие беленые дома в семь-восемь этажей, балконы, увитые виноградом, открытые окна, вывески на иврите, ярко-синее южное небо, вечнозеленые деревья, за окном — плюс двадцать два, несмотря на март. Не Австралия, конечно, но точно не Россия. В баре народу мало — будний день. Кроме нас, с другой стороны стойки двое молодых мужчин, один — небольшого роста лысеющий брюнет, второй — плечистый высокий парень с длинными волосами, они трогательно держатся за руки и тянут свое пиво; за столиком у окна седоватый мужик в джинсовой рубашке говорит по телефону по-французски, его молодая подруга тонким пальчиком с ярким маникюром листает смартфон.

На кухне за бамбуковой занавеской моет посуду девушка-эфиопка с двумя десятками косичек-дредов. И мы. Вот и все посетители. Впрочем, через пару часов, когда наступит вечер, народ подтянется, место в городе популярное.

— Сорри, — спрашиваю я Ширли, дождавшись, когда она подойдет поближе, — а вы не знаете случайно, как добраться до города Назарета?

Случайно, но Ширли знает. Я не понимаю, как это работает, математик что-то объяснил бы через теорию вероятности, но в путешествии, если вам куда-то надо, обязательно попадется человек, который подскажет дорогу. Язык до Киева доведет. В Назарете, точнее, в израильском городке Нацрет-Иллит, там это рядом, десять минут на автобусе, жила бабушка Ширли. Она часто ездила к ней и, конечно, иногда спускалась в Назарет — место-то знаменитое, хотя город в основном арабский.

— А это не опасно? — спрашиваю я.

— Нет, — Ширли немного удивленно качает головой. — Там очень много туристов и, следовательно, полиции. Кроме того, туристы — это деньги, это все понимают, и арабы, и евреи, поэтому обижать туристов нельзя... Вам надо доехать до Тель-Авива, отсюда автобусы каждые пятнадцать минут, — Ширли машет загорелой рукой в сторону большого шоссе, — а там с автостанции несколько раз в день идут автобусы в Назарет, надо посмотреть расписание в Интернете. Они часто ходят, а ехать часа два, через Иерихон...

— Через *что?* — переспрашиваю я.

— Через Иерихон, — невозмутимо повторяет Ширли.

Один из парней поворачивается в нашу сторону.

— Ты путаешь, — говорит он Ширли по-русски. — Не Иерихон, автобус идет через Мегидо. На русском — Армагеддон... — И он вежливо улыбается.

Парень тоже русский, его зовут Миша. Как выясняется чуть позднее, он из Ленинграда.

Они некоторое время спорят, потом побеждает точка зрения Миши, подкрепленная гуглом, Ширли ошибается: автобус идет через Мегидо.

— Ага, — киваю я, записывая маршрут на небольшом листочке, который дала мне Ширли. — Мегидо... Назарет...

Я чувствую, что немного обалдеваю от названий, но при этом — так здесь называются населенные пункты — что можно с этим сделать?

Жена просит меню и заказывает салат. Я заглядываю в меню, хочу что-то выбрать, но колеблюсь: на еду цены московские и выше, хотя Нетания — маленький город.

Ширли мельком смотрит на меня:

— Дорого? Говорят, Москва — тоже дорогой город. А у нас почти все привозное... — будто оправдываясь, говорит она.

«И оливки?» — скептически думаю я.

---

[2] Внесена Минюстом РФ в список иностранных агентов.

В бар входит пара, мужчина и женщина средних лет. Если бы не иврит, я бы решил, что это испанцы или итальянцы. Прямые спины, открытые лица, твердая походка. Я думаю, что здешние евреи не похожи на русских, и европейских, и даже на американских — они какие-то другие. Осанка, выражение лиц... Некоторое время, потягивая пиво, я размышляю, в чем отличие, и вдруг думаю, что отличие в том, что местные евреи — дома. Это их страна. Я даже усмехаюсь, так странно это звучит: евреи — дома... Но надо привыкнуть.

Пара делает заказ и садится за столиком на улице, у бара есть свой кусочек тротуара.

— А Христос бывал в этих местах? — вдруг спрашивает жена. Спрашивает громко и тогда, когда дверь за женщиной еще не закрылась. Женщина на слово «Христос» оглядывается, я улыбаюсь, но ответной улыбки не получаю. Я бы не назвал ее взгляд враждебным, он скорее холодно-удивленный. Впрочем, вся сцена длится не больше мгновения — дверь закрывается. Забавно, — думаю я... Ни Ширли, ни Миша и его друг на слова жены почти не реагируют.

Точнее, Ширли смотрит на нее с некоторым интересом и спрашивает у Миши:

— Ты не знаешь?

Миша пожимает плечами:

— Я не в теме, извините.

Его друг слышит знакомое слово, усмехается, переспрашивает по-английски:

— Jesus, here? No! Jesus lived in Jerusalem!

— Not only Jerusalem, — мягко говорит Миша тоже по-английски, — Jesus lived in very many places in Israel, dear.

— Where are you from? — спрашиваю я у второго парня. — Israel?

— Он датчанин, — говорит Миша по-русски. — Копенгаген... Мальчик Кай, Снежная королева... А вы что, христиане?

Я пожимаю плечами:

— Пока скорее сочувствующие.

— Из России?

Я киваю.

— Москва?

— Ну да.

— А я из Питера, — говорит Миша. Уточняет: — Был из Питера, из Ленинграда, то есть. А здесь с восьми лет, со второго класса. Родители привезли в начале девяностых... В этом городе вообще много русских... И эфиопов... — добавляет он.

— Вы остановились у родственников?

Несмотря на льющуюся воду, девочка с дредами мельком смотрит на нас.

— У знакомых.

— Сюда приезжает много русских паломников, — о чем-то мельком подумав, говорит Миша. — Но вы ведь не паломники?

Я делаю неопределенное движение рукой.

— Скорее, да, — говорит жена.

— Скорее, нет, — говорю я. — У нас что-то вроде студенческой практики. В России было много, как говорится, теоретических занятий, вот теперь приехали пощупать все своими руками.

— Понятно, — говорит Миша. Кивает: — Вы не похожи на паломников.

Некоторое время мы молчим.

— А вы иудей? — спрашиваю я. — Веруете?

Бывший ленинградец как будто удивляется моему вопросу.

— Я? — Он пожимает плечами. — Нет, наверное. Родители иногда ходят в синагогу, я — нет. Я никто, наверное, но я — не атеист. Я допускаю существование чего-то... *такого*... там, — он показывает наверх, — но я не уверен... Извините, — вдруг добавляет он.

Ширли смотрит на нас безо всякого интереса, я бы сказал, профессионально-индифферентным взглядом бармена. Мы были ей интересны, все-таки новые люди — когда я зашел сюда один первый раз несколько дней назад, я это почувствовал, но сейчас наш разговор идет совершенно мимо нее.

Миша ловит мой взгляд, улыбается.

— Ширли не верит в Бога, — говорит он.

— Откуда ты знаешь? — вдруг говорит Ширли. — Моя бабушка из Нацрет-Иллит была верующая, она ходила в синагогу, но при этом иногда спускалась в Назарет и молилась там святой Марии и Христу. Она считала, что они тоже были святые — может быть, потому, что она была из России. В доме висела икона, сейчас она у нас, на полке с книгами. Я иногда смотрю на нее... У Марии на иконе очень печальный взгляд. Кстати, приезжие из России часто ведут такие разговоры здесь, я не знаю почему.

— А ведь всуе, — говорю я.

— Что? — Миша не понимает.

— Напрасно, зря, — говорю я. — Это по-старославянски.

— Вы знаете старославянский? — Миша уважительно на меня смотрит.

— На уровне пользователя.

— Русские часто говорят здесь об Иисусе, а еще о Путине, — вдруг говорит Ширли.

— Это разные люди, — тихо замечает моя жена.

— Что? — Ширли не понимает.

— Потому что они богатые, — смеется Миша. — Когда человек должен зарабатывать на хлеб, он мало думает о Боге. О политике — иногда, о Боге редко.

— Но не хлебом единым, — ни к кому особенно не обращаясь, говорит моя жена.

— Что? — снова переспрашивает Ширли.

— Нет, ничего. Это я так, — говорит жена. — Тоже вспоминаю старославянский.

— Зато почти все арабы верующие, — вдруг говорит Ширли. — Будете в Назарете — увидите.

— Мусульмане? — спрашиваю я.

— Не только, — говорит Ширли. — И христиане тоже.

— Арабы-христиане? — удивляется жена. — Как это?

— А что такого? — невозмутимо отвечает Ширли. И добавляет сначала очень удивляющую меня, а потом заставляющую задуматься фразу: — Если христианами могут быть русские, то почему ими не могут быть арабы? Живут рядом... давно. Многие эфиопы тоже христиане, — добавляет она.

Она еще раз смотрит на нас из-за своей стойки.

Девушка с дредами приносит поднос с чистыми бокалами. Мельком бросает на нас взгляд, что-то говорит Ширли на иврите, по-моему, что-то про наши стаканы, показывая рукой на чистую посуду, потом уходит. Барменша берет чистое полотенце и начинает протирать бокалы. Ставит два чистых перед нами и продолжает. Медленно, основательно, со странной для молодой девушки неспешностью движений: правая рука совершает такие движения, будто Ширли переключает невидимый переключатель на советском телевизоре «Рекорд», я думаю, что, наверное, такой телевизор стоял в доме ее родителей в бывшем Фрунзе, левая рука один за другим подвешивает чистые бокалы над стойкой в Нетании, на берегу Средиземного моря, весной 2014 года.

Не очень маленький путь, согласитесь.

2.

Ночь, около трех, большое окно до пола, пустынная улица, цепочка фонарей. Я выхожу на балкон. Шестой этаж, внизу — дорога с яркой красно-белой разметкой, редко проезжают машины, разворачиваются на перекрестке в конце улицы, разъезжаются в разные стороны. То ли это южная ночь, то ли мне кажется, но картина за перилами балкона наполнена каким-то ожиданием. Я фотографировал ее несколько раз, пытаясь поймать это ожидание, но так и не смог. На фото обычный ночной перекресток, белые пятна фонарей, кусты... Может быть, я плохой фотограф. С балкона кажется, что этот перекресток и улица ждут кого-то, кто должен прийти, вот-вот придет, выйдет из ближайшего переулка... И еще это странное ощущение, будто ты находишься на страницах Библии. Все из-за тишины, мы живем в спальном районе — в суетливо-развлекательном центре города такого ощущения нет.

Мы живем в квартире наших знакомых, уехавших в Москву по делам. Квартира по русским меркам немаленькая: две спальни, большая, метров двадцать, кухня, переходящая в то, что в Америке называется ливинг-румом, и упомянутый большой балкон. Ребята оставили нам собаку — белого лабрадора, с которым надо гулять. Собака умная и ласковая, иногда она сидит со мной по ночам на балконе. Ограждение балкона — прозрачный пластик, собаке тоже видна улица, она кладет голову на лапы и смотрит на дорогу. Жена говорит, что она ждет хозяев, но мне кажется, что она просто так же, как и я, смотрит на ночную картинку. Иногда я тупо сижу перед телевизором, просто переключая каналы, смотрю израильские новости, иногда Би-би-си, иногда немного российскую «РТР-Планету», в основном телеканал «Культура». Хорошо, что дела знакомых совпали с нашим приездом сюда — по существу, мы привыкаем к стране из их дома, делая небольшие вылазки на пляж, в город, в бар Ширли, гуляем с собакой по ближайшим улицам, постепенно расширяя круги, выходим за покупками в торговый центр неподалеку.

В торговом центре русская продавщица спросила нас:

— Вы новые репатрианты?

Я удивился:

— Нет, с чего вы взяли?

Женщина улыбнулась, пожала плечами:

— Мы тоже так ходили сначала... боялись всего.

— Давно вы здесь? — спрашиваю я.

— Да... — она снова улыбнулась, — осенью будет пятнадцать лет.

— И как вам тут?

— Знаете, хорошо. И мне, и детям. Но мы с Украины, Донецкая область.

После небольшой паузы— уточню, на календаре середина апреля 2014 года — я говорю:

— Тогда да, конечно.

Продавщице лет тридцать пять-тридцать шесть, может быть, чуть больше, она симпатичная, хорошо выглядит, большая грудь оттягивает блузку. Произведя нехитрый подсчет, я понимаю, что она уехала году в 1998—1999-м.

— А вы откуда? — спрашивает продавщица, то ли не замечая нашего напряжения, то ли делая вид, что не видит его.

— Москва, — говорим мы хором.

— Я почему-то сразу так и подумала, — говорит она. — Ну вам-то что уезжать, в Москве хорошо.

— Чем? — спрашиваю я.

— Денег много, легко заработать.

— А еще чем?

— Знаете, когда вам не на что купить еду ребенку, это главное.

— Ну, например, нам не хватает мира... Войну вот у вас устроили. Извините, — зачем-то добавляю я, будто это я помогал повстанцам в Донецке.

— Не извиняйтесь, вы-то при чем? — разумно удивляется продавщица. — Потом не скажу за всю Украину, но в Донецке точно многие рады русским, я уверена.

Я пожимаю плечами, испытывая некоторую неловкость.

— Но это же сила, силой вроде нельзя, — говорит жена.

— Нельзя. Но некоторые по-другому не понимают... —спокойно говорит продавщица.— Здесь, в Израиле, на все это смотрят немного иначе, чем в Европе, так что вы не смущайтесь[3].

Я смотрю на нее, хочу возразить и снова замечаю прямую спину, спокойный и открытый взгляд, именно спокойный, без малейшей агрессии при разговоре о политике, увы, столь привычной нам дома. При этом израильская специфика: на входе в торговый центр толстый охранник довольно тщательно проверил наши сумки и попросил два раза пройти через рамку (в моем кармане зазвенели ключи) — то есть ей есть от чего напрячься, этой крашеной блондинке из Донецка, но она не напрягается.

Когда мы отходим достаточно далеко, я говорю о своих наблюдениях и мыслях жене.

— Может быть, дело в том, что она, прости за выражение, делегировала свою тревогу охраннику, и теперь он напрягается за нее, причем напрягается не просто так, в общем, без последствий, а за деньги и профессионально? — спрашивает жена.

Мы идем дальше по торговому центру, очень похожему на торговые центры в Москве, Питере, Белграде или Чикаго: все те же белые стены, тот же яркий свет, почти одни и те же названия торговых марок, хотя цены (в отличие от Белграда и Чикаго) опять «московские».

— В конце концов, она имеет право на мнение, — задумчиво говорит жена. — Наверное, когда они уезжали, в девяностые, там было совсем хреново. Помнишь, Инка, — она вспоминает нашу американскую знакомую, нищую украинскую медсестру, уехавшую из Мариуполя в США по рабочей визе в конце девяностых и сейчас живущую в собственном доме в Иллинойсе, — рассказывала. Работы никакой, кругом бандиты, зарплата в поликлинике, где она работала, — сто долларов в месяц гривнами. Живи как хочешь.

Я помню, соглашаюсь, вспоминаю большой дом медсестры, ее белый «крайслер».

За «новых репатриантов» в этот день нас принимают еще раз — в продуктовом отделе, где я пытаюсь узнать, как найти кефир, потому что — привет из Москвы — как там кириллица, так и здесь все надписи на продуктах на иврите. Дочь бывших бакинцев с гривой иссиня-черных волос и сильным кавказским акцентом, примерно ровесница Ширли, может, чуть моложе, спрашивает меня:

— Давно приехали?

Мы заученно отвечаем, что мы туристы. Потом я привычно спрашиваю:

— А вы?

Бывшая бакинка смеется:

— Давно, десять лет... А он, — она кивает на усатого седовласого мужчину в мясном отделе, периодически поглядывающего на нас, — уже почти двадцать. Это мой дядя, — поясняет она. — Он первый сюда перебрался, самый смелый, в 1995 году, а потом мы... А вы надолго сюда?

— Недели на три.

[3] Некоторые реплики носят документальный характер. Мнение автора может не совпадать с мнением персонажей. Напоминаем, на календаре романа — весна 2014 года.

— Наверное, потом в Иерусалим поедете? — спрашивает она.

— Да, — говорю я, — а почему вы решили?

— Не знаю, — она снова смеется. — Все русские так делают. — Она немного понижает голос, совсем немного, и спрашивает: — Вы христиане?

Я удивляюсь:

— Почему вы понижаете голос?

Она улыбается:

— Не знаю. Вас видно. Христиане ходят по-другому. Они все как будто немного шлимазл...[4] Потом, у родителей русские друзья. То есть из России... А голос понижаю потому, что здесь это не то чтобы не приветствуется, но все же не очень приветствуется.

— Не может быть!.. До сих пор?! — восклицаю я.

Она смущенно пожимает плечами.

— При этом они хорошо относятся к приезжим, ты заметил? — спрашивает жена, когда мы выходим. — Как к своим. Или мне показалось?..

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЛОТНИК ЮСУФ И ЕГО СЫНОВЬЯ

1.

Автобус в город, где Иисус Христос прожил первые тридцать лет своей жизни, отправляется от терминала № 59 большого тель-авивского автовокзала, на его предпоследнем, третьем этаже.

Все очень буднично. Сам терминал находится в дальнем углу здания, и нам пришлось переспрашивать на стойке информации, где круглоголовый смуглый мужчина в очках и кипе не глядя махнул рукой в сторону, куда нам идти; дверь на маленький перрон открыли перед самой посадкой.

Полупустой автобус, чем-то недовольный толстяк водитель проверил билеты, автобус постоял минут пять, пришел еще один пассажир, солдат в зеленой форме, с дорожной сумкой и поразившим нас маленьким железным автоматом, висевшим у него прямо за спиной, будто обычный зонтик.

Дверь медленно поехала вбок и закрылась, автобус дал задний ход, развернулся и покатил вниз, сначала по эстакаде, потом по узким, плохо освещенным улицам старого Тель-Авива, потом мимо небоскребов делового центра, повернул, выбрался на шоссе и прибавил ходу.

— Назарет — промежуточная остановка, конечная — это курорт Тверия, на Тивериадском озере, а вам куда надо? — спросила нас говорящая по-русски соседка.

— А нам туда и надо, в Назарет, — мы дружно закивали, немного вздрагивая при каждом произнесении этого названия.

— Понятно, — кивнула женщина.

— А через Армагеддон, то есть... через Мегиддо идет? — немного погодя спросила моя жена, рассматривая карту в телефоне.

— А отобус а зених насле Мегиддо? — крикнула женщина водителю.

— Кен нихнас, — коротко ответил водитель.

— Идет, — кивнула нам женщина. — А что вам там?

— Нет... ничего, — сказал я.

Подождал, пока женщина отвернется, и тихонько перекрестился.

Подняв глаза, я поймал в зеркале взгляд водителя. Взгляд, в общем, ничего не выражал, водитель просто посмотрел на меня и отвел глаза.

---

[4] Дословно — полное счастье (идиш). Ироническое определение, русский разговорный синоним — раздолбай, литературный синоним — Обломов.

— А ты знал, что сюда дошли монголы? — вдруг спросила жена, водя пальцем по экрану телефона.

— Как? Сюда тоже?!. — я искренне удивился. — Нет.

— Потерпели здесь поражение в тринадцатом веке. От кого, не пишут. Далеко забрались... Неужели от евреев? Маленький, но непобедимый народ?

— Наверное, от Салладина, — говорю я. — Тысяча двухсотые годы. Какие евреи в это время?.. Единицы... Тут были одни крестоносцы и он со своими джихадистами.

Лиза пожимает плечами:

— Не знаю... Еще тут разбили хананеев, ты знаешь, кто это? На две с половиной тысячи лет раньше монголов, потом каких-то ма-ди-анитян, — жена произносит сложное имя древнего народа почти по слогам, — хотя, между прочим, еще раньше Моисей убежал от фараона именно к ним и женился на дочери местного священника...[5] Какого «священника» — жреца, наверное?.. Библия по-русски — это сплошные эвфемизмы... Неблагодарный какой. Так... Долгая история взаимных претензий. Закончилось все очень плохо. Якобы эти мадианитяне были очень развратные и склоняли евреев к участию в своих обрядах и оргиях. Вон что... Оргии... А те не нашли ничего лучшего, как почти полностью перебить их... Гм, а как же тот священник, на дочери которого? Отомстил тестю?.. Не говоря о самой дочери?.. Не понимаю. Истории из Ветхого Завета — телесериалы про войну отдыхают. Хотя какой это век до нашей эры, четырнадцатый?.. И на дворе — фараоны. Ну да... Также царь Саул и его сын Ионафан погибли где то здесь[6]. — Жена отложила телефон, вздохнула: — Я путаюсь, слишком много имен и информации. Помню у Ахматовой — «долина Ионафана»[7]. Больше ничего не помню. Какая долина, где?.. Еще написано, что это место упоминается в Евангелии. Но что было там — я недочитала, слушайте в следующем выпуске новостей.

— Не было, а будет... — сказал я. — Мы же читали когда-то — финальная битва Добра со Злом. Не помнишь? Причем земные армии и цари тоже будут участвовать в ней.

— Ага, понятно, — сказала жена. — И что, Россия тоже будет? И на чьей же стороне? — Она снова вздохнула и отвернулась к окну.

— Что ты все про Россию... Все земные цари, по Библии, будут против Добра.

Автобус ехал довольно быстро, и я смотрел на мелькающую по сторонам картинку. Сначала за окном была полупустыня — песчаные барханы с зелеными колючими кустами, потом автобус отвернул от берега, в глубь страны, и начал медленно подниматься. Вскоре природа сменилась: песок и камень кончились, и пошла густая зелень, чем-то похожая на зелень нашей средней полосы, шоссе было хорошо асфальтировано, нас почти не трясло, периодически через трассу были перекинуты пешеходные мосты. Я обратил внимание, что у опор мостов были высажены большие кусты кактусов, причем так густо, что подойти было нельзя. «Остроумно», — подумал я.

Потом «средняя полоса» кончилась, появились сосны и невысокие холмы, кое-где из-под коричневой земли торчали большие камни. Водитель выключил кондиционер, открыл свое окно и люк на крыше, и в салон влетел прохладный воздух с запахом хвои. Слева по ходу мелькнул один город, потом другой. В последнем среди домов сверкнули золотом купола двух мечетей. Я оглянулся, попытался найти церковный купол, но не нашел. Вскоре после того, как мы проехали город с мечетями, нас обогнал полицейский броневик, настоящая боевая машина — джип с зарешеченными узкими

[5] Скорее всего, героиня вспоминает Библию, Книгу Исхода, главу 2. Далее для краткости мы будем давать в примечаниях только номера глав и только иногда стихов.

[6] Книга Паралипоменон, 2. Мы намеренно не указываем здесь и далее номера стихов — чтобы не выдергивать их из контекста. Главы в Библии небольшие, и читатель сам легко может найти нужный стих.

[7] Скорее всего, героиня от усталости путает Ионафана и Иосафата из «Поэмы без героя», но мы не полностью уверены.

окошками и пулеметом на крыше. Пулемет был абсолютно боевой, у нас такие встречаются только на армейских машинах, на гражданских дорогах его не встретишь — и я удивился.

Я показал на броневик жене, соседка, заметив мой жест, объяснила: начинаются арабские поселения, это Израиль, но города арабские, мало ли что, поэтому здесь полиция иногда передвигается на таких машинах, а окна машин зарешечены для того, чтобы подростки камнем не пробили стекло, так что не бойтесь. Я обратил внимание, что на ее лице не было ни малейшей тревоги, немного удивился этому, но решил тоже не волноваться: раз местные жители не волнуются, то мне-то зачем?.. Жена обменялась с соседкой несколькими фразами, обычный набор: кто она, кто мы, откуда и надолго ли. Женщина оказалась из Тирасполя. Когда в 1990 году в Молдавии началась гражданская война, они продали за бесценок квартиру и уехали сюда. В СССР она была инженером в проектной конторе. Но тогда все были «инженерами».

— Кому это все было нужно, — вздохнула женщина, — эта война, конец Союза. Сейчас вот опять, в Донецке... Кто-то делает на этом деньги.

Жена что-то ответила ей, то, что обычно отвечают интеллигентные москвичи в таких случаях, а я отвлекся и подумал, что это отчасти забавно, «забавно», разумеется, в кавычках, а отчасти печально — как догоняют нас московские новости за три с половиной тысячи километров от Москвы. Через некоторое время мимо нас проехал еще один полицейский броневик, на этот раз с включенной мигалкой.

— Теперь у нас все нормально, — продолжила бывшая жительница Тирасполя, спокойно провожая броневик глазами.

Она представилась: Рита. Сейчас она едет к детям в Тверию, у них там туристический бизнес, небольшая гостиница. Мы не собираемся заехать в Тверию, немного покупаться и, вообще, это же исторический центр, посмотреть всякие развалины? Недалеко от города есть какие-то древности, в их гостинице иногда останавливаются паломники, — Рита мельком посмотрела на нас.

— Может быть, — подумав, сказала жена.

— Тогда я вам дам телефон детей. Визитки у меня с собой нет, но я продиктую.

— Спасибо, но мы еще точно не решили.

— Все равно, пусть у вас будет лишний телефон.

У Риты зазвонил мобильный. Она взяла трубку, заговорила на иврите.

— Какие-то древности — это Капернаум, место первой проповеди Христа, — тихо сказал я.

— Прекрасно, — сказала жена. — Но она не обязана это знать. Другое дело, что ты можешь рассказать ей, если хочешь.

Автобус повернул к заправке, остановился. Водитель повернулся и что-то громко сказал на иврите.

— Стоянка десять минут, — перевела Рита. — Туалет там, если что-то купить — вон магазин, — она показала. — Далеко не уходите, а то еще заблудитесь с непривычки.

Когда мы вышли, я увидел, что у одной из заправок стоит давешний броневик. Дверца его была открыта, рядом разговаривали двое молодых полицейских в голубых рубашках. Я обратил внимание на то, что внутри броневика, несмотря на его небольшие размеры, было не тесно. Поймав мой взгляд, один из полицейских не очень дружелюбно посмотрел на меня, и я отвел глаза.

— По мороженому? — предложила жена, показывая на магазин. — Что ты на них таращишься? — тихо добавила она, когда мы отошли. — Полиция есть полиция, тем более город, похоже, не их, а арабский, — она кивнула на небольшой и совсем новый

минарет на холме над дорогой. На холме, кроме минарета, стояли дома, некоторые получше и побольше, некоторые похуже, узкая улица уходила круто вверх.

Я посмотрел на синий указатель у заправки. На трех языках: иврите, арабском и английском — сообщалось расстояние до Иерусалима, Яффы и Тверии.

Мы зашли в магазин и купили два стаканчика мороженого и бутылку воды. Продавец магазина был арабом: на шее на золотой цепочке висел полумесяц, на стене портрет президента Палестинской автономии Махмуда Аббаса. Видимо, он не слышал, как мы говорили по-русски, потому что сначала обратился к нам на иврите, а потом перешел на английский.

— А чему вы удивляетесь, — спокойно сказала нам Рита, когда мы вернулись на свои места, — израильский араб, у нас много таких. Они пользуются всеми правами, только в армии не служат, а так — образование, медицина, имущественные права — все, как у нас. Главное, чтобы не бузили, — добавила она, усмехнувшись, — а какому Богу они молятся, какие портреты вешают на стену — их дело, не имеет значения. Хоть Карла Маркса.

Я снова обратил внимание на выражение ее лица и то, как она сидела — она была абсолютно расслаблена.

— Простите, а почему вы так спокойны? — спросил я, подождав, пока автобус тронется. — Ведь от них много проблем, насколько мы знаем?

— Может быть, но мы привыкли, — пожала плечами Рита. — А может быть, дело в том, что я уверена: меня защитят. Те ребята на заправке, в синих рубашках, они свое дело знают, будьте уверены. Это вам не СНГ...

— По идее, это довольно древняя дорога, — сказал я немного погодя, показывая на шоссе, по которому мы ехали. — Не помню, ходил ли здесь сам Иисус, но апостолы точно ходили. Я специально смотрел вчера в Интернете.

Рита молча кивнула и отвернулась к окну.

Автобус продолжал быстро катиться по дороге между невысоких, поросших лесом и кустарником холмов, и в какой-то момент мы задремали. Проснулся я оттого, что Рита легонько потрясла меня за руку.

— Мегиддо, — сказала она, — вы зачем-то спрашивали.

Вокруг была абсолютно ровная, похожая на стол долина, расчерченная на квадраты полей. На полях росло что-то темно-зеленое, похожее издали на укроп или петрушку, вдоль дороги стояли чахлые деревца, я обратил внимание, что, пока я дремал, распогодилось, и небо над долиной Армагеддона было синее, но не безоблачное. Большое кучевое облако, в котором при достаточном воображении можно было увидеть фигуры двух борющихся мужчин, неподвижно висело над одним из углов долины.

Водитель, не оборачиваясь, что-то спросил на иврите у нашей соседки.

— Он спрашивает, вы хотите выйти в Афуле?[8]

— Нет, — испуганно сказал я. — А что это?

— Городок неподалеку. Километров восемь, не больше.

— Мы бы хотели выпить там кофе, если будет стоянка, да? — спросила моя жена.

— Да, — согласился я, — это было бы неплохо, выпить кофе в таком месте. Устроить себе что-то вроде Бородинской панорамы.

— Вряд ли вы успеете, — сказала Рита, — там, по-моему, никто не выходит. Если не будет попутных пассажиров, он даже не будет останавливаться — до Назарета меньше часа. Там и выпьете свой кофе, кстати, он будет лучше.

[8] Повторимся: согласно Откровению Иоанна Богослова, главы 16—19, на горе Мегиддо, недалеко от нынешнего поселка Афул произойдет финальная победа Христа над Антихристом. Ранее, в Торе (Ветхом Завете), Книга Пророка Иезекиля, 38, эта гора также называется как место победы над силами Зла.

Она что-то спросила у водителя на иврите, тот покачал головой, ответил, почему-то показал на свой мобильный телефон, висевший на зеркале заднего вида.

— Он говорит, что он звонил на автостанцию в Афул и, так как пассажиров нет, не будет даже заезжать туда, проедет по шоссе мимо.

— Вас интересует Откровение Иоанна Богослова? — спросила вдруг по-английски маленькая девушка в рыжих кудряшках, сидевшая впереди нас с ногами на сиденье.

— Да, немного, — кивнула моя жена.

— Вы ничего там не увидите, обычная деревня, — сказала девушка. — Никаких следов того, о чем говорится в Bible, — она засмеялась. — Мои друзья из Испании тоже туда ездили: «О, не может быть, тот самый Армагеддон?!», я увязалась с ними — посмотреть. Обычный городок — ничего особенного. Пыльный и скучный. На горе развалины... Можете съездить, конечно — из Назарета ходит автобус. Но к развалинам на холме надо заказывать такси или брать байк напрокат.

Парень-солдат тоже засмеялся:

— Основная борьба будет происходить там, — он показал на небо с облаком. — В случае чего наши ВВС помогут силам Добра.

Я обратил внимание на то, что израильский солдат знаком с Евангелием, и на то, как он назвал воинство архангела Михаила, Михаэля, если по-еврейски — Forces of Good, подумал, что английский здесь временами немного хромает, но, с другой стороны, по сути, он прав, Forces of Good, как еще сказать?

Рита тоже засмеялась. Потом посмотрела на нас:

— А пока forces of Good не прибыли, наши военные на стреме. Вон видите беспилотник? Вот, над перекрестком...

Я пригляделся: над ближайшим перекрестком на небольшой высоте кружилось нечто похожее на огромную железную стрекозу. Оно и вело себя, как стрекоза: пролетев несколько сот метров в одну сторону, разворачивалось и летело назад тем же маршрутом. Под «стрекозой» сновали машины.

— Что-то случилось? — спросил я. — Зачем он здесь?

— Скорее всего, нет, обычное патрулирование, Назарет — арабский город, надо смотреть, кто туда едет, а кто оттуда.

— Можно его сфотографировать? — спросил я.

— Пожалуйста, почему нет.

— Здесь не Россия, — сказала рыженькая девушка, — фотографируйте, что хотите, кроме военных баз.

— Да прям уж «все, что хотите», — проворчала по-русски Рита. — Не слушайте ее. Полицейских лучше не надо. Ничего не будет, но могут привязаться с вопросами: зачем, почему... У них у всех немножко паранойя.

— Вот и неправда, — сказала рыжая девушка по-английски. Оказалось, она немного понимает великий русский язык. — Я фотографировала... А если их будут фоткать все, кому не лень... — И они заспорили.

За этими интересными разговорами мы незаметно пересекли долину Армагеддона. Можно было подумать, что у нас была своя маленькая, микроскопическая борьба добра со злом. Вот только я не мог понять, кто был за кого.

Когда я пишу эти строки в Москве осенью 2020 года, вечером, за окном идет мелкий дождь, в ленте новостей информация об очередном разогнанном полицией молодежном митинге протеста. Вокруг меня привычная домашняя обстановка: стол, книги, компьютер, кошка дремлет у аквариума, но я будто пугаюсь чего-то и, повернувшись к темному окну, поправляю на стене домашнюю икону, быстро и мелко крещусь. Хотя я не склонен к так называемой набожности.

2.

Автобус медленно движется по узкой улице между домами в потоке машин. То, что город израильский только «де-юре», видно по вывескам с арабской вязью, по тому, что почти все женщины на улице в платках-хиджабах, а иногда и в паранджах, по давно не ремонтированным домам, по переполненным мусорным ящикам, по отсутствию баров и большому количеству кондитерских. Впрочем, вывески кондитерских были и по-английски: я заметил оранжевую и зеленую надпись международной сети кафе-мороженого — в Москве и Питере она тоже есть.

Было очень странно сознавать, что мы едем по главной улице города, где жил Иисус Христос и Его Родители. «Возможно, Они ходили вот по этой улице... Или по соседней, — думаю я. — То есть по тем, что были на месте этой, городок, разумеется, много раз перестраивался».

Я тихо повторил про себя, не очень веря:

— Где жил Иисус Христос и его Родители...

Несколько раз моргнул, покачал головой. Произнес их имена по-еврейски: Йешуа, Мириам, Йосеф... Как будто бы мне в ответ где-то недалеко раздались удары колокола. Они были слышны даже через закрытые окна автобуса.

«То есть, — подумал я, слушая колокол, — это место существует в так называемой реальности... Ну и ну. Попросить кого-нибудь ущипнуть меня?»

Поймал на себе взгляд рыженькой девушки. Она улыбалась. Солдат тоже как-то странно посмотрел на нас, потом отвернулся к окну.

— А здесь можно поздно ходить? — спросила жена.

— Без проблем, — сказала рыженькая, — только некуда. Церкви закрываются рано, а из кафе — вот это, — она показала на оранжево-зеленое «мороженое», — и еще на площади у церкви одно, отсюда не видно, и все. Баров нет, и имейте в виду: арабам пить нельзя, религия запрещает, все местные ездят пить в соседний израильский Нацрет-Иллит, а курево надо покупать только у людей, которых вы хорошо знаете. Хотя оно здесь не запрещено. Советую вечера проводить в гостинице или гест-хаусе — там веселее, безопасно, народу много и можно хорошо повеселиться.

— Раньше тут были кафе со спиртным, — вдруг сказал солдат. — Для туристов, только дорого. Мы были тут года два назад. Не знаю, есть ли сейчас. Это рядом с «русским домом», спросите.

— Русским домом?

— Ну, он так называется, — сказал солдат и чему-то усмехнулся. — Я не знаю почему.

Я обратил внимание, что когда мы въехали в Назарет, солдат поднял спинку сиденья и положил автомат на соседнее кресло.

— Знаете, вы все-таки в глубь города ночью не ходите, — сказала Рита. — По главной дороге можно, а вверх, в боковые улицы, — она показала в окно автобуса, за которым открывался симпатичный, уходящий вверх переулок, — не надо. Если наткнетесь на компанию подростков, ничего серьезного, скорее всего, они не сделают, а напугать могут. Камень кинут, нахамят...

Вереница машин остановилась. Из боковой улицы выехал большой белый туристический автобус. За слегка затемненными стеклами пятнами маячили лица туристов.

Водитель что-то сказал Рите, глядя на нас.

— Он спрашивает, где вас высадить, — сказала Рита. — Официальная остановка будет на главной площади, у греческой церкви, но он может притормозить, где надо, город-то маленький.

— Нам в турбюро в Тель-Авиве сказали, что нам надо как раз у греческой церкви, — сказал я. — Тут одна греческая церковь?

— В этом я не разбираюсь, но по-моему, не одна. Скорее всего, имелась в виду та, что на главной площади, дорога идет только мимо нее... А вы позвоните в гостиницу, где у вас букинг, я могу переспросить на иврите, — сказала Рита.

Жена набрала номер, и Рита немного поговорила с нашим будущим портье. Засмеялась, в конце перешла на английский.

— Ok, ok, don't worry... Он говорит, чтобы вы подождали его в кафе «Данте» у церкви, он вас встретит. Волнуется, что вы сами не найдете. Тут еще какой-то молодежный праздник сегодня... В кафе большая черная вывеска, вы сразу увидите.

— Эта «греческая церковь» — церковь Благовещения, между прочим, — тихо сказала жена, глядя в свой телефон. — Похоже, та самая, где Мария слышала голос ангела... Помнишь, мы видели репродукцию Рафаэля у твоего папы? В альбоме у него в кабинете? *Это здесь.* — И она чему-то нервно хихикнула.

Я киваю, вспоминаю кабинет отца, большой стол, компьютер, книжные полки, вид из окна: покрытые инеем деревья, улица двухэтажных домов, вдали горы. Дом, где мы видели альбом Рафаэля, находится в небольшом городе в штате Юта — вот теперь мы увидим то, что там изображено, за полмира от этого города, находящегося на дне большой песчаной долины среди желтых, выгоревших на солнце индейских гор. То есть мы увидим то место, которое *вообразил* себе Рафаэль, поправляю себя я. Ведь он никогда не был здесь.

И я опять думаю: неужели это место существует в реальности, как, например, Тверской бульвар в Москве или Гран-Виа в Мадриде, а не только на картинах и страницах Библии? Это невероятно... В этот момент я не вспоминаю, что на репродукции в альбоме, которую мы видели, был изображен дом святого Иосифа, а не источник с водой.

— Ну, я про эту церковь ничего не знаю. Вам-то виднее, — говорит Рита.

Автобус останавливается, дверь отъезжает в сторону, и мы выходим. Рита выходит вместе с нами. Обычная остановка на большой улице: грязновато, ржавый мусорный ящик у старой деревянной скамейки, погнутое железное расписание. На скамейке сидела немолодая арабка в черном платье с непокрытой головой. Впереди, метрах в пяти от нас, стоял туристический автобус, который мы пропускали только что. Из него выходили европейские туристы. Рыженькая девушка и солдат пожелали нам «Nice holidays in Nazareth!..» и помахали: «Bye-bye!..» Но из автобуса выходить не стали.

Из-за деревьев на той стороне улицы торчала невысокая колокольня с православным греческим крестом.

Рита обратилась к арабке на иврите, я услышал слово «Данте». Арабка что-то коротко ответила ей, махнула рукой в сторону церкви, я снова услышал слово «Данте». Потом арабка посмотрела на нас, поняла, что мы не местные, и тоже показала нам на церковь. Толстый водитель автобуса наблюдал все это через открытую дверь. Я вдруг увидел, что под мышкой правой руки у него — кобура.

— Она говорит, — сказала Рита, — что ресторан «Данте» возле церкви, чуть левее, и что там рядом банк, большая вывеска, так что вы не заблудитесь. Я бы вас проводила, но автобус не может ждать.

Я посмотрел на часы и обратил внимание, что автобус прибыл почти точно по времени, указанном в погнутом расписании. Из чего я высокомерно заключил, что расписание движения израильское, а табличка — местная.

Рита улыбнулась, обняла мою жену и подала мне руку:

— Было приятно познакомиться, вы хорошие и какие-то странные. Я думаю, все будет в порядке, но осторожнее. Если что, не стесняйтесь звонить в полицию. Телефон как в Тель-Авиве, «сто», он общий по стране, но есть и местный, вы можете узнать в отеле. Они приедут очень быстро.

Я обращаю внимание на большой красный плакат с серпом и молотом и профилем Че Гевары на соседнем с остановкой доме. Из открытых окон на втором этаже доносится шум голосов.

Рита следит за направлением моего взгляда, пожимает плечами:

— Местные марксисты — не волнуйтесь. В России ведь сейчас тоже есть коммунисты, да? В Молдавии есть, и здесь тоже есть.

— Да, — говорю я. Хочу добавить «увы», но почему-то молчу. Стесняюсь.

Рита напоминает, чтобы мы звонили ее детям в Тверии:

— Звоните, они хорошо вас примут. Я буду у них до воскресенья. Это ведь ваша Peisah... Пасха?

Добавляет, почему-то немного понизив голос:

— Там тоже много христианских мест, посмотрите в Интернете, я, к сожалению, не помню названий.

— Хорошо, — киваю я, — спасибо.

Дождавшись перерыва в машинах (пешеходной «зебры» нет), мы переходим дорогу и начинаем подниматься по улице, которую показала Рита. С той стороны дороги слышны два коротких, низких гудка, мы оборачиваемся — это тронулся наш автобус. Рита, рыженькая девушка и солдат снова машут нам.

Я чувствую, что мне жаль с ними расставаться и что я немного волнуюсь: как мы здесь будем? Место важное... Мы идем в сторону колокольни, видной из-за деревьев, оттуда доносится шум многих голосов и что-то вроде музыки уличного оркестра, и я успокаиваю себя: что же я волнуюсь?.. Ведь я — *в Назарете,* какая разница, «чей» он; наконец-то, я столько раз и столько лет представлял себе это, я даже повторяю это название по буквам про себя: я в На-за-ре-те... Вот и мы, Господи.

3.

Когда мы выходим на площадь, первое, что мы видим, это средних размеров старую церковь за высокой каменной оградой с украшенными зелеными пальмовыми листьями воротами и большую толпу перед ней.

Приглядевшись, я вижу, что толпа состоит из молодежи. Сначала я думаю, что молодые люди — верующие и что мы попали на местный церковный праздник, ведь завтра — Пальмовое, то есть Вербное, воскресенье, но через минуту понимаю, что мы действительно попали на праздник — но к Йешуа Назарейскому он никакого отношения не имеет[9]. Большинство народа, как всегда, просто зрители, меньшинство — сочувствующие, некоторые активные участники держат в руках зеленые и красные плакаты, транспаранты с белыми надписями по-арабски и портретами Че Гевары и Махмуда Аббаса — но интеллигентное лицо пожилого врача президента Палестинской автономии немного контрастирует с пламенной шевелюрой товарища Че. Несколько молодых людей и девушек с обильно политыми красной краской одеждой и лицами лежат на земле в живописных позах, по-видимому изображая убитых и раненых борцов, над ними стоят парни в форме израильской армии, мотки колючей проволоки валяются неподалеку. Три барабанщика изо всех сил колотят в большие барабаны,

[9] Пальмовое, в России, за неимением пальм, Вербное воскресенье — один из главных церковных праздников года. В этот день верующие и Церковь вспоминают торжественный въезд Христа в Иерусалим за неделю до Распятия.

а еще два человека в форме играют на шотландских волынках — получается очень громко, живописно и даже возбуждающе. Все это снимают на камеры и телефоны два участника. Чуть поодаль от толпы, рядом с церковью, ворота которой плотно закрыты, стоят несколько израильских полицейских, кажется этнических арабов, со скучающими лицами, по периметру площади — банк, ювелирный магазин, несколько кафе; на одном, подальше и поприличнее — вывеска «Dante» и столики с посетителями, с ленивым любопытством наблюдающими за действием из-за столиков.

Я действительно замечаю это кафе сразу, показываю на него жене.

Она кивает:

— Давай сфоткаем все это? Классно, да?

Я тоже подхвачен общим энтузиазмом:

— Да, давай...

В этот момент демонстранты в форме израильской армии под воодушевляющие крики толпы начинают пинать ногами в высоких армейских ботинках мотки с колючей проволокой. Я понимаю, что проволока не настоящая — это пластик или крашенная под металл резина. Мотки поддаются и, как пустынная трава перекати-поле, откатываются на несколько метров назад. Наверное, это символизирует перемещение каких-то границ — толпа на площади издает победный вопль, и до меня наконец-то доходит смысл происходящего. Как говорится, через две недели засмеялся жираф. Я печально думаю о том, что от политики никуда не скроешься, даже в городе Назарет, Галилея.

По-видимому, на моем лице отражается недостаток энтузиазма, потому что ближайшая из демонстранток, причем довольно симпатичная, в испачканной красной краской белой хлопковой блузке, вдруг показывает мне «фак».

Я улыбаюсь в ответ, но жена беспокойно спрашивает меня:

— Что это с ней?

— Не знаю, — говорю я. — Главное, ты не волнуйся. Возможно, это совпадение, но я вижу, что полицейские у дверей церкви смотрят в нашу сторону.

— Что они сделают с такой толпой?

— Видимо, что-то сделают, — говорю я. — Раз дальше «фака» дело не идет. Не забывай: мы здесь иностранцы, и местные конфликты нас в общем не касаются. Или мы делаем вид, что не касаются.

И действительно, один из молодых людей с профилем команданте Че на майке, наклонившись к раскрашенной девушке, что-то говорит ей на ухо, пару раз поглядев в нашу сторону. «Фак» больше не появляется.

— Все равно, — говорит жена, — пойдем. Ну их... Какие-то они злые... Потом, нас, наверное, уже ждут.

Мы подходим к кафе «Данте». Никто нас не ждет... Мы усаживаемся за столик, я прошу меню и оглядываюсь, смотрю на церковь. Неужели *та самая?*

— А все-таки забавно, — говорю я жене. — Город Назарет, 2014 год от Рождества Христова, арабская антиизраильская демонстрация — а рядом церковь с великой реликвией: *«— Мириам, Мириам... — Я здесь, Господи... Да будет мне по слову твоему...»* — все это было здесь...[10] И при этом — ну никакого покоя.

Жена вдруг крестится на колокольню, поверх протестующих, пинающих бутафорскую колючую проволоку, принесшая меню официантка в обтягивающей черной блузке с длинными рукавами и таких же очень тесных джинсах (зато все тело закрыто) почти без выражения смотрит на нее.

---

[10] От Луки, 1. Почти все цитаты из Писания даны по изданию: Библия. Современный русский перевод. РБО, 2011, 2017. Синодальный вариант, знаменитое: «Се раба Господня, да будет по глаголу твоему».

Через несколько минут она молча ставит на стол одну маленькую кофейную чашку — для жены. Я отказываюсь.

— Thank you, — говорю я.

— Your pleasure, — сухо, без улыбки говорит официантка.

Мы медленно идем по узкой улочке с сотрудником гест-хауса «Назарет» Абдулом Рашидом. Позднее жена утверждала, что его имя означало «Прямой путь», но я так и не нашел подтверждения. Поскольку Рашид немного опоздал, он в знак извинения несет нашу сумку. А может быть, потому, что здесь так принято, хотя в Иерусалиме сумку подносят только в «четырех звездах» и выше... Уходя с площади, я оглядываюсь.

Колокольня церкви Благовещения и сама церковь кажутся совсем небольшими на фоне окружающих зданий. За колокольней, вверх по склону холма — современные дома в несколько этажей, с лоджиями и балконами. На балконах цветы, кресла, на одном через перила перекинуто большое полотенце. Реки рядом, кажется, нет, кто-то, видимо, постирался или принимал душ. Я думаю: интересно, как это принимать душ у источника Благовещения? Когда я мысленно произношу про себя эти слова — «душ», «источник Благовещения», мое дыхание несколько сбивается... Дает о себе знать геологическая юность. Ведь *вода-то,* возможно, *одна и та же* — в смысле из одного геологического пласта.

По пути Рашид немного рассказывает нам о местной жизни. Кафе «Данте», в котором мы его ждали, работает допоздна, там хороший повар, его знакомый, есть белое вино и охрана, а вот это — обмен с хорошим курсом шекеля, но работает только до четырех p. m., а вот «Русский дом»...

— Извините, но он в отеле работает недавно и так и не собрался посмотреть в Интернете, почему его так называют — у них не очень часто останавливаются русские. Сейчас здесь prison, тюрьма.

— Что?.. — удивляемся мы. — Но почему именно тюрьма?!.

Мы останавливаемся и разглядываем вывеску по-английски и по-русски. На вывеске с ятями написано, что дом построен в 1901 году для паломников из России — теперь на его крыше колючая проволока, дверь железная, а окна зарешечены.

Я удивляюсь, что Рашид не читал даже эту табличку.

— Странное совпадение, — только и говорю я.

— Эхо, — говорит жена. — У нас когда-то аукнулось, здесь сейчас — откликнулось.

Абдул Рашид терпеливо ждет нас. Он улыбается и пожимает плечами:

— Толстые стены — наверное, поэтому... Русские строили на совесть.

Наша маленькая гостиница находится на той же улице, где кафе «Данте» и превратившийся в тюрьму «дом русских паломников», только немного вверх, и отгорожена от улицы высоким каменным забором. Отличительная черта городов Востока: жилые строения соседствуют с абсолютными развалинами, покинутыми людьми. Мы дважды прошли мимо таких домов-развалин, и я подумал, что, наверное, вечером ходить мимо будет не очень приятно, но рядом, в соседнем дворе было развешано белье, а из открытых окон слышались детские голоса и играла музыка. Когда мы вошли, наш дворик оказался очень симпатичным, с маленьким фонтанчиком и большой оливой, с висящими на ней крестиками, ленточками и — все смешалось в доме Облонских — разноцветными буддийскими колокольчиками. Вокруг оливы стояли скамейки и шезлонги, в холодильнике с прозрачной дверцей темнели бутылки с кока-колой и голубела питьевая вода, в одном из шезлонгов сидел обычный для таких мест одинокий худой иностранец с книгой. Молодая пара с помятыми лицами, при нашем появле-

нии вышедшая на балкон первого этажа, зевнув, сказала «Good morning». Было около четырех часов дня. Впрочем, как когда-то говорила одна петербургская знакомая — когда встал, тогда и утро.

Оставив вещи в небольшом, но с хорошим видом из окна на соседские крыши номере, мы спускаемся на ресепшн.

— Хотите есть? На кухне сейчас никого нет, завтрак кончился, но я могу что-то приготовить — салаты, чай, омлет? — спрашивает Абдул Рашид.

— Нет, спасибо, — говорю я, немного поколебавшись, — мы лучше погуляем до темноты и что-то съедим в городе. Вот вечером — будет неплохо. Вы бы хотели, чтобы мы рассчитались за номер сейчас или позже?

— Как вам будет удобно, — говорит Абдул. — Только имейте в виду, что кухня работает до десяти вечера... Но вы можете составить сейчас меню своего ужина, и повар заранее все приготовит. Принести вам меню?

Мы присаживаемся на диван под оливой, Прямой Путь приносит меню и два маленьких изогнутых стаканчика чая. На блюдечке возле стаканчиков — горка маленьких медовых печений.

— Платить не надо. За счет заведения.

Мужчина с книгой смотрит в нашу сторону и вежливо улыбается.

— Наверняка европеец, — говорит жена. — Только они могут днем торчать на территории отеля с книгой. Не понимаю, какой смысл прилететь за четыре тысячи километров, заплатить немалые деньги и потом сидеть тут.

— Ну, — говорю я, — во-первых, безопасное пространство. Потом, может быть, он читает путеводитель или «Краткое изложение Евангелия». Сейчас прочтет и отправится в город во всеоружии знания... Потом, европейцы рано встают, может, он с восьми утра здесь гулял, город-то маленький, а сейчас пришел отдохнуть.

— Сейчас и мы отправимся во всеоружии, — говорит жена.

— Во всеоружии чего? — уточняю я.

— Во всеоружии нашей веры, — отчеканивает жена.

Я молчу.

Когда мы оставляем заказ на вечер и съедаем все печенья, Абдул Рашид провожает нас до железной калитки.

— Если вам нужен дом родителей Иисуса, то сейчас вам налево, — слегка улыбаясь, говорит он на прощание. Таким же обыденным голосом он мог сказать «дом моих родителей» или «родителей моего брата».

И я не могу удержаться от ответной дурацкой и радостно-растерянной улыбки.

Кстати, заметьте: Прямой Путь не сказал «возможное место дома», в его словах была абсолютная уверенность.

4.

Узенькая улица идет сначала вверх, потом раздваивается. На развилке какие-то работяги красят белой краской наружную стену углового дома. Дому лет сто, не меньше. Над подъездом вывеска по-английски: «В гостях у Иосифа. Гест-хаус». На вывеске нарисован крест. Рядом то ли прораб работяг, то ли хозяин гостиницы, толстый арабский дядька в костюме.

«Забавно звучит название, — думаю я. — Иосиф сам иногда бывал гостем, а теперь вот мы — у него в гостях».

— Надо спросить у босса, — тихонько говорю я жене, — к церкви Семьи Иисуса — направо или налево?

Лиза мгновение думает, потом обращается к мужчине в костюме по-английски:

— Sorry... We are looking for the church of... of... Слушай, я не знаю, как это сказать по-английски, — говорит она. — Дословно — Parents of Jesus?

— Скажи просто: church of Saint Family.

Усатый дядька слышит меня, совершенно бесцеремонно оглядывает мою жену с головы до ног и машет рукой налево:

— Church of Saint Family? Go left.

Работяги прекращают работу и тоже пялятся на нас.

Мы начинаем спускаться.

— Надо переспросить, — говорю я. — Мало ли куда он нас послал.

— Перестань, — говорит жена. — Здесь этого нет... А кстати, ему не жарко в костюме?

— «Это» есть везде, — говорю я. — В особенности — у этих.

— Прекрати, — снова говорит жена уже немного сердито. — Ты что, расист?

— Я? Нет, — говорю я.

Навстречу нам по улице поднимается компания европейцев: мужчина лет под сорок с круглой рыжей бородой, будто у шкипера из какого-то фильма по Джеку Лондону, и две загорелые молодые женщины с фотоаппаратами. Я замечаю, что, увидев нас и тоже идентифицировав как неместных, компания радуется.

— Hi! — говорю я.

— Hi! — говорит компания.

— Do you know, where is the big temple of Saint Family? — спрашиваю я, заранее составив фразу в уме (здесь и далее я прошу прощения у читателя за свой деревянный, студенческий английский). — Is this the right way?..

— Yes, right, — говорит одна из женщин. С распущенными черными волосами до плеч, в джинсах и оранжевой рубашке с индейской росписью бисером она тоже похожа на какую то киногероиню, например, девушку-хиппи из знаменитого фильма «Забриски пойнт»[11]. — You will reach the Basilica in ten minutes.

— Спасибо, — говорю я по-русски, и европейцы смеются:

— Russians? Пожалюйста!

Мы тоже улыбаемся.

— Where are you from? — спрашивает моя жена, задавая один из самых частых вопросов за границей.

— Spain, — говорит черноволосая. — Madrid.

— Ciudad Bilbao[12], — говорит «моряк», он и вторая женщина, полная блондинка в легкой белой блузке, улыбаются. — What city are you from?

— Ciudad Moscow.

— O, Moscow!.. — испанцы улыбаются, кивают, но я чувствую за улыбками легкое напряжение.

«Эх, — думаю я, — видимо, Moscow, Putin и Crimea в этом году — слова-синонимы...» (Знал бы я, на сколько лет растянется этот синонимический ряд.)

— Catholic? — спрашиваю я.

— Yes, catholic... Are you orthodox? — говорит черноволосая.

— Yes! — с преувеличенной четкостью отвечаю я, и испанцы снова смеются.

Моряк показывает рукой:

— Вы должны пройти мимо большого крытого рынка, почти не заходя в него, — говорит он по-английски, — обойти слева, все время вниз, и выйдете прямо на базилику. Она большая, еще один поворот, и вы ее увидите, но сначала вы увидите ее

[11] Фильм «Забриски пойнт», режиссер М. Антониони, 1970 год.

[12] Город Бильбао (исп.).

крест, — он показывает указательным пальцем вверх, потом прикладывает к нему палец другой руки.— Только... — говорит он немного извиняющимся тоном, — это базилика of Annunciation[13], а не Saint Family...

— Oh, really?.. — мы смущены.

— Have a nice day! — желают нам испанцы на прощание.

Пройдя на несколько шагов, мы машем друг другу.

— Чему мы все так обрадовались? — спрашивает Лиза.

— Не знаю... Своих встретили, — говорю я.

— А мы здесь свои? Я видела в Нетании их земляков — они меня даже не заметили.

— Здесь — другое дело.

— Но на Москву они все равно напряглись, — говорит жена.

— А как ты хотела?..

Мы медленно идем по мощенной булыжником мостовой. Жарко. Большинство окон закрыто жалюзи.

«Интересно, давно здесь эта улица?..» — думаю я.

— Как думаешь, давно здесь эта улица? — спрашивает жена.

Я подозреваю, что между супругами со стажем существует некоторая телепатия.

— Эта — лет двести, — говорю я. — Но очень возможно, что раньше здесь тоже была улица и нынешние дома возведены, как часто бывает в этих местах, на фундаменте домов предыдущего времени. Допустим, века четырнадцатого, по-моему, именно в это время Назарет был почти полностью разрушен солдатами очередного султана. А те вполне могли стоять *на месте* или даже *вместе* с домами первого и второго веков нашей эры, тогда ведь строили мало и надолго. И Христос, и Мария, и Иосиф-Плотник необязательно ходили по этой улице, по этому маршруту, но совершенно точно ходили *где-то рядом*. Про Источник на площади я даже не говорю, это единственный источник в округе, и за последние две с лишним тысячи лет там бывали все. Все, значит, и они тоже.

Лиза молчит.

— И как ты к этому относишься? — спрашивает она немного погодя.

— Не знаю... –отвечаю я немного растерянно. — С обалдением. С восторгом.

— Но ты веришь в это?

— Во что?

— В то, что они ходили по этой улице.

— В это, конечно.

— А во все остальное?

Я некоторое время молчу. Мы тихо идем вниз по узкой улочке. Вокруг ни души.

«А куда деваться?» — думаю я и отвечаю:

— Не знаю. Иногда да. Иногда нет.

Испанцы все показали правильно, улица круто поворачивает вниз, то и дело уклон смягчается ступеньками, такими знакомыми уличными ступеньками всех южных приморских городов Европы, от Ялты до Хайфы, проездом через Палермо. Потом мы входим на территорию рынка, многие лавки еще открыты: посуда, ткани, иконы, в глубине каждой — арабский продавец, их как-то почти сразу отличаешь от израильтян, некоторые делают приглашающие жесты, машут нам: «Sir, madam, hi, hi!..»

Один из торговцев, лысый дядька с длинной бородой, стоящий у дверей, придерживает меня за рукав и показывает на красующийся в маленькой витрине глиняный, сделанный под розовую и синюю византийскую мозаику чайник с репродукцией какой-то фрески на темы Annunciation.

[13] Благовещение.

— Sixty shekels, — говорит он, — so chip...

Я думаю, что местные арабы могут по-разному относиться к Государству Израиль, но к его деньгам они относятся хорошо. Как когда-то относились местные жители к римским денариям.

— Красивый, — говорит жена, рассматривая чайник.

Мы идем так, как показал шкипер из Bilbo, улица делает еще поворот, известковые плиты, которыми она вымощена, отполированы почти до блеска, вверху, между крышами — кусок ярко-синего весеннего южного неба, в открытом ящике для мусора роются кошки, запах соответствующий, форма ящика похожа на российскую[14]. «У нас с арабами вообще много общего, — вдруг думаю я. — Кстати, краны горячей и холодной воды в нашем отеле перепутаны, как в России...»

Еще поворот, лавка с очень красивыми платками и шарфами, хозяин, тоже делающий призывные жесты и произносящий замечательный рекламный слоган: купите платок на родине Иисуса, мадам, хороший платок, вечерами здесь холодно, есть стопроцентный cotton, а есть чистая шерсть, pure wool, — купите платок на родине Иисуса Христа, мадам!..

Неожиданно между двумя рядами лавок образуется просвет, вот стена рынка, а вот они, ворота, мы устремляемся к ним и неожиданно выходим на маленькую площадь. Щуримся от солнца — глаза привыкли к тени старого города. Вокруг площади тоже магазинчики для туристов, потом небольшой отель, но над всем царят огромный конус и маленький крест на нем — это католическая базилика Святого Семейства.

— Не Семейства, а Благовещения! — уточняет жена, заглянув в телефон, на площади появляется связь. — Испанцы были правы!..

— А как же та церковь, у которой мы были сегодня, где источник и автобусная остановка? — спрашиваю я.

Жена минуту думает, потом говорит:

— Э-э... Та православная, а эта — католическая. Понял?

— Не очень, — признаюсь я.

Мы останавливаемся и некоторое время смотрим на базилику. Она окружена высокой каменной стеной, у стены стоят несколько больших туристических автобусов.

Мы немного поторопились, но, оказывается, зря: базилика закрывается в девять вечера, у патеров целибат, семей нет, и спешить им некуда[15]. Мы входим в ворота, с внешней стороны полицейский пост, большое прозрачное стекло, женщина в форме израильской полиции бросает на нас внимательный взгляд, но «рамки» металлоискателя почему-то нет, храмовый стражник с той стороны ворот делает нам знак, что мы вошли не в ту дверь, тут выход, exit... Я киваю: сорри, в следующий раз, хорошо? Охранник осуждающе качает головой, какая-то пожилая европейская тетенька рядом с ним, посетительница, как и мы, вся в мелких, стального цвета кудряшках, вторит ему совершенно российским тяжелым вздохом и поджатыми губами. Я тяну жену дальше — не обращай внимания, неважно, все это неважно — пошли скорее, я вдруг вспоминаю виденную нами несколько лет назад надпись в старом португальском храме в Индии: «Master is here, and waiting for you!».

Наивно, но правда...

Напоминаю ее тихонько Лизе. Она улыбается, кивает. Мельком отмечаю про себя открытую церковную лавку, все почти такое же, как на рынке: чашки с надписью Na-

[14] Bilbo — название Бильбао на языке басков. Форма мусорных ящиков в Израиле действительно почти совпадает с российской.

[15] Увы, большинство православных церквей в России и во всем мире закрывают свои двери в 18—19 часов вечера, а иногда даже раньше.

zareth, статуэтки Христа, иконы Святого Семейства и Annunciation, деревянные и пластиковые крестики... «Надо будет в нее зайти потом, тут такие вещи покупать правильнее, — машинально думаю я и тут же переспрашиваю у себя: — Когда потом?»

Ответ: после того, как мы побываем на том месте, где жили мальчик Иисус, Его Мать и святой Иосиф.

Пауза.

Занавес.

— Arhangel Gabriel appeared to Mary in the house of Joseph... — читаю я вслух знакомый текст, написанный по-английски на большом стенде во дворе[16].— Зачем они это написали?

— Для справки. Видимо, многие посетители не читали, — говорит жена.

5.

Мы входим в базилику. Она очень большая, красивая, в современном стиле, с узкими окнами на фасаде и звучной латинской надписью: «Verbum caro hic factvm est» (Слово стало плотью и жило с нами), но если бы не кресты, внешне чем-то неуловимо похожая то ли на большую библиотеку, то ли на концертный зал начала семидесятых годов...[17] Может быть, это свидетельствует о некоем смещении смыслов в культуре, а может быть (и скорее всего), я мало что понимаю в современной архитектуре.

Впрочем, внутри все как всегда: просторно, холодно, стрельчатые окна в витражах, уходящие вверх своды, орган... В принципе, по внутреннему убранству — это обычный католический храм, только очень большой, в центральном нефе ряды деревянных скамей, впереди — алтарь, по стенам иконы в современном стиле, изображающие Деву Марию с Младенцем. Мы подходим ближе — Богоматерь изображена художниками разных стран, от Эфиопии до Америки. Больше всего мне нравится «японская» Мария — в расшитом цветами синем кимоно, с раскосыми глазами и уже большим, лет четырех или даже пяти, мальчиком на руках. Маленький Иисус с раскосыми глазами тоже одет в кимоно, только в красное, и уже поднимает руку для крестного знамения.

«Русской» Марии среди изображений почему-то нет. Я думаю, что это странно, ведь в России есть католики.

— А где?.. — говорит Лиза.

— Что где?

— Дом Иосифа и Марии — где? Во дворе было написано, что он здесь.

Мы подходим к плотному дядьке в синей, застегнутой доверху куртке, чьи широко расставленные ноги, бритый затылок и цепко бродящий по залу взгляд позволяют безошибочно определить в нем международный тип служащего: охранника-security. Нас опережают две немолодые израильтянки, которые что-то спрашивают у дядьки на иврите. Тот, к моему удивлению, отрицательно и даже сердито машет головой: не понимаю. Добавляет известные нам ивритские слова «Ani lo medaber ivrit»[18]. Израильтянки удивленно перезадают свой вопрос по-английски — они тоже ищут дом святого Иосифа. По-английски охранник храма понимает. Он сурово (никаких улыбок! все серьезно!) показывает рукой вбок, за колоннаду — there! И добавляет почему-то по-арабски: asfal...[19]

---

[16] По Евангелию, архангел Гавриил явился Марии в доме Иосифа и сказал, что Она родит младенца от Духа Святого и наречет Ему имя Иисус (От Луки, 2).

[17] Если точно — 1968 года.

[18] Не говорю на иврите (ивр.).

[19] Вниз! (араб.).

Мы идем вслед за тетеньками, жена, догнав их, переспрашивает по-английски:

— Вы ищете дом Иосифа и Марии?

Израильтянки энергично кивают:

— Да-да, этот странный тип сказал «вниз».

— Он что, не знает иврита?

Женщины выразительно поднимают брови:

— Говорит, что нет.

Вслед за израильтянками мы спускаемся по широкой лестнице на цокольный этаж и через двадцать ступенек, дорогие мои, попадаем в одно из самых священных мест даже не христианства, а, наверное, всего христианского мира — вы уж простите мне эту высокопарность и категоричность.

Но описываю свои чувства обычными словами.

Место представляет собой окруженные невысокой балюстрадой «замороженные» археологические раскопки, так называемую «крипту» — небольшой кусочек античного поселения первого века нашей эры. Центральной частью экспозиции является закрытая железной решеткой пещера, и нас ждет не то чтобы открытие, но осознавание — ведь у небогатых и просто бедных людей в то время домов не было, они жили *в более или менее обустроенных землянках или пещерах,* и, собственно, эта землянка или пещера и есть место, где Марии явился архангел Гавриил.

Согласитесь, дорогие мои, очевидно некоторое разночтение или разность интерпретаций с шедеврами мировой живописи, которые изображают это явление то во дворцах, то в сравнимых роскошью убранства с дворцами, церквах или на фоне прекрасных итальянских пейзажей.

Далее. В пещере все очень скромно, впрочем, как всегда в таких местах в странах, как бы это сказать точнее... — странах непобедившего христианства. Покрытый белой скатертью-индитией «престол»[20], небольшое серебряное распятие, священные сосуды для причастия, цветы, причем обычные, и не лилии, а ромашки. На полу — простая ковровая дорожка, сверху на цепочках спускаются несколько лампад.

Верующие и просто посетители по одной лестнице с балюстрады спускаются к пещере, кто-то изредка опускается на колени, кто-то просто стоит, смотрит и фотографирует, кто-то разговаривает, обменивается впечатлениями, поток людей не прекращается — хотя он то становится полноводным, то почти прерывается. Посетители и паломники обычно задерживаются возле пещеры несколько минут, после чего по другой лестнице поднимаются наверх. Все.

Мы с женой дожидаемся, когда перед решеткой останутся два-три человека, и быстро спускаемся. Сначала я делаю несколько лихорадочных снимков, но потом останавливаю себя, опускаю фотоаппарат, пытаюсь успокоиться и становлюсь на колени.

Стоп-кадр. Минуту я стараюсь сосредоточиться, потом тихонько читаю молитвы «Богородица, дева, радуйся» и «Отче наш»[21]. Они короткие, и я знаю их наизусть. Лиза, стоящая рядом, повторяет. По соседству один из посетителей, схватившись руками за прутья и прижавшись к ним лицом, беззвучно шевелит губами. По лицу его катятся слезы. Смотря на него, я вдруг думаю, что, возможно, решетка отделяет не пещеру от нас, а, наоборот, нас от пещеры; что, грубо говоря, за решеткой мы — а не То, что находится с той стороны, и что плачущий человек, стоящий рядом на коленях, немного похож на заключенного. Будто его свобода — там, с той стороны ограды... Но это, конечно, только моя интерпретация... Официально решетка поставлена относительно недавно, из-за угрозы обвала в пещере.

[20] Для удобства читателя здесь и далее даны привычные русскому уху греческие, а не латинские церковные названия.

[21] Важнейшие ежедневные христианские молитвы.

Появляются новые туристы. Они обходят нас, я ловлю несколько любопытных взглядов, это какие-то французы, их язык узнаешь сразу, они громко разговаривают, важный охранник наконец-то сверху реагирует громким «ш-ш-ш!», они понижают голос, но передразнивают его: «Ш-ш!..» — и смеются.

(Кстати, хочу еще раз сухо заметить: базилика католическая.)

Стоя на коленях, я чувствую, что, несмотря на попытки сконцентрироваться, я все же внутренне не совсем здесь, я полностью не остановился, я куда-то бегу, в голову лезут совершенно посторонние мысли, все произошло слишком быстро: автобус, гостиница, чай, пятнадцать минут пешком, и вот мы здесь... Жена потом скажет, что испытывала то же самое: поток людей, голоса, щелчки фотоаппаратов; только в те две-три минуты, когда у железной ограды не было никого, она вдруг хотя бы отчасти поняла, где находится.

— Это здесь все началось? — тихо спрашивает она.

— Вроде бы да.

Встав с колен и поднявшись по лестнице, мы немного бродим по залу, обходим грот сзади, там в полу сделано что-то вроде больших окон-иллюминаторов из толстого стекла, и можно видеть часть внутреннего убранства крипты, очень-очень бедного. Каменные ложа, стол и даже остатки цветной мозаики у узенькой и неровной, выдолбленной в известняке лестницы, ведущей из пещеры наверх.

Мелькает мысль: это здесь, *по этой лестнице ходили* Иосиф, святая Мария и мальчик Иисус?!. Йосеф, Мириам и Йешуа, как их на самом деле звали...[22] Сам себе отвечаешь: ну, не сто процентов точно здесь, но по такой же, где-то рядом, может быть, в соседней пещере, на которой теперь стоит фундамент огромной базилики, на расстоянии пяти, десяти, двадцати, пятидесяти метров от нас... Сознание тут же бежит от этой мысли, переключается, уходит в щадящий режим: а... А органные концерты в базилике бывают? Как здорово, наверное, звучит здесь орган во время служб...

Я возвращаюсь обратно, но через несколько минут ловлю себя опять далеко.

Мы выходим во двор.

Странно — кажется, что мы пробыли в гостях у Святого Семейства немного, а на улице уже вечереет и становится прохладно. Значит, прошло больше часа. Во дворе много народу: плотной группкой стоят японцы или корейцы, по два-три человека — европейцы. Кто-то разговаривает (я бессовестно подслушиваю англичан, но речь идет всего лишь о планах на завтра), кто-то делает селфи или фотографируется на телефон на фоне базилики, какие-то девочки, усевшись прямо на полу, разглядывают карту, молодой человек пишет смс, и вдруг в отдалении я вижу обнявшуюся молодую пару. Казалось бы, обычное дело, но это не совсем любовное объятие, я знаю эти как будто немного отсутствующие и одновременно переполненные радостью лица, если не выбирать долго эпитет или выбирать его попроще — это радость от встречи.

Встречи с чем или с кем? Конечно, друг с другом, но — и с Чем-то еще. Если бы я писал богословскую книгу, я бы написал здесь: с Богом. Но это все-таки художественная литература, подобная фраза будет выглядеть не очень уместно, слишком высокопарно, и я просто поставлю многоточие или напишу: с любовью. Любовь усилилась от встречи с Чем-то или Кем-то, явно присутствовавшим в этом храме или в этом небольшом городе, я сам чувствую это, я сам сейчас люблю всех, кого вижу во дворе,

[22] На всякий случай уточним: Иисус — греческий перевод еврейского имени Иешуа. Точнее — Йешуа. Йуд (йод), десятая буква еврейского алфавита, с которой начинается имя Иисуса, по-русски читается как «й». Мириам — древнееврейский оригинал греческого имени Мария. Йосеф пишется почти как слышится, тоже «й» вместо «и».

мне всем хочется улыбаться и всех обнимать. Почему — не знаю, но чувство совершенно отчетливое[23].

Еще я думаю: где мы только что были?.. Если это правда, и Они там жили или где-то неподалеку, то... то после посещения этого... этого места, что со мной, что с нами должно быть после этого?.. — спрашиваю я себя. Я вспоминаю Москву, церковь возле моей работы, куда я иногда хожу, потом другую церковь, у дома, и одну из икон иконостаса, первую в ряду главных праздников: протягивающий руку ангел и испуганная молодая женщина перед ним — Благовещение.

— Давай еще раз придем сюда, — говорю я. — Завтра. Как-то я не могу осознать все это сразу.

— Обязательно... Тут рядом еще храм, — говорит жена, — мне только что сказала какая-то польская тетенька, храм of Saint Joseph, Святого Иосифа Обручника, зайдем, посмотрим, что там?

— Зайдем. Только небольшой перерыв сделаем, ок?

Я глубоко вдыхаю, перевожу дух.

«Пауза», — думаю я.

Мы выходим из базилики, обходим ее сбоку и поднимаемся по невысокой лестнице вверх. Желтые опавшие листья инжирового (фигового) дерева на плитах двора, несмотря на апрель, людей вокруг почти нет, я сажусь на стоящую рядом каменную скамейку, и мной наконец-то овладевает хотя бы относительный покой.

«Ну вот, мы и пришли», — думаю я и, кажется, произношу это вслух.

Оказывается, здесь понимают по-русски. Молодой монах-францисканец в коричневой рясе, подпоясанный белой веревкой, проходя мимо, улыбается мне, показывает рукой на открытые двери храма Святого Иосифа и говорит с акцентом, но по-русски:

— Заходите...

— Да-да, сейчас, спасибо, — говорю я. — Мы должны сделать небольшой отдых. Очень много впечатлений...

Францисканец улыбается, кивает. Я некоторое время сижу, и я даже не знаю, читатель, о чем я думаю. В голове крутятся фразы: снова «так все просто, зачем Их писали во дворцах?» и почему-то «а интересно, что здесь было раньше?..». (Когда «раньше»?) Потом я вдруг думаю, что в канонических текстах Евангелия очень мало написано о святом Иосифе и почти ничего не написано о том, что он думал о своем пасынке и о себе. Написано, если переводить евангельский текст на обычный язык, что он был незлой человек и хотел тихо расстаться с Марией, узнав о ее беременности (тогда женщину за это могли забить камнями), но после разговора с ангелом не стал этого делать.

Кроме всего прочего, это означает, что он любил Марию.

Потом он упоминается только один раз, и то косвенно его Женой, когда подростком Иисус-Йешуа потерялся во время ежегодного паломничества в Иерусалим, кстати, тогда Она назвала святого Иосифа — отцом Иисуса... «Мы с твоим отцом беспокоимся о Тебе», — сказала Она[24]. А что Иосиф сам думал обо всем этом, как он жил — повторюсь, в канонических евангелиях не сказано ничего.

Опять, по косвенным признакам, можно сказать, что он жил хорошо, потому что в Евангелии, в том же отрывке написано, что Иисус слушался и уважал родителей, и еще написана очень интересная вещь, прямо не относящаяся сейчас к этому нашему рассказу, что у Иисуса-Йешуа *были братья и сестры!* Об этом написано не раз, бо-

[23] Биохимические исследования крови, проводившиеся во время и после молитвы у верующих, часто регистрировали повышенный уровень эндорфинов.

[24] От Луки, 2. 48.

лее того, один из братьев, Иаков, по-древнееврейски Яаков, точнее, святой Иаков,— это историческое лицо, он упоминается у римских историков, так вот, он был первым епископом, главой первой христианской общины в Иерусалиме после ареста и казни Христа...[25] То есть ареста, казни и вознесения... Согласно семейной психологии, если бы родители жили плохо или, у Иосифа с его Пасынком были бы плохие отношения, брат вряд ли бы стал последователем Иисуса — причем очень деятельным последователем и проповедником новой веры.

Впрочем, историки Церкви и богословы хором говорят, что это был *сводный* брат, что это были *сводные* братья и сестры Иисуса, дети Иосифа от предыдущего брака, но в Евангелиях не написано об этом ни слова. Там просто сказано — «братья» и «сестры». Можно только предположить, что они были младшими, потому что Марии на момент замужества, по Евангелию, было двенадцать лет.

Жена трогает меня за руку:

— Ты где? Пошли, а то вдруг закроют.

— Не закроют, это католики... Я же говорил: они домой не торопятся.

Мы входим в храм. У дверей табличка по-английски и почему-то по-польски: «Church of Saint Josef, Boznica Swiety-Jozef» — и приписка: «Построено в 1914 году».

«Интересно, в каком месяце? Прямо перед мировой войной, — думаю я. — Кто-то успел».

Boznica «Swiety-Jozef» много меньше базилики Благовещения и сильно отличается по архитектурному исполнению — это так называемый псевдоготический стиль, то есть более-менее современное подражание готике, но внутри храмы очень похожи — те же ряды скамей, такой же скромный алтарь, за ним три фрески: «Явление Иосифу Ангела во сне», «Святое семейство», «Смерть Иосифа». В притворе, говоря обыденным языком, прихожей церкви — картины, изображающие сцены из жития.

Мы подходим к одной из них: мальчик десяти-двенадцати лет и взрослый бородатый мужчина за плотницкой работой. Совершенно обычные лица. Никаких нимбов.

Сзади подходит экскурсия.

Она русскоязычная, и я слышу, как экскурсовод говорит: художник такой-то (к сожалению, не запомнил), очень редкий сюжет — отроческие годы Христа. Мы некоторое время со странным ощущением смотрим на картину: она явно привезена сюда из Европы, на заднем плане — деревья средней полосы, чуть ли не елки, в руках Иосифа и его Пасынка обычная двуручная пила, дом деревянный, бревенчатый, бедный, но двухэтажный — это вовсе не землянка... Потом мы двигаемся за экскурсией, судя по мягкому «г» экскурсантов, скорее всего, украинской, слушаем даму-гида, повторяющую известные места из Евангелия, потом спускаемся по лестнице на минус первый этаж, в «крипту» — почти такую же, как в базилике. Жена, наверху сверившаяся с Интернетом, говорит, что, по церковному преданию, здесь находилась мастерская святого Иосифа.

«Значит, мальчиком и юношей Иисус бывал здесь или где-то рядом много раз», — думаю я, и экскурсовод подтверждает:

— Мальчиком Иисус частенько проводил здесь целые дни, помогая отцу... То есть что я говорю, отчиму!.. — поправляется она.

В полу, под слоем толстого прозрачного пластика — опять пещера-крипта, каменные ступени вниз, какие-то старые ржавые плотницкие орудия в углу (видимо, мона-

[25] Например: От Матфея, 12. Кроме того, Письмо апостола Иакова входит в основной текст Евангелия в разделе «Соборные послания» — будет время, посмотрите, как-никак это написал брат Иисуса Христа.

хи поставили для усиления впечатления, но орудия выглядят не старше девятнадцатого века), каменный стол, внизу каменной лестницы — углубление, экскурсовод говорит, что это углубление было наполнено водой и предназначалось для мытья ног пришедших с улицы — такой античный половичок... Одно из отверстий в полу храма забрано не пластиком, а железной решеткой — и известняк внизу усыпан разноплеменными монетками, мелкими банкнотами и исписанными листочками бумаги. Их так много, что я не сразу понимаю, что это.

Лиза наклоняется ко мне:

— Это записки, записки Святому Семейству.

И тут же при нас молодая кореянка бросает сложенную вчетверо бумажку вниз, между прутьями, что-то шепча при этом и крестясь.

— Давай и мы бросим? — говорит жена.

Я пожимаю плечами:

— Что за язычество, зачем?

— Да, немножко, — улыбается Лиза. — С одной стороны. А с другой стороны — обычай, традиция. А как известно, традиция делает нас психологически устойчивее и облегчает контакт с реальностью. — Она опять чему-то улыбается. — Так что пиши.

Я было делаю недоверчивое лицо, но она вырывает из потрепанного, на три четверти исписанного рабочего московского блокнотика два листочка в линеечку, один протягивает мне, с другим поднимается наверх, садится в деревянное кресло в одном из рядов и что-то быстро пишет... Я некоторое время сижу рядом и думаю, писать ли мне и о чем, но потом будто просыпаюсь и почти вздрагиваю: если эти записки... Хм, если эти записки *читают,* то о чем же я думаю?.. Но как их читают *и кто?* — тут же спрашиваю у себя я и привычно, чуть ли не с облегчением, усмехаюсь.

Я хочу сказать о своих мыслях жене, но она пишет, и я молчу, не хочу мешать. Ведь вера — это очень личное дело.

Кстати, Западная стена в Иерусалиме, русские почему-то называют ее Стеной Плача, главная иудейская святыня — в городе, где через неделю, на Пасху, мы должны оказаться — она вся утыкана записками... «Не оттуда ли пошел этот обычай?.. — думаю я. — И даже если это только обычай, старинный обычай, не больше — ведь Адресат этих записок, если Он есть, видит сразу все: и то, что написано, и то, что нет, — то что с того? Их не надо писать?..»

Вот я читал, что предпоследний Папа Римский Бенедикт XVI очень интересно последовал этому обычаю: он написал «Отче наш» на бланке Ватикана, и воткнул в расселину Западной стены. То есть папа мало того, что верил, что Его послание будет доставлено и прочитано, он, более того, подал его на официальном бланке, по-видимому рассчитывая на ускоренное рассмотрение. И наш предпоследний патриарх Алексий сделал то же самое — правда, вроде бы на обычной бумаге, у отца Алексия с чувством меры было все в порядке.

«По вере вашей воздастся вам»[26], — вспоминаю я сейчас, в Москве, но тогда нет, не вспомнил — просто с иронической полуулыбкой написал свои маленькие просьбы за родственников и за себя, сложил бумажку вчетверо, подождал Лизу, потом, спустившись вниз, мы бросили свои записки вниз, между прутьями решетки в полу, и они упали на камни рядом с многими другими такими же.

Психолог, конечно, сказал бы, что это самовнушение, вербализация желаний, кстати, весьма полезная вещь, но когда я сочиняю эти «письма русского путешественника» у себя дома, глядя на занесенный снегом ночной московский двор, вы знаете, поразительная вещь — в Москве я верю больше, чем на месте событий! — и потихоньку

[26] От Матфея, 8 и 9.

шептал «Отче наш», прямо как римский первосвященник — будто снова обращаясь к невидимому почтальону с просьбой о быстрой и точной доставке... Может быть, потому, что верить издалека легче, чем вблизи? Не знаю... А тогда, в Назарете, кинув записку вниз, в крипту, где, возможно, была мастерская человека, воспитывавшего Иисуса Христа, я на мгновение замер и превратился в одно большое ухо или глаз, прислушиваясь или присматриваясь к чему-то, может быть, вокруг, но скорее всего, к себе — но в тот раз ничего не услышал и не увидел.

Повторюсь, записка просто упала на камни.

6.

Странно, но после этого, будто сделав какое-то важное дело, торопясь, мы поклонились крипте, потом на верхнем этаже алтарю — и почти выбежали из храма во двор, а потом, через вертушку на воротах на улицу, мы как будто убегали от чего-то. От чего? Наверное, от слишком больших впечатлений, которых в тот маленький день для нас было слишком много.

Еще в церкви Святого Иосифа я почему-то вспомнил о перекрестке неподалеку от базилики, который мы проезжали на автобусе по дороге сюда: я видел там большую старую оливу и столики уличного кафе вокруг. Я вдруг представил, как минут через пять-десять мы будем там сидеть, присутствуя и не присутствуя одновременно, вспоминая и размышляя о том, что мы только что видели. Предложил жене: пошли?

Мы медленно спустились по мощенной брусчаткой улице, ища глазами старую оливу и кафе возле нее, но их нигде не было. Везде в более-менее приличных местах было много туристов и стоял постоянный гвалт от разговоров, нам пришлось выйти на главную улицу и уже там спросить, помогая себе в разговоре жестами: где здесь старое дерево на перекрестке, очень старое, я показываю пальцами и руками узловатый ствол — оказалось, я хорошо показываю, потому что это было рядом — всего минут пять пройти вперед. Только столики вокруг дерева мне показались — на самом деле они стояли через дорогу.

Кафе было арабским, дешевые пластмассовые столики и кресла стояли прямо на плитах тротуара, на проходе, как могли бы стоять где-нибудь на московской или питерской окраине. Но в целом место было правильное: без туристов, с двумя-тремя местными посетителями, с взятой в рамку зеленой цитатой из Корана над кассой, большим прилавком сладостей, мужчиной-поваром, раскатывающим тесто прямо в зале, постоянно булькающим на электропечи большим медным чайником и уже знакомыми нам по другим странам Востока стеклянными стаканчиками для чая, ормудами. А взгляд хозяйки был почти российским, знакомым — не очень-то дружелюбным, даже сердитым, без улыбки и дежурного «How are you» или «Ma nishma?»[27]. Мы сделали заказ, по требованию сердитой дамы заплатили вперед и уселись, повторюсь, прямо как у какой-нибудь «стекляшки» в Филях или на Беляево.

Мимо нас густым потоком шли люди, метрах в четырех-пяти от столика по государственной дороге № 60 (она же главная улица города Назарет) двигались машины, туристические автобусы, велосипеды и даже маленький ослик с поклажей.

Через несколько минут сын хозяйки вынес нам чай и сладости, с несколько натянутой, но все же улыбкой (новое поколение) разгрузил все это с подноса на стол, махнул по нему тряпкой, пробормотал что-то вроде «please» и ушел... Первые минут пятнадцать мы молча пили чай и смотрели по сторонам, потом начали потихоньку разговаривать. Не помню, о чем мы говорили сначала, кажется, о том, что это очень

[27] Как дела? (ивр.)

и очень странно — крипта Благовещения и собор Святого Иосифа с мастерской, а вот рядом — арабское кафе, и местная, совсем другая жизнь, и другое время. На расстоянии двухсот метров — всего-то.

Кстати, если опять быть Фомой Неверующим и сказать, что все, все это, прости Господи, не очень ясно: конкретно ли эта мастерская была мастерской Святого Иосифа? Конкретно ли в этой пещере Они жили, да и жили ли вообще здесь? Ведь все это только *церковные истории,* упорно повторяемые две тысячи лет, но прямых доказательств-то нет... Известно лишь, что на месте базилики когда-то стояла церковь второго века нашей эры, вроде бы построенная византийской царицей Еленой на основании устных рассказов пожилых жителей Назарета[28]. И, говорю я сам себе, царица Елена расспрашивала местных жителей всего около трехсот лет спустя после того, как Иисус, Мария и Иосиф жили в этих местах. Триста лет — конечно, не пятьсот и не тысяча, еще могли быть живы люди, прадеды которых помнили эту семью и передавали эти рассказы через поколения... То есть вероятность есть. Допустим, если переводить чувства в цифры, что она, эта вероятность, пять или даже шесть из десяти — это много... Но сознание снова убегает, закрывается, не принимает этот факт, и если позволить ему это сделать, оно говорит: да, вероятность высокая, пятьдесят или шестьдесят процентов, но это не сто.

А делали ли изотопный анализ мозаик на полу?.. — спрашиваете вы себя с легким недоверием. Или: Василевса Елена — это хорошо, и триста лет — это немного, но как сохранилась память об этом месте за пятьсот лет арабского завоевания, после 755 года, когда византийская церковь была разрушена, а почти все христиане изгнаны, убиты или обращены в ислам? По византийским летописям? Хорошо. Но...

И так далее.

Но мы сейчас не будем, как обычно, спорить сами с собой, просто спросим: да так ли уж это важно, дружище, где конкретно они жили? Важно, что где-то здесь. Ведь не может же быть, чтобы люди обманывали себя две тысячи лет, потому что... Потому что это было бы очень грустно. То есть потому, что, говоря словами главного апостола христианства и одного из авторов Нового Завета Павла (Саула) из Тарса, «если Христос не воскрес, и вера наша тщетна, мы — несчастнейшие люди на свете»[29].

— А мы хорошо там побыли, — вдруг говорит жена. — Я где-то читала, что сам Николай Васильевич Гоголь путешествовал в этих краях, но мало что почувствовал здесь. То есть вообще. Он потом написал Жуковскому, что просто просидел где-то два дня на лавочке, как мог бы просидеть на российской уездной станции, и все...[30] No feeling... Я этого боялась. Слава богу.

Я молчу. «Интересно, а какой Он был на самом деле, этот мальчик Иешуа-Иисус?.. — думаю я. — Черненький, как все местные дети, похожий на мальчишек, которых мы видели сегодня, курносых, с пейсами и прямыми иссиня-черными волосами, или кудрявый, как некоторые местные дети — как его изобразил, например, русский иконописец Симон Ушаков?»[31] Веселый, открытый — почти как все дети — или грустный и замкнутый; отношения в семье были хорошими, но все же, по канонической версии,

[28] Важное имя для нашей книги. Императрица Елена, полное имя Флавия Юлия Елена Августа (250? — 330? н. э.) — мать римского императора Константина I, прекратившего преследования христиан, сама до 314 года — тайная христианка. По одной из версий — «простого» происхождения. Ок. 326 года н. э. совершила паломничество в Иудею и провела первые археологические раскопки, а также заложила первые храмы на местах основных евангельских событий.

[29] Апостол Павел, 1-е Письмо христианам в Коринфе, 15. На наш взгляд, одно из самых пронзительных мест в Новом Завете. Тарс (сейчас Тарсус) — город в Южной Турции.

[30] Н. Гоголь. Письмо В. Жуковскому, 1848. ПСС, т. 8.

[31] Симон (Семен) Ушаков, иконописец, XVII век, Москва.

Он был младшим ребенком в большой семье... Высокий Он был или маленький, худой или крепыш, и главное — знал ли Он о своем... своем «предназначении», скажем так, или это «знание» пришло к нему позже? По Евангелию — знал[32]. В римские времена в знаменитом городе Александрии некоторые восточнохристианские богословы исповедовали очень интересные, хотя и немного экзотические взгляды: считали, что тогда нет, тогда Он не знал[33].

Правда, как я уже говорил, у евангелиста Луки есть известный отрывок о том, как двенадцатилетний Йешуа потерялся во время ежегодного паломничества Марии и Иосифа в Иерусалим и только через три дня нашелся в иерусалимском Храме сидящим среди знатоков Торы, «и все, кто слышал Его, удивлялись Его уму и ответам»[34].

Хорошо, это в двенадцать лет, а до?

Я читал несколько средневековых апокрифов о Его детстве, но все это были просто сказки. В одном из них Иешуа-Иисус был изображен мстительным и по-детски жестоким, я помню, как растерялась, прочтя этот текст, одна хорошая знакомая, ей даже потребовалась специальная беседа с настоятелем церкви, в которую она ходит. Слава богу, отец-настоятель оказался умным человеком и объяснил ей, что все это позднейшие рефлексии и фантазии об Иисусе, по-человечески очень понятные, но к реальности отношения не имеющие... А что имеет отношение к так называемой реальности, мы точно не знаем, — тихо замечу я.

— Ты где? Сладости вкусные, на попробуй, — жена трогает меня за руку и прерывает то странное, немного отсутствующее состояние, в которое я погрузился. — Это шербет, я ела его в Средней Азии, похоже... Но вообще нам надо нормально поесть, вечереет.

Я машу рукой:

— В гест-хаусе поедим, мы же договорились.

— Ты как хочешь, а я закажу фалафель, — говорит жена, — здесь он должен быть вкусным, как-никак местные умельцы делают его уже лет четыреста, — она смеется.

Поскольку сотрудников не видно, она идет в кафе, а я продолжаю свои размышления. Странное волнение овладевает мной. Я вглядываюсь в лица прохожих, вслушиваюсь в голоса и будто бы ищу кого-то среди них.

— Что-то случилось? — спрашивает Лиза, подходя.

— Все в порядке, а что?

— У тебя какое-то странное лицо.

— Да нет, — я откидываюсь на спинку стула, машу рукой. — Не обращай внимания. Стал искать кого-то в толпе.

— А-а, — говорит Лиза, — понятно. *Кого-то*... Думаешь, все будет так просто? Ты сидишь, а Они идут мимо, да?

В ее руках завернутая в промасленную бумагу большая лепешка.

— Вкусно, хочешь попробовать? Ты ел это когда-нибудь? Попробуй, — она протягивает мне пакет с лепешкой.

Я осторожно пробую. Внутри лепешки нет мяса — там только растительный белок, шарик из фасоли и орехов, зелень, огурцы, какая-то пряность, все завернуто в лист салата, а сверху салата — тесто. Блинчик с овощами, как сказали бы дома.

Мимо нас в кафе проходит арабская семья. Крупная мама в красивом темно-синем платье и с ярким макияжем, седовласый папа с большими усами и в «тройке», несмотря на более чем теплую погоду, и трое ребятишек примерно от пяти до четырнад-

[32] От Луки, 2.

[33] См. так называемые африканские ереси.

[34] От Луки, 2.

цати лет: старшая девочка уже в хиджабе, хотя в модных больших кроссовках и розовой курточке. Младшие тут же на нас уставились. Я улыбнулся детям, жена родителям, ответа почти не последовало — только старшая девочка несмело улыбнулась в ответ и тут же опустила глаза.

Через минуту выглянул официант. Он ничего не предлагает и не спрашивает, просто выглядывает. Наверное, он смотрит, все ли у нас в порядке. Но без улыбки. Выглядит так, будто он проверяет, не ушли ли мы — но с чего бы, ведь мы заплатили вперед?.. В обычный день я бы почувствовал раздражение, сейчас мне все равно. Ну, почти.

— А во времена Христа здесь были арабы? — спрашивает жена.

— Кажется, нет.

— А кто был?

— В основном иудеи и римляне, а еще самаряне и финикийцы, если я ничего не путаю... Но это туда, на север, — я машу рукой в предполагаемую сторону севера. — Тут же была римская провинция Галилея, что-то вроде автономной республики в составе России, только порядки пожестче. У них даже выговор был особый — из-за соседства других народов. Матфей пишет, что в дни ареста Иисуса в Иерусалиме апостола Симона-Петра узнали по этому выговору[35].

Мы почему-то снова оглядываемся, мы как будто в инсайте, из которого никак не можем выйти... Вот мостовая из грязных плит, вот пластмассовые столики, вот вывески арабских лавок, пыльные цветы гибискуса, а рядом — небольшая площадь или перекресток, в центре его стоит старая олива. Я вспоминаю, что читал где-то, что эти деревья могут жить очень долго, около тысячи лет — то есть конкретно это дерево видело крестоносцев и арабских воинов Сулеймана Великолепного так же, как видит нас...

Я испытываю странное ощущение, это ощущение пространственно-временной путаницы. А еще — своды огромного собора вокруг небольших пещер в земле — можно сказать, отсюда начались все христианские церкви в мире или от этих пещер — до пещеры (землянки) Рождества в Вифлееме, откуда они начались, условно говоря, два шага, несколько часов на машине. Но там Мария-Мириам, Иосиф-Йосиф и младенец Иисус провели совсем немного времени, а здесь они прожили *больше тридцати лет,* почти всю (земную) жизнь Иисуса и больше половины жизни Марии и Иосифа.

И я, сидя за этим грошовым столиком на современной восточной улице в двадцать первом веке, я чувствую себя немного в том времени, когда они жили в этих местах. Оно будто проступает или немного просвечивает сквозь наше. Да и физически — остатки его где-то рядом. Мы же видели крипты в базилике и храме Иосифа: метр-полтора вглубь через песок и мелкие камни — и вот они.

Кстати, некоторые русские богословы считали, что здесь жили родители Марии, хотя каноническая версия и раннее христианское богословие говорят об Иерусалиме[36]. В житейском плане она понятна: почему Иосиф и Мириам-Мария выбрали именно Назарет, ведь Иосиф был родом из Вифлеема? Потому, что у кого-то из них там были родственники[37].

Жена дотрагивается до моей руки:

— Ау? Что будем делать дальше? — спрашивает она.

---

[35] От Матфея, 26.

[36] Иерусалимская версия изложена, например, у знаменитого Иоанна Дамаскина (VII—VIII века н. э.), в книге, известной на русском языке как «Точное изложение православной веры» (в книге 4-й).

[37] Назаретской версии придерживался известный русский богослов, святитель XVII века Дмитрий Ростовский.

Я пожимаю плечами:

— Не знаю, все равно.

— Ты, случайно, не рассердился, что я сказала, чтобы ты писал записку там, в храме?

— Да нет, нормально...

— Вдруг... — говорит Лиза. — Ну, вдруг?

— Если только «вдруг».

— Был такой американский психолог, Уильям Джеймс, — говорит Лиза немного позже, — я читала его в университете, он писал, что вера в Бога в каком-то смысле выгоднее, чем атеизм.

— *Выгоднее?..* Как это?

— По-моему, там перевели так. Главная мысль автора была в том, что в случае веры жизнь становится эмоционально богаче[38]. Еще он написал, что если ты веришь, то для лично для тебя — Бог есть.

Некоторое время мы молчим.

«Пожалуй», — думаю я.

— Давай побродим по городу? Уйдем с главной улицы, зайдем в пару магазинов, еще сядем где-нибудь, посмотрим, как поживает город Назарет, — предлагает Лиза.

— Мы уже сидим, — говорю я.

— Ну, тут все-таки рядом туристическое место, главная улица.

Мы оставляем чаевые на столе, прощаемся с официантом и через стекло получаем в ответ кивок с кривой улыбкой.

— Может быть, они нас боятся? — осеняет жену.

Я пожимаю плечами:

— Вряд ли. Скорее всего, они слегка обсчитали нас.

И мы идем дальше вниз по улице от базилики Благовещения и старой оливы на перекрестке.

— Слушай, — жена вдруг показывает на магазин «Nike» на другой стороне улицы, он немного странно смотрится здесь. — А давай зайдем? Слегка переключимся. А то как-то слишком сильное ощущение... Потом, забавно купить майку или кеды в Назарете и потом ходить в этом по Москве. Обычные, без всяких надписей, майку и кеды, знать, откуда это, будешь только ты.

Я киваю. Я же говорю, мне в общем все равно, куда заходить. Мы переходим улицу, я бормочу только, что это «знание» может либо дорого стоить, либо быть подделкой.

— Подделкой чего? — иронически спрашивает жена, и я соглашаюсь:

— Действительно, чего?

7.

Мы переходим улицу по «зебре» (позднее я узнаю, что светофор, которым мы воспользовались, единственный в городе), поднимаемся по широкой лестнице, и стеклянные двери разъезжаются перед нами.

«Здравствуй, миръ, давно не виделись», — со смешанным чувством радости и какого-то странного раздражения думаю я. Будто бы эти раздвижные двери — какая-то осязаемая граница, тамбур — из какого? Первого, двенадцатого или четырнадцатого века нашей эры — в двадцать первый.

Мы входим. Главное достоинство магазина «Nike» в городе Назарет — хороший кондиционер. В магазине почти холодно, и это актуально в месяц нисан, даже когда

[38] Уильям Джеймс — американский философ и психолог XIX века. Скорее всего, героиня имеет в виду его книгу «Воля к вере». М., 1995.

солнце клонится к закату. Далее ряды товара, аккуратно разложенные на полках, ассортимент не очень богат и напоминает ассортимент спортивного магазина где-нибудь в российской глубинке; продавцы в знакомой униформе, зеркала на стенах, и почти никого народу.

Особенное впечатление производят на нас толстые войлочные тапочки — впоследствии нам объясняют, что в них нет ничего необычного, зимой в этих местах бывает холодно, полы, как правило, каменные, а отопление, как везде на юге, — дело не дешевое... Однако, увы, все хоть сколько-нибудь симпатичное в филиале фирмы «Nike» в городе Назарет присутствует в очень малом количестве и стоит дорого. Конечно, не так дорого, как в Москве, но ощутимо.

«Но раз ценник стоит, значит, есть покупатель, — думаю я, — значит, в Назарете имеются свои хипстеры и модники». Я замечаю прикольные зеленые кеды и советуюсь с женой — не купить ли? Разумеется, это сострочили где-то недалеко, я смотрю на ярлычок внутри — сплошная арабская вязь, но действительно, как забавно будет ходить в них по Москве — ведь я-то буду знать, откуда они!.. А если немного поносить их здесь, в подошвы проникнет местная пыль, и я принесу ее в Москву. Добавлю немного святой землицы в землю Первопрестольной — ей не помешает... Жена тоже присмотрела себе кое-что: майку с принтом в виде черно-белого фото Иерусалима 1920—1930-х годов. Вот только цена тоже высоковата. Мы долго торгуемся с продавцом, он говорит, что в магазине фиксированные цены, сорри, и только когда я прибегаю к последнему средству — делаю вид, что собираюсь уходить, он уступает и соглашается. Платим русской карточкой, будто мы на Никитском бульваре или в Беляеве, и выходим из магазина с фирменным пакетом, который довольно странно смотрится здесь.

— Интересно, — говорит жена, — а в Его время здесь были одежные лавки? На рынке должны были быть... Ведь Мария была совсем молодой женщиной, и святой Иосиф водил ее по тряпичным магазинам... Или Назарет был слишком маленьким городом, чтобы иметь свои лавки одежды, и они ездили в города побольше? Помнишь, мы читали про какой-то Сепфорис — это неподалеку, там даже античный театр остался[39].

— Я тебе еще более странный вопрос задам, — говорю я. — В какой-то момент мне захотелось спросить: а не бывали ли Они — в этом магазине? У меня вдруг возникло такое чувство — только не думай, что я повредился в уме.

— Они везде тут бывали, — говорит жена. И добавляет: — Такое чувство.

На следующем перекрестке овощная лавка. Темнеет, зажигаются фонари, и в их свете помидоры кажутся краснее, а зелень — густо-зеленой.

Вы будете смеяться:

— И здесь тоже бывали? — спрашиваю я.

Мы выбираем несколько помидоров и пучок зелени.

— Сделаю салат, — говорит жена. — Сын хозяина сказал, что кухня в нашем распоряжении. Неизвестно, что у них за ужин, в любом случае будет кстати.

— Is it made here? — спрашиваю я у небритого продавца.

Он слышит знакомое слово и кивает, обводит рукой окрестности:

— Here, here.

— Назаретские помидоры и назаретская петрушка! — говорит жена. — Ты не знаешь, как быстро меняется внешний вид растений?

— Две тысячи лет — для них ерунда, — говорю я. — Но при Иисусе помидоров здесь не было.

— Не поняла?

[39] Историческая столица Галилеи, сегодня только археологический памятник.

— Их тогда ели только ацтеки и, может быть, инки[40]. А петрушка была точно такая же, разве что поменьше — искусственного орошения не было.

— А, ну да... — Жена улыбается, качает головой. Берет в руки зеленую веточку петрушки, рассматривает, кладет обратно в пакет.

Мы медленно бредем по улице, я надеюсь снова набрести на нетуристическое кафе или хотя бы скамейку, но ничего нет, вокруг четырех- и пятиэтажные дома, в открытых окнах горит свет, слышны голоса, звяканье посуды — время ужина и проверки школьных уроков у детей; в одном из окон я вижу совершенно обыкновенную люстру с белым тканевым абажуром из «Икеи», такую я мог увидеть в каком-нибудь окне в Москве или Питере, и я радуюсь ей как старой знакомой. Меня напрягает некоторое безлюдье, часто раннее, даже восьми еще нет, и на ближайшем перекрестке мы поворачиваем в сторону главной улицы.

— А интересно, русские здесь есть? — говорю я. — Ну, кто-то вышел замуж или женился — например, когда учился в СССР или России?

— Конечно, — говорит жена. — Они везде есть. Живет какая-нибудь Зина или Марина на этой улице и растит двух смугленьких мальчиков или девочек. Почему нет?

— А что она думает о базилике и криптах? — спрашиваю я.

— Да ничего, в основном привыкла, наверное, — говорит жена. — Что думает человек, живущий, например, в Сергиевом Посаде о храме преподобного Сергия? Если он верующий, он вспоминает его, и ему становится хорошо, а если нет — он просто привык... Ну, красивая церковь, золотые купола — и все. А может быть даже, эта Зина-Марина приняла ислам... Есть, правда, вероятность, что она вышла замуж за араба-христианина. Я прочитала в автобусе, что раньше их было тут много... Литургия в назаретской церкви каждое воскресенье — ей можно позавидовать, а? — и Лиза вздыхает[41].

Поздний вечер, главная улица, зеленые скатерти на столиках и плетеные «французские» кресла кафе-мороженого известной европейской сети на не очень чистом тротуаре, где какие-то местные, криминального вида бородатые мужики напряженно обсуждают дела. Основная же часть публики сидит внутри. Здесь мы проведем наш первый вечер в Назарете. Не могу удержаться от реплики: Назарет — это вам не Нетания и не Тель-Авив, это настоящий Восток, друзья мои, и вечерняя улица здесь не пространство для отдыха.

Мы побывали в гест-хаусе, но там нам не понравилось, обычное тусовочное место, и непонятно, где мы — в Назарете или на Бали?

Кафе, в которое мы пришли, естественно, безалкогольное, ислам запрещает алкоголь, но внутренний интерьер при этом абсолютно европейский, двенадцать сортов мороженого и куча разных сладких наполнителей. Заведение очень даже креативное и оформлено как стандартное кафе этой сети, в смысле, никаких вдруг фресок с библейскими сюжетами на стенах, только сочетание оранжевого, белого и зеленого, только пластик, металл и стекло; зайдя в него, вы, согласно задумке организаторов и устройству человеческой психики, на какое-то время вполне можете почувствовать себя на знакомой и безопасной территории, в Милане, Питере или Варшаве... Единственная особенность — окна на улицу, то есть их практическое отсутствие. Они были узкими и длинными, как бойницы, шириной сантиметров тридцать-со-

[40] Просим прощения за банальное напоминание: один из самых ранних примеров международной торговли — помидоры и картофель были завезены в Старый Свет после открытия Америки, то есть после XV века новой эры.

[41] Божественная литургия, евхаристия (греч.) — важнейшая церковная служба недели.

рок, и находились под самым потолком. Вместо них — разрисованная цветными полосами стена.

Среди посетителей — местная молодежь. Туристов мало — вечер. Согласно рекомендациям путеводителей, все отсиживаются в гостиницах — там безопаснее. Только мы и еще одна молодая пара, судя по языку, кажется, из Греции; днем, когда мы проходили мимо, европейцев было гораздо больше.

Зато местных много — заняты почти все столики. Я машинально отмечаю, что двое плотных мужчин за стойкой, судя по брошенному на нас внимательному взгляду, по совместительству с работой барменов, похоже, выполняют функцию охраны. Но от кого они охраняют кафе, если рядом отделение полиции?.. От своих земляков?..

Основной же персонал кафе — симпатичные молодые девушки, причем две или три из них настоящие красотки. Девушки дарят нас улыбками, хором, мелодично, как гурии, говоря свое всемирное «hi!».

Еще я думаю, что проедь мы на местном городском автобусе несколько остановок вверх, в чинный, расчерченный на аккуратные кварталы ухоженных коттеджей соседний израильский городок Нацрет-Иллит — и палитра эта будет совсем иной, много спокойнее, привычнее, с традиционным баром со спиртным, музыкой и пьяными посетителями, но гораздо беднее по набору эмоций.

Мы заказываем мороженое и кофе, сверху мороженое поливают шоколадом, я на минуту вспоминаю детство — такое мороженое мне покупал дед, когда мы с ним и с бабушкой отдыхали летом в Прибалтике. Я думаю, что моему деду, советскому еврею, понравился бы Израиль, в котором он никогда не был, но о котором много слышал сквозь помехи по «Голосу Америки» и регулярно читал гадости в советских газетах, и что если Бог и его Рай есть, то дед, наверное, радуется, глядя на нас сейчас откуда-то сверху...

Мы садимся в уголке и начинаем разглядывать посетителей и меню, крупно написанное по-английски цветным мелом на грифельной доске над стойкой. Больше всего молодежи, но, как ни странно, это компании только парней, две девушки в хиджабах, опустив глаза с длинными черными ресницами, занимают столик в углу; в центре зала большая семья: молодая мама в светло-коричневой парандже, но не строгой, а открывающей лицо, у нее хорошее, симпатичное лицо мамы большой семьи, я представляю ее на кухне у плиты, в детской спальне, вечером перед зеркалом втирающей ночной крем в лицо и шею; папа, усатый брюнет лет пятидесяти, похожий на школьного учителя физики или инженера; две смешные дочки, кажется, погодки лет по девять и десять, их волосы еще не покрыты — все с аппетитом едят мороженое.

Алкоголь для мусульман запрещен, даже вино: усатый папа тянет через трубочку розовый молочный коктейль, мама и дочки коктейль с зеленоватым оттенком — идиллическая картина!.. «Интересно, — думаю я вдруг, — а в это кафе Они тоже иногда заходят? Йешуа, Его Мать, Йосиф? Вот... как эта семья?»

Дорогой читатель, не смейся, я — не сумасшедший, и я не оговорился, но ощущение чьего-то «присутствия» очень часто появлялось у меня в городе Назарете. И не только в этом городе, вы помните, я уже говорил — даже в построенной восемьдесят лет назад и населенной в основном новыми иммигрантами абсолютно мирской Нетании я выходил ночью на балкон квартиры друзей, смотрел на освещенный фонарем пустой перекресток с мигающим желтым светофором и невольно чего-то или кого-то ждал... Кстати, это чувство ожидания — я слышал о нем от многих, кто бывал в этих местах.

Но я продолжаю описывать наше «здесь и сейчас», продолжаю стараться оставаться спокойным и даже проявляю иронию и самоиронию — чтобы не впасть в мелодекламацию... Так вот, окружающие посетители тоже разглядывают нас, как это принято

в кафе по всему свету, разглядывают в целом дружелюбно, только какой-то прыщавый молодой человек с высоким и очень худым другом смотрят с характерной для стран Азии и Африки демонстративной презрительностью.

«Комплексуешь перед европейцами, зайка? — немного сердито и, увы, совсем не по-христиански думаю я. — Комплексуй, комплексуй... Что тебе остается?»

— Пойдем, может быть, все-таки на улицу? — говорит жена. — Здесь как-то неинтересно.

— А как ты думаешь, сюда Они заходят? — спрашиваю я.

— Сюда?.. — жена на минуту удивляется. — Вряд ли...

Через минуту более серьезно спрашивает:

— То есть ты думаешь, что Он, то есть... что Они бывают здесь в... *физическом теле?*

Я пожимаю плечами:

— В физическом или нет, не знаю. Я не богослов. Но теоретически могут. Подобные случаи в специальной литературе описаны.

— Ты мистик, милый? — спрашивает жена. — Не замечала этого за тобой раньше. По-моему, не заходят — согласно Евангелию, или я что-то неправильно понимаю? По-моему, Он сказал, что *вернется,* но не сказал, что *будет возвращаться,* не так ли?[42]

— Так, так, — бормочу я.

— Чудес хочешь? — догадывается жена. — Я еще днем у старой оливы заметила. Не уверена, что они будут, разве мы хоть немного просили, то есть молились об этом?.. Ты сам рассказывал, что какой-то афонский святой молился о встрече с Йешуа-Христом четырнадцать лет, так что, если исходить из этого опыта, у нас шансов довольно мало...[43] И наверное слава богу, потому что — не знаю, как ты — я не очень готова. Это ведь серьезное дело... Что ты ему скажешь, «здравствуйте»?

Я зову одну из официанток, на ее беджике написано, что это Шираз, глаза сильно подведены черной тушью, она почти в местной униформе: темной, закрытой, облегающей кофточке с длинными рукавами и таких же облегающих джинсах — все угадывается, но все закрыто. Простите, может быть, я изобретаю велосипед, но, по-моему, Шираз — это город в Иране, в котором жил поэт Хафиз, а еще — сорт винограда, из которого делают красное вино... Не знал, что это еще и женское имя. Случайно или нет, но губы Шираз накрашены темно-красной помадой, красной, как местное вино, если разглядывать его на свет.

Она подходит, улыбается:

— Йес, мистер.

Спрашиваю по-английски:

— Мы хотели бы пересесть на улицу, это не опасно?

— Опасно? — Шираз смеется. — Нет, это не опасно. Кто вам сказал, что здесь опасно? Давайте я буду вас охранять.

В сопровождении возможной землячки Хафиза мы усаживаемся на улице. Брутальные бородачи некоторое время смотрят на нас, потом, убедившись в нашей безобидности, снова углубляются в свой важный разговор. Через минуту официантка выносит наш поднос, и я прошу еще кофе.

— Сейчас, мистер, — Шираз опять дарит мне ослепительную улыбку.

Я задаю глупый, в общем, вопрос:

— Простите, а сюда не заходила молодая женщина с ребенком?

Шираз улыбается:

---

[42] От Матфея, 16.

[43] Речь идет о святом Силуане Афонском, русском по происхождению.

— Сюда часто заходят женщины с детьми... Как она выглядела или, может быть, имя? Она местная или иностранка?

— Местная. В таком длинном темно-вишневом платке. — Я показываю руками длинный платок. — Ее зовут Мариам, если по-арабски, или Мириам, Мария.

Шираз внимательно смотрит на меня:

— Нет, не заходила...

Молчит, потом, кажется, понимает,чуть улыбается:

— Вы паломники?

— Можно сказать, что да.

— А где ваша группа?

— Мы сами себе группа.

Она кивает:

— Да, такие тут есть. Некоторые европейцы даже снимают здесь квартиры и живут два месяца или три. А некоторые остаются надолго.

Какое-то время девушка стоит возле нас, но смотрит куда-то вдоль улицы, в сторону поворота к базилике, потом, будто проснувшись, глубоко вздыхает:

— Вы еще что-то хотели?

Я качаю головой.

— Сейчас я принесу ваш кофе, — говорит Шираз. — Если что-то еще будет нужно — вон камера, помашите, я буду поглядывать.

Мы сидим со своим мороженым. Разноцветные, начинающие течь, политые шоколадом шарики в стеклянных вазочках. Маленькие металлические ложечки. Какие-то вечнозеленые кусты с желтыми цветами в горшках отгораживают наши столики от не очень чистого тротуара. Кусты растут в кадках. Ярко горят фонари. Оранжевым и зеленым светится вывеска заведения. Прохожих почти нет. На противоположной стороне улицы ювелирный магазин — все окна наглухо закрыты железными ставнями. Рядом — освещенные светом уличного фонаря полные ящики для мусора с роющимися в них котами, за помойкой — увитая бугенвиллем старая стена из больших камней, похожая на крепостную. В темноте красные цветы бугенвилля и камни кажутся почти черными. Выше по улице, почти напротив остановки, где мы сошли сегодня днем (уже кажется, несколько дней назад), — круглосуточный супермаркет. Рядом освещенная автостоянка, знак «stop», магазинные тележки для товаров...

Обычный восточный городок, небольшой, умеренно темный, умерено грязный. Все до предела обычно. Есть только одна важная деталь: в этом городке около двух тысяч лет назад жил молодой человек по имени Йешуа бен-Иосиф, у евреев того времени не было фамилий, но было отчество или название места жительства — бен-Иосиф означает всего лишь сын Иосифа, но больше Его знают как Йешуа Назарейского, только потом, как я уже писал, к имени прибавилось слово Посланник, Мессия, Помазанник, если по-гречески, и по-русски — Христос. Когда я думаю об этом, у меня происходит что-то вроде неожиданной автонастройки резкости — я даже немного подскакиваю в своем «европейском» креслице. Но через пару минут ощущение смягчается, хотя самый знаменитый житель Назарета, как на картине или даже на иконе, все время незримо присутствует где-то у верхнего края нашего ночного пейзажа.

— Скажи, а ты правда не чувствуешь Их рядом? — спрашиваю я у жены после некоторого молчания, хотя и думаю при этом: скажи я такое психологу в Москве, девяносто процентов мне предложили бы пить таблетки.

— Все время? — она удивляется. — Нет... Я бы сказала — к счастью, а то бы я не выдержала... Но Он или Они как бы тихо находятся здесь... как говорят американцы: in general. — Она тихо смеется. — В виде слабого света, вроде лунного, но без опре-

деленного источника[44]. А иногда такое чувство, что Он или его Родители вот-вот выйдут из-за угла, — она показывает пальцем из-за какого, — или перейдут улицу, или зайдут вон в тот ночной супермаркет. — Странное чувство, рационально я понимаю, что никто здесь не ходит, но иррационально — ты прав, я как будто даже жду этого.

— В современной одежде или в той?

— Хм... Зачем в современной? Это все-таки не кино. В той, конечно.

Я смотрю на государственное шоссе № 60, по которому изредка проезжают машины, и представляю, как перед притормозившим междугородным автобусом проходят люди в одеждах первого века нашей эры: мужчина, женщина, мальчик. Ощущение это до того реально, что я снова немного вздрагиваю...

Что значит прохлада позднего вечера и впечатлительная натура.

Брутальные дядечки (кстати, очень похожие на своих московских собратьев где-нибудь на Кутузовском или Ленинском проспектах) уходят, одарив нас не очень довольными взглядами — по-видимому, мы все же немного мешали их разговору, — и мы остаемся на улице одни.

Ширaз приносит еще кофе.

— Все в порядке? — спрашивает она, провожая глазами бородачей.

Я киваю: да, спасибо.

— Я слежу за вами в монитор, — напоминает Ширaз. Она прикладывает ладонь, сложенную в виде подзорной трубы, к глазам и улыбается. — Скоро сюда придет мой младший брат, и тогда мы будем охранять вас вдвоем.

Лиза предлагает написать смс нашей знакомой в Москве, которая очень хотела поехать с нами, но не смогла. Мол, ку-ку, привет из Назарета. Были в возможном доме Родителей Христа. Убедились лично: физически *дом* — существует.

Смс написана. Через несколько минут телефон пищит, и нам приходит ответ: ой, какие вы молодцы, поставьте там за меня свечку. В Москве все по-прежнему, холодно, весна никак не наступит...

Странно читать смс из Москвы на этой вечерней улице. Кстати, это стандартный ответ — все, кому мы пишем отсюда, просят поставить за них свечку. Причем необязательно верующие, атеисты тоже.

8.

Через несколько минут у нас неожиданно появляется компания. Одетая в наглухо застегнутую синюю ветровку и узкие черные джинсы девушка с очень короткой стрижкой, по внешнему виду — очень бледное лицо — явно только что приехавшая из Европы. Сначала она проходит мимо, мельком на нас взглянув, потом возвращается и усаживается за ближайший столик.

— Это из нашего гест-хауса, — тихо говорит Лиза, — она живет в соседнем здании, там, где номера на четыре человека. Я ее видела утром за завтраком — странная какая-то, никому не улыбается, ни с кем не общается. Причем я случайно увидела ее паспорт, когда она оформлялась на ресепшене — по-моему, она голландка или бельгийка, я не очень сильна в гербах, — там на обложке какие-то топорики, милитаризм, в общем.

Жена поворачивается к нашей соседке («не надо», — тихо говорю я, но поздно) и, улыбаясь, говорит по-английски:

---

[44] Героиня невольно повторяет слова ежедневной христианской молитвы, где Бог обозначается как «безначальный и везде и всегда присутствующий (присносущный) Свет», а также некоторых положений теоретической и квантовой физики.

— Hi!.. Мы соседи. Гест-хаус «Назарет».

Наша соседка поворачивается, и на лице ее включается дежурная улыбка:

— Oh, hi...

Далее следует стандартный обмен туристическими любезностями: откуда мы, откуда она — оказывается, не из Голландии, а из Франции.

— О, Франция, — не удерживаются русские белые медведи, — мы там были! О, Париж, — подавленный вздох, — о, Марсель, — еще один вздох.

Далее, как все туристы, мы рассказываем друг другу, где уже были в Израиле и куда направляемся. Разговор идет на международном эсперанто: по-английски, на котором русские и французы говорят одинаково плохо.

Она была в Джерусалем, собирается в Бетлехем, но не на полдня, как все, а подольше. Дня три-четыре она поживет в Бетлехем, наверное, встретит там Страсти Господни, Passions of the Lord и Easter[45], а потом попутешествует еще. Для нее день Страстей Господних очень сложен, она всегда много плачет в этот день. «Ему вбили гвозди вот сюда, — она показывает ладонь. — Это очень больно...» Поэтому она едет в Вифлеем, а не в Иерусалим.

Мы киваем:

— Вы правы, это грустно. Но Он же воскреснет, оживет, мы стараемся в это верить.

— Да, но этот день тоже очень важен. Для каждого!.. — с нажимом говорит француженка, и я вспоминаю, что где-то читал, что для католиков Страстная пятница чуть ли не важнее дня Воскресения.

— А где вы будете путешествовать? — переводит разговор жена.

— На Территориях.

— Ого. А это безопасно?

— Да, конечно. Нет, это совсем не опасно!.. — француженка искренне удивляется.

— А где еще на Востоке вы были? — вежливо спрашивает жена.

— О, много где. Иран, Лебанон, Сириа, это было еще до их войны, Йемен, Сауди Аравиа... Йемен — это очень красиво, необыкновенно. Может быть, с Территорий она поедет в Иорданию, там она еще не была, но точно пока не решила... А мы бы не хотели поехать на Территории вместе? — неожиданно предлагает наша соседка.

Мы растерянно молчим.

— Одной скучно, она уже была там. У нее есть знакомые в одном гест-хаусе в Наблусе, то есть мы хорошо устроимся, и у них дешевая трава... Кроме того, она могла бы кое-что показать нам. Там много интересных мест из Библии, например колодец Иакова, это там слуга Isaacs нашел жену для его сына, и еще там Jesus встретил Samaritan[46]. А недалеко — Бейт-Сахур, где ангел явился пастухам...[47] — в этом месте ее лицо становится почти ненапряженным, а улыбка мягкой.

Мы колеблемся. Я совершенно равнодушен к траве и очень советую это равнодушие своим читателям, но люблю экстрим, несколько дней в Палестинской автономии — где в Москве вы возьмете такое? Потом «Поле пастушков», постоять там без треска экскурсовода — это ведь здорово, можно попробовать немного помедитировать там, наша новая знакомая будет не против.

— Надо подумать, — наконец говорю я. — У нас были немного другие планы. А вы уверены, что на Территориях не опасно для европейцев?

Француженка снова очень удивленно на меня смотрит:

---

[45] Английское название Пасхи.

[46] От Иоанна, 4.

[47] От Луки, 2. По версии евангелиста Луки, ангел, возвестивший рождение Христа, явился не волхвам, а пастухам под Вифлеемом.

— Да нет же... Там симпатичные люди. Это все... — она медлит, — израильская и американская пропаганда. Ну... Ну, вот хозяин нашего гест-хауса вам нравится? Он палестинец. А его жена? Она тоже палестинка. И сын. Просто живут здесь. Даже в Газе большинство нормальные. Есть, конечно, психи, — она крутит пальцем у виска, — но они есть везде.

Но в Газу она не поедет, хотя там очень классно — это один из самых старых городов на Земле, ему не то пять, не то шесть тысяч лет, она не помнит точно. Не поедет, потому что можно попасть под военную операцию израильтян, а потом, на обратном пути, на границе, израильские пограничники устраивают европейцам такой шмон, что вообще пожалеешь, что вернулся... Или что поехал. Если не найти компанию. Почему-то к туристическим группам они привязываются меньше... Кстати, мы знаем, что в Газе находится очень старый, вообще один из первых христианских монастырей?[48]

Любительница экстрима предлагает познакомиться, она называет себя:

— Катрин.

Мы тоже говорим, как нас зовут. Звучит дежурное, но в данном случае довольно искреннее «nice to meet you».

— Простите, Катрин, вы кто по специальности? — спрашиваю я.

— Восток. Я занимаюсь Востоком, — говорит она.

— Вы говорите по-арабски?

— Да, но не очень хорошо.

— Вы католичка? — спрашивает жена.

— Да, — француженка кивает после небольшой паузы, и взгляд ее на минуту становится беспокойным: религия — слишком личный вопрос для европейцев.

— А Израиль вам нравится? — вдруг спрашивает моя жена.

Ее лицо тут же закрывается:

— Нет.

— Почему? — спрашивает жена.

— Как ты догадалась? — по-русски говорю я.

Наша соседка на минуту задумывается.

— Во-первых, это почти та же Европа, а Европа ей не нравится. В Европе нет жизни, все... по правилам. Свобода — кажущаяся, только не в том, что касается денег, зайдите в любой большой банк — сразу поймете, что к чему. Главное — деньги, хотя все усиленно делают вид, что это не так. А деньги принадлежат международным банкам, вот у кого настоящая власть, им не нужны выборы... Здесь, может быть, немного эмоциональнее, чем во Франции, но израильтяне плохо относятся к палестинцам, несмотря на предоставление автономии. Эта «стена», которую они построили недавно, вообще грубейшее нарушение прав человека!.. Вы про нее знаете? Это вторая Берлинская стена, по существу, а все молчат, будто так и надо.

— Но они же построили ее для защиты. Очень часто с Территорий проникали террористы... — говорит моя жена.

— Террористов было десять человек в год, а стеной окружили целый народ. Если бы вы ее увидели, вы бы сразу поняли, о чем я. Это не защита, а попытка изоляции. По существу, Израиль ведет себя как военное государство, оккупант, и никому до этого дела нет!..

Катрин начинает волноваться, она подтягивает молнию своей ветровки под самый подбородок, к тонкой белой шее и отворачивается. Когда она отворачивается, я вижу

[48] Скорее всего, героиня имеет в виду монастыри св. Иллариона, св. Илии и другие, основанные между II и IV веками н. э., — действительно, одни из первых христианских монастырей в мире.

маленькую нашивку — профиль товарища Че на ее рукаве. «Вон что, — думаю я, — вчера же здесь было представление...»

— А вы вообразите, что от этих террористов, которых «всего десять человек в год», не дай бог, пострадали именно ваши родственники, которые просто шли по улице или зашли вечером посмотреть кино, что бы вы тогда сказали? — говорит моя жена. — Во Франции бывают теракты, вы же должны это понимать.

Молния врезается в подбородок. Француженка молчит. Я тихонько толкаю жену под столом и после паузы спрашиваю у нашей новой знакомой, а не бывала ли она в Кане Галилейской. Говорят, это рядом.

— В этот приезд не была, — отвечает Катрин, — но раньше, конечно, была. Это действительно недалеко. На машине вообще минут десять, а еще туда ходит автобус, на ресепшене наверняка знают номер.

Разговор иссякает. Француженка допивает свой кофе и встает. Оставляет на столе несколько шекелей. Впрочем, несмотря на разногласия, прощаемся мы вполне дружески. Как-никак — и по Хантингтону, и просто так, как говорится, по ситуации — мы представители одной цивилизации[49]. И потом — толерантность и еще раз толерантность, мы — европейцы, мы не должны проявлять сильные эмоции и тем более сильно спорить из-за политики.

Через минут десять мы тоже зовем Шираз и расплачиваемся.

— Это ваша знакомая? — спрашивает Шираз, показывая на стол, где сидела француженка.

Я качаю головой:

— Пока нет, просто соседка в отеле.

— Она странная, — говорит Шираз. — Очень странная. Она уже заходила сюда днем. Спрашивала, довольны ли мы условиями работы в Израиле... Она была немного *под этим...* — она делает пальцами движение, будто курит сигарету, и усмехается.

— А вы довольны? — спрашиваю я.

— Если бы я была недовольна, то, наверное, не работала бы здесь, — отвечает мне Шираз почти без улыбки.

Мы медленно бредем вдоль улицы в супермаркет. Народу почти никого, закрытые магазины, проехало пустое желтое такси, водитель вопросительно посмотрел на нас, и я покачал головой. Мы могли бы идти так в Москве, в Нью-Йорке или в Стамбуле, и так же проходящее такси притормозило бы рядом с нами. А сейчас мы идем *в Назарете.* Немного странно, но здесь тоже есть такси и супермаркеты — люди завтракают и обедают и ездят на такси.

— Поле пастухов, — вспоминаю я. — К пастухам прилетел ангел, и он весь сиял. Не помню точно, что было дальше, но, по-моему, он сказал, чтобы они его не боялись и что неподалеку от них, в иудейском городе Вифлееме, родился мальчик, который станет Спасителем мира...[50]

— Катрин немного антисемитка, да? Или мне показалось? — неожиданно спрашивает Лиза.

Я пожимаю плечами:

— Похоже, но если ей это сказать — она будет горячо отрицать. Скорее, она — антиизраильтянка. Хотя и это не главное, по-моему, она просто очень «левая» — социалистка на всю голову. Ты видела нашивку с Че Геварой на ее рукаве? А ее речь против

[49] Сэм Хантингтон, американский социолог и философ XX века, автор книги «Столкновение цивилизаций» (1993).

[50] Подробное изложение см. От Луки, 2.

банков? Мне, кстати, понравилось... Наверное, она приехала на вчерашний хеппенинг на площади... Вообще, ну ее, не хочу здесь говорить о политике. Вон — крест церкви Благовещения, там, за домами — базилика Святого Семейства... А вопросы политики и демократична ли западная демократия — страшно надоели еще дома.

— Странно, — говорит Лиза. — Я ей как-то не верю... Она не похожа на туристку. Как будто она занята каким-то... делом, а не впечатляется, как мы. И в кафе она пришла будто после работы.

— Ну ее, — еще раз говорю я. — Тут есть полиция, пусть она с ней и разбирается, если есть за что... Ведь тебя зовут не миссис Марпл?[51]

— Вроде нет, — говорит жена.

— Ну вот, оставь эти мысли. Еще дома надоели...

Мы некоторое время идем молча.

— Кстати, какое странное слово в английском языке обозначает Пасху, ты заметила? — спрашиваю я. — Я раньше не слышал и не сразу догадался, о чем она. Easter — это восточник, восточный, если дословно?

— Английский очень рациональный язык. Восходящник — если буквально... А я так и не пойму: пастухам или волхвам явился ангел? В одном Евангелии волхвы, в другом — пастухи. Как правильно? — спрашивает Лиза. — Мне нравятся и те, и те.

— Богословский ответ я не знаю, но думаю, что это зависит от автора. Условно говоря, кто он был по взглядам: «левый» или «правый», — усмехаюсь я. — Я думаю, что в данном случае ближе к истине был врач и художник-любитель Лука, но, может быть, бывший государственный служащий Матфей был тоже прав — одно другого не исключает[52]. Ясно одно — к яслям в Вифлееме кто-то приходил, но кто именно — есть разногласия... Кстати, по-моему, есть еще одна важная неясность: святой Иосиф был родом из Вифлеема, поэтому он пошел туда на римскую государственную перепись. Значит, у него там должны были быть родственники. Но его почему-то никто пригласил домой, и он *с молодой женой на девятом месяце* остался на улице — зимой. Почему? Он был в плохих отношениях с родственниками из Вифлеема? Из-за чего?.. Если верить официальной церковной версии, Мария была его второй женой. А где первая? Случайно, не из-за этих неизвестных нам разногласий и обстоятельств его Пасынок был резко против разводов? Тора их разрешает, а Йешуа, как известно, призывал соблюдать предписания Торы?..[53]

Жена молчит. Мне кажется, что ей не очень нравится то, что я говорю.

— Может быть, не знаю. Сейчас не очень хочу думать об этом. Мешает.

— Чему?

— Вере.

— Хорошо, — говорю я. — Не будем трогать исторический контекст. Но: евангелист Матфей знал Мириам и Ее Сына почти с самого начала. И свое Евангелие писал по *собственным воспоминаниям,* а первые главы — по рассказам святого Петра. Вот уж кто был лишен дара сочинительства, так это Симон-Петр — рыбак по профессии[54]. И, Матфей говорит о волхвах. Или звездочетах, то есть астрологах — в новом переводе...

— Не знаю, не буду спорить, — говорит Лиза. — Кстати, ты заметил, что про религию с первым встречным говорят только французы и русские? Это же, вообще-то,

[51] Знаменитая сыщица-любитель, героиня Агаты Кристи.

[52] По синодальной версии перевода «Евангелия от Матфея», поклониться Христу пришли «волхвы с востока». Святой Лука говорит о «пастухах» (От Матфея, 2; От Луки, 2).

[53] См. От Матфея, 5.31 и Второзаконие, 24.1.

[54] Мы называем здесь настоящее, еврейское имя апостола Петра — Симон. «Камнем» его назвал Иисус за твердость в вере. В переводе с еврейского на греческий камень — это Петр.

очень личное дело, чтобы его обсуждать с посторонними... Поле пастушков, монастыри — и при этом она не осуждает террористов. Это как-то связано, я уверена,— недовольно добавляет она.

9.

Мы переходим улицу перед супермаркетом. Почему-то я представлял себе это еще в Москве: как всегда на юге, раздвижные двери широко открыты, с улицы виден торговый зал, полки с товарами — банки консервированных овощей, пакеты макарон, лотки с фруктами, ряды йогуртов — все как обычно, если не считать одной небольшой детали — *где* находится магазин... Кстати, мы не единственные покупатели. Высокий мужчина в клетчатой рубахе и женщина в красивом вишневом хиджабе накладывают продукты в тележку недалеко от входа.

— Смотри, — вдруг говорит жена.

Я оглядываюсь и вижу стоящий у дверей супермаркета красный джип-грузовичок. Машина сильно не новая. Из кузова торчат доски разного размера.

— Не понял, — говорю я.

— Плотницкий грузовичок-то, — говорит жена и смеется. — Вот и плотник. Ты все ждал... Давай спросим, как зовут хозяина.

— Э-э... Спроси, но боюсь, тебя не поймут, к тому же время позднее. И если ты надеешься, что его зовут Иосиф — это очень маловероятно, город арабский.

— Ничего, — говорит жена. — Сейчас узнаем. Вон они, я еще с улицы увидела, как они выходили.

И она подходит к стоящей у кассы паре с тележкой:

— Простите, вы говорите по-английски?

Чета удивленно переглядывается.

— Little bit... — говорит женщина.

Она моложе своего мужа, ей около тридцати, смуглое молодое лицо, темные волосы прикрыты темно-синим платком, бордовое платье гораздо ниже колен, черты лица тонкие, особенно красивы глаза — большие, черные, с длинными ресницами и, как модно здесь, тонкими изогнутыми бровями.

Муж — обычный местный житель, тоже смуглый, плотный, седеющий, лет пятидесяти, загорелый, не очень хорошо выбрит, одет в клетчатую рубашку и старые вельветовые штаны. На ногах сандалии. Поняв, что мы иностранцы, напрягается так же, как напрягся бы житель какого-нибудь нашего Суздаля или Владимира, если бы в местном круглосуточном магазине в 23.15 местного времени с ним заговорили по-английски.

Я обращаю внимание на его руки. Это руки человека, давно занимающегося физической работой: грубые, большие, с толстыми пальцами и вздувшимися венами. Они крепко держат пластмассовую ручку тележки. Машинально я обращаю внимание, что тележка почти такая же, как в Москве: высокая, решетчатый металлический корпус, сзади отделение для сумки... В тележке обычный набор продуктов небогатой семьи: макароны, хлеб, два пакета молока, какие-то консервы, бутылка недорогого оливкового масла в пластиковой упаковке...

— Простите, это ваша машина? — спрашивает моя жена.

— Наша, а в чем дело? Там рядом на стоянке еще много места, — удивленно говорит женщина.

— Я не об этом, — говорит моя жена. — Ваш муж — плотник?

Женщина еще более удивленно кивает:

— Да, а что? Вам нужен ремонт в доме, мебель, строительство?

— Нет... — Жена делает маленькую паузу. — У вас есть дети?

Темноволосая удивляется по-настоящему:

— Есть, но почему вы спрашиваете, мадам?

Я решаю вступить в разговор, потому что понимаю, что сейчас мы попадем в неловкое положение, выход из которого не вполне ясен. Бородатый продавец за кассой, подняв голову, удивленно смотрит на нас.

— Я бы хотел заказать вашему супругу небольшое кресло, желательно разборное, чтобы увезти с собой. Мы туристы, — говорю я.

Вопрос о детях четы остается открытым.

Женщина что-то говорит мужу по-арабски. Он отвечает. На настороженном лице появляется улыбка.

Его жена поворачивается к нам:

— Мужу нужны размеры, потом, из какого материала вы хотите? Вы можете завтра зайти в мастерскую? Он будет там с девяти утра — дальше в любое время. Это недалеко, вверх от базилики. Сейчас мы дадим вам визитку, пойдемте к машине, или я могу продиктовать адрес или телефон.

Я соглашаюсь на «продиктовать», о чем сейчас жалею: взяли бы карточку, какой артефакт бы был — плотник из Назарета... Плюс хорошее «вещественное доказательство» — я понимаю, что сейчас-то все думают, что я выдумал эту встречу, а я повторю: между прочим, я предполагал что-то похожее еще в Москве.

Женщина диктует телефон, я записываю. После микроскопической паузы следует имя: Юсуф[55].

Ну конечно. Я киваю, улыбаюсь, как же еще его могут звать, нажимаю «сохранить»: готово, номер Юсуфа из Назарета до сих пор хранится в памяти моего мобильного телефона. Начинается на девятьсот семьдесят два, как все телефоны в Израиле. Иногда, просматривая адресную книгу или набирая имена на «Ю»: Юра, Юля, я натыкаюсь на него.

Усатый дядька кивает, что-то спрашивает у жены, глядя на нас.

— А как вас зовут? — спрашивает женщина.

Мы называем себя.

— Откуда вы?

— Из России.

— О, Россия! — Назаретский плотник двадцать первого века улыбается. — Путин!..

После еще одной паузы, во время которой я испытываю некоторую печаль, мы вяло киваем:

— Да...

Усатый Юсуф качает головой, что-то говорит жене, мне слышится слово «Украина».

— Ему нравится Путин, потому что он против Америки, но он говорит, что России не надо было помогать сепаратистам на Украине, страдают мирные люди, — переводит его жена и что-то говорит мужу.

Я думаю, что она просит его, чтобы он не говорил о политике, ведь так можно потерять заказчика. «Интересно, — думаю я, — а что говорил святой Иосиф о современной ему политике? Вполголоса ругал за коллаборационизм царя Ирода? Как все мы, ждал Мессию, который освободит Иудею? Хвалил парфянских царей, воевавших с римлянами?[56] Ведь одно из жестоко подавленных римлянами иудейских восстаний он точно пережил, причем оно примерно совпало с его отлучкой в Вифлеем... Соб-

[55] Арабский аналог имени Иосиф.

[56] Парфянское царство (250 до н. э. — примерно 220 н. э.) существовало на территории нынешней Туркмении, Ирана и Ирака, какое-то время успешно сопротивлялось Риму. Религия — зороастризм, так что герой ошибается, вряд ли его мог очень хвалить святой Иосиф.

ственно говоря, имя Иисус — это имя легендарного полководца из Торы — Иисуса Навина, Йешуа бен-Нуна на древнееврейском. Многих мальчиков в тогдашней Иудее называли в его честь».

— А как вас зовут? — спрашивает жена у женщины в платке.

Я напрягаюсь, и зря — так «в лоб» это не работает, таких совпадений не бывает, хватит с нас и Юсуфа... Женщину зовут Джанаан. Тоже неплохо, по-арабски Джанаан означает «душа» — нам переводят это почти сразу.

Я не помню, что означает в переводе с греческого мое имя. Мне стыдно. Но они не спрашивают.

Лиза не дает мне долго стыдиться.

— Простите, а все-таки: у вас есть дети? — не успокаивается она.

— Два мальчика и девочка, — немного удивленно отвечает Джанаан, — а что?

— А как их зовут, ваших детей? — спрашивает жена.

Я морщусь. Тем не менее слегка задерживаю дыхание, пока Джанаан перечисляет:

— Зафир и Исмаил. Старшему мальчику — двенадцать, младшему девять. Дочке семь.

«Исмаил, — думаю я. — Один из сыновей Авраама. Правда, от служанки, но с согласия жены...[57] С другой стороны — распространенное арабское имя».

— А дочку как зовут?

— Нана.

— Как это переводится?

Джанаан щелкает пальцами и беспомощно оглядывается — ей трудно подобрать английский перевод.

— Mercy...— говорит она, потом обрадованно улыбается: — Grace!

— Благодать, милость, — голосом робота-автоответчика первым перевожу я.

Лиза тоже улыбается и кивает. Но я вижу, что она все-таки немного разочарована. А я думаю, что это так и будет, *во всем и со всем* — не прямо здесь, но где-то рядом.

— А у вас? У вас есть дети? — спрашивает женщина.

— Пока нет.

— Почему? — жена плотника искренне огорчена. — У многих европейских пар нет детей... У вас такая обеспеченная, спокойная жизнь. Многие русские — очень состоятельные люди, у нас было несколько русских клиентов.

— Не все, — говорим мы.

— Ну, вы еще молодые. Все европейцы поздно заводят детей, — успокаивающе говорит Джанаан. — Как звучит имя Нана по-русски?

— Бла-го-дать, — говорю я по слогам.

Джанаан улыбается, повторяет про себя, губы ее шевелятся.

Мы прощаемся. Договариваемся созвониться после полудня. Пара везет тележку к кассе, расплачивается, на деньгах мелькают портреты израильских президентов, как когда-то мелькали на денариях портреты римских императоров, на выходе они машут нам рукой, через минуту грузовичок дает задний ход, разворачивается и уезжает. Доски в кузове подпрыгивают на «лежачем полицейском».

— Ну что? — говорю я.

— Что?

— На что ты надеялась, спрашивая, как их зовут?

— Оставь, пожалуйста, — говорит жена. — Сам тоже дышать перестал, когда она называла имена. Я видела. — Она смеется.

Мы набираем покупки в корзинку. Когда Лиза идет в молочный отдел, я остаюсь один. Ряды полок с товаром, бледный свет энергосберегающих «дневных» ламп. Стран-

[57] См. Бытие, 16.

ное ощущение, уже посещавшее меня днем, снова появляется — как будто я не один. Кажется, психологи называют это ощущение «синдромом» — особое состояние психики в ответ на повторяющиеся внешние условия. Как будто сейчас из-за угла покажется Тот, о ком мы с нелепой надеждой расспрашивали местного плотника... Очень мало кто из людей видел Его лицо, поэтому я сейчас представляю себе персонажа с картины Александра Иванова, так сказать, российскую общепринятую версию.

Кстати, странно, что никто, насколько я знаю, не спрашивал у святых, которым Он являлся, например у Силуана Афонского[58]: а как Он выглядел?.. Но все же, вероятно, Он выглядел не совсем так, как на картинах Иванова — хотя бы потому, что в земной жизни был этническим иудеем. А европейских лиц в этих местах тогда не было... Кроме римских, разумеется.

Скажем так: мне кажется, что сейчас из-за ближайшего стеллажа с фасолью и апельсиновым джемом мне навстречу выйдет молодой, черноволосый, может быть, кудрявый мужчина в одеждах Галилеи первого века нашей эры. А может быть, даже в современной одежде. Может быть, Он будет похож на синайскую икону Спасителя, неплохую репродукцию с которой я как-то купил в Москве[59]. Абсолютно современное лицо (лик — строго поправила меня продавщица икон), темно-карие, точнее, разноцветные: один карий, другой темный, почти черный, с большим зрачком, пронзительный, охватывающий вас целиком взгляд. Бородка, длинные волосы, собранные сзади в пучок... Лицо полно сдержанной силы, печали, ума и еще чего-то, чему трудно подобрать определение.

Ощущение это в какой-то момент становится таким сильным, что, взяв с полки товар, я случайно роняю большую желтую банку с кукурузой. Она задевает соседку, и та падает тоже. Слава богу, банки железные, ничего не разбито. На шум появляется ночной менеджер — высокий европеец лет тридцати, в старой синей «толстовке» и с разноцветными фенечками-браслетами на запястьях. Он довольно сердито смотрит на меня, молча поднимает банки.

— Извините, — говорю я по-английски.

— Вам чем-то помочь? — спрашивает менеджер. Услышав английский, он смягчается.

— Там моя жена, — говорю я. — Она выбирает покупки. А я пока тут... Просто смотрю.

Менеджер кивает и уходит. Я слышу, как он что-то говорит кассиру по-арабски.

Я выхожу из-за стеллажа с консервами и иду к жене.

— Ты чего там бузишь? — спрашивает она.

— Да так, — говорю я. — Показалось что-то.

Жена смотрит на меня, усмехается:

— Показалось?.. Бывает...

Мы катим нашу тележку к кассе. Стрекочет аппарат, ползет чековая лента. Покупки складываются в пакет. Я поворачиваю его, чтобы посмотреть, нет ли на нем какой-то эмблемы. Эмблемы нет, простой черный полиэтилен. «Интересно, — думаю я, — какую эмблему я бы хотел?»

— Thank you, — говорит араб-кассир и изображает подобие улыбки.

Мы выходим из магазина. Тепло, почти жарко, черная, не очень чистая ночная мостовая, желтая кожура от банана, брошенная кем-то на асфальт, похожа на морскую звезду, пустая тележка, ряд спящих машин, две египетские пальмы; напротив —

---

[58] Святому Силуану Афонскому (1866—1938), уже упоминавшемуся здесь, после 14 лет молитв явился Христос.

[59] Одно из первых изображений Христа датируется IV веком н. э. Синайская школа иконописи одна из первых, если не первая иконописная школа.

дома, несколько окон в верхних этажах еще горят. Медленно проезжает междугородный автобус.

— Так что показалось? Или кто?

— Сама знаешь, — говорю я.

— А, — говорит жена. — Понятно. Знаешь, я подумала, что не надо особенно волноваться по этому поводу. Сознание плюс культурный багаж на пару балуются. Пожили бы здесь подольше, привыкли бы... Да?

Ночь в гест-хаусе. Хочется спать. Передо мной на столике маленькая книга Франсуа Мориака «В чем моя вера», купленная в Москве несколько лет назад[60]. Я ее открываю, пытаюсь читать, но сил уже нет. Строчки сливаются.

«Я выбрал не столько определенную религию или определенную Церковь, сколько Кого-то, с Кем меня соединяла именно эта Церковь и эта религия...» — успеваю прочесть я. Ложусь, некоторое время смотрю в окно, с кровати видны только темно-синее небо с большими звездами и в их свете кажущаяся серебристой крыша базилики Благовещения... Потом я засыпаю. Засыпаю я со смутной надеждой увидеть что-то во сне — например, Тех, кого мы так искали этим вечером, но надежда эта, увы, не оправдывается, сплю я без снов. Или если мне что-то и снилось — говорят же, что по-другому не бывает, — я не помню...

А жаль.

[60] Французский писатель, лауреат Нобелевской премии, современник Сартра и Камю. Видел в религии и вере выход из духовного и экзистенциального кризиса XX века.

Максим ЗАМШЕВ

* * *

Я вижу тебя на набережной,
Торопливой, бесповоротно строгой.
Память обманет. Еще не набрано нам
С небесного номера. Осень выйдет убогой
Из своих передряг. Умоется снегом.
Я вижу будущее, где смычок
Не со струной подружился, а с нервом
Голым, как все мы, но тут — молчок.
Наверху так темно, что не веришь в траур,
Я не помню тебя. Боль беспричинна.
Рифмуем Прокофьев и кофе. А Штраус
Все вальсирует под вальсы своего сына,
И вместе с ним вальсируют парапеты
И памятник Ленину, что валялся тут.
А ежели свет ты увидишь где-то,
Знай, что именно там тебя не ждут.

* * *

Меня давно не существует,
Но тело есть, глаза и рот.
И обо мне не повествует
В былинах проклятый народ.
Я был всего лишь полустанком,
Но как-то осенью не встал,
Состав не принял, полный танков,
И называться перестал.
Но полустанкам в человечки
Преобразиться суждено,
Цедить нелепые словечки,
Смотреть нелепое кино
И, не оглядываясь, мчаться
Там, где сбежали от забот
Земли печальной домочадцы,
Кому даны глаза и рот.

Максим Адольфович Замшев — поэт, прозаик, критик, переводчик. Родился в 1972 году в Москве. Окончил Музыкальное училище им. Гнесиных и Литературный институт им. А. М. Горького (семинар Владимира Фирсова). Лауреат литературных премий им. Николая Рубцова, Николая Гумилева, Дм. Кедрина, Александра Грибоедова. Произведения переведены на пятнадцать языков. Живет в Москве.

Меня давно не существует,
Как из полка пришлось убыть.
Но тетерев опять токует,
Чтоб посмотреть в глаза убийц.

* * *

Пойдешь направо — пьяный хор,
Налево — выстрел в лоб.
И Пушкин, осознав позор,
Крушит под Псковом гроб.
В музее пылью с эполет
В окно летит беда.
В глазах дорога и скелет
Остались навсегда.
Гомер стенает, одинок,
Прозрев на краткий миг.
Он шел направо, сколько мог,
А вышел напрямик.
Чужое горе не копи,
Для этого ты мал.
Ученый кот сбежал с цепи
И воет, как шакал.

* * *

В душу заполз отвратительный смог,
Сплющилось солнце в овал.
Если себя победить ты не смог,
Значит, ты не проиграл.
Значит, еще не настала пора
Сердце вести на убой,
Если выходишь из дома с утра,
Ночь не пойдет за тобой.
Значит, в тяжелые скудные дни
Будешь валять дурака.
Тени идут на трухлявые пни,
Как на чужие войска.

* * *

— Уйди отсюда, — говорю
Своей неспешной тени.
Она бредет на рю Дарю,
Бредет в собор без тени

Сомнений. Оду фонарю
Я сочиню от скуки.
— Уйди отсюда, — говорю, —
Я умываю руки.

* * *

А мы в империи пропали,
Совсем пропали, вот беда.
Зачем Овидия сослали,
Мы не узнаем никогда.
И только Пушкин что-то знает,
Он тоже выгнанный взашей,
Один шампанское глотает
И не читает Бомарше.
А мы, что выросли в промзоне,
Где нам никто не дал плаща,
Не вспоминаем о Назоне,
«Букет Молдавии» хлеща.
Приходит время черной пыли
Домов, что сломлены войной.
Лежат изгнанники слепые
На холмах Грузии иной.

* * *

Если ставки биты,
ставь на все, что есть.
Жгучие обиды,
скомканная честь,
терпкие разлуки,
встречи невпопад.
Здесь воры да суки,
и расселись в ряд.
Белыми зашито
нитками окно,
если ставки биты,
разорви сукно.
И пропахший потом,
нищий и смурной,
новым санкюлотом
выйди в день иной.
Если ставки биты,
встань лицом к стене.
Ведь за двух убитых
платят нам вдвойне.

Иван БЕСКРОВНЫЙ

РАССКАЗЫ

ДУБ АРТЕМ ВОРОБЬЕВ

1

Гул нарастал; и следом: бурление, мычание, сдавленный стон — все надвигалось — необратимо, как гроза. И прорвалось — обрушилось жадными глотками воздуха.

Артем вынырнул — стянутая резиной голова показалась на середине дорожки.

— Ну почти, почти! — крикнул Пресняков с тумбочки. — Держи тело под водой-то! Так тебя и тянет на поверхность! Ничего тут интересного нет!.. Можешь еще попытку, время есть!

Последние минуты Артем отрабатывал прыжки. Мечтал проплыть под водой два бассейна. А еще любил разглядывать выложенное плиткой на дне дерево. Какое-то мифическое, нездешнее, витиеватое, со странными желтыми плодами. Будто только ради того и нырял — побольше разузнать о покоящемся растении. Артем скользил вдоль ствола вниз, путался в корнях и обратно вдоль ствола... Но так ни разу и не добрался до пушистой кроны.

— Ты давай, давай, поднатужься! — советовал инструктор. — Почти же! Давай на исходную!

— Не, Семеныч, я если поднатужусь, — Артем пытался восстановить дыхание. — Тебе потом воду сливать... Меня вылавливать. Как-нибудь в следующий раз...

Артем зацепился за бортик. Нога нащупала врывающийся в бассейн поток очищенной теплой воды. Сразу перехотелось вылезать. Висел бы и висел — тепло от ног поднималось выше, разливалось по телу, а тело словно застыло в невесомости — в каком-то первичном бульоне, утробе великой матери...

— Ну, вылезаешь, нет? — инструктор тянул руку; другой хватался за поясницу. — Давай, а то не разогнусь.

— Семеныч, ты мастер спорта!

Артем выкинул из воды руку, но Пресняков убрал свою. И вновь подводное царство, вновь дерево — только теперь словно в тумане; и неприятно кольнуло слева под ребрами. Слышалось приглушенное бормотание, смех Семеныча и привкус хлора во рту.

Артем вынырнул; на старом электронном табло — зелеными палочками — девятое сентября, раннее утро: начало восьмого.

— Ну, как заново родился, правда ведь?! — смеялся Семеныч.

Иван Бескровный родился в городе Владимире в 1991 году. Окончил Владимирский государственный университет по специальности «Радиотехника» и магистратуру филологического факультета СПбГУ. Печатался в сборниках рассказов издательств «РИПОЛ Классик» и «Астрель-СПб», в 2022 году стал победителем конкурса рассказов и эссе «Чтения со смыслом». Живет в Санкт-Петербурге.

— Не думаю, — Артем наконец-то вылез. — Будто бы наоборот... Вот ты знаешь, Семеныч, что японцы считают возраст — не как мы — а с момента зачатия?

— Да что нам эти японцы!

— Я просто подумал, может, и смерть тогда в другом месте?

— Ой, все, пшел под душ! Утро не место для этого мудрячества!..

Под душем Артем стянул с головы резиновую шапочку — рассыпались густые черные волосы — и долго стоял под плотной струей воды; затем голый — к шкафчикам. На некоторые кто-то приляпал наклейки со зверушками. Артему достался чернющий ворон с большой «В» над хвостом; и пока он в одних трусах разглядывал птицу — в раздевалку вошла женщина.

— Это мужская, — сказал Артем. — Это не женская.

Девушка остановилась; казалось, она не понимала сути претензий. Так они и стояли, смотрели друг на друга: едва одетый Артем и совсем неголая девушка.

— А, ну извините! — сказала она спустя какое-то время. — Бывает, подумаешь, ничего страшного!

Развернулась и вышла.

— Подруга твоя? — в раздевалку зашел Семеныч. — А ты чего так рано-то сегодня? В такую рань обычно никого.

— Работа, — ответил Артем и натянул правую штанину. — Иначе не успею, — затем левую.

— Ну да, да, — Пресняков присел на лавочку между шкафчиками. — Деловые все нынче. А у меня тут работа не пыльная. Если кто, конечно, тонуть не вздумает. Но такого еще не было.

Артем продолжал одеваться: футболка, рубашка, носки.

— Хотя был один, — продолжал Семеныч. — Или одна, не помню. Одна, да — она — женщина. Точно, еще волосы у нее такие необычные были — какого-то мучного цвета. И нормально так плавала, я тебе скажу; только вот раз вылезать стала и поскользнулась, что ли — ну вот почти как ты сейчас, — и в воду спиной нырк, и задрыгалась, как котенок. Я сперва гляжу, думаю, ну сообразит же, наверное, сама вылезет, но — нет, паника. Паника в воде — дело последнее. Не хочешь утопнуть — не паникуй; а разве что действительно утопнуть решил — тогда все правильно, паникуй. Короче, пришлось вытаскивать. Больше я эту барышню, кстати, не видел; озлобилась, что ли... А чего это у тебя?

Семеныч кивнул на пакет под лавочкой.

— Саженец, — Артем скрипнул тапкой. — Дуб. Мне после работы в деревню. У отца проблемы с глазами... Заодно там и высажу. По весне воткнул вот сдуру желудь в горшок, а он пророс. Вот чтоб не мучился...

Артем заглянул в пакет. Из рассыпчатой влажной земли торчал крохотный дубовый саженец.

— Ты смотри, чтоб никто не увидел, такое сюда нельзя. Санитария!

— Семеныч, — Артем завязал узлом ручки пакета. — Ты не знаешь, что за дерево на дне бассейна выложено? Сколько ныряю, никак не пойму.

— А шут его знает! Я в такие вещи жизнью не посвящен, да и не лезу. Он же, бассейн этот, раньше при школе был. Школа тут стояла. Так что должно быть что-то сказочное, я думаю, или как его... Миф! Мифическое! Дети же.

— Наверное.

— О-о-о-х, — Семеныч поднялся, разогнулся. — Грозу сегодня передавали, вот чего спину-то и тянет. Хотя какая гроза — небо чистейшее, да?! Ладно, лесник, — инструктор протянул руку. — Бывай. Отцу привет. Ждать тебя на будущей неделе?

— Как раз собирался оплатить, — Артем протянул руку в ответ. — Там кто работает? Утром никого не было.

— Кощеевна сегодня, кто ж еще! Ты лет через сто приди — ее смена будет, не ошибешься! Давай! Я понедельник-среда-пятница, как обычно.

Пресняков кивнул, поднял руку на прощание, и Артем пошел на выход. На вход же сунулась крупная женщина.

— Ну мужская же! — крикнул Семеныч. — Мужская это! Мама читать не научила?!

— А женская где?! Нету никакой таблички!

— Ну нету, нету... А если и нету, в мужскую-то по кой черт тащиться, господи!

Женщина вышла; Пресняков следом — проверить наличие женской таблички. Но таковой действительно не обнаружилось. Артем спустился вниз. У гардероба, в кабинке за пластиковыми панелями, словно в аквариуме, восседала Кощеевна — крупная женщина с отекшим лицом, будто с рождения заточенная в этой вечной сырости.

— Мне бассейн на следующий месяц, — сказал Артем. — Абонемент.

Женщина в белом больничном халате долго смотрела ему в глаза.

— Как звать тебя, помнишь? — спросила она наконец.

— А, да, да, — Артем очнулся. — Воробьев. Артем Николаевич.

На стол упала огромная бухгалтерская книга, началось перелистывание рябых огрубевших страниц с подтеками. Фамилия Артема долго не хотела приживаться на полагающейся ей строчке. Затем деньги, обувь, долгая шнуровка (бок продолжало предательски поклевывать) и, наконец, прохладное, солнечное сентябрьское утро.

2

Спустя час — где-то на окраине города — Артем пересекал школьный двор. Мимо пустой спортивной площадки, вдоль беленых стен, обгоняя сонных детей... А иные же с визгом летели ему наперерез — как вороны, пикируя и ковыряя ноющий бок. От былой бодрости не осталось и следа.

— Куда вы? К кому?

Охранник на входе бесконечно долго вглядывался в документы.

— К кому вы? Куда?

— Артем Воробьев, компания «Г-Фест» — услуги разнорабочих, был заказ...

— Так а к кому вы? Куда надо?

— Заказ; покрасочные работы. К кому — не знаю. Указано: седьмая школа.

— Ну тогда к директору, наверное, раз покрасочные... А в пакете что?

— Дуб. Саженец.

— Его тоже сюда? Высаживать, что ли?.. Кто ж по осени сажает? Ладно.

Охранник вернул документ, достал из стола бумажку с булавкой.

— Как еще раз? Артемий?..

— Артем Воробьев.

На бумажке — кривое-косое — появилось имя.

— Вы на грудь приколите, вот булавочка. Правила такие. А эти штуки пластиковые у нас кончились... Короче, поднимаетесь по лестнице, второй этаж и направо. Там учительская — увидите, а рядом кабинет директора.

Артем приколол бумажку к груди — обыкновенный клочок в клеточку — медаль за взятие школьного фойе — и с тем пошел к директору.

— Нет, вы подпишите, кто вы есть, подпишите, — сказала женщина с порога. — Что за Артем Воробьев? Вы кто? Мы вас вызвали стену покрасить... Значит, так и пишите:

маляр. Нет, не на новой бумажке, а там же, под именем. Господи, мне мало детей бестолковых, вы еще...

Артем взял у директрисы ручку и подписал: маляр.

— Артем Воробьев, маляр, — прочитала директриса. — Вот, другое дело. Значит так, Артем Воробьев, маляр, у нас на заднем дворе, между бассейном и правым крылом — небольшие грядки для уроков труда. И там стена — увидите — ее что красили, что нет — все равно какая-то мрачная. Видимо, место такое, сырость, черная вся стоит. И ваша задача, как бы сказать... Не просто закрасить — вы изобразите на ней что-нибудь тематическое.

— Что изобразить?

— Тематическое что-то. Включите фантазию: уроки труда, грядки, работа на свежем воздухе... Подумайте. А что это у вас с собой? Что в пакете? Кисточки?

— Нет, там дерево. Дуб. Это саженец. Мне вечером на дачу...

— Дерево, замечательно! Вот и нарисуйте нам дерево, Артем Воробьев, маляр! Только не очень мультяшное, у нас все-таки не детский сад. Это должно быть Древо Познания, понимаете?

— Я, вообще-то, не очень хорошо рисую, — ответил Артем. — И мы художественной росписью не занимаемся.

— Ну вы что, Артем?! Дерево любой первоклашка способен нарисовать!

Раздался звонок; женщина засобиралась.

— Ступайте; переодеться можете у Юрия Ивановича, это наш учитель труда, у него же все инструменты, краска. Спускайтесь вниз, налево и по коридору до упора.

Возразить не получилось; Артем только коротко кивнул.

— Вот и славно, — сказала директриса. — И поторопитесь, сегодня грозу обещали.

Кабинет труда пустовал — Артем обнаружил его в конце темного коридора, — дверь почти что слилась со стеной, словно Юрий Иванович никак не хотел быть найденным. Пожилой мастер молча провел Артема мимо учебных станков в учительскую каморку.

— Переодеться тут, а вот, — он ткнул большим пальцем под стол (указательного и среднего у мужика не было), — краски, кисти, ацетон, стремянка.

Затем вышел; сел за учительский стол и стал глядеть в окно — на то, как не повезло какому-то классу с ранним уроком физкультуры.

Артем переоделся в рабочий темно-синий комбинезон; на левую лямку перецепил свой бедж, по карманам рассовал кисти, взял бочонки с краской, стремянку, а дуб оставил в каморке.

Поросшие травой грядки и стену бассейна с крохотными лупоглазыми стеклами Артем нашел без труда; разглядел и другую стену — напротив, в тени — высотой с этаж, побитую не то плесенью, не то грязью, с темными кратерами и влажными разводами. Артем провел ладонью по стене — на коже остался черный след.

— Поцелуй ее еще! — раздался женский голос.

Артем обернулся. По грядкам шли старшеклассники: девочка и два парня.

— Артем... Воробьев, — прочитал парень. — Маляр. Так ты не здешний? Я думал, ты на летнюю практику забил и отрабатываешь теперь. Курить есть?

— Нет, не курю.

— Ну крась тогда, крась, — сказал второй парень, и зачем-то добавил: — Крась, карась.

— Крась, крась, прям по черному! — подхватила девочка. — Замазывай!

Последовал смех; и снова заныл бок. Школьники забились в дальний угол — подальше от глаз — и курили, хороня окурки в грядке под ногами. Артем разложил ин-

струмент, но то и дело косился на девочку в легкой, почти вызывающей маечке. Парни звали ее Зина, но до Артема непременно доносилось «Змеина». Левая рука ее — от плеча до локтя — сплошь в ожоговых рубцах и шрамах; точно тонкая оплывшая свеча.

Странное дело, но ее «крась по черному» Артем воспринял как приказ; не откладывая, он установил стремянку и принялся мазать стену в голубой.

— А что тут будет? — спросила девочка.

Она и внешне напоминала змею: высокая, жилистая, с тугим пучком волос. Артем представил, с какой легкостью она выскальзывает из его объятий; затем увидел ее крупные — но еще детские — зеленые глаза, и отчего-то сильнее заныл бок, словно все в тех же объятиях змеиная Зина приставила к коже нож.

Девочка оставила парней и подошла ближе.

— Так чего тут будет? — повторила она.

— Просили нарисовать дерево, — ответил Артем.

— Я могу помочь, — девочка подошла еще ближе. — Я хорошо рисую.

Она встала позади, и Артем почувствовал грубый аромат дешевого табака и как она потянулась за кисточкой: как наклонилась, изогнулась, как тонкие пальцы зацепили инструмент — словно добычу.

— Я начну рисовать тут, — сказала она. — Как закончишь — присоединяйся.

Зина присела и начала рисовать корни — упругие, вырывающиеся из самой земли, извивающиеся, как змеиный клубок; затем перешла на ствол — ровный, массивный, крепкий. А когда Артем закончил с голубым небом — почти синхронно они взялись за крону: пышную, едва не перекрывшую синеву неба. До самых высоких ветвей девушка не доставала, и макушку дерева Артем заканчивал сам.

— И пускай будут яблоки, — сказала Зина.

— Яблоки?

— Ага.

— На яблоню это не похоже. Это дуб, скорее.

— И что? Пусть будут. Какая у тебя еще краска есть?

— Желтая. Для солнца, наверное...

Где-то в здании пробудился звонок; он надрывался, распирал школьные стены.

— Физра закончилась; давай быстрее, — сказала Зина. — Пусть будут золотистые яблоки, не надо нам солнце. Ты видишь солнце? Нет его; гроза скоро.

Артем начал подрисовывать яблоки — поверх кроны желтые шарики — пока все дерево не усеяли десятки солнц.

— Ну вы там закончили малевать, нет? — спросил мальчишка; все это время они не прекращая курили и успели заплевать все вокруг. — Пойдем, еще переодеться надо!

— Было прикольно, — сказала Зина и бросила кисточку в траву, к ногам Артема.

Затем все трое ушли.

Артем взглянул на работу: большую часть стены по-прежнему покрывала чернь; но теперь — посередине, в человеческий рост — на фоне голубого неба сияло их дерево. Оно словно рассеивало...

— Итак, Артем Воробьев! — раздался еще один женский голос. — Как у вас здесь дела продвигаются?

Мужчина обернулся, а бодрый директорский шаг дрогнул на подходе. Теперь женщина приближалась осторожно, словно испуганный зверь, будто увиденное способно было ожить от резкого движения.

— Матерь божья... Что это?

— Яблоня, — ответил Артем. — Хотя больше похоже на дуб, конечно.

— Это же никуда не годится, — сказала директриса. — Что это такое? Вы где такие деревья видели? Я вас спрашиваю. Ну, где?! Это и не яблоня, Артем Воробьев, и не дуб! Это черт-те что! Порнография какая-то, прости господи, честное слово!

И опять не получилось возразить. В общем-то, за исключением порнографии, директриса была права. Получилось черт-те что. Почти как рисунок на дне бассейна — такой же несуразный, угловатый и не от мира сего.

— И что это за желтые пятна?

— Это яблоки.

— Яблоки?.. Бога ради, нет, это никуда не годится. Переделывайте! Переделывайте, пока никто не увидел. У нас тут, позвольте, не уголок свободных искусств. Это школа! И почему остаток стены черный?.. Почему сперва черноту не убрали?!

Артем взялся за кисть, но как и что необходимо переделать — он отчаянно не понимал. Чем не дерево? Почему не яблоки? И чернота... Черноту он вполне мог закрасить — только с ней как будто лучше.

— Я предупреждал, что рисовать не очень... — сказал Артем. — И уже, наверное, не успею. У меня другие заказы... Я не рассчитывал, что придется рисовать...

— Да что же вы все, смерти, что ли, моей хотите?! — директриса хлопнула себя по ногам. — Убирайте яблоки! Хотя бы их! И на том разойдемся! Стирайте!

Артем взялся за кисть, окунул в зеленую... И вспомнил девочку. Худую, гибкую, как змею; и с ожогом, от которого не отвести глаз. И отложил кисть.

— Нет, простите, я не буду, — сказал парень. — Пусть так остается. Если что — можете не платить. Или трудовика вашего, как его... Юрия Ивановича попросите, он закрасит. А мне надо...

Артем засуетился, похватал банки, распихал по карманам кисти, попутно измазав желтым синий комбинезон.

— Да что же за работники такие пошли, етить ваши души! — кричала директриса. — А ну оставь все, положи назад! Кому говорю! Положи! Сама замажу! И о толковой работе можешь не мечтать — уж я сообщу куда надо — считай на пенсию...

Но Артем не дослушал — он сбросил весь инвентарь и уже спешил в кабинет труда за дубом и одеждой. И только краем глаза, огибая угол школы, заметил, как под тяжелой рукой директрисы желтые яблоки превращались в грязное месиво; бок безустанно пульсировал.

3

— Артем — мы семья! — твердил Новоселов. — Семья! И клиенты тоже должны себя чувствовать частью семьи! А ты там что учудил? Чего она звонит мне и орет?

— Я ее предупредил, что художественной росписью не владею, — ответил Артем.

— Не владеешь... Но убегать-то зачем? Подрисовал бы ей там, чего просит, поговорил, в конце концов, ну сгладил бы конфликт, ё-моё! Я тебе специально других заказов не ставил! Эх... Ну что с вами такое? Ну повзрослейте уже! Опять мне все улаживать! Артем Воробьев, маляр...

Начальник махнул рукой.

Офис «Г-Феста» стоял в глухой промзоне среди ангаров, пыли, бочек, разбитых дорог и вечно разлитой солярки — район тот справедливо называли «Ямой»; да и сам «офис» — одно название — на деле обыкновенная бытовка. Клиенты сюда, понятное дело, не захаживали, а если и обращались, то предпочитали решать вопросы удаленно. Вот один Новоселов тут и обитал: принимал заказы, оформлял материалы,

распределял между рабочими, а те только и мотались с места на место. Какая, к черту, семья?

Артем подсел за стол к начальнику.

— Тимофей Иваныч, мне, наверное, небольшой отпуск потребуется. Я сегодня к отцу еду, — Артем зачем-то продемонстрировал пакет с дубом. — С глазами у него проблемы, думаю, какое-то время придется работу по дому на себя взять.

— Работу по дому... — бормотал Новоселов и перекладывал бумажки — тасовал их, словно колоду карт. — Работу по дому, отец... Это не школы красить, да? Все по-взрослому...

— Какие-то, может, срочные заказы у нас есть? Я бы сегодня...

— Чего? — начальник оторвался от бумаг. — Заказы? Да нет, нет, ты что — ты нас видел? После твоей директрисы у нас больше никаких срочных заказов!

Артем напрягся, уже привычно кольнуло в боку, но Новоселов заржал.

— Да расслабься ты! Ступай, куда тебе нужно, Артемка. Я все заказы на Козлова переведу, а то он что-то расслабился... Представляешь, поехал вчера в детский сад «Ковчег» (вот додумались тоже детский сад «Ковчегом» назвать, да?) — отмостку им надо было сделать. Так он, понимаешь, опалубку сделал, бетон залил — и спать под грибок деревянный улегся.

— И уснул, что ли?

— Да хрен бы с ним, если б уснул! Дети в бетоне застряли! На прогулку их вывели — а они давай по опалубке бегать и влипли! Козлова, значит, воспитатели ищут, а дети рядком вдоль стены стоят и пошевелиться не могут!

— Благополучно в итоге?

— Ну как... Пяток пар детских ботиночек придется возместить, очистке не подлежат, а какие-то вообще в бетоне остались. Ну ничё, крепче будет! Короче, пусть Козлов теперь отдувается, восстанавливает репутацию.

Артем поднялся.

— Тогда я, что... Могу идти?

— Ступай, ступай, — Тимофей Иванович вновь зарылся в бумаги. — А хотя постой! Есть у меня для тебя одно дельце все-таки! Ты ж не прям сильно торопишься?

Артем вернулся на место; пакет с дубом тоже вернулся на место — под лавку, между ног.

— Мне жена сейчас детей привезет, — Новоселов смотрел на часы. — Надо ей куда-то, оставить не с кем. А мне бы тоже отъехать, да и в школу заодно заглянуть — косяк через коньяк загладить... Твой косяк, Артемка!

— Да, да...

— Последишь за ребятней? Они спокойные, просто гляди, чтобы куда не провалились. А мы недолго, жена прям с минуты на минуту...

Артем кивнул и пошел на выход, Новоселов тоже кивнул и вернулся к бумагам.

Погода портилась: зрела гроза.

Артем присел на покрышку и только теперь заметил, что пакет с дубом все еще завязан узлом. Задохнулся, должно быть. Он открыл пакет — листья молодого дерева поникли, пересохла земля; Артем вернулся в бытовку.

— Тимофей Иваныч, где тут воды раздобыть?

— Воды, воды... — Новоселов не отрывался от бумаг. — Воды... Вон же кулер стоит, ты чего?

— Да не, мне для дуба, технической, не питьевой.

— А чего твой дуб питьевой, что ли, не достоин?

Артем пожал плечами — мало ли, набрал воды и вернулся к дубу, уселся на покрышку и стал поить дерево. А пока он медленно вливал содержимое в землю, к бытовке подрулила старенькая бежевая «тойота». Со стороны водительского показалась жена Новоселова — пухлая блондинка, и тоже в бежевом. Она кивнула Артему и открыла заднюю дверь — из машины мигом вылетели два одинаковых паренька с игрушечными автоматами; настоящая облава, подумал Артем. Игрушечные дула смотрели прямо на него.

— Мальчики, — из бытовки показался Новоселов. — Я что говорил про оружие?!

— Не направлять... — отозвался один из братьев.

— Правильно. Артемка, поднимайся, — начальник подвел к нему детей. — Гриша и Гоша. А это Артем Николаевич. Николаевич же? Правильно. Слушайтесь его — он за старшего — у него даже вон беджик есть!

— Маляр, — прочитал Гриша (Гоша).

— Маляр, маляр. Всем малярам... Короче, мы с мамой ненадолго отъедем. Не балуйтесь! Марин, подкинь меня до школы...

Начальник уехал, дети с автоматами бросились врассыпную — стали носиться вокруг бытовки, стрелять по невидимым врагам, падать и кряхтеть от невидимых пулевых ранений.

— Парни, вы тут будете?.. — спросил Артем. — Может, чаю хотите, воды?

— Мы играем! — Гоша (Гриша) пронесся мимо с автоматом.

— В Афганистан! — добавил Гриша (Гоша) и выпустил в кого-то вербальную автоматную очередь.

— Господи, — сказал Артем. — Откуда ж вы это?..

Но решил не мешать и скрылся в бытовке.

Время шло; дети — то тут, то там — шумели вокруг; до автобуса оставалась пара часов, а Новоселов никак не возвращался. Артем посидел за столом, покрутился на стуле, покопался в бумагах, даже домик построил из какой-то канцелярской ерунды, еще надеялся, что позвонит какой-нибудь клиент — чтобы хоть как-то скоротать время, но телефон предательски молчал.

Он уже думал подремать, как вдруг все стихло — пропали все привычные звуки. Даже бок перестал пульсировать. Артем сел прямее, напрягся: почуял неладное. И не прогадал. Мгновение спустя в бытовку влетел зареваный Гоша (Гриша).

— Он меня застрелил! — кричал мальчик.

— Я в тебя не стрелял! — кричал в ответ брат. — Я тебя спасал! Ты на вражескую базу залез, и тебя окружили! Я тебя прикрывал!

— Я сам там всех убил! А ты в меня уже стрелял!

Артем молча наблюдал за братской перепалкой и не понимал, когда, куда и какое слово ему следует вставить. И стоит ли. Но пока думал, все разрешилось само: братья расселись по углам и старались демонстративно вычеркнуть друг друга из бытия.

— Ладно, парни, это... Вы же братья... Слушайте, ругаться — это...

Артем старался представить, что сказал бы на его месте Новоселов, но в голову упрямо лезли дети, застрявшие в цементе. Тогда он решил зайти с другой стороны.

— Хотите, я вам сказку расскажу? Это сейчас... Немодно, просто она тоже про двух братьев. Мне ее мама в детстве рассказывала. Мне, как вам, было. У меня, правда, братьев не было, но... Неважно. Жили, значит, два брата. Гриша... То есть Игорь и Игнат...

— Дядя Артем, — прервал его Гоша (Гриша). — Ты же на ходу все выдумываешь, да?

— Нет, подожди, — Артем засмущался, сбился. — Я пытаюсь вспомнить. Давно ж это было! Сколько думаешь мне лет?!. Так вот... жили два брата: старший — Игорь

и младший — Игнат. И любили они между собой спорить и соревноваться. Все хотели узнать, кто из них самый сильный, самый быстрый, самый умный. Пробовали они и плавать наперегонки, и кто дольше под водой продержится, и даже картины писать... И все-то у них получалось одновременно — никак не могли лучшего определить!

А еще жила в деревне старуха, и волосы у нее были цвета муки. Каждый день она наблюдала за борьбой двух братьев. И вот однажды, когда братья были поглощены очередным спором, она подошла к ним и сказала, что знает, как определить, кто из них лучше во всем.

— Как? — не удержался Гоша (Гриша).

— Кто, говорит она братьям, в самую туманную ночь сможет смолоть мне горсть муки на старой мельнице — тот и есть лучший во всем. И дала каждому брату по горсти зерна.

— Не надо было брать, — сказал Гриша (Гоша).

— Да, да, — подтвердил Гоша (Гриша). — На хрен надо...

— Не ругаемся! — сказал Артем и продолжил: — Но вы правы. Все в деревне предупреждали братьев, что со старухой связываться нельзя. Но братьев опасность только стимулировала...

— Чего?

— Только сильнее толкала на приключения. И вот дождались они туманной ночи, выбрались из дома и отправились к мельнице. Но чем ближе они подходили к мельнице, тем сильнее сгущался туман. И в конце концов братья заплутали, а вскоре остановились на перепутье. Младший считал, что нужно идти направо, а старший — налево. Договориться у них не получилось, и каждый остался при своем.

Старший пошел налево. Во что бы то ни стало Игорь стремился найти мельницу, его не беспокоил туман, запреты и прочее — он просто хотел быть лучшим. И его желание исполнилось: из тумана он вышел прямо к мельнице. Младшего брата нигде не было; Игорь зашел внутрь, взялся за ручку и начал вращать жернова, подсыпая попутно зерна, которые дала старуха. Он понимал, что спустя столько лет борьбы победа наконец у него в руках; и вот уже заканчиваются зерна, и мука готова, да только остановиться не выходит. Ни руки, ни ноги его больше не слушались — все, что он мог — это без остановки вращать и вращать жернова...

— А что с младшим? — спросил Гоша (Гриша).

— Сгинул в тумане, — сказал Гриша (Гоша) и клацнул автоматом. — А им бы вернуться и разобраться со старухой!

— Младший брат, как мы помним, пошел направо, — продолжал Артем. — И какое-то время он тоже желал выйти к мельнице первым, но когда туман стал совсем беспросветным — единственным его желанием стало разыскать брата.

С этим намерением он оказался на опушке леса у небольшого домика, а сразу позади этого дома — росло огромное дерево, а на дереве — яркие желтые плоды, и светили они так ярко, что разгоняли туман на сотни метров вокруг. Из дома навстречу Игнату вышел старик — это был самый обыкновенный крестьянин, — и младший брат рассказал ему и о старухе, и о ее задании. Тогда старик потряс странное дерево, собрал упавшие плоды и поднес брату три яблока — каждое из них светилось ярче солнца. Одним яблоком, сказал старик, ты отделишь себя от тумана — вознеси его над головой как можно выше, и оно поможет тебе выйти к мельнице; другое съешь перед входом в мельницу — так ты перейдешь в мир скверны и найдешь брата. А последнее яблоко раздели пополам — один кусок отдай брату, другой съешь сам. Так он освободится от чар старухи, и вместе вы вернетесь назад.

— Хорош... — сказал Гриша (Гоша). — Разрулил.

— Младший брат поблагодарил старика и, подняв высоко над головой яблоко, отправился в обратный путь. Перед мельницей Игнат съел второе яблоко, а первое спрятал за пазуху...

— Куда спрятал? — спросил Гоша (Гриша).

— Под куртку, к груди поближе... Вот, и зашел внутрь.

Внутри он увидел Игоря, продолжающего вращать жернова. И тогда Игнат разломил третье яблоко — одну половину съел сам, другую отдал брату. Но стоило брату отпустить жернова — как в тот же миг появилась старуха.

Она кинулась на младшего брата, схватила его и волосами цвета муки стала оплетать его руки, ноги и все вокруг — будто хотела намертво приковать его к мельнице. Старший кинулся на помощь, но никак не мог подобраться — он путался в волосах (они были теперь повсюду), — и тогда он заметил яблоко, выпавшее из-за пазухи Игната. Игорь понял, что оно волшебное, схватил его и поднял над головой. Плод разгорался все сильнее и сильнее, обжигая ладонь, но Игорь не отпускал. Свет заполнил мельницу — братья не видели ни друг друга, ни старуху — и так же резко погас. Старуха исчезла. А в руках Игоря осталось лежать самое обыкновенное яблоко.

Братья вернулись в деревню. Конечно, никакой старухи там большее не было, а их встречали как героев. И в честь своей победы, и как напоминание о том, что не следует спорить и соревноваться, они вместе посадили семечки того яблока...

— И выросло то волшебное дерево? — спросил Гриша (Гоша).

— Черт его знает... — сказал Артем. — Это время покажет, сказка на этом заканчивается. Главное, что с тех пор братья поняли, что помогать друг другу важнее!

Мальчишки молчали. За время рассказа они повыбирались из своих углов и теперь сидели рядом — на стульчиках перед столом.

— Короче, — сказал Артем, — братьям не надо спорить — работайте сообща и прикрывайте друг друга.

Мальчишки переглянулись, оба виновато опустили глаза.

— Прости, что застрелил тебя, Гош, — Гриша обнял брата.

— Сам виноват, что без тебя на базу полез...

— Чего это они у тебя обнимаются? — в дверях появился Новоселов и заржал. — Ты их на работу, что ли, принял?

Мальчишки подскочили, встрепенулись, подняли винтовки и, радостные, вылетели наружу; видать, вокруг бытовки назревал новый Афганистан.

— Чего у вас тут? — спросил Новоселов. — Гроза там идет, грохочет вовсю...

— Поцапались они немного, — сказал Артем. — Ерунда, мальчишки...

— Ну не скажи. У нас они потом пару дней молчат, есть вместе отказываются... Хрен помиришь!

— Да нет, мы за полчаса управились.

— Это как ты умудрился? — Новоселов подсел к столу. — Делись секретом!

— Да ерунда, сказка вспомнилась. Про двух братьев. Мама рассказывала... Там мораль, что не надо спорить и так далее.

— Ну ты мудрец! Тебе, может, в детский сад устроиться? Я тебя мигом уволю, только скажи! — смеялся Новоселов. — Или своих уже пора заводить, семью создавать!

— Да куда мне, — Артем освободил место начальника. — Да и есть у меня семья, Тимофей Иваныч, сами же говорили — вот мы тут все семья и есть.

— Точно мудрец! — Новоселов сел к себе. — А тебе к отцу-то не пора?

Артем взглянул на часы, тут же напомнил о себе бок. Последний автобус отходил через час. Мужчина вскочил, наскоро пожал руку начальника, схватил пакет с ду-

бом, что-то крикнул на прощание Гоше, Грише и побежал навстречу разворачивающейся грозе.

4

Силы его покидали; через черную посадку Артем несся на последний автобус — на крайнюю городскую остановку. Душил вдруг свалившийся на город зной, чернело, начиналась гроза. Земля в пакете растряслась и пересохла, поникли несчастные три листа. Артем так и не переоделся: убежал, как был, в рабочем комбинезоне и с приколотой к груди бумажкой.

Остановка затерялась среди гаражей и представлялась давно заброшенной: окраина, лесополоса, да и транспорт давно ходил другим маршрутом. Но из травы торчала лавочка, а вокруг лавочки толпились люди, стало быть — в строю. Артем сел, пакет с дубом уставил между ног, опустил голову и прикрыл глаза — перевести дух, но тут же открыл.

Разбилась пивная бутылка. Артем это понял по отлетевшему к ногам горлышку.

— Осторожнее! — сказала женщина.

Мимо пробежала девочка. Артем поднял глаза — бок резануло пуще прежнего — ему еще не доводилось видеть у детей такие жирные румяна. И народу вокруг — тьма, и с лавочки не видать дороги. Все толпятся, пихаются, смотрят на мужчину, который не удержал бутылку. Артем разглядел вдалеке последний городской светофор — тот еще мгновение показывал лето, затем резко провалился в осень и заморгал. Сломался. Девочка продолжала прыгать туда-сюда по остановке.

— Осторожнее с рюкзаком-то надо, — бубнил мужчина.

Он с сожалением смотрел на темное пятно под ногами. Артем тоже смотрел на пятно — оно чудилось ему отражением неба. И такому, кажется, здесь было самое место — среди осколков, окурков, огрызков.

— Вы бы пиво свое крепче держали! — сказала женщина с ребенком. — А по-хорошему и не надо бы тут распивать... Здесь дети! А вы...

— А что я? Я со смены стою! — ответил мужчина и достал из сумки другую бутылку. — Пятница, готовлюсь!

И уставился на обесцвеченный дождем загород, в молочную пелену, где больше не различались поля, перелески, перекаты, куда юркала извилистая дорога. Женщина потупила взор, отчего-то тоже пустой и тусклый.

— Стороной, может, пройдет, — она придерживала девочку. — По реке.

— Ох, — пыхтел мужчина. — Вот не дай бог, когда я приеду в сад, мои яблочки не побагровели! Одни тут поободрать меня вздумали! Ничего, ничего... В прошлый раз не ушли и в этот не уйдут! Я для них, что ли, яблони ращу?!

Вопрос повис в перенасыщенном влагой воздухе. Спиной Артем чувствовал холод, тянуло из-за черных деревьев, густой посадки, с болотистых низин.

— Долго ждем, — сказала женщина.

Действительно долго. А ехать надо, не терпит. Отца совсем зрение подводит. Вчера звонили, говорят, едва не расшибся. Лежит теперь... В деревне таким не место, земля зрячих любит.

— Ее можно было, конечно, и в сельскую школу отдать, — продолжала женщина. — Но городская, сами понимаете... Престижнее, ухоженнее, даже вон стены расписывают!

С поребрика сорвался ворон; мужчина расхаживал вдоль черного, пористого — словно бурлящего — асфальта и потягивал пиво. А народ все подходил. В основном — ста-

рики. Выходные — все на дачи. Бабушки в свободных одеждах, дедушки сплошь в пиджаках, несмотря на жару.

— Далеко, конечно, ездить, — женщина не унималась. — Можно было бы на машине, но мы их не любим, да, Женечка? Не любим. Страшные они, да? Ну ничего, ничего, поездим автобусом...

Артем взглянул на женщину — под слоем косметики угадывались шрамы — и опустил глаза: на рабочую одежду, куртку, кеды, комбинезон. И на бедж: Артем Воробьев... А вот «маляр» почему-то поистерся. Господи, когда это было? В какой-то другой жизни.

— Едет, едет! — мужчина рядом зачем-то вскинул руку. — Вон, маленький автобус. Наконец-то!

Он тоже в рабочем наряде. Брюки, рубашка, пиджачок. Только все на несколько размеров больше, словно на торшер простыню кинули. Суховатый, высохший, потеет сильно, даже платок в ладони оставил на брюках след.

Артем посмотрел на дорогу — подгребала маршрутка. Светлый рыдван, уже битком набитый. Мучительно заскрипел на остановке, встал. О лобовое стекло изнутри стукала подвеска. Дверь сжалась.

— Последний маршрут! — крикнули из автобуса. — До утра больше не будет!

Началась давка. Мысли об отце подстегнули. Артем вскочил, схватил пакет с дубом и нырнул в эпицентр людского водоворота: пихался локтями, разгребал тела, извивался, как змея. Отовсюду летели выкрики: мама! мужчина! мудак, что ли?! Артем углядел водителя — мрачный старик с плешивой седой бородой, в грязных шортах. Бледные жилистые ноги в тапочках покоились на резиновом коврике возле педалей. А выше пояса — голо, только красный свитер на плечах. Артем протиснулся ближе, влез на первую ступеньку, сунулся в карман за купюрами и в следующее мгновение получил тычок в грудь. Решил, что какой-то пассажир не выдержал его натиска, но это оказался водитель. Старик держал в руке палку — точно швабру, только без насадки.

— Куда лезешь?! — закричал старик. — Чего такой беспокойный?! Пусти людей сначала!

Вскинул палку и еще раз двинул тупым концом Артему в грудь. Мужчина слетел со ступеньки, вылетел в толпу — толпа распахнулась — и он плюхнулся обратно на лавочку, точно и не вставал. Пакет с дубом и землей отлетел в траву. Народ продолжал штурмовать автобус. Громыхнуло. Артем вновь кинулся к дверям.

— Ну ты конь, б..., в сапогах! Чего такой невоспитанный?

От толпы Артема оттеснила грубая мужская рука. Все та же — не удержавшая бутылку.

— Как в таких случаях поступают вежливые люди? — спросил мужчина. — Они старушек, женщин и детей в первую очередь в салон пропускают, верно? Видишь, я все еще здесь, а не там.

Мужчина тыкал в переполненный автобус, но Артем не успокаивался — обогнул мужика и уверенно пошел в толпу, к открытой двери маршрутки.

— Не понимает!

Мужик схватил Артема за плечо, развернул и отбросил к лавочке.

— Слушай, подожди свой автобус, а?!

Но Артем не слушал и сделал последнюю попытку уехать из города — оттолкнулся от лавочки и кинулся вперед в надежде сбить мужика с ног... Но наткнувшись на него, замер. Вдалеке раздался не то раскат грома, не то вороний крик. А боль в боку, что беспокоила его весь день, вдруг успокоилась. Мужик с пивной бутылкой стоял рядом — только теперь бутылка (на деле — всего лишь осколок) торчала из его кулака, как нож.

Люди продолжали исчезать в автобусе — теперь слаженно, без заминок, шаг в шаг, все до единого, и никто не обращал внимания, как аккуратно, придерживая «розочку» от пивной бутылки, Артем опустился на лавочку.

Мужик же вытер об штанину ладонь и преспокойненько сел в автобус. Старик сразу же ткнул куда-то черенком швабры, и дверь с шумом схлопнулась. Медленно, тяжело маршрутка начала набирать скорость. И вскоре исчезла. Остановка опустела, ветер усилился.

Артем опустил руки, голову, прикрыл глаза.

Осколок выскользнул из окровавленной дыры в комбинезоне, сделал кувырок и звонко шлепнулся о землю. Артем открыл глаза. Протянул руку к пивному горлышку, поднял, покрутил в руках, немного посидел, затем поднялся и отыскал в траве пакет с покалеченным саженцем. Там же опустился на колени, примял траву и трижды проткнул землю окровавленным осколком. В ямку приладил дуб, присыпал землей и всяким сором. Затем оторвал от комбинезона беджик и прицепил к листу — Дуб Артем Воробьев, а после вернулся на лавочку.

Душный и пыльный город готовился к грозе. Бок больше никто не клевал, только комбинезон чуть почернел. По телу разливалось знакомое, родное тепло; невесомость, первичный бульон, утроба великой матери... Так бы сидел и сидел, вечно пребывал... Только не выйдет, соврал старик: следующий автобус прибудет уже с минуты на минуту.

И только потом — гроза.

ПТИЦА В ХОРЕ

— А во-вторых, — крикнул Волгин. — Его сам Мравинский учил!

Но мальчика уже никто не слышал: хористы разбрелись — хандрил опустевший советский ДК. Волгин задрал голову — хлопнуло окно второго этажа. Еще мгновение в нем угадывалась уродливая люстра над зрительным залом, а следом — судорога шторы — и на черном стекле расплылось акварельное пятно октябрьской осины.

Мальчик спустился с крыльца и пошел вдоль рассыпающихся беленых стен, издохших цветов и кустарников — за угол, на рябину, втирая в землю оранжевые бычки — к окнам небольшой каморки. Именно в ней Роман Георгиевич Струнин преподавал им хоровое искусство и теорию музыки.

— Роман Георгич! — в окно ударила красная россыпь ягод. — Роман Георгич! Это Волгин!

На третий залп окно распахнулось.

— Волгин! — крикнул Струнин. — Ты совсем обнаглел?! Окна решил повыбить? Еще и рябину пообдирал, лоботряс! Я матери твоей...

— Роман Георгич, — перебил мальчик. — Матери не надо... Научите меня баяну!

— Какому баяну?! Какой тебе баян, когда ты даже элементарное не в состоянии усвоить! Ну хорошо, еще раз — ответь мне, ка...

* * *

— Какой вид имеет наш хор? — Струнин стучал по столу дирижерской палочкой. — Отвечаем, отвечаем, не молчим!

Каждое занятие хормейстер начинал одинаково, каждую неделю школьники слышали один и тот же вопрос. И каждый раз — кто во что...

— Вокально-хоровой ансамбль!

— Мальчиков!

— Учебный!

— И что забыли? — подсказывал Струнин. — Учебный вокально-хоровой ансамбль мальчиков...

— Балалай Георгича!.. — обязательно доносилось с последней парты, и взрыв хохота прерывал занятие.

— Волгин! — Струнин тяжело поднимался. — Опять ты... Глаза б мои тебя и уши... Вон из класса! Весь в отца!

— А что в этом, собственно...

— Вон!

Впервые об этом чудном старике мальчик узнал именно от отца. Много лет назад, осенью, но все там же: у лавочки, под рябиной — аккурат между ДК и пивларьком, где обычно «заседали» местные мужички. Их собраниям вечно недоставало музыки, а Волгин с отцом постоянно ходили мимо.

— Володька! — кричали они.

— Давай к нам!

— Музыки недостает!

— Хватай баян! Всего одну блестящую мелодию!

И отец не мог отказать: «Этот контингент здесь важнее сельсовета». Затем садился, вешал баян и начинал наигрывать, а потом и напевать что-то обязательно блатное, хулиганское. Мальчику казалось, что никто на всем селе не знал инструмент лучше отца. Пока однажды из окна второго этажа Дома культуры не показалась голова седеющего Струнина.

— Володя! — крикнул отцу хормейстер. — Владимир Иванович!

Песня оборвалась, компания глянула выше.

— Ну что тебе?! — сказал отец. — Чего ты там?!

— А ты не слышишь?! Ты всю музыку мехом рвешь!

— Чего это?!

— Ну длинная же нота! Куда ты на длинной ноте мех меняешь! Не обрывай! Плавнее!

— Да иди ты, Георгич! Не зуди консерваторией!

И снова затягивал блатную-хулиганскую.

— И сядь правильно! — надрывался Струнин уже сквозь музыку. — Куда у тебя инструмент по ногам елозит?!

Волгин помнил и отцовские концерты на семейных праздниках: когда, упившись, все вываливали во двор и отец заводил коронную «На горе колхоз, под горой совхоз», перед воротами собиралась толпа, все пели, пили, веселились, и только одинокий Струнин тихо стоял в стороне.

— Георгич! — кричал отец. — Что говорит консерватория?!

— Омерзительно! — отвечал Струнин, и все хохотали.

Но вскоре отец погиб — пару лет назад, и снова в осень — во время ремонта на фабрике. Вызвался помочь — подкалымить — да сорвался со строительных лесов. И хоронили его все те же мужички, которым он ни разу не отказал в блестящей мелодии...

А спустя год мама привела Волгина в хор, привела, когда тот едва выкарабкался из начальной школы.

— Хор — это дисциплина! — говорила она по пути в ДК. — Да и пора бы тебе уже чем-то заняться. Все к пятому классу ходят в какие-нибудь секции, кружки... А ты у меня что?

— Что?

— Опоздун какой-то, прости господи... Заходи.

Романа Георгиевича они нашли на втором этаже, в учебном классе — скрюченного, в сером пиджаке на бесцветный свитер — протирающим черно-белые портреты только ему известных людей.

— Здравствуйте! — сказала мама.

Рука Струнина замерла над рамой — пару раз дрогнула — и вновь принялась натирать чье-то лицо.

— Здравствуйте! — повторила мама. — Мы в хор записаться.

Учитель бросил портреты, повернулся, кивнул и замер, поглядывая поверх очков.

— В хор записаться! — повторила мама. — Нам сказали...

— Подождите, подождите, милая, — Роман Георгиевич положил тряпочку на стол. — Кто вам сказал?

— Так в школе им вот...

— Подождите, подождите, нет! — хормейстер повысил голос. — Кто вам сказал?!

— Учительница...

— Кто она, учительница ваша?! Она в комитете по культуре, может, работает?

— Нет.

— Может, она заведует нашим Домом культуры? Опять нет! Вы бы сначала, милая, пришли, поинтересовались: Роман Георгиевич, есть ли у вас свободные места в хоре? Взяли моду! С порога! Запишите, запишите! А лет вам сколько? Группы, милая, по возрасту набираются, по диапазону, по силе голоса! Вот он, допустим, тенор... А нужны ли мне теноры в хоре?!

Мама не знала, нужны ли Струнину теноры, поэтому молчала.

— Не знаю, не знаю, милая, — старик присел. — А он что? Одарен?

Волгин хотел было ответить, что вот он, как на духу, Одаренный Опоздун. Но не успел.

— Ой, Роман Георгиевич! — воскликнула мама. — Постоянно поет!.. — призадумалась. — «Агата Кристи» ему нравится!

— Ну, что мальчик читать любит, это похвально, — ответил Струнин. — А как у вас со слухом?

— Слышит! Слышит! — не унималась мать. — Вы возьмите его, Роман Георгиевич! Весь в отца же, тот вон как на баяне... Вы же Володьку моего помните?!

Струнин глядел на мальчика: кедики, джинсики, толстовочка — черная и со скелетами в огне.

— Я, милая, мог бы в Вене дирижировать, — сказал он и опустил голову. — Сам Мравинский меня в Ленинграде учил. Так и в хоре у меня детки — все как один для музыки рожденные. Да и по программе мы далеко уже...

— А я слышала, что у вас недобор, — сказала мать и пихнула сына навстречу хормейстеру. — И никаких занятий еще не было.

Струнин поднял на нее взгляд, Волгин тоже. Затем Роман Георгиевич воткнулся ладонями в колени, разогнул спину, разогнул ноги, встал.

— Ничего не обещаю, — сказал он и вышел из класса.

— Иди, иди, — подталкивала мама.

И Волгин пошел следом — через зал, поглядывая на странную люстру, на диковинный агрегат на сцене, напоминающий лестницу, даже остановился, присвистнул. Струнин же уселся в первом ряду, чуть бочком к сцене, мама осталась в дверях.

— А почему окна зашторены? — спросила она. — Темно же.

— Милая, это храм искусств! Вы в каком-нибудь храме распахнутые окна видели? Давай, — махнул он Волгину. — На сцену. Исполни какой-нибудь куплет.

— Куплет?

— Песня какая-нибудь любимая есть у тебя?

Мальчик кивнул и забрался на сцену. Помялся, попереминался с ноги на ногу, вдохнул и пролаял:

Ты убила все свои игрушки!
Ты закрыла маме рот подушкой!
Чтобы никто не выдал секрет!
Чтобы мне никто не дал ответ!

Любишь! Любишь! Любишь! Любишь...

На седьмом «Любишь» Струнин повернулся к дверям учебного класса, к матери Волгина — повернулся в безмолвной мольбе по Вене, по черному фраку, по ушедшей молодости и учителю Мравинскому. И опять к Волгину. Мальчик уже закончил перечисление «любишь или нет» и ожидал вердикт.

Струнин выдохнул.

— Омерзительно, — сказал он, поднялся и двинулся в обратный путь. — Баритон, должно быть.

Мама сразу засуетилась вокруг старика, засыпая того вопросами и мольбами. До Волгина долетали лишь обрывки фраз: «баритон», «не разочарует», «господь с вами». Сам же он остался стоять на сцене. Слева — зачехленное фортепиано, у ног — утопленная тумбочка, а позади — три ступени и перила. К нему продолжали подбираться звуки: «у нас а капелла», «не пожалеете!», «да господь с вами!». Волгин забрался на последнюю ступень станка и засмотрелся на люстру. Из-под ее уродливого пологого тела в форме церковной луковки огромными каплями — лампочки, лампочки, лампочки... Сколько их там? С какого угла ни глянь — разное количество. А где-то в глуби учебного класса сдавшийся учитель талдычил уже одно и то же: «Да господь с вами, пусть ходит! Пусть ходит... господь с вами! Ради искусства... Сказано — пусть ходит... Зовут-то как, напомните? Волгин... Ах да, Волгин же, Волгин, помню, помню, Волгин...»

— Волгин! — кричал Струнин и палочкой указывал на дверь. — Я дважды повторять не буду!

— Ухожу, ухожу, — бубнил мальчик. — Чего так орать-то...

— В зале ни к чему не прикасаться!

Но Волгин пропускал это мимо ушей и первым делом задергивал шторы — чтобы невзначай не наткнуться на потухший чинарик фабричной трубы. Тот торчал над домами, ржавыми крышами, снежными крышами, среди цветущих и оголенных тополей — круглый год — все равно что злобная усмешка.

А затем бродил по залу — плотно зашторенному, с синтетическим задником горчичного цвета, со вколоченным в край сцены фортепиано, со зрительными местами, где каждое — косо, как сколотый зуб. Он присаживался, вставал, забирался на сцену, кружил вокруг хорового станка и места Струнина перед ним — подиума да пюпитра. Но, как и прежде, чаще глядел под потолок — на люстру и проклятые лампочки. Каждое занятие мальчик пытался их сосчитать.

— Волгин! — иной раз Струнин даже останавливал хор. — Ну куда ты смотришь?! Куда ты подбородок задрал?! Не понимаешь, что ли, что ты сипишь! У тебя связки

сдавливаются! — дирижер вытягивал тощую шею и натирал ее ладонью. — Перед собой смотри, перед собой! Голову прямо!

Но Волгин не хотел смотреть перед собой. Он и стоять там не хотел, и сидеть не хотел, и каждый раз бродить по залу, пока Струнин кончал свою «теорию музыки», тоже не хотел. Любое дело, тянувшееся дольше десяти минут, толкало его на необдуманные поступки.

— ...Уже тогда меня звали в Вену! — из класса доносилось струнинское бормотание. — Сам Мравинский меня рекомендовал!

Все как обычно: «теория музыки» из теорий, почему Роман Георгич не уехал из села в Вену.

Волгин пошел на второй круг по залу. Запрыгнул на сцену, пробежал пальцами по клавишам фортепиано, затем присел за инструмент и начал выбивать примитивненький мотивчик. А потом и запел, к несчастью вспомнив накануне увиденный фильм:

Жил на свете козел,
Не удав, не осел,
Настоящий козел
С седой бородой.

— Волгин! — от распахнутых дверей к нему бежал Струнин. — Волгин! Отойди от инструмента! Прочь! Прекрати сейчас же!

— Ну а долго вы там еще, Роман Георгиевич? — мальчик спрыгнул в зал. — Когда петь-то будем?

Из учебного класса вывалили остальные хористы.

— Действительно, Роман Георгиевич, — подхватили они. — Когда петь?!

— Вас к исполнению и близко бы не подпускать! — ответил Струнин. — Все марш в класс!

Волгин пошел за остальными.

— А вы куда, юноша? — Струнин остановил мальчика на пороге класса. — Нет-нет, останьтесь, посидите. Подумайте над поведением. Будь моя воля — гнал бы вас из хора...

— Это взаимно, Роман Георгиевич, — сказал Волгин и уселся в последнем ряду. — Будь моя воля — тоже гнал бы вас... то есть себя из хора.

Дверь класса захлопнулась. Мальчик запрокинул голову и вновь уставился на люстру, попытался сосчитать лампочки. Но в очередной раз как-то неудачно моргнул и решительно сбился.

За дверью тихо бубнилась музыка.

Волгин поднялся и подошел к окну, аккуратно — чтобы не видеть трубы — отвел занавеску, приоткрыл окно и вернулся на место; тянуло ароматом сырой земли и упревшей листвы. Мальчик смотрел на тонкую полоску неба, на крышу дома напротив, пятнистую от ярких осенних листьев, и если бы не проклятое искусство, шел бы сейчас с удочкой вдоль реки, к лесу...

— Волгин!.. — Струнин нависал над мальчиком. — Волгин! Ты спишь, что ли?!

Он и вправду задремал — разлегся на последнем ряду, сморил свежий воздух — не заметил, как закончилась теория музыки и хористы уже взбирались на сцену.

— Вы и сегодня не смогли в Вену уехать, Роман Георгиевич? — спросил Волгин и уселся ровнее.

— Юноша!

— У меня имя есть.

— Обращение по имени надо заслужить, Волгин! — ответил Струнин и направился к сцене.

Мальчик поднялся, еще раз посмотрел на чистое небо, на пятнистую осину, на суетившихся по веткам воробьев... Он уже протянул руку, чтобы вернуть «храму искусств» правильную атмосферу, но не успел.

— Волгин!

— Ну что, Роман Георгиевич?

— К станку, молодой человек! Теория теорией, а на отчетном концерте вам перед собственной матушкой выступать! — хор хохотнул. — И руководством Дома культуры! Тут на последних рядах не отсидишься! Займите свое место, будьте любезны.

Волгин оставил окно как есть и прошел к сцене, затем к своей вечной последней ступени, поставил себя с краю. Струнин перебирал материал.

— Начинаем, — скомандовал Роман Георгиевич. — Козлов, «Вечерний звон».

И вскинул руки. Хор вступил. Вступил и Волгин. Но учитель тут же замотал головой, задергал руками, и все смолкло.

— Волгин, — сказал хормейстер. — Лучшее, что ты можешь сделать для хора — просто открывать рот, понятно? Сначала!

Мальчик прибрал голос. Хор вступил по новой. За мешаниной голосов и руками Романа Георгиевича никто не заметил распахнувшегося от ветра окна, брызг солнечного света на истертый линолеум и тихо вспорхнувшего на подоконник воробья.

Смолк «Вечерний звон».

— Неплохо, неплохо, — комментировал Струнин. — Только, Волгин, перестань ногой дрыгать!

— Я такт отбиваю, Роман Георгиевич.

— Ты понятия не имеешь, что такое такт! Совсем как отец!

— Мой отец в хоре не пел, Роман Георгиевич.

— И слава богу, Волгин, слава богу! Такое бы я не пережил. Чего стоило баяну его обучить! — Струнин на секунду ушел в свои мысли. — В сторону разговоры! Дальше сложнее — Шаинский, «Аврора»!

И все как обычно: учитель вскинул руки, хор вступил. Но Волгин так и замер с приоткрытым ртом, не придумав ответной реплики. Затем захлопал губами, как рыба, не попадая уже ни в какие ноты. А хор тужился и дружно срывался на подростковый фальцет.

На одном из таких вскриков пригревшийся на октябрьском солнце воробей перепугался и, видимо перепутав свободу с храмом искусств, солнце с поганой люстрой, рванул в зал, под самый потолок. Первым его заметил хорист первого ряда — он тут же коснулся рукой своего соседа и взглядом указал на потолок. Так цепочка дошла до Волгина. На нем же и закончилась.

— Волгин, — зашипел Струнин. — Волгин! Не отвлекайся. Внимание на руки! На меня все глаза! Второй ряд!

Роман Георгиевич впервые перекрикивал произведение, но весь хор смотрел за дирижера. И в тот момент, когда Струнин оглянулся в зал, бедная птица нырнула под купол люстры, где тут же забилась в панике, запутавшись в проводах.

Середина композиции. Прервать выступление из-за какой-то птицы Роман Георгиевич не посчитал нужным. Искусство превыше всего. Струнин, с разведенными в стороны руками, из последних сил держал хор. А под потолком лопались лампочки, летели осколки; обессиленная птица делала последние попытки спастись — но в конце концов рухнула в зрительный зал.

Хор молчал.

Роман Георгиевич опустил руки и спустился со сцены. Поглядел на люстру, отсчитал ряды и в районе пятого опустился на больные колени. Волгин представил, как маленькое тельце стиснули костлявые пальцы дирижера. Струнин поднялся, прошел к окну и, собрав последние силы, вышвырнул бедную птицу в открытое окно.

И, преспокойнейший, вернулся к хору.

— Продолжаем! Что-нибудь попроще на этот раз. Дунаевский, «Песенка о капитане». И-и-и... Начали!

Но никто не вступил. Роман Георгиевич трижды вскидывал руки в безмолвной команде и трижды опускал. Хор молчал; один только Волгин то ли по инерции, то ли в насмешку продолжал открывать и закрывать рот.

Дирижер сдался, опустил руки и долго смотрел на мальчишек.

— Вам же плевать на искусство, — сказал он наконец. — Вам это все... на х... не нужно!

— А нам и не нужно, Роман Георгиевич, — отозвался хорист с первого ряда. — Нас школа заставила.

— Да, — поддержал другой. — Для увеличения внеклассной активности и поддержки секций ДК. За хорошие оценки в четверти. А ничего ж, кроме хора, нет на селе...

Струнин медленно кивал головой. Какие из них хористы? Обыкновенная сельская ребятня, кто в чем, кто с учебы, кто с рыбалки.

— Свободны, — сказал Роман Георгиевич и вышел из зала.

Дети начали расходиться.

— На самом деле, — сказал один из мальчишек на ступенях дворца, — хор — фигня полная. Да и Струнин, батя говорил, давно глухой на одно ухо. И второе уже на подходе. Паршивый, короче, из него учитель. Уж лучше пусть пару ставят, не приду я больше. Вы со мной, пацаны?!

Ребята загалдели и двинули по домам. И только Волгин остался стоять на крыльце, позади лязгнул дверной замок. Но мальчик смотрел на огарок фабричной трубы — настойчиво, впервые не пряча взгляд — и вспоминал совсем другие слова: «Струнин — на совесть рехнутый в своей этой музыке, — говорил отец. — Только... Ну на таких все и держится!»

Волгин скользнул взглядом по трубе — сверху вниз — уперся в спины бывших хористов.

— Во-первых, — крикнул он им вдогонку, — Струнин мог бы дирижировать в Вене! А не вас, лоботрясов, учить! А во-вторых...

ТРАГЕДИЯ

Чудилась хвоя, аромат преследовал Алексея всю дорогу домой.

И вот снова — на втором этаже их деревянного барака, насквозь пропитанного винегретом из борща, мочи и табака, — чудился хвойный аромат. Алексей достал из кармана автомобильную «елочку» — сдернул в фуре, собирался выкинуть — но дело оказалось не в ней, картонка давно испустила дух.

Алексей сунул бычок к остальным бревнышкам на жестяной крышке: покурить в подъезде после рейса — давно традиция. И наблюдать через схваченное морозом окно на строящийся многоэтажный дом напротив — тоже традиция (и думать: сколько лет он строится — и будто всегда зима).

Взгляд Алексея поочередно замирал на красных, желтых, белых фонарях башенных кранов — они лучились сквозь стекло, казались звездами. Особенно нравилась красная — та, что выше остальных — она напоминала новогоднюю елку в углу комнаты на лакированном журнальном столике. И следом: как свет уличного фонаря — яркими осколками — падал на эту елку, дробленный маминими мудреными растениями на подоконнике. А Алексей лежал напротив на старой советской софе — тоже лакированной — смотрел на эти гирлянды и засыпал; других елок он не видел. Его не водили ни в детский сад, ни в театр, ни в ДТЮ, ни в ДК — никуда, где могли случаться новогодние елки...

Алексей прилепил химозную елочку к замерзшему окну и закурил вторую. Много ли вообще таких детей, что ни разу в жизни не бывали на елке? Его сын, например, не был.

Нужно было что-то решать. Хотя бы с той елкой, что должна стоять дома. Уже второй год они перебивались дворовой. Из окна гостиной Алексей выбрасывал связку новогодних лампочек — те сопливо повисали на дереве, а ближе к вечеру шваброй подтягивал обмерзшую вилку, протирал, сушил и втыкал в удлинитель. Затем несколько минут — пока выстуживалась комната — семья радовалась праздничному перемигиванию огоньков.

Но сын, конечно же, хотел собственную и дома — чтобы всегда в огнях, с безделушками на ветках и чтобы возиться вокруг погруженным в какую-то игру. И Алексей старался, говорил, что работает над этим. И он действительно работал — последний месяц совсем не вылезая с рейсов.

В кармане загудело. Алексей достал маленький истертый телефончик — все равно что игрушечный — экран светился ядовито-зеленым, как магический артефакт. Ладонь и запястье Алексея тоже окрасились зеленым.

— Да, — сказал он и поднял глаза на красный башенный маячок. — Але.

— Не за рулем, Леш?

— Нет, нет, отгрузился. Домой иду.

Алексей знал, что за этим последует. Тихомиров — тот еще барин, на таких работать себе дороже. То в рейс без выходных, то с тахографом помухлюй, чтобы напарника не ставить; а начиналось все с «роскошного предложения».

— Есть роскошное предложение, Леш, — сказал Тихомиров. — Во-первых, у нас трагедия, Иванов — предатель, знаешь ли. Заболел, видите ли. А на меня ругаются, а мне ставить некого!

— А что везем? — спросил Алексей, а в душе выругался — нет бы сразу отказаться.

— Роскошный товар, Леш! Полный автовоз «поршей»!

— Кого? «Порш»? Автомобили? Игрушечные, что ли?

— Нет, нет, нет, настоящие! Машины, Леш, железные большие машины!

— Откуда в нашей глуши такое добро? Я их только по телевизору видел, а еще наклейки...

— Леш, это совершенно неважно. Выручаешь, нет?! Все груженое, готовое, утром документы — и в путь! А я со своей стороны обсужу с Воронцовым новогодние подарочки.

— Какие подарочки?

— Деньги, Леша! Премию! Не нужна тебе, что ли, премия?

— Нужна, конечно...

— Так что? Берешься?

— Виктор Палыч, я только приехал, хотел с семьей побыть... Они меня больше недели не видели.

— И ты туда же! Сговорились, что ли?! Ну, я тебя услышал!

И бросил трубку. Имя начальника на экране пропало, появилось время: начало десятого.

Черт с ним, подумал Алексей, трагедия у него. Но сразу же ощутил легкое брожение совести: они едва сводили концы с концами, но и с другой стороны — он почти не бывает дома.

— Какой-то замкнутый круг получается.

Алексей спрятал игрушку, докурил и пошел домой.

* * *

Жена чуть коснулась губами — будто они не виделись лишь пару часов — и тихо шепнула: «Привет». Дальше на Алексея обрушилась оглушительная немота квартиры — невозможная для места, где живет пятилетний ребенок. Темная прихожая, гостиная без света и только слабое свечение кухонной лампы... Все это напомнило Алексею детство, когда по ночам родители оставляли в туалете свет, потому что сын опасался темноты. И он шел на этот тусклый маячок, стараясь не отводить глаз, чтобы не заплутать во тьме вокруг. Но и туалет не внушал доверия — он напоминал Алексею глубокий колодец с лампочкой, а потому, сделав по-быстрому дела, он опрометью возвращался в кровать.

— А где?.. — Алексей начал разуваться, и вдруг отступила хвоя. — Спит, что ли? Я пока ехал, думал, надо на елку его сводить. Сейчас как раз эти утренники начинаются.

— В больнице он, — жена вернулась на кухню.

Алексей в одном ботинке замер посреди коридора, затем наспех стащил куртку, обувь и побежал следом.

— Что случилось?

— Да не смогла я запомнить!.. — ответила женщина и расплакалась.

Алексей наматывал круги по кухне — на деле же крутился вокруг себя. Затем угомонился, сел за стол и обнял жену.

— Почему мне не позвонила?

— У него с животом что-то, — продолжала женщина. — На операцию забрали.

Алексей чувствовал, как клеенчатая скатерть липнет к влажным ладоням.

— Я не стала тебе звонить, ты за рулем...

— Ничего, ничего, — Алексей крепче прижал жену. — Ничего. А когда забрали?

— Сегодня, после обеда. Он и не поел ничего...

Женщина комкала салфетки — одну за другой — они разлетались по столу, напоминали диковинные елочные шары.

— Он еще со среды жаловался. Я думала... Ну, может, съел что-то...

И снова расплакалась.

— Ничего, ничего...

Алексей повторял одни и те же бестолковые слова, повторял движения — иногда зачем-то поднимался и проходил туда-сюда через дверной проем — обнимал жену, прижимал к себе, трогал ее руки, плечи. По-прежнему не пахло хвоей, а в голове крутились обрывки детских воспоминаний про еловые ветки, красные сосновые крышки и дубовую декабрьскую землю.

— Нет уж, к черту! — вскрикнул Алексей.

— Что?

— Не переживай, — сказал мужчина. — Не переживай. С утра поедем в больницу, все узнаем. Сейчас он под присмотром, это хорошо. А может, все и к лучшему. Как говорят, раньше обнаружилось — раньше вылечится. Все будет хорошо. А куда его отвезли?

— В пятую. Операция вроде не сложная... Только просили что-то докупить или оплатить. Лекарства, что ли... Я не запомнила ничего!

И снова расплакалась.

— Ничего, ничего... Докупим, оплатим, что ж теперь.

Алексей осматривал кухню — искал хоть что-то, что годилось под продажу. Он всегда так делал, когда жизнь заставала его врасплох. И последний раз — не так давно — когда сын требовал елку. Да только будь у них елка — первой бы пошла на продажу.

— Завтра с утра нужно оплатить, — сказала жена. — Этому врачу перед операцией. Он там все написал. У меня в куртке...

Алексей и теперь не решился включить свет — по прихожей он ступал осторожно, как по месту преступления. Поскрипывали половицы — те же коридорные, только чище. Из кармана зимней куртки он вытащил втрое сложенную бумажку с размашистыми заметками врача, развернул и попытался прочесть. Разобрать не получилось; разве что сумму — сумму всегда пишут разборчиво — всего чуть больше двадцати тысяч. Алексей огляделся, но продавать было нечего. Мужчина вернул записку в карман и заглянул в единственную комнату.

Силуэт сосны в окне, а у окна — табуретка и взлохмаченная постель сына. У другой стены — застеленная родительская и телевизор в ногах. А у входа, там, где могла стоять елка, сбились в кучу игрушки. Машинка-грузовик лежала на боку, ее оцепили фигурки солдат. Алексей присел. Еще одна машинка — такой он у сына не помнил, — кажется, все еще катилась вдоль плинтуса — как можно дальше от места происшествия. Тут же валялись истерзанная картонная коробка из-под обуви — наверное, чей-то дом — и маленький лего-человечек рядом. Алексей ничего не тронул. Он еще раз взглянул на комнату и будто смотрел глазами сына — его последнее воспоминание.

Алексей прикрыл дверь гостиной.

— Я покурить, — сказал он из прихожей.

Жена не отозвалась. Алексей спустился к окну — в пролет между первым и вторым — и все сначала: сигарета, вмерзшая «елочка», зеленый свет мобильного и красная звезда в небе.

— Виктор Палыч, — сказал Алексей. — У меня тут трагедия... Завтра во сколько в рейс? Я выйду.

И вскоре дал отбой. Он все сделал правильно: в больнице от него все равно толку мало. Кроме того, они и так едва сводили концы с концами.

— Действительно замкнутый круг, — сказал Алексей башенному крану и всем его звездам; убрал магический артефакт и вернулся в квартиру.

* * *

Уснуть не получилось. Страшно было проснуться от резкой телефонной трели или же, наоборот, не проснуться — проспать; а еще — уснуть и будто бы поставить точку, во всем согласиться с прошедшим днем. Но Алексей был категорически не согласен. В пятом часу он поднялся и ушел на кухню мастерить бутерброды и снова не посмел включить свет. Нарезал две порции: на сейчас и перекусить в дороге. Потом долго сидел, жевал завтрак у холодного окна, коленями упершись в батарею, как в детстве — утром перед школой.

— Я поехал, — Алексей присел на кровать к жене. — Звони в любое время. Сразу, как что-нибудь станет известно.

Женщина кивнула. Алексей погладил ее по голове, поцеловал и вышел. На лестничной площадке по-прежнему несло борщом. Между первым и вторым этажами Алексей

не задержался — даже не заметил, осталась ли на стекле «елочка» — торопился, его давно уже ждал груженый автовоз.

От охранника стоянки Алексей получил все необходимые документы, где в некоторых местах фигурировал предатель Иванов.

— Премиум-класс! — сообщил мужик с надорванной нашивкой ЧОПа. — Не страшно?

Разноцветные запорошенные «порше», как клубок гирлянд, блестели среди декабрьской серости.

— Да уж, обычно попадается что попроще, — сказал Алексей. — Я такие только в журналах видел. Откуда они у нас?

— Знать не знаю, — ответил охранник. — Я накануне заступил, а они уж тут. Тихомиров только вокруг носился вчера, нервничал очень, везти, говорит, некому. Развел трагедию... Вот же — на месте человек!

В кабине стоял резкий аромат от подвешенной «елочки» — Алексей поспешил тут же от нее избавиться. Аромат стих. Тогда мужчина попробовал приладить свой игрушечный телефон так, чтобы всегда видеть экран и быстро среагировать. В любую минуту могла начаться или закончиться операция. Только ничего не получалось. Телефон темным гробиком лежал перед ним на приборной панели. И уже выезжая со стоянки, Алексей понял, что не может оторвать от него взгляд.

Телефон молчал; Алексей снова и снова проверял время, проверял, не потерян ли сигнал — иначе бы поднажал, проскочил глухое место. Затем и вовсе взял его в руку, хотел набрать сам, но не решался — боялся грудью нарваться на трагедию. Так и ехал: одной рукой держал руль, другой — телефон, где не прекращая листал записную книжку, крутясь вокруг имени жены, гладил кнопку вызова... И наконец решился.

Но в ту же секунду в нос ударил резкий хвойный аромат, и Алексей растерял остатки концентрации. В зеркале заднего вида он поздно разглядел вылетевшую на обгон легковушку, а та поздно осознала масштабы автовоза и начала притормаживать. Но Алексей не понял и этого — придумал себе, что легковушке не хватает мощи, и сам начал тормозить. И все пошло наперекосяк. Легковушка заметалась — словно какой-то неугомонный ребенок тащил ее за собой на веревочке — со встречки сверкали дальним, Алексей не прекращал тормозить, будто ногу схватило судорогой, а под конец зажмурился.

Померещился толчок, и все успокоилось.

Алексей открыл глаза. Автовоз стоял на обочине. Далеко впереди еще виднелась легковушка, встречка скрылась за холмом позади. Алексей кинулся к телефону — на нем застыли сорок минут десятого — сунул его в карман и вышел из машины. Даже не вышел — вывалился. Обошел кругом.

Автовоз стоял на щупленькой лесной дороге; таял утренний сумрак. По обе стороны — березки, сосны... Настойчиво клубился хвойный аромат. Теперь уже, кажется, настоящий. Алексей снова достал телефон, нашел жену и нажал вызов. Но телефон не реагировал — только упрямо плевался ядовитой зеленью.

— Да что ж ты... Ну, давай! — Алексей тряс аппарат; на экране замерло имя жены и сорок две минуты десятого. — Давай же, предатель! Чего как Иванов, в самом деле!

Алексей плюнул, вскрыл заднюю панель, вытащил аккумулятор и сразу же вставил. Включил. Телефон медленно возвращался к жизни. Мужчина поглядывал то на него, то на машину, то вокруг. И на очередном круге заметил невысокую елочку. Она одиноко торчала среди других деревьев чуть в глуби лесопосадки. Такая как раз уместилась бы в их комнатке, подумал Алексей; и еще — точно такая же была у него в детстве. Он почему-то счел это добрым знаком и решил не медлить — упрятал в кар-

ман телефон, достал из машины буксировочный трос, небольшой ножичек, натянул шапку и пошел к елке.

Только каждый шаг давался с трудом: Алексей оступался, проваливался в снег, соскальзывал в ямки, тонкие ветки кустарников и погибшая по осени трава путали ноги. У елки он оглянулся на автовоз, отсюда цветастые машинки казались совсем крошечными, ненастоящими, придуманными. Алексей вернулся к сосне, отряхнул ее от снега, притянул к себе, сделал глубокий вдох — и ничего. Затем еще раз и еще. Хвоей не пахло; но не пахло и ничем другим. Алексей подносил к лицу ладони, одежду, трос, отрывал пряди иголок — но нет — все потеряло свой запах.

Одновременно с тем со стороны автовоза стали доноситься голоса, зачем-то останавливались машины — наверное, хотели поглядеть, как какой-то чудак сражается с бедной елкой. Но Алексей ни на что не отвлекался — он остервенело рвал ветку за веткой, принюхивался и бросал под ноги. Всю землю вокруг устелили еловые лапы, зеленые брызги иголок. Слетела на землю шапка, и вывалились телефон, нож, и распустился под ногами трос. А когда уже не осталось веток, Алексей ухватился за ствол, поближе к корням, и дернул со всей силы. В ту же секунду — только и успев зажмуриться — он провалился ногой в какую-то пустошь. Раздались треск, свист и яркая красная вспышка — в небе ли, в голове... Алексей не понял. Возможно, как и полагается, это вспыхнула на вершине молодой сосны та самая красная звезда из детства.

Вновь запахло хвоей, Алексей открыл глаза.

* * *

У автовоза стоял наряд ДПС.

Алексей наблюдал, как люди в форме осматривают место происшествия, как кружат вокруг автовоза, смотрят на его зарывшуюся в березах морду, заглядывают в пустую кабину; а когда находят сваленные в кювет иномарки — дружно присвистывают.

Чуть позже один из инспекторов усмотрел следы, уводящие в лес, и теперь Алексей наблюдал за приближающейся фигурой инспектора. В конце концов он смог различить даже звание — всего лишь сержант.

— Что, не захотелось за иномарочки платить? — спросил он. — Хотя правильно, за такую груду металлолома тебе уже не расплатиться.

У ног инспектора в еловых ветках ядовитой зеленью пульсировал магический артефакт. Сержант посмотрел на телефон, затем вновь на Алексея; долго не решался, но все же ответил на звонок.

— Слушаю, — ответил инспектор. — Сержант Собакин. Это кто? Вы жена? Как вас... Наталья. Наталья, тут...

Сержант смотрел прямо перед собой — туда, где на уровне его глаз покачивались ботинки водителя автовоза.

— Тут такое дело. Трагедия...

Алексей хотел возразить: никакой трагедии, он всего лишь собирается привезти сыну елку — только не мог произнести ни слова. Сержант же продолжал бубнить.

— ...Трагедия, трагедия, трагедия...

Его голос звучал то отчетливо и рядом, то отдалялся, становился неразборчивым, потом и вовсе исчез. А со стороны автовоза раздался яркий свет. Должно быть, наряд включил фонари: вокруг давно уже случились сумерки. По снегу и стволам заметались тени; фонари приближались — становились ярче, казалось — множились, пока в конце концов все поле зрения Алексея не застила белая пелена.

Нестерпимо несло елкой.

* * *

— Алексей, Алексей! Леша...

Голос далекий; и одновременно очень близкий.

— Алексей, Леша, Леша...

— Пожалуйста, выйдите! — другой голос, чужой. — Все в порядке, это наркоз.

Аромат терпкой древесной смолы доносился откуда-то слева, где ярче свет и мелькали тени. Алексей потянулся...

— Аккуратно, аккуратно! — опять этот чужой голос. — Позовите Сергея Ивановича, пожалуйста.

Мешанина голосов, а затем руки, много рук — по ногам, животу, под голову — множество рук очертили его тело. Алексей вдруг осознал свой небольшой рост и щупленькое тельце. И все-таки тянулся к свету.

— Сынок, тихо, тихо, — первый голос. — Спокойно, Леша, все хорошо. Тихо, тихо...

Алексей стал различать голоса — и голос был женским, не чужим, очень знакомым. Он вспомнил, что его владелец часто плакал; а еще говорил, что их дом вечно воняет борщом, табаком и другим грубым словом, и просил чаще убираться. Но этот человек всегда оставлял Алексею свет в конце коридора...

— Отойдите, отойдите! — а вот совсем чужой голос, мужской. — Не мешайте! Дайте врачу... Пропустите!

Алексей не оставлял попыток вырваться из непослушного тела, тянулся к еловому аромату, который, кажется, заполнил уже все вокруг.

— Может, какой-то укол поставить? — новый голос, мужской, растерянный. — Это из-за операции?

Этот голос Алексей слышал гораздо реже первого. Но именно он рассказывал ему про большие машины — фуры и автовозы, рассказывал про свое детство и про елку. Иногда голос кричал, и что-то гремело рядом; а еще постоянное зеленое свечение...

— Руки ему, руки придержите! Не надо ничего ставить! Это наркоз, наркоз отходит! Операция прошла...

Но Алексей хотел добраться до елки: он обещал сыну елку, он не мог вернуться без елки. Он и сам хотел пойти на елку! Должен пойти на елку! Впервые... От этих мыслей перехватило дыхание. Алексей напрягся — постарался протянуть руки, подняться, разлепить глаза, вырваться, вдохнуть... Но тут же одномоментно и выдохся. Обмяк и, кажется, начал проваливаться — не то в сон, не то сквозь землю — и все руки его вмиг отпустили, и успокоились знакомые и чужие голоса.

Леша открыл глаза.

Он увидел однотипный ряд пустых больничных коек и стол у окна; а на столе под ярким солнечным светом — вазу с еловой лапой. На ней одиноко повис красный новогодний шарик и поблескивали бусы. Еще на столе кто-то разложил его машинки — грузовичок и несколько маленьких разноцветных.

Рядом с кроватью стоял мужчина в белом халате — врач, наверное. А в ногах женщина в слезах — мама, наверное. За плечи ее придерживал мужчина — наверное, папа. Позади него — над правым плечом — часы и две минуты одиннадцатого утра.

Леша принюхался.

— Елка совсем не пахнет, — сказал мальчик. — Почему она не пахнет?..

Павел КРУСАНОВ

ПОЛЕТ ШМЕЛЯ

Рассказ

В халате и стоптанных домашних тапочках на войлочной подошве Иванюта сидел в кресле и теребил исписанный лист бумаги. Под потолком вокруг лампочки, как атлет на брусьях, кружилась муха. Иванюта неторопливо рассуждал: «Халатное отношение... Какой точный, емкий и красивый образ!»

Шесть лет назад в результате изнурительной войны, целью которой служила безоговорочная капитуляция воли одной из сторон перед волей другой, он развелся с женой. К тому времени его раздражало в ней буквально все, но особенно — небольшой белый рубец на левом запястье, на тыльной его стороне, противоположной руслам голубых вен. Такие рубцы, сияющие на коже с естественной пигментацией неестественной белизной, не подвластны загару и образуются, как правило, в результате сведения родинок или наколок либо просто от сильного ожога. В данном случае подозрение падало на родинку, хотя ни до, ни после свадьбы Иванюта не удосужился поинтересоваться тайной рождения этой бледной отметины, постепенно, как накапливающаяся (кап-кап — капля к капле) в организме ртуть, отравлявшей его существование и в конце концов разъевшей в его психике зудящую рану.

На каком основании они с будущей женой некогда сошлись, теперь было уже не припомнить. Предание гласило, что однажды Марина посмотрела на Иванюту и вмиг выпила его душу своими серыми глазищами. Последовавшие за тем семь лет совместной жизни показали, что пустота непременно чем-то заполнится — на месте выпитой души проклюнулось и разрослось давящее осознание ошибки. И пусть заниматься домашним хозяйством теперь приходилось самому, но вместе с тем никто уже не мог заставить Иванюту делать то, что в данный момент он делать не собирался. Это обстоятельство было воистину бесценным и перевешивало любые бытовые неустройства. Благодаря ему склонность Иванюты к праздному созерцанию и неспешному раздумью только усугубилась. Вот и теперь, внешне бездействуя, он совершал внутренний труд — он мыслил.

Павел Васильевич Крусанов родился в 1961 году в Ленинграде. Окончил географо-биологический факультет Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. В первой половине 1980-х — активный участник музыкального андеграунда, член Ленинградского рок-клуба. Работал осветителем в театре, садовником, техником звукозаписи, инженером по рекламе, печатником офсетной печати, редактором в издательствах. Автор девяти романов и нескольких сборников малой прозы. Отдельные произведения переведены на сербский, словацкий, болгарский, немецкий, итальянский, английский и китайский языки. Лауреат премии журналов «Октябрь» (1999) и «Дружба народов» (2019). Четырежды финалист премии «Национальный бестселлер» (2003, 2006, 2010 и 2014). Финалист премии «Большая книга» (2010). Лауреат премий «Созидающий мир» (2020) и «Гипертекст» (2022).

«Я владею грамотой, — думал Иванюта, — но слово мое не имеет глубины, чтобы вместить вселенную. Играя с пустотой, я выпустил двенадцать поэтических сборников, некоторые из них, как ни странно, нашли читателя. Дребедень? Трагедия? Нет. Никакой трагедии — рутина. Бескорыстная жизнь мимо денег тоже вовлечена в карусель товарооборота. Мир вертится, как заведенный: поэт слагает оду или мадригал, а читатель... — Тут мысль Иванюты ввиду затруднения с финальным завитком запнулась, но быстро собралась: — Воскуряет фимиам. Одна фантазия идет в оплату другой...» Иванюта приподнял полу халата и закинул ногу на ногу. А может, все-таки есть глубина? Ведь ценность записи зависит и от читающего — насколько тот способен одухотворить безжизненные буквы...

Иванюта желал бы освободиться от тревожных сомнений, но не мог — он был сторонником предельной честности самоотчета. «Хочешь быть свободным? — безжалостно вопрошал он себя. — Кошки свободны. Они — одна сплошная свобода. Хочешь быть кошкой?» Иванюта не хотел.

Воспари он в этот миг над экспозицией, то как человек, не чуждый литературных уловок, непременно бы предположил, что по правилам завязки в этом месте либо герою следует совершить поступок, либо полагается выйти из тени и обозначить свое присутствие неумолимому року, либо что-то должно произойти само собой. Но ничего не случилось — жизнь не следовала художественным установлениям.

Очередной приступ самообличения накрыл утром, когда Иванюта на свежую голову перечитал написанное накануне вечером стихотворение. Оно называлось «Урок терпимости» и имело остро иронический характер. Так, по крайней мере, в творческой горячке представлялось вчера. Строки крутились в памяти — лист был не нужен.

Чуден мир от тьмы до света.
Полон див кошель природы.
Познакомьтесь, дети: йети —
Существо седьмого рода.
Посреди озер и суш
Он не женщина, не муж.

Почему йети? С какой стати йети? И где здесь ему привиделся изысканный яд? Вместо сияющего кристалла какая-то органическая химия, хлипкая кислотная жижа — морок, наваждение...

Ищет, с кем единосущен:
Голос — бубен, глаз — стилет,
Внемлет слух шуршанью кущи...
Тщетно, тщетно — пары нет.
Посреди семи болот
Он не этот и не тот.

Ну, это еще куда ни шло. Плотно, упруго, покато... Изящная змеиная аллитерация... Иванюта перепрыгнул через очередное никудышное шестистишие, в котором «существо седьмого рода» в невинной забаве «расплетает паука». А дальше? Что это, ей-богу?

Не для нас одних вертится
Мир, где жизнь творит навоз,

Надо, дети, потесниться:
Космос — общий, как колхоз.

Какая-то гаврильчиковщина[1], нарочитый, измышленный примитивизм. Но ужаснее всего выглядел финал, где наставник настраивает детскую оптику на политически корректный фокус. Иванюта даже не стал прокручивать его — финал — в голове, так он был скверен. Полная чепуха. Иванюта невольно поморщился, словно уловил носом неприятный запах. Но ведь вчера его распирал восторг, в груди плясало ликование — казалось, пришло новое дыхание, он вступил в звонкий, сверкающий хрустальными гранями период... А тут такое безобразие. Шмяка. Что ж, живой человек портится не так быстро, как мертвый, но все-таки портится. И всякое дело, которого он, испорченный, коснется, шибает в нос.

Иванюта верил: поэзия — преемница чародейства. Поэтому если ты написал свое заклятие, а в ответ не взвились молнии, не сотряслись небеса и к ногам твоим не спустился дракон, то ты не поэт, а шельма и самозванец. Он верил этому безоговорочно до тех пор, пока не понял: поэзия — это заклятие, которое свершается не в обозримых окрестностях, а в твоем сердце. Что же теперь? Теперь обманулось и сердце.

Раздавленный творческой неудачей, которую нельзя было исправить, а следовало как можно скорее забыть, Иванюта порывисто скомкал исписанный столбцом строчек листок и бросил его на подоконник, который служил своего рода чистилищем для всевозможных набросков и черновиков — до той поры, пока в голову Иванюте не приходила блажь произвести в своей берлоге уборку. Тогда бумажный завал, за редким исключением, касавшимся каких-то признанных вдохновенными обрывков, пожирала геенна огненная — мусорный пакет на завязочках.

Иванюта жил на Ковенском в небольшой студии, чудесным образом доставшейся ему после развода и раздела квартиры на Некрасова, принадлежавшей его покойным родителям. Он не очень держался за родовое гнездо, поэтому легко согласился на размен, но в итоге был рад, что после всех перипетий остался в том же городском околотке, где прошли его детство и юность. Причина столь легкомысленного отношения к наследственной недвижимости заключалась в аквариуме. Это был большой по меркам детства семидесятилитровый стеклянный параллелепипед, стоящий на тяжелой тумбе у стены в гостиной. На дне его среди организованного из камней и водорослей ландшафта виднелись в лучах струившегося сверху света неоновой лампы руины какой-то терракотовой Атлантиды. Пузырьки воздуха из компрессора оживляли зеленоватый подводный пейзаж серебристым вертикальным движением, заставлявшим водоросли волноваться. Но печально было не это — ужасали рыбы, пробующие на вкус волокнистые макароны собственных испражнений, должно быть, неверно принимая их за корм. По какой еще причине они могли осквернять подобным образом свои немые рты? После смерти родителей аквариум был решительно упразднен, однако добрый десяток лет ежедневного подводного театра не мог не отразиться на неокрепшей психике. Иной раз Иванюта чувствовал себя такой рыбой, ошибающейся насчет корма, — когда в публичном заведении играла жуткая музыка или в гостях работал телевизор, предъявляя что-то уже не один раз переваренное, и этот чужой телевизор нельзя было выключить.

Душевная травма, вызванная творческим провалом, требовала деликатного лечения, которое могло выглядеть как отвлекающая кропотливая работа с коллекцией (обработка полевых сборов жуков, выявление ценных экземпляров с дальнейшими их

[1] Имеется в виду художник и поэт Владлен Васильевич Гаврильчик (1929—2017).

определением, монтировкой и водворением на положенное место в энтомологической коробке) либо как умеренное возлияние вкупе с необязательным общением — предпочтительно с малознакомыми или вовсе не знакомыми людьми. На дворе стоял май — прошлогодние полевые сборы были вдоль и поперек исследованы еще зимой. Оставался второй вариант. За жизнь Иванюта испробовал множество способов терапевтической блокировки рокового несоответствия действительности грезе — эти два, если выбирать из тех, что не вели к необратимому разрушению личности, были самыми действенными.

Выйдя на Ковенский, Иванюта первым делом направился в «Маяк» — заведение с причудливой атмосферой, напоминающее спортивный бар, разместившийся в приемной партаппаратчика. Он находился в доме, из окна которого однажды вывалились одна за другой шесть любопытных старух, — наблюдательный пункт Хармса находился ровно напротив, через улицу, о чем извещала прохожих памятная доска на стене. «Маяк» в этот час пустовал, за единственным занятым столом друг напротив друга сидели два парня и две девушки: и те и другие были одеты на удивление одинаково — синие джинсы, черные футболки, — причем сразу становилось понятно, что униформу определяет не требование дресс-кода, а единственно бедность воображения. Один из парней с молодой, еще пушистой бородкой был либо журналистом, либо фотографом — иногда Иванюта писал критические статьи в доверчивый глянец и мельком встречал его в редакциях. Чаще — в одном журнале без принципов, но с робкой нетрадиционной ориентацией (атлеты в нижнем белье, демонстрация рубашек и дорогих часов на красавцах моделях). Встречи были случайны и ни к чему не обязывали — они даже не кивнули друг другу.

Иванюта с расстановкой, в два приема, накатил сто граммов водки под портретом Дзержинского — этот пламенный заряд должен был задать тон для дальнейшей настройки — и запил обжигающую ноту клюквенным морсом.

На улице Жуковского по пути к Литейному навстречу Иванюте попался прохожий, удивительно напоминавший доцента Мутовкина — университетского преподавателя по природопользованию: красное веснушчатое лицо с белесыми бровями и ресницами, редкие, зачесанные назад волосы, коренастая фигура, походка с наклоном вперед, серый потертый костюм и клетчатая рубашка без галстука. Он выглядел так, как выглядел Мутовкин двадцать пять лет назад — петербургский морок, разнесенное во времени двойничество... Иванюта предался воспоминаниям. Студенты ценили лекции Мутовкина не как добротный источник знаний, а как филологический курьез. Учебные монологи доцента пестрели чудовищным несогласованием слов, которое теперь встречается в компьютерных переводах и социальных сетях, а тогда возникло в результате освоения научной речи случайными людьми, пришедшими в науку из низов и до вершин так и не поднявшимися. «Удовлетворять потребностям» было далеко не единственной приправой его лекторского красноречия — высверкивали и другие жемчужины: «не играет значения», «благодаря трудов»... На примере Мутовкина можно было демонстрировать правоту утверждения: язык, на котором ты говоришь, определяет то, как ты думаешь. Контаминация мыслей (в основном заемных), изредка проглядывающих в его экспромтах, поражала забавной, но нежизнеспособной нестыковкой. Под руку с двойником Мутовкина шла женщина, отечные ноги которой, открытые ниже колен, походили на баобабы, накопившие воду в стволах на всю оставшуюся жизнь.

В полуподвальном продуктовом магазине на Некрасова (второй дом от Литейного), если пройти заветным коридорчиком, можно было попасть из торгового зала в закуток на два столика, где за барной стойкой юноша в белом халате с засученными рукавами разливал простые и надежные напитки. Входя в этот потаенный вертеп,

Иванюта грустно размышлял о себе: мало того, что он способен на посредственные стихи, при этом он совершенно не годится в герои — героям думать не полагается, им полагается совершать дерзновенные поступки и проходить суровые испытания любовью. А он думает, не совершая и не проходя, и в этом — его преступление. Да и думает-то он кое-как — не то что Макиавелли или французские структуралисты, а всякую ерундовую всячину.

Через десять минут, вновь выходя на солнечную улицу, Иванюта уже чувствовал за плечами крылья — ему хотелось лететь, вольно гулять по свету, следуя за собственной тенью, и лишь в безлунную ночь или в ненастную погоду делать привал, чтобы ненароком не сбиться с пути...

Недолгий полет прервался у Большого театра кукол, чей роскошный фасад встретил Иванюту густыми переливчатыми басами — здание было возведено в том волнующем стиле, который всегда казался ему прекрасным предсмертным аккордом архитектуры: впоследствии в ней уже не было ровным счетом никакой музыки, даже застывшей — музыка покинула это искусство, остались только диджейские сведения треков, мертвенный скрежет, хрип. Целое облако воспоминаний окутало Иванюту, вернув его в предметное пространство, но закружив во времени. Он даже постоял недолго у скромных дверей служебного входа (как ни странно, расположенного в соседнем здании), прислушиваясь к нахлынувшим ощущениям.

На третьем курсе биофака по причине душевных метаний он ушел в академический отпуск и, испытывая веселый страх, устроился в этот театр осветителем, благодаря чему на смену студенческой нищете (стипендию за нерадивостью он получал лишь первые полгода) в его жизнь пришла благородная бедность. В те времена театром руководил Сударушкин, толстогубый режиссер, бывший уже и народным, и лауреатом — неугомонный, деятельный, умевший в нужной пропорции сочетать снисходительность и строгость. Ставя спектакль, будь то «Сказка про Емелю» или шукшинские «До третьих петухов», он никогда не удовлетворялся поверхностным током мысли или сюжетным плетением, требуя присутствия в каждой сцене иронического ангела. И не просто присутствия — деятельного участия. Впрочем, большего сказать о Сударушкине Иванюта не мог, так как местное божество редко нисходило до технического состава, отдавая всего себя вместе с печенью избранному актерскому коллективу.

Студией звукозаписи в Большом театре кукол заведовала Аня Дрозд — стройная томная дама лет тридцати двух, не чуждая музыкального андеграунда: при ее попустительстве в студии конспиративно записывали свои магнитоальбомы Юрий Кукин и Михаил Науменко. Муж Ани, начальник монтировочного цеха Матвей Аронович Дрозд, был старше ее лет на двадцать, тяготился избытком тела, неумеренно выпивал, страдал грудной жабой и уже совершенно не соответствовал ее воспаленным мечтам о радостях плоти. Не разводясь, они даже жили отдельно, благо жилплощадь у каждого была своя — впрочем, иной раз Матвей Аронович, испив живой воды с рабочими сцены, начинал ощущать фантомные боли супружества и закатывал Ане небольшие скандалы на почве проснувшейся ревности. Да, Аня любила юных и ничего не могла с собой поделать.

Как-то раз, когда Аня Дрозд находилась в очередном поиске, она собрала у себя дома компанию в полдюжины молодых людей, пригласив и Науменко, и недолго поигравшего в «Аквариуме» гитариста Кожевникова, и устроившегося одновременно с Иванютой на работу нового звукооператора Глухарева, и самого Иванюту, а также кого-то еще, кто напрочь выпал из памяти, оставив на некогда занимаемом месте белое пятно, как существующий, но не имеющий о себе свидетельств клочок земли на географиче-

ской карте. Пили, пели, смеялись, танцевали — тогда это было принято. Зная о страстях хозяйки, горевшей изнутри, как вулкан, и совершенно не скрывавшей этого, Иванюта был сдержан: в двадцать лет зрение устроено так, что тридцатилетние кажутся уже немного перезревшими. Тем не менее он тоже танцевал с Аней, и это был странный танец, осложнявшийся тем, что партнерша поочередно чиркала бедрами о зажигательную головку предмета, нисколько Иванюте не подвластного, и свои умышленные опыты сопровождала таинственной улыбкой, тем более укреплявшей предмет в позиции, чем скромнее потуплялся ее взор. Уходя от назойливых бедер партнерши, Иванюта чувствовал, как возвращается в свои пятнадцать лет, когда всякий танец превращается в пытку — близилась такая неприятность, после которой спасти положение могло только бегство. В чем дело? Почему он устоял перед чарами хозяйки, несмотря на растворенный в крови и заглушающий самые непоколебимые принципы портвейн «Алабашлы»? И тут перед внутренним взором Иванюты со всей отчетливостью, на какую только способна зрительная память, возникла ее рука — рука Ани, накрывающая призывным, приглашающим к тактильной близости жестом его руку: на тыльной поверхности пясти, на уровне первой межкостной мышцы сиял белый бугристый рубец — след от сведенной наколки. Внутри Иванюты прокатилась волна брезгливой дрожи. Убей бог, он не помнил об этом шраме. Но теперь вопросил и — надо же — получил незамедлительный ответ.

В тот вечер в гостях у Ани Дрозд, кажется, задержался новый звукооператор Глухарев. И это при том, что межвидовое, а тем более межродовое скрещивание в живой природе — вещь чрезвычайная.

В сквере на углу Некрасова и Маяковского, куда в задумчивости переместился Иванюта, вокруг выставленной напоказ каменной головы горлана-главаря (*голова главаря* — отметил любопытно звучащую фигуру Иванюта), взятой под опеку городскими голубями с их вечным недержанием, происходила жизнь. Здесь — да, именно здесь он успокоит свое сердце. Вот только надо сделать верные движения и подготовиться. В посмертии, растянувшись на всю длину дарованных им улиц, тут роковым образом пересеклись два поэта, каждый из которых на свой лад был одержим идеей общественного блага — своим сведенным в крест авторитетом они милосердно осенили округу, так что разновозрастной публике, присмотревшей этот сквер для вольного времяпровождения, ничего другого и не оставалось, как только безмятежно дышать полной грудью. Даже полицейские, как правило, относились к здешнему обществу благосклонно и без веской причины никого не винтили. Если только не шли на принцип — по молодости, глупости или бесчувствию.

Заглянув в заведение «Русалка» (истинное имя — «РосАлко» — шансов прописаться в городском фольклоре не имело), он взял все, что требовалось, включая колотый пармезан в запаянном полиэтиленом лоточке. С шуршащим пакетом в руках, в ожидании света зеленой лампочки, Иванюта остановился возле светофора на переходе через улицу Некрасова и некоторое время смотрел на свой родной дом, по диагонали от него возвышающийся углом на перекрестке. С этого ракурса дом позволял обозревать оба свои крыла — все оставалось по-прежнему, разве что с тех пор, как Иванюта его покинул, в первый этаж крыла, вытянутого вдоль Некрасова, подселилась кухня здорового питания «Два гуся», цены в которой щипались, а в крыле по Маяковского обосновался элегантный книжный магазин, чья героическая судьба на фоне общего развоплощения некогда могучих чар художественного слова представлялась печальной.

В сквере все скамейки были либо полностью, либо частично заняты (даже каменную голову поэта обтаптывали сразу два голубя), и это Иванюту обнадеживало —

окажись тут свободной хотя бы одна лавка, трудно было бы подсесть к кому-то и завязать беседу, не вызвав подозрений в злонамеренности, а так... Деликатно испросив разрешения, он пристроился на скамейку, где уже сидела миловидная девица, водящая пальцем по экрану смартфона. Она была примерно в том же возрасте, в каком запечатлелась в его памяти Аня Дрозд — правду сказать, в глазах сегодняшнего Иванюты тридцатилетние выглядели куда свежее, чем в пору его романа с Большим театром кукол. На удивление соседка сразу же приветливо поддержала разговор, убрав в сумочку смартфон, и даже без стеснения согласилась на стаканчик мартини — в пакете у Иванюты была и водка, но для тяжелой артиллерии еще не пришло время.

Это была странная женщина. Когда она задавала Иванюте свои удивительные вопросы о роде его занятий, он не мог взять в толк: она пытается постичь глубину его души или глубину кармана? Тем не менее он рассказал про себя всю правду: про маленькое издательство при типографии, которым заправлял и которое вот-вот разорится, про запасной аэродром в виде должности завскладом при той же типографии, про свои стихи, про четвертое место в сетевом конкурсе сонета, про верстальщицу в издательстве, жену сержанта росгвардии, у которой на шее под правым ухом пластырем был заклеен свежий рубец от сведенной мохнатой родинки (снова волна брезгливой дрожи), несмотря на что она была уверена, будто принадлежит к литературной богеме. Рассказал, что один раз поцеловал ее в губы, покрытые сиреневой помадой, и она прошептала, что этим он вернул ее к жизни. Нет, не вернул, а пробудил. Она так и сказала: «Ты пробудил меня к жизни». При этом пропасть отделяла ее от Спящей красавицы.

Небо над городом сияло ясно-голубым цветом. Девица с мартини в пластиковом стаканчике слушала внимательно, плотно сжав колени и покусывая кусочек пармезана. Соседняя скамейка была занята большой компанией — на всех не хватило места, и два парня стояли рядом со своими сидящими товарищами, возле урны, тоже держа в руках пластиковые стаканчики, в которые один из сидевших, щеголь в клетчатых штанах и соломенном канотье, наливал из бутылки, спрятанной в полиэтиленовом пакете, водку. С краю скамьи, чтобы никого не стеснять грифом, помещался мужичок с гитарой и длинными седыми волосами, собранными на затылке в тугой хвост, — он играл и пел что-то из ленинградских восьмидесятых, причем делал это весьма искусно, что выдавало в нем музыканта, знававшего подмостки и пославнее этих.

Вновь наполнив стаканчики мартини и немного послушав чистые ностальгические звуки, Иванюта поделился соображениями по поводу нечаянного концерта с соседкой, и вместе они решили, что права их барабанных перепонок не нарушены. В детстве Иванюта тоже учился играть на гитаре под руководством долговязого Толика — тот был сыном друзей его родителей, старше Иванюты лет на пять. Будучи довольно музыкальным от природы, со слухом и голосом, он вызывал жгучую зависть своим умением извлекать из гитары гармоничные звоны. Одна беда — дыхание у Толика было неприятным. Чрезвычайно неприятным. Оно было смердящим. Но маленький Иванюта так хотел научиться играть... Должно быть, в ту пору к нему и пришло осознание, что страсть — тяжкая и далеко не чистоплотная работа, и если действительно хочешь чем-то овладеть, хочешь достичь результата, придется преодолеть все — не только неуклюжесть пальцев, но и отвращение. И так будет всегда. Куда делся этот Толик? Кажется, он рано умер — люди с таким дыханием долго не живут. Все это Иванюта проговаривал вслух, с каждым словом яснее и яснее ощущая, что время мартини на исходе.

Посередине сквера, огороженного по трем сторонам периметра рядами скамеек, каре которых размыкалось возле каменной головы, два карапуза под рассеянным при-

смотром бабушки, упустившей питомцев с расположенной тут же, в закоулке садика, детской площадки, неуклюже гоняли яркий мяч, своей невесомой природой больше напоминавший воздушный шарик. После удара неловкой ножки мяч отскочил, описав выдуваемую для него легким ветерком дугу, в сторону Иванюты и его собеседницы. Та поставила стаканчик на скамейку и присела на корточки перед ярким пузырем, намереваясь отправить его, наподдав ладонью, обратно. Иванюта смотрел на нее сзади. Джинсы девушки были с низким поясом, а топик слишком короток — ее обнаженный крестец имел вид бархатистого ромбика, под которым открывалась щель, чье дальнейшее развитие при всей своей низости джинсы утаивали. Когда она садилась, под ромбиком расплылась чу́дная улыбка — чеширская улыбка без лица. Это длилось чуть дольше мгновения, и тем не менее Иванюту болезненно кольнула в глаз белая точка на той никак не демаркированной границе (разве что следом от бельевой резинки, которого в данном случае не было), где заканчиваются владения поясницы и в права вступает ее нижняя соседка. Отбросив мяч, девица встала и повернулась к Иванюте другой улыбкой...

И тут он в очередной раз почувствовал, что, подобно глупой рыбе, ошибся с кормом. Однако одновременно с радостным облегчением понял, что лечение завершено. Как быть? Бежать? Беда в том, что куда ни побежишь, в итоге все равно окажешься там, где тебя ожидает тот же бледный рубец на чьей-то коже. Поразившись этой, в общем-то, неглубокой мысли, Иванюта достал из кармана блокнот и начертал в нем столбиком одну за другой восемь строк — без помарок, чисто, будто записывал чужую отчетливую речь.

Едва он поставил точку, как воздух содрогнулся, словно беззвучно шарахнула полуденная пушка, небеса моргнули, колыхнулась отброшенная липой тень, и на скамью рядом с Иванютой опустился дракон. Он был чудесен, хоть и мал — подверни хвост, и разместится в спичечной коробке. «Вот и хорошо», — решил Иванюта. Действительно — большой дракон, чьи крылья озарены лучами славы, при всей своей царственности, как кремовый торт с газировкой, мало кому пошел на пользу.

Алексей ШИХАЛЁВ

ВОСКРЕС!

Скрипели в избах половицы.
Гнал ветродуй весенний треск.
Кричал парнишка круглолицый:
Воскрес!
Воистину воскрес!

Воскрес! Кричал не умолкая.
Вознесся в Царствие с Отцом!
И радость найденного Рая
В душе звенела бубенцом.

Меж изб, завалинок и печек,
По деревянным мостовым
Бежал счастливый человечек.
И Бог бежал под руку с ним.

Бегу и я,
Веселый,
Странный.
Смеются радостью уста.
Спит город мой обетованный
В ночь Воскресения Христа.

ДЕД

Небо.
Разлитая полночь
Тучей скрывает рассвет.
Дед мой Григорий Егорыч,
Тридцать с копейками лет.

День над излучиной длинный.
Ночь.
Середина реки.
Дед мой в степях Украины,
Пишет войны дневники.

Алексей Павлович Шихалёв родился в 1980 году в деревне Красный Ключ Малмыжского района Кировской области. Образование высшее. Инженер. Публиковался в региональных и столичных литературных изданиях России, а также в литературных изданиях Финляндии, Эстонии, Латвии и Казахстана. Живет в Ижевске

Как мне хотелось с тобою
Рядом,
Подставив плечо,
Спать после трудного боя.
Но я
Не родился еще.

Слышу лишь гул долголетий,
Кровь раздается внутри.
Чувствую твой сорок третий,
Сердцем.
И мне сорок три.

Небо.
Разлитая полночь
Тучей скрывает рассвет.
Осень.
Вернулся Егорыч.
Больше вернувшихся нет.

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ СОН

Лети, мятежная душа,
Иди дорогами прямыми,
В небесный плац вбивая шаг,
Над заводскими проходными,

Над миром, где людской ручей
Спешит домой со смены поздней
И в горнах доменных печей
Уснули утренние звезды.

Притихли шестерни в пазах,
Забег окончили турбины.
Машины спят и видят сны.
Прекрасен тихий сон машинный.

А я на ветреном крыле
Лечу
И думаю о вечном,
Что быть машиной на земле
Добрее,
Даже человечней.

Вращает втулки маховик,
Движение радости природа.

Не для наград,
Не для интриг,
А для развития завода.

ЧАСОВЫЕ

По просторам огромной России,
Вдалеке от житейских морей
На пригорках стоят часовые
В куполах опустевших церквей.

Летний зной да туманы сырые,
Иль февраль ворошит снегопад,
На пригорках стоят часовые,
В тишине их лампады горят.

Здесь, бывало, под звуки гармошки,
Под рязанский цветной хоровод
Заиграют по избам окошки
В православный шестнадцатый год.

Здесь когда-то любили, женились.
«Отче наш», — повторяли уста.
И на Пасху поближе садились,
В каждом доме встречая Христа.

Налетели тревожные годы
Черным солнцем да криком ворон.
И никто не ведет хороводы
На останках забытых имен.

Лишь они православной загадкой
Неизменно стоят на постах
И, огни зажигая в лампадках,
Прячут грозы в огромных крылах.

Для того чтобы помнили люди,
Чтоб вернулись в покинутый дом,
Ты поверь!
И лампада зажжется
Летним вечером в сердце твоем.

ПАМЯТЬ

Вижу белое солнце в зените,
Там под звуки серебряных струн,

Разорвав вековые граниты,
По ущелью грохочет Аргун.

Вижу между высоток палатки,
Закопались в обрывистый склон,
Как огромные дачные грядки,
Только кончился дачный сезон.

Летний дождь да туманы сырые.
Чай индийский на дне котелка.
Мы уходим совсем молодые,
Растворяя в себе облака.

Нас связали суровые нити.
Каждый помнил, и каждый хотел,
Чтобы ты никогда не увидел
В двадцать лет человека в прицел.

МОЛИТВА

Там в тишине у детской колыбели,
Чуть нараспев и слышимы едва,
Кружась в прозрачном воздухе, летели
Лишь к Богу обращенные слова.

В ответ с небес мелодия звучала.
И падал снег,
Все чаще, все сильней.
Природа спит, укрывшись покрывалом
Из кротких слов молитвы Матерей.

Елена ВЯХЯКУОПУС

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ

Рассказы

ВСЕ НУЖНО ДЕЛАТЬ ВОВРЕМЯ

Августа Львовна допила кофе из чашки тонкого ленинградского фарфора и аккуратно промокнула губы салфеткой. Чашка была чисто белая, без лишних цветочков и золотых ободков. И все в кабинете светилось белизной: стены, стол, шкафы с документами, халат и шапочка Августы Львовны, только стетоскоп и компьютер добавляли легкую серебристую ноту.

Августа Львовна взглянула на круглые белые часы на стене. Восемь ноль семь. В дверь постучали, вошла медсестра с белыми папками в руках.

— Вы опоздали на две минуты, Людмила.

— Простите, Августа Львовна, копии паспорта делала.

— Вовремя нужно все делать. Вовремя!

Августа Львовна просмотрела документы, сверяясь в компьютере с записями врача приемного отделения. Ночью поступило только два пациента. Кузьмина Б. Л. 1927 года рождения с отравлением, по главной версии — кремово-кондитерской продукцией, приобретенной неизвестно где и когда, остатки изъяты на анализ из прикроватной тумбочки. Живет одна, вдова, родственников нет. А также Шарф С. М. 1960 года рождения с почечной коликой. Живет один, холост, на вопрос о родственниках ответил: «Не надо их искать. В случае чего, сами соберутся» (возможен бред от болевого шока).

Августа Львовна расстегнула верхнюю пуговицу халата, налила в чашку минеральной воды из бутылки и залпом выпила. Неужели ему уже пятьдесят... Сема Шарф. Рыжий, лохматый, зеленоглазый. Вечно мятая рубашка, пахнет дешевыми сигаретами, и ногти от краски бурые. Наверняка и теперь красит свои синие закаты и зеленые восходы, которые никто не покупает... Двадцать лет назад он приходил в ее больницу каждый вторник и пятницу, ровно в час пятнадцать и уходил в час сорок пять. Вначале он опаздывал, но после того, как она пару раз отказалась открыть дверь, стал являться заранее и ждал на подоконнике в коридоре, рисуя что-то в блокноте огрызком карандаша. В час пятнадцать она возвращалась с обхода и, оглянувшись, впускала его в кабинет. Тридцать минут счастья на клеенчатой кушетке, старательно застеленной белой простыней...

— Туська, скажи уже своей мамаше, что я хочу день-деньской валяться с тобой в большой продавленной кровати и утопать не в пороке, а в честном браке!

Выйти замуж за нищего шалопая — это самое глупое, что она могла сделать. Мама упала бы в обморок от одного вида его ботинок. Нет, она поступила правильно.

Елена Вяхякуопус окончила факультет психологии МГУ. Специалист по реабилитации инвалидов. Автор многих статей, рассказов и нескольких книг, включая роман «Из бездны с любовью».

Дмитрий уже тогда был доктором наук. Всегда чисто выбритый, в отглаженном костюме, пахнет французским одеколоном. Недавний развод прошел болезненно, но все же ей осталась его огромная квартира на Рубинштейна. И дочка, умная в отца и красивая в мать. С Дмитрием сохранились дружеские отношения, они даже играют в теннис на прежнем корте. Он финансирует Наташину учебу в Лондоне. А какие дети могли быть у них с нищим художником? Рыжие, смешливые и безалаберные. С фамилией Шарф...

Она закрыла глаза, и возникло склоненное над ней лицо... Может, хватит себе врать, а, Туська? Ведь ты давно и отлично знаешь, что потеряла. Поняла в первый же день после свадьбы. И запах любого французского одеколона с тех пор вызывает у тебя тошноту...

Что там написано? Холост? Она набрала номер телефона старшей медсестры:

— В какой палате Семен Маркович Шарф? Переведите его в одиночную, десятую.

Надела маску, взяла стетоскоп и вышла из кабинета.

Борода поседела, но волосы сохранили цвет старого золота. Родное лицо, только две морщинки на лбу ей не знакомы. Зеленые глаза смотрят, как всегда, насмешливо. Не узнает ее в шапочке и маске, да и фигура ее в белом халате стала в два раза круглее. Она молча и быстро прощупала его живот. Зачем изобрели стетоскопы... Прижаться лицом к бледной, покрытой рыжими завитками груди...

Когда она вернулась в кабинет, то уже знала, что сделает. Они оба свободны. Ему только пятьдесят, ей сорок пять. Все впереди, она еще успеет родить ему сына. Вечером, когда все уйдут, она придет в его палату и молча ляжет рядом с ним. Погладит волосы, прижмет к груди его рыжую голову, и они оба заплачут... Августа Львовна промокнула глаза белой салфеткой, выпила минералки из белой чашки и застучала по клавишам компьютера...

Вечером в отделении наступила тишина. Только дежурная медсестра сидела в конце коридора, отвернувшись, болтала по телефону. Августа Львовна сняла шапочку, причесалась и пошла к десятой палате. Открыла дверь. Горела синяя лампочка под потолком. Сема лежал на спине, закинув голову, негромко свистел носом, как охрипший соловей. Стула в палате не было, и она присела в кресло в углу. Жаль его будить, он пережил сильный болевой приступ. Какие красивые у него пальцы... неужели скоро она сможет их поцеловать...

В коридоре застучало, зацокало, как будто вели лошадь. Дверь распахнулась, и в комнату вбежала высокая девица с длинными светлыми волосами, в наброшенном на плечи халате, в майке и розовых модных джинсах. Августа Львовна всегда запрещала носить такие Наташе. Девица устремилась к кровати. Она шмякнула на пол сумку, молниеносно сбросила халат и майку, приплясывая на одной ноге, стянула джинсы и прыгнула под одеяло к Семену Марковичу. Он всхрапнул, сглотнул и сипло засмеялся:

— Ты откуда, шалава моя, любимая?

— Медсестре дала тыщу, пропустила. Вау, Сенчик без штанов! Повезло с одноместной палатой....

Августа Львовна наконец смогла встать на ноги. Она вышла в коридор, тихо притворив за собой дверь. Люди под одеялом ее не заметили. Прошла к посту медсестры. Та болтала по телефону, морща низкий лоб. Несколько секунд Августа Львовна боролась с желанием разбить этот тупой лоб сильным и точным ударом теннисистки. Медсестра увидела ее, испуганно встала.

— Юлия, в угловой палате посторонние.

— Извините, Августа Львовна, я не знаю как... я сейчас же...

— Да, будьте добры, разберитесь.

— Бегу!

Августа Львовна взглянула на белые часы на стене и сухо сказала:
— Подождите двадцать семь минут.

ЖЕНСКАЯ ГОРДОСТЬ

Двоюродные сестры Нина и Галинка, и мне не чужие, а родные и любимые, не имели ничего, кроме красоты. Отцы их и матери на одном заводе работали. Образование девочки получили, по семь классов. Обе статные, гордые, своевольные. Косы до пояса, глаза синие. В мае сорок первого вышли замуж за красивых и сильных мужчин. Первая — за капитана — политрука, вторая — за редактора местной газеты. В июне их отцы и мужья ушли воевать. А сестры отрезали свои косы и пошли работать на военный завод. В марте сорок второго Нина родила сына Костика, а Галинка сразу двух — близнецов Ваську и Славку.

Отцы погибли, мужья вернулись живыми и героями. И началась мирная жизнь, полная счастья, хотя и не без трудностей. У Нины трудностей было меньше, потому что капитан на войне стал полковником и получил в Москве высокую должность и квартиру. Купили пианино для Костика, шифоньер и этажерку. На собственной кухне, чего у Нины никогда раньше не было, поставили новенькую плиту. Живи и радуйся.

Но грянул гром среди ясной мирной жизни. Как-то вечером готовит Нина ужин, сын уроки учит, муж на службе задерживается. Раздается звонок в дверь. Видит Нина — на пороге молодая девушка в драповом пальто с котиковым воротником, на руках у нее сверток — ребенок в одеяле. Девушка говорит:

— Дома, што ли, Петр-то Иваныч? Вот дочушку принесла ему показать. А то он чево-то уж месяц как глаз-то не кажет...

В это самое время поднимается по лестнице сам Петр Иванович. Статная красавица Нина бежит за сковородкой, вопит, ругается, выдирает волосы, у кого может достать. На другой день забирает сына и скрывается из Москвы в неизвестном для Петра Иваныча направлении. Еще два раза выходит замуж. Сын Костик живет то с ней, то с бабушкой, то с тетушкой. На вопросы об отце Нина отвечает:

— Этот негодяй тебе не отец!

Детей у Нины больше не было. А Петр Иванович прожил полгода с девушкой и ее дочкой. Потом женился на другой. И умер. Так и не увидел своего сына больше ни разу. И Костик никогда его больше не видел, и ту сводную сестренку тоже. Будучи студентом, Костик сам себе писал письма, как будто от отца, и показывал своей девушке. Чтобы она не считала его безотцовщиной...

Вторая история очень вначале похожая.

Военный корреспондент Сеня, Галинкин муж, вернулся с войны лейтенантом и сразу направлен был в разрушенную войной Белоруссию. Дали им полусожженный домишко на окраине Минска. Одна комнатенка, нары. Галинка и близнецы довольны — огород свой, печку лейтенант направил, жить можно.

Вот однажды вечером Галинка, завязав кудрявые свои волосы платочком, готовит ужин. Бывший военный корреспондент, хоть и лейтенант, много не зарабатывает в районной газете, так что, кроме нескольких картошин, варить нечего. Сидят они с сынишками на нарах, строгают из полена автомат.

В дверь чуть стукнули, входит женщина в клетчатом платке и ватнике, с мальчиком годика четыре на вид. Кланяется в пояс. Говорит:

— Прости, Сеня. Простите, хозяюшка. С голоду мы с Ванечкой пухнем. Помогите, чем можете.

Сеня берет полено и занимает оборону в углу. Он хорошо знает женщин нашей семьи. Галинка и дети смотрят на мальчика. Худой мальчик, вылитый Сеня, жмется к матери. На нем рваное пальтишко и обмотки.

Галинка поворачивается к мужу и кричит:

— Ну ты, козел, чего спрятался за этажерку! Лезь в погреб за картошкой. Луковица там еще была...

После чего подходит к мальчику, опускается перед ним на колени и начинает расстегивать его пальтишко и разматывать обмоточки. А женщине говорит:

— Раздевайся, сестра.

Эта женщина с мальчиком жили у них два месяца, пока она не нашла работу и не получила комнату в общежитии. А Галинка и Сеня прожили вместе до самого конца. И братья дружили тоже всю жизнь. Все трое.

ДВЕ МАТЕРИ

Эту историю о своем родственнике Григории рассказала мне учительница из станицы, что недалеко от нашей.

Мать Григория, Аграфена, умерла при родах. Она была женщина красивая, но скромная и тихая. Жили они с мужем Федором, тоже красивым и высоким, хорошо, дом крепкий, в саду деревья грушевые и ореховые, гуси, козы. Трое взрослых детей давно переехали в город Майкоп, и Аграфена с мужем видели их и пятерых внуков только по праздникам.

Как-то теплым вечером варила Аграфена в летней кухне варенье из зеленых грецких орехов. Вдруг закружилась у нее голова, потемнело в глазах. Увидел Федор из окна, как опустилась жена на скамеечку. Выбежал, спрашивает:

— Что ты, Груня?

— Ничего, так, голова закружилась... — шепчет Груня, а лицо бледное, серое, как живот у гусыни...

Федор сразу завел мотоцикл, посадил Груню в коляску и повез ее в медпункт, в соседнюю большую станицу. Там фельдшерица осмотрела Груню и огорошила:

— Да ведь вы, тетя Аграфена, беременная! Недель десять точно...

Федор обрадовался, а Груня испугалась. Что люди скажут, что дети скажут. В таком возрасте, пятьдесят один годок стукнул — и на тебе. Но Федор сказал:

— Это нам подарочек на добрую старость. Чтобы не одним доживать.

Груня все же уговорила его никому не рассказывать. Дотянула до родов дома, в поликлинику не ходила. А жили они в дальней станице, высоко, на другой от нашей стороне горы. Красота там удивительная, со склона видна синяя река и долина вокруг нее. Вот только горная дорога зимой и ранней весной бывает трудная. И когда пришло время в марте Груне рожать, «скорая помощь» доехать не успела.

Остался вдовец один, новорожденный сын в больнице, тоже один. Оглядел Федор опустевший дом и решил жениться. Сказал приятелям:

— Поспрашивайте по станицам. Не нужна мне ни красавица, ни жена. Только мать моему Грине.

Обещали друзья поискать хорошую женщину. В тот же вечер, когда сидел Федор за столом, глядя на банку с самогоном и не видя ее, открылась дверь, и вошла девушка в черном кружевном платке, закинутом одним концом на плечо, как ходили казачки в старые времена. Не поздоровалась, голову опустила и встала у стены. Узнал Фе-

дор дочку пасечника, у которого мед покупали они с Груней. Никогда раньше он с ней не разговаривал, потому что она дичилась и убегала, когда они приходили, или забивалась в угол и смотрела оттуда, как испуганная коза.

— Чего тебе, Нюта?

— Дядя Федя... Батя сказал, ваш сынок... в больнице, в городе...

— Да, Нюточка...

— А когда вы его заберете?

— Когда найду ему мать вместо Груни, — сказал Федор, и в первый раз потекли из глаз слезы.

Подошла Нюта к нему и вдруг обхватила за голову, прижала к своей груди. Сама дрожит, трясется, чуть не падает.

— Возьмите меня к себе, дядя Федя... Я буду все делать для вашего мальчика. Я вас с детства люблю...

И осталась Нюта у вдовца, и полюбил он ее. Пасечник сначала сильно рассердился и чуть не драться лез, но потом смирился. Привезли Гриню домой. Федор за молоком на детскую кухню на мотоцикле ездит, Нюта по дому хлопочет, варит-печет, а главное, как голубка, вьется над Гринечкой. Мальчик перестал плакать, начал улыбаться и толстеть и к пяти годам стал крепким и бесстрашным карапузом.

Так они и жили спокойно, пока однажды не подошла к Гриньку на улице соседка, когда он играл с ребятами.

Подозвала его к себе и сказала:

— Нютка тебе не мать, чужая. Не рожала она тебя. Нет у тебя матери.

Побежал он домой и там навзрыд расплакался. Нюта долго не могла добиться, что случилось, пока он, захлебываясь от слез, не пролепетал:

— Тетя сказала, ты не моя мама.

Нюта подумала, подумала, взяла его за руку и повела на кладбище. Там, у могилы, она сказала:

— Не хотели мы тебе говорить, пока ты маленький, но, видно, час пришел. Посмотри, тут лежит Груня, твоя мама. Душа ее на небе смотрит на тебя сверху и днем и ночью. Она тебя любит, хоть и далеко. А теперь посмотри на меня. Я тоже твоя мама. И тоже люблю тебя больше всего на свете. У всех людей одна мама, а у тебя две. Завистники будут говорить тебе всякие глупости, но ты не верь. Есть у тебя две матери: одна тебя родила и молится за тебя на небе, вторая будет всегда защищать на земле. Пойдем домой.

Теперь Григорий уже взрослый, и у него трое своих детей. Нюту они называют бабушкой и говорят друзьям, что у них есть три бабушки — две на земле и одна на небе.

ПИПА

Финские мои друзья, Синикка и Теуво, взяли на воспитание девочку. Они верующие люди, простые, но обеспеченные, много кому помогают. Живут за городом, в большом доме. Синикка — медсестра, Теуво — хозяин автомастерской. Своих детей четверо. А эту девочку они взяли из больницы. Мать пьющая, отец неизвестен. Девочка была очень больна, врачи не советовали ее брать. Так сразу и сказали:

— Только расстройство нервов получите. Вряд ли выживет.

Девочка, мягко говоря, не отличалась красотой. Крошечная, глазки-бусинки, ручки и ножки как стебельки, рот до ушей, на голове много черных волос. Волосатый лягушонок.

Теуво молчал, а Синикка заявила:

— Необыкновенная девочка. Мы берем ее, и точка. И молчи.

— Так я и молчу, — сказал Теуво.

— Как ее зовут? — спросила Синикка.

— Филиппа, — сообщила медсестра. — Мать ее так назвала. А потом от нее сразу отказалась.

Привезли они Филиппу к себе. Старшие дети не больно обрадовались странному ребенку. Но Синикка на это никакого внимания не обратила. И стала девочка жить у них. Вскоре Синикка нашла ее мать. Та тоже не обрадовалась. И не пожелала видеть свою дочку. Бросила:

— Я выхожу замуж. Пожалуйста, больше сюда не звони.

Но Синикка все равно время от времени ей звонила, рассказывала про Филиппу, посылала ее фотографии и приглашала мать на кофе. Мать слушала, хмыкала и клала трубку. Один раз она все же приехала, угостилась кофе с брусничным пирогом и посмотрела, как дочка возится на полу с машинкой. Девочке было в то время уже полтора года, и она говорила одно слово: «Пипа». Она все еще была намного меньше детей своего возраста. Куклы ее не интересовали, мягкие игрушки тоже, а машинки нравились. Черноволосая, большеротая девочка катала машинку по полу и напевала тоненьким голоском: «Пипа, пипа!»

Мать доела пирог, встала и ушла, не дотронувшись до дочери.

Теуво начал звать девочку Пипой, а за ним и все домашние тоже. Годы шли, девочка росла, потихоньку начала не только петь, но и говорить. Она очень любила музыку. Теуво играл на губной гармошке, а девочка пела и танцевала. Теперь Пипа была похожа не на лягушонка, а на худенькую, но ловкую обезьянку: бегала, лазала, прыгала и хохотала, открывая до ушей свой большой рот и показывая белые острые зубки. Глазки ее сияли, золотой бант качался в жестких черных волосах.

Когда Пипе исполнилось семь лет, вдруг приехала ее мать и, не заходя в дом, отдала Синикке открытку. Открытка была из южного португальского города, что на самой границе с Испанией. Некий Филипп поздравлял мать девочки с Первым мая — Днем трудящихся. Дата на открытке — за полгода до рождения девочки. Был там и адрес.

Синикка вернулась в дом и, ни минуты не сомневаясь и не советуясь с Теуво, написала письмо на английском языке. Уважаемый Филипп, так и так, вот фотография вашей дочери, девочка веселая, играет на губной гармошке и танцует всякие танцы, может, вы ей тоже пришлете открытку, как ее матери когда-то... Добавила свой адрес и домашний телефон. Заклеила конверт и отнесла на почту.

Прошла неделя. Вечером в доме раздался звонок. Теуво снял трубку и с растерянным видом передал Синикке. Женщина в трубке плакала и кричала что-то на незнакомом языке. После долгого монолога-вопля женщина наконец позвала какого-то мальчика, и он заговорил на хорошем английском:

— Сеньора просит перевести вам, что она намылит шею, разобьет голову, сломает ноги и лишит наследства этого козла, осла и жеребца, который не сообщал ей семь лет, что у нее наконец есть первая внучка. Сеньора также просит передать, что она уже купила билеты себе, своему мужу, сестре, а также и козлу и они послезавтра прилетают. Прямым самолетом из Мадрида. В шесть сорок утра.

И они в самом деле прилетели. Все четверо маленького роста, большеротые, с густыми черными волосами. Они прыгали вокруг девочки, хохотали, сверкая белыми зубами, тискали ее, Синикку, Теуво и всех остальных детей.

— Пипа, — кричала португальская бабушка, — минья линда принцеза!

Нет, с мамашей девочки встретиться они не захотели. И она тоже не выразила никакого желания. А Пипа стала жить на две страны, полгода там, полгода там. Сейчас она взрослая, невероятно красивая, тоненькая и стройная, похожая на восточную принцессу. В этом году она окончила факультет психологии Лиссабонского университета. И мы теперь коллеги.

САД

В нашем санатории — реабилитационном центре для пожилых и инвалидов — два здания, новое и старое. Между ними несколько коротких переходов. На втором этаже переход застеклен, мало кто им пользуется, и там всегда тихо. Посередине большой сосновый стол и высокое старинное кресло.

В один сумрачный зимний день на стол в стеклянном переходе положили коробку с мозаикой из тысячи кусочков картона. На крышке рисунок — цветущий сад, полный диковинных южных растений, а над ними яркое солнце и белые облака. Главный врач сказал:

— Пусть реабилитанты собирают пазл в свободное время. Полезно для мелкой моторики и настроения.

В тот же вечер я увидела за столиком реабилитанта. Это был старичок, прибывший к нам прямо из больницы. Звали его Карл. После инсульта у него двигались только левая рука и левая нога, и было ясно, что домой, в свою избу посреди леса, он уже никогда не вернется. Маленький, белый и сухой, как былинка, он тихо сидел в кресле-коляске и мог произнести только несколько слов. Вместо «да» говорил «ишь ты!», вместо «нет» — «ну и ну!». Курс лечения в санатории обычно две недели, но Карлу обещали, что он сможет жить у нас и подольше, пока социальные работники не найдут для него подходящий интернат или дом престарелых.

Перед старичком лежала гора разноцветных плоских фигурок. Он внимательно их рассматривал. Я спросила:

— Нравится тебе картина?

— Ишь ты! — прошелестел Карл.

Две недели, каждый вечер, Карл сидел в переходе и перебирал левой рукой дольки сада. Мне хотелось сказать ему что-то приятное.

— Карл, тебе нашли дом престарелых. Скоро ты туда переедешь. Говорят, там хорошо готовят черничный кисель!

— Ну и ну! — усомнился Карл.

Через три дня он переехал, только в другой дом, о котором живым ничего не известно... На столике в переходе осталось начало картины: в верхнем левом углу кусочек голубого неба, осколок луны и белое облако...

С тех пор прошло полгода. Каждый день я вижу за столом в стеклянном переходе кого-нибудь из реабилитантов. Иногда одного, иногда сразу двух или трех. Старушки и старички сосредоточенно рассматривают рассыпанные кусочки цветов и деревьев. Трясущимися пальцами осторожно двигают фигурки по столу. Каждые две недели, в пятницу, скрюченные фигурки исчезают навсегда, на их месте в понедельник появляются другие. Осенью по стеклам перехода катились капли дождя, сейчас зима, и окна покрыты инеем. А сад растет, уже занимает половину стола, он все ярче и теплее. Распускаются розы и лилии, клонятся ветки с гранатами и хурмой, и светят над ними солнце, и звезды, и луна...

«МОЛОЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ»

Писатель Анисимов, лауреат сорока литературных премий, почетный академик пяти академий, известный своей честностью, неподкупностью и гуманизмом, подтянул кальсоны, налил в кружку свежего чая, добавил вскипевшего молока, бросил три кусочка сахара и, захватив серебряную ложечку с длинной крученой ручкой, вернулся в кабинет. Уселся в кожаное кресло на колесиках перед дубовым письменным столом и включил компьютер. С удовольствием взглянул на огромный экран. Монитор был приобретен недавно и показывал все ярко и отчетливо. Природа и люди выглядели на нем красивее, чем в реале.

Зазвенел скайп. Анисимов с неудовольствием вспомнил, что забыл его к ночи отключить. На экране мигала надпись «Молочные ведомости».

Об издании таком Анисимов не слышал, но знал, чего они хотят. Конечно, об интервью попросят. Наверное, сельская газетенка. Звонят каждый день отовсюду. Всех интересует мнение знаменитого писателя обо всем, а чаще всего о том, как писать романы, бывает ли в наше время настоящая любовь и когда наступит конец света. Достали, но реклама повышает продажи книг.

Он щелкнул мышкой. Экран вспыхнул глубоким синим светом. На черном фоне — человек с седой бородой, седыми кудрями, длинным носом и печальными ярко-синими глазами.

— Дмитрий Петрович, мы хотим задать вам три вопроса.

— Давайте, только быстро, — утомленно буркнул Анисимов. Он взял в руку кружку с чаем, немного откатился от стола и вытянул вперед ноги в меховых тапочках.

— Вопрос первый. Верующий ли вы человек?

Эх, зря ответил. Православные...

— Уважаемый, вы бы почитали внимательнее мои книги. Я верю в эволюцию и силу человеческого разума и не раз об этом писал!

— Да, мы читали. Просто хотели уточнить, может, ваши взгляды поменялись. Время такое...

— Мои взгляды никогда не меняются. Еще вопросы есть?

Старик вздохнул и сделал неясный жест. Раздался легкий звон, как будто на тарелку бросили камешек.

— Второй вопрос. Каетесь ли вы в гибели Федькина Степана Петровича?

Анисимов рассердился и протянул руку к мышке. Но пахнуло нагретой солнцем дождевой водой в старой бочке... В худой веснушчатой руке мокрый огурец с желтым боком: «Держи, друг, закусим перед рыбалкой...»

— Что значит гибели?.. Степка?..

— Да, ваш одноклассник, погиб от алкогольного отравления месяц назад.

— Эх, Степка... Подождите, а я тут при чем? Я его давно не видел!

— Он вам звонил много раз, и на телефон, и на скайп, но вы ни разу не взяли трубку.

— Так, — сухо сказал Анисимов. — До свидания.

Снова звякнул брошенный в чашку камешек.

— Последний вопрос. Согласны ли вы спасти мир?

Анисимов вдруг понял. Это один из Степкиных собутыльников. Нашел контакты, звонит всем по очереди и задает безумные вопросы. Тоже небось нищий и одинокий.

— От чего же надо спасать мир?

— От конца. Можно его закончить прямо сейчас, а можно дать еще время.

— Спасибо, что вы придаете моей персоне столько значения. Обратитесь в ООН, думаю, они вам скорее помогут.

— Нет, Дмитрий Петрович, вы избраны как самый честный среди современников. Покайтесь в грешных делах и мыслях, помолитесь за мир. И весы качнутся в другую сторону.

Кружка с чаем упала на ковер. Анисимов не на шутку рассердился и крикнул:

— Никогда! И больше не звоните!

Звякнул третий камешек, и синева исчезла. В черном экране на миг отразилась всклокоченная голова Анисимова, но тут же появилась привычная заставка — луна над морем.

Анисимов, чертыхаясь, поплелся за тряпкой. Протерев ковер, он сел и, помедлив, открыл скайп. Нашел Степкину страницу. Длинный список неотвеченных звонков... Да, не хотел отвечать, потому что пришлось бы врать и делать вид, будто ему интересно слушать Степкину тягомотину...

Муторно что-то, голова кружится. Анисимов подошел к окну, раздвинул шторы цвета летнего сада — зелено-розовые. Еще ранний вечер, но уже стемнело. Он открыл створку. Тишина, улица пуста. Поднял глаза и, прищурившись, взглянул в черное небо. На нем сияли яркие звезды Млечного Пути.

Сильный порыв ветра, как вздох, пролетел над городом. Вслед за ним громко, печально и отрывисто запела труба.

И звезды, одна за другой, начали гаснуть...

Павел ВЯЛКОВ

РАССКАЗЫ

КОРОЛЬ И ШУТ: ПАРАДИГМЫ ВРЕМЕНИ

«Похороны — это торжественное предание тела земле, когда душа давно уже отлетала в иной мир. И чем значительнее был человек, тем торжественнее его проводы с этого света на тот. Телу совершенно уже все равно, зато как радуется душа на том свете! Хотя чего ей радоваться? У нее уже совершенно другая жизнь, и ей нет никакого дела до наших пока еще земных дел...»

Примерно об этом думал король, провожая своего первого министра — старого герцога Z, который верой и правдой служил еще его деду, затем отцу, а уже после и ему самому. Уходила целая великая историческая эпоха. Плеяда великих политиков. Время безжалостно поглощало всех, кто имел силу и правил на этой земле.

— Скучно мы все равно живем... — тяжело вздыхая, сетовал король на свое никчемное правление. — Вот у других королей все есть: и войны, и государственные перевороты, и мятежи, и эпидемии, и наводнения, и даже привидения в их старинных замках... У меня же одна только серая скукота... Только и могу, что одну панихиду организовать... Курам на смех!

Король окинул взором уже опустевший поминальный стол, за которым к тому времени остались всего лишь несколько засидевшихся придворных да его верный шут, выполнявший при его особе роль доверенного лица по особо важным (самым щепетильным) вопросам.

— От шута останутся его шутки, а от меня только скучное имя да порядковый номер в длинном генеалогическом списке здешних королей... — подытожил король свои горестные размышления.

Уловив причину печали своего патрона, шут подсел к нему и предложил:

— А ты закажи какому-нибудь историку написать правильную историю своего правления...

— Правильную?! Это как? — переспросил его король. — Я сам могу ее написать. В ней будет только одно десять тысяч раз повторенное слово: «СКУКА»... «СКУКА»... «СКУКА»... А в скуке, уверяю тебя, нет ничего интересного... Это фатум! Куда ты отсюда с земли этой денешься?!

— Но «правильное» вовсе не значит, что оно действительно правдиво... — поправил его шут.

— Это как?

— Ты помнишь, что было год тому назад в этот самый день? — задал ему каверзный вопрос шут.

Павел Леонидович Вялков родился в 1966 году в Астрахани. Выпускник исторического факультета Астраханского государственного университета. Преподаватель, профессор, доктор философских наук.

— Ну, что было? — Король хотел ответить с ходу на этот, как ему показалось, простой вопрос, но, к своему немалому удивлению, понял, что не может вспомнить. — Что было? А что-то вообще было?

— Вот именно... — многозначительно намекает ему на фальсификацию шут. — Никто не помнит. Зато если кто-то что-то об этом напишет, все будут знать, что это написанное было именно так, а не иначе... И попробуй потом докажи, что в клетке сидит носорог, а не слон, если слона назвали носорогом...

Слова шута глубоко засели в душе короля, и спустя некоторое время он вновь вернулся к этой теме.

В один из вечеров между королем и шутом состоялся такой диалог:

К о р о л ь . Я вот в некоторых хрониках прочитал, как это было у других — «время правления такого-то короля», «эпоха такого-то правителя».

Ш у т . Это хорошо, что Ваше Величество умеет читать. Но этого недостаточно для того, чтобы правильно понимать прочитанное...

К о р о л ь . Надо создать модель идеального правителя, который бы стал образцом для подражания для всех...

Ш у т . У каждого времени ест свой аромат, свой определенный шарм... Давай вначале определимся, чего мы хотим от своего времени. Ты думаешь, исторические личности действовали просто так, по своему хотению? Не... Своими действиями они пытались найти логические основания своего существования.

К о р о л ь . Мы тоже пытаемся повернуть время в свою сторону.

Ш у т . Ну, и чего тебе еще надо?

К о р о л ь . Величия!

Ш у т . Хорошо, я его тебе дам. Сейчас сяду и напишу, что ты был великим правителем и тебе не было равных... — Король поморщился. — Что опять не так?

К о р о л ь . Хотелось бы достоверности, а не лести...

Ш у т . Будет тебе и достоверность! Будет тебе и лесть! — заверил его главный шутник его королевства. — Без них никак не обойтись...

— То, что мы ищем, называется «парадигмой времени»... — научно объяснил им вызванный для консультации профессор местного университета, большой знаток схоластики и метафизики. — Мы пытаемся придать времени некий смысл, создать некую его форму. Историческое время зависит от наших о нем представлений. Как вы, Ваше Величество, представляете себе свое время?

— Оно должно быть по форме легким и веселым, а по содержанию серьезным и глубокомысленным... — отвечал за короля шут.

— Мы уже обращались к одному святому монаху, чтобы он написал нам историю нашего времени... — поделился с ученым своими тревогами король. — Но он написал историю, больше похожую на панихиду: ее читать нормальному человеку просто невозможно, они сплошные молитвы, заупокойные мессы и реквиемы... — Король многозначительно перекрестился. — Затем мы пригласили драматурга из нашего местного театра... Но он написал комедию, которую тоже без слез смеха нельзя было читать... В общем, нам надо что-то среднее между этими двумя крайностями...

— Для нас стало очевидным, — продолжил его мысль шут, — что ни монастырский святоша, ни балаганный писатель для этой роли не подходит... Решили вот обратиться к вам, самому ученому мужу нашего королевства, да к тому же в прошлом, как я знаю, вы были военным, прошедшим огонь и воду и почти добравшимся до медных труб...

— Н... да... Медных труб мне не видать как своих ушей... — согласился с ним профессор, почесывая свою густую черную шевелюру. — Проклятые завистники отобрали

у меня славу и почет... Пришлось выйти в отставку и начать заниматься наукой... — и вздохнув, печально подумал. — И все мои успехи в науке что слезы комара...

— Напиши-ка ты нам, братец, интересную историю, чтобы ее можно было как роман читать и чтоб возникало желание ее вновь и вновь перечитывать... — сформулировал ему госзадание шут. — Сюжеты я тебе подскажу... Их у меня тьма-тьмущая...

Король поморщил нос:

— Мне хочется чего-нибудь эдакого, чего ни у кого еще никогда до этого не было и чтобы никогда и в будущем после меня ни у кого не будет... Но то, что у вас, мне кажется весьма простым и банальным...

На этот раз тяжело вздохнул уже сам ученый:

— Посмотрите на меня! Я уже давно взрослый мальчик. Профессор... Без пяти минут практически римский папа, а в политической жизни так ничего и не понял... Чего можно ожидать от такого человека?! Правильно — только одни фантазии... Чем я успешно и занимаюсь...

Король призадумался...

— Если бы вы только знали, — продолжал далее развивать свои мысли профессор, — сколько поносного другие короли насочиняли о себе и своих врагах, вы бы меня наградили титулом самого правдивого историка всех времен и народов... Божок политики — мелкий бес, выдающий себя за выдающуюся силу, помыкающую всеми. Вот он и сейчас затесался между нами и гонит свою вражду, разводя нас по разные стороны исторической баррикады... Если мы ему поддадимся, то — погибли; а если нет — он станет нашим всеобщим посмешищем... Вам решать, что выбирать... Я бы выбрал второе... Умным людям что делить между собою?

Сидящий на подоконнике шут обратился к ручному ворону:

— Меня как городского обывателя удивляет в их диалоге то, что они спокойно обсуждают темы и вопросы столь скверного характера и при этом ничуточки не краснеют. И ведь самое главное — правда глаза им не колет. Все «божья роса»!

Две недели новый придворный историк в поте лица трудился над историей царствования великого и могучего короля, который обещал ему щедро заплатить за его эпохальный труд. И вот когда его мозг начал дымиться от серной кислоты лжи и поносной глупости, он почувствовал, как умирает его совесть. И все, что им было после этого начертано на пергаменте, стало ее торжественными похоронами.

Чернильная история! Пишут чернилами, а расплачиваются кровью.

Профессор озабоченно почесал в своей густой черной шевелюре. С некоторых пор у него на голове стали образовываться какие-то шишки. И чем больше он врал в своей «правдивой истории», тем больше они у него чесались.

— Неверно говорят, что историю пишет победитель! — размышлял на досуге профессор. — Историю пишут те, кто ее переписывает в угоду своим великим идеям... В политике одно зло неизменно побеждает другое зло. Добро здесь вообще даже и рядом не стояло...

Под его окнами буйно цвела акация, и вся комната была пропитана терпким ее ароматом. Но радоваться жизнью у него не получалось. Душу разрывала черная тоска, которую он старался излить на бумаге. Но бумага не принимала пропитанные его желчью чернила, которые быстро выцветали и становились еле различимыми.

И он решил начать свою историю с эпохального во всех отношениях события:

«4 444 000 год до н. э. На Земле сошлись две силы — темная и светлая. Силы зла и силы добра. Темную силу представляли семь демонов. Светлую силу — семь ангелов.

Битва их длилась на Земле сорок долгих лет. Они крушили горы и обрушивали на головы своих врагов моря, жгли огнем и морозили свирепой стужей. И вот ког-

да силы их были уже на исходе, они сошлись в последний свой бой, решив победить или умереть...»

Что было дальше, он пока еще не придумал, но начало было многообещающим в своем невероятном продолжении...

* * *

— Мне приснился сон... — признался своему единственному другу король. — Ко мне явился апостол Павел и посетовал на то, что в раю не осталось ни одного приличного политика... По секрету он добавил, что и из ада тоже удалили всех грешников, занимавшихся на Земле этим гнусным ремеслом по причине их архискверного характера... Этим злодеям нет даже места и в аду...

— По всей видимости, — попытался интерпретировать его сновидения шут, — рай и ад уже переполнены. Мест нет. Ожидается уплотнение, поэтому было принято решение политиков больше на тот свет не пускать, пускай скитаются по этому миру в виде привидений...

— А я это понял иначе. Я это понял так, что и на том свете политики продолжили себя вести, как и на этом, то есть со всеми ругаться и всех натравливать на всех. За что и были вышвырнуты одновременно и из рая, и из ада в бесконечную неизвестность...

— Все наши земные неприятности проистекают из наших глупостей... — резюмировал профессор. — Как Богу смотреть на нас и не плеваться?!

Король поморщил нос, вспомнив, как на протяжении всей весны вороны гадили ему на голову, когда он выходил гулять в сад.

«Это все было неспроста... — печально подумал он. — Это знак свыше...»

Профессор почесал свою густую черную шевелюру.

Озадаченный профессор засунул мизинец себе в ухо и стал нервно выковыривать забившуюся в нем серу...

— Ну а это что такое? — продолжал далее листать страницы своей истории король. — Здесь я якобы объявил войну соседу, обвинив его в том, что он повинен в том, что на Солнце появились какие-то пятна... Вопрос: зачем настолько демонизировать своего врага, возвеличивая его до самого Солнца? Если он такой всемогущественный, то, что ему стоит раздавить меня, как вонючую вошь?

— Это аллегория... — попытался было объяснить природу своей фантазии писака.

— Нет, это уже паранойя! — сам поставил диагноз монарх. — И вы, сударь, пытаетесь меня в этом замазать...

Автор попытался отстоять свой текст, но король вновь осадил его:

— Мне непонятен еще и вот этот момент: «В следующем году он разгромил войско ужасных вестготов и на глазах своих солдат надругался над поверженной королевой противника...» Какая-то нелепость, глупость... Что я сделал с «поверженной королевой»? Надругался?! Бесовщина какая-то...

— Это такой стиль истории... — пожал плечами профессор.

В глубине душе он давно хотел поквитаться со своими недругами, которые путем гнусных интриг и заговоров лишили его карьеры военного. Поэтому все одержанные генералами победы он приписал королю, который всегда действовал под его чутким руководством.

Тот, кто лжет, выжигает свою душу изнутри.

— Я поломал на этом тексте весь свой язык! — сам себе признался профессор, просматривая страницы написанной им «Истории». — Но за язык я не переживаю. Он всегда оказывается сильнее нашей глупости.

Король вспомнил, как однажды он решил устроить «тихую забастовку» и в течение недели не подписывал никаких указов, которые министры приносили ему ежедневно на подпись. И что? И ничего! Мир не рухнул. Небеса не обрушились. Все было как всегда, а может быть, где-то даже и лучше.

«Вообще, — подумалось тогда ему, — я самая бесполезная фигура на свете... Церемониальное место... Декорация к какому-то спектаклю... Не будь меня, и мир был бы намного лучше... Не будь моих вечно грызущихся друг с другом министров, и воздух был бы чище...»

И вот теперь эти горестные для него воспоминания нахлынули на него, опечалили сердце и подавили волю.

Глядя на профессора, явно метящего на должность министра пропаганды, он неожиданно поймал себя на мысли:

«Вот подонок! Жаль, что его мама родила!»

Политики соревнуются с фантазиями своих противников. Они плохо понимают, что реальное, а что фантазийное. Они последнее принимают за первое.

Затем к королю из темноты мрачного коридора, по которому бродили в полночь его великие царственные предки, пришел его тайный советник — главный аналитик по политическим делам. Он его призывал только в самых исключительных случаях. Советник деловито достал картишки и разложил их веером в несколько рядов. По всему выходили дальняя дорога и какие-то казенные хлопоты.

— Моя бабка была цыганкой, — со знанием дела говаривал он всем, кому гадал по политической проблематике, — поэтому никогда не ошибалась! — И ведь действительно он часто попадал в точку: тыкал пальцем в небо наугад, и небо повисало на кончике его пальца, пронзенное насквозь....

* * *

В один из дней короля накрыла меланхолия.

— Чем занимаешься? — осторожно поинтересовался у него шут.

— Вспоминаю позорные страницы своей жизни... — признался король. — В последнее время они стали что-то слишком часто меня сами посещать...

— И тебе за них, судя по всему, все еще стыдно?

— Да... Очень... Стыдно за то, что сестре кнопку на стул подкладывал; стыдно, что тетушке слабительного подсыпал в чай, а она в отместку траванула свою старшую сестру; стыдно, что писал в вазу с цветами своей мамане... Но самое главное — мучил кошек за то, что они съели мою любимую мышку...

— Пока ты подкладывал кнопки, твой дед казнил заговорщиков, среди которых были его ближайшие друзья и дальние родственники... — припомнил что-то из прошлого шут. — Когда прочищал желудок своей вредоносной тетушке, вокруг бушевала чума... А когда писал в вазу с цветами, твоя мамаша делала рога твоему папаше... Все занимались каким-то конкретным делом и не ныли... Только так и можно достойно войти в историю... За нашими спинами творится порой куда более интересная история, чем видят наши глаза...

— А что насчет несчастной мышки?

— Судьба у нее была такая... Она оказалась не в то время и не в том месте...

— А сами мы в том ли правильном месте и в том ли верном времени?

Шуту осталось только развести руками...

Король опять опечалился, но долго грустить ему не дал его шут, который ворвался в залу с диким воплем:

Шут. Спасайтесь, Ваше Величество! Бунт. Народ восстал...

Король. Гм, а я и не знал, что у меня есть народ! И чего он хочет?

Шут. То, чего у него нет — хлеба и справедливости!

Король. Так этого и у меня тоже нет!

Шут. Все равно бежим, сейчас не время разбираться, кто прав, а кто виноват. Сейчас надо срочно спасать мой зад и твою шею!

В зал врываются улюлюкающие толпы горожан и крестьян. Король и шут успевают подземным ходом покинуть дворец и очутиться за городом. Через день выясняется, что шут все напутал и никакого восстания не было, а был масленичный карнавал, и народ просто веселился. Но королю уже не до веселья — он узнал, что такое суровая действительность, и она ему совсем не понравилась. Было скверно, но зато теперь есть что вспомнить, хотя и не хочется этого вспоминать.

Шут *(пожимая плечами)*. Экзистенция, мать ее!

Король. Да пошел ты к такой-то матери...

Шут. А что ты хочешь? Нервы вконец расшатались...

Сработало одно старинное правило войны: *«Стадо баранов во главе со львом победят стадо львов, возглавляемых бараном»*. Но кто здесь был бараном, а кто львом, установить было крайне сложно. Поэтому все запаниковали. Все пришли в состоянии бараньего перевозбуждения. Наступил «праздник глупости». Предел «день дурака».

Его величество возвращается на покинутый трон и находит помятую корону. Политика — суровая штука, когда мнутся короны. Хорошо, что она не слетела с головы, хотя теперь сидит на ней весьма криво.

— Зато теперь у нас есть достоверные следы истории, — иронически замечает шут, намекая на вмятины на короне.

Король. Мне еще два зуба выбили в трактире...

Шут. А не надо было ввязываться в пьяную драку на неправильной стороне истории...

Король. Но я — король! Значит, я должен был быть прав...

Шут. Да, но во время карнавала всегда прав бобовый король! Он потому так и зовется «бобовым», что его выбирает в короли обыкновенный боб... Кому боб достался, тот и король. Твой личный «боб» достался тебе при твоем рождении... Ты вытащил счастливый билет...

Король. Но что-то счастья я в себе не наблюдаю...

Его Величество все больше ощущал, что Небеса за что-то наказали его одиночеством. Все дистанцировалось от него, отгораживаясь непреодолимой стеной отчуждения. А он? А он, собственно говоря, особо и не стремился к преодолению этого отчуждения и вскоре понял, что власть требует одиночества.

У монарха участились перепады в настроении. И он качался на этих качелях, еще не понимая, что они начали его разрушать изнутри. Как показывает политическая история, за восторженным политическим писком всегда приходит тяжелая пора похмелья и отрезвления.

С каждым днем король все больше разочаровывался в своей затее с написанием героической истории своего славного правления. Однако хитрый шут его подбадривал и соблазнял надеждою на скорое завершение этого эпохального труда.

— Повседневность отличается обыденностью и скукотой! — рассуждал шут, поправляя свой разноцветный колпак. — И только неординарное яркое событие, выбивающееся из этой серой массы, заслуживает того, чтобы быть признанным историческим фактом.

— Но как разобраться в этом потоке информации? — посетовал правитель. — Как понять, где тут правда, а где ложь?!

— По-моему, здесь есть простое правило: важно знать не только все свое собственное дерьмо, но и не принимать чужое за совершенство...

— Например...

— Например: я каждый день стираю свой шутовской колпак, чтобы избавиться от старых шуток... А ты когда в последний раз чистил свою корону?

— Никогда... — задумался король. — Не царское это дело...

— И я тоже не обязан стирать свой колпак... Но ты попробуй... Чайная сода — отличное средство в полировке семейных ценностей...

Вызванный для консультации геральдмейстер не нашел в этом занятии нарушения придворного этикета, и король впервые в своей жизни увидел чайную соду. Попробовал... Понравилось... Увлекся...

— Никто из моих предков этого не делал... — с гордостью констатировал король, любуясь блеском своей золотой короны. — Я первый и единственный в своем роде... Неужели я нашел себя? Неужели это смысл моего правления? Быть «Блестящим»! Быть «Сияющим»! Хоть какая-то видимость порядка в моем королевстве...

То, что ему писали мудрецы в качестве вариантов его официальной истории, ему было и чуждо, и непонятно и все раздражало и отталкивало. Но одно он прекрасно начал для себя понимать — то, что все эти мудрецы утверждали, было всего лишь суета сует и томленье духа. Правду утверждает человек, Истину — Бог...

— Есть сила правды, и есть правда силы, — объяснил ему его придворный шутник. — Какой стратегии мы будем придерживаться?

— Мы на стороне сильной правды... — меланхолически отвечал король.

Короля уже давно томили темные силы одиночества, ибо он уже прекрасно понял, что трон — это его приговор к вечному одиночеству.

— Лучше давай введем должность министра здравого смысла... — предложил шут. — Перейдем от сказочного к реальному...

— Устал я от его этой лжи... — захлопнув рукопись, которую принес ему профессор, посетовал король. — Я не хочу быть куклой этого колдуна!

— А ты его казни! — предложил неожиданное решение проблемы шут. — От лжи разрушаются царства... Не дай ему себя разрушить...

Король отмахнулся от него как от назойливой мухи.

Шут торжественно снял с себя свой дурацкий колпак и торжественно объявил:

— За измену Родине приговорен...

И неотвратимое колесо правосудия закрутилось с безжалостной скоростью и с чудовищным бюрократическим скрипом...

* * *

В один из дней король сидел в детской и показывал своим отпрыскам кукольный театр. К его пальцам были привязаны красные нитки, другой конец которых был закреплен на деревянных куклах. Как правило, он всегда импровизировал, рассказывая детишкам различные сказки, но в этот раз он решил затронуть политическую тему и рассказать им о том, как трудно королю управлять королевством. Тяжелая королевская доля действительно была для него неподъемным обременительным грузом.

«Вот так и меня самого мои многочисленные министры и советники незримо дергают за веревочки и направляют то в ту, то в эту сторону... — думал он о себе и своей

независимой судьбе. — Всем всегда чего-то от меня надо... Все через меня обделывают свои какие-то грязные делишки... А ведь потом не отмоешься...»

Взглянув на своих наследников, он многозначительно им сказал:

— Запомните, дети, вы не должны быть куклами, вы должны быть сами кукловодами... Научитесь правильно играть с живыми куклами — и вы станете великими правителями...

Стоявший за его спиной шут положил свою тяжелую руку ему на плечо и одобрительно проговорил:

— Правильно... Настоящий политик искусству управления должен начинать учиться с детства, а законы политологии обязан постигать еще в утробе матери...

«Вот и мой персональный кукловод...» — даже не пытаясь на него взглянуть, подумал король.

— Правда, — многозначительно добавил тут же шут, — мальчикам до пятидесяти необязательно знать, как устроено государство и как функционирует власть... Это вредно для их еще не окрепшей психики...

Дети расплакались и стали требовать шоколада.

— Манипуляторы! — буркнул в их сторону король. — Вечно из меня веревки вьют...

Выслушав опасения короля относительно политического театра марионеток, шут вспомнил давнюю историю своей студенческой шальной молодости, когда они с друзьями (в числе которых был и тогдашний принц, нынешний король) дурачились и веселились, устраивая шумные пивные фестивали.

— А ты вспомни, как мы дурачились на коронации твоего дяди?! — напомнил он Его Величеству. — Вспомни, как я тогда переоделся в черного монаха и, надвинув на лицо остроконечный капюшон рясы, с косой в руках просто прошелся «легкой тенью» по дальнему коридору аббатства, где происходила эта его коронация и что с ним потом было...

— Да, я помню, как он тогда побледнел, увидев «призрака с косой» и как его затем всего трясло... — вспомнил король невинные забавы своей юности. — Я сам тогда, если бы не знал, в чем дело, сошел бы от страха с ума...

— Твой дядя так потом и поступил... — подхватил его воспоминания шут. — Я только спустя годы узнал, что эту идею нам тогда подкинул твой папаша, который сам метил занять трон своего отца и брата... — Шут сложил губы бантиком и симитировал ими творческую деятельность пятой точки. Получилось весьма выразительно и многозначительно: — Так что в тот момент мы с тобой были безвольными марионетками, которыми ловко руководили опытные кукловоды...

«В политике, — думал как-то на досуге король, рассматривая намалеванные на стенах своего дворца фрески с изображением своих предков, — все зависит от того, как ты носишь корону: если надвинув на глаза, то у тебя сомнения в твоем будущем, если прямо на макушке, то ты уверен в своем настоящем, а ежели на затылке, то у тебя все уже в прошлом... У меня она всегда почему-то оказывается криво (висит на ушах), значит, дела идут недолжным образом...» — поставил он сам себе неутешительный диагноз.

* * *

Ожидая прихода палача, приговоренный к четвертованию профессор сидел в самом мрачном тюремном каземате на старом табурете в ожидании прихода цирюльника. И он явился к нему в лице шута, несшего на плече тяжелый рашпиль.

— Какие новости? — спросил вошедшего осужденный.

— В королевстве кризис... В магазинах закончилась чайная сода...

— Что так?

— Король каждый день начищает до блеска свою корону... — объяснил шут. — Если дело так пойдет дальше, через десять лет от нее останется дырка от бублика...

— А это что у тебя в руках?

— Последняя милость короля... — указывая на рашпиль, объявил ему шут. — Ты готов? — спросил он его, перекладывая рашпиль со своего плеча на его плечо.

— Всегда готов... — с ухмылкой отвечал приговоренный. — Начинай...

— Тебе пирамидкой или просто отшлифовать?

— Пирамидкой...

— Палач интересуется, как тебя шинковать: вдоль или поперек?

— Это уже непринципиально...

Шут разгладил густую черную шевелюру своего клиента и начал рашпилем обрабатывать торчащие на голове рожки...

Жизнь — это путешествие в один конец, которое не знает, когда и чем оно закончится...

ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ: POSTSCRIPTUM ИСТОРИИ

Он очнулся от сильного удара в голову. Открыл глаза. Перед ним раскрылась черная бездна вечного космоса с ярко горящими звездами. Затем у него дернулось плечо, и он сразу почувствовал всю тяжесть своего тела — усталость и боль наполняли его мышцы, а в голову шарахнуло повышенное давление крови :

— Жив... — начал он с трудом соображать, пытаясь понять, где он находится: оказалось, что он вращается с первой космической скоростью в толще космического мусора вокруг планеты Z созвездия X галактики Y.

Память начала медленно возвращаться, восстанавливая воспоминания последнего боя имперского десятого флота с повстанцами. Всплыла картина чудовищного взрыва, разворотившего титановый корпус флагманского крейсера, и в образовавшуюся рваную дыру стали улетать в открытый космос стоявшие на капитанском мостике адмирал их флота со всем своим штабом. Потом в космос унесло и его самого:

— Хорошо, что я успел надеть новый скафандр, и меня не задело взрывом... — сообразил он. — Но все, кто был без скафандра, погибли... А я, стало быть, выжил... Счастливчик или грешник...

Грешник в том смысле, что в случае неудачи ему придется мучительно умирать на орбите среди обломков кораблей, других мертвецов и полуживых тел...

Новейший скафандр с повышенной системой выживания был разработан им самим. Уникальность его была в том, что в случае критической ситуации в нем автоматически срабатывала функция гиперсна, погружая космонавта в глубокий летаргический сон. И это новшество принесло ему всемирную известность и повышение по службе: он стал главным механиком подорвавшегося на мине флагманского крейсера. Но почему-то у него самого эта функция не сработала или отключилась в результате столкновения с чем-то очень тяжелым.

Место последнего звездного побоища теперь представляло собой огромную кучу космического мусора, вращающегося по орбите планеты Z созвездия X галактики Y. Все, что осталось от некогда грозного космического флота. Фантастическая фатальная гибель империи. Эпохальное событие, поставившее жирную точку в ее всемирной истории.

Выживший осмотрелся. Он медленно плыл над поверхностью неизвестной планеты среди кучи останков двух десятков погибших в последнем решающем сражении космических кораблей. И поскольку трупы никто из победителей не убирал, он понял, что была боевая ничья.

«Хорошо, что я инженер, а не политолог! — подумалось ему. — Руки-ноги целы, голова на месте... А вокруг столько запчастей для моего будущего космического корабля, что чего-нибудь мы себе непременно соберем...»

* * *

Вначале он наткнулся на спасательную капсулу с какого-то корабля, которой никто не успел воспользоваться, но где ему можно было спокойно отоспаться и привести себя в порядок. Затем он наткнулся на практически целый жилой блок с военного транспортного судна, где обнаружились запасы еды и где можно было уже снять скафандр и устроить вполне комфортный спартанский быт. Так постепенно он начал собирать на орбите мусор, еще пригодный к строительству задуманного им корабля: где-то что-то прикручивал, где-то что-то приваривал, что-то соединял и «приколачивал».

Установленный им хронометр отмерял время по земным часам, месяцам и годам. Так на сборку основы будущего судна у него ушло полтора года. Чем он питался? Тем, что находил на космической мусорке, а подобных находок там было предостаточно. Свалка — она и в космосе свалка. А наш космический бомж был просто обречен на ней прописаться и жить.

Бортовой компьютер выдал ему неутешительную информацию: через пять земных лет весь этот космический хлам начнет сходить с орбиты планеты Z и сгорать в плотных слоях ее атмосферы. Так для него пошел обратный отсчет времени.

В его сердце теперь теплилась надежда на благополучный исход его истории. Им руководило теперь творчество. Он занимался тем, что требовали его душа и сердце. И в этом было его спасение. Он обрел то, чем владели его далекие докосмические предки: он ощутил в себе теплоту веры. Творчество и есть искра Бога в человеке. И ангелы тогда стали танцевать в его сердце.

«Хорошо, что я инженер! — еще раз позитивно подумал он, приободряя себя. — Представим себе, что перед нами не свалка, а завод и ты сборочный цех... Засучим рукава и займемся делом... Вспомни, — призвал он самого себя к трудовым свершениям, — про ту мышку, которая сбила сливки, попав в крынку с молоком...»

Только великий конструктор может из отходов старой системы создать новую цивилизацию.

Но один момент его постоянно привлекал внимание и тревожил. Это то, что он был на этой орбите не один. На орбите ему постоянно попадались человеческие останки, разорванные взрывом, искалеченные металлом. Первоначально это убийственно действовало на его психику, но со временем он взял себя и здесь в руки и решил: эмоциям не быть! У него теперь была великая цель — построить на орбите из груды мусора новый космический корабль.

Среди обломков космических кораблей ему часто попадались такие же, как и он, уцелевшие: успевшие надеть скафандры, последние спасшиеся и уснувшие в режиме включенного гиперсна.

— Их можно будет всех собрать и разбудить, — решил он. — Но только чем их всех мне кормить?

Решения этого вопроса у него пока не было. Поэтому с этим делом он решил повременить. Но на будущее он присоединил к своему жилому модулю пару грузовых отсеков, где можно было бы хранить эти «живые скафандры».

И вот однажды среди мусора ему попался один такой скафандр, и он машинально заглянул в его шлем.

— Красивая! — улыбнулся он, увидев спокойное лицо молодой женщины. — Жаль, что только у нее нет нижней части... — Перевел он взгляд на ее разорванное надвое тело. — И сколько таких? Беда... Беда... Жаль девку! Могла бы составить кому-то счастье...

При подобных встречах у него щемило сердце и учащался пульс. И таких встреч на дню было несколько. И всякий раз он сжимал зубы, чтобы не закричать в отчаянии, и продолжал трудиться, трудиться, трудиться...

Он умел и любил работать. А в этих условиях созидательный труд стал смыслом его существования и выживания. Чтобы не сойти с ума, он должен был что-то делать. Глаза боялись, а руки делали...

И вот когда его корабль был уже более-менее готов, он собрал всех уцелевших в гиперсне и перенес их в грузовой отсек. Набралось столько, что ему пришлось их складировать штабелями в несколько рядов.

— Ничего... Все равно спят... — решил он, что комфорт и личное пространство здесь не уместны. — Все мы здесь попали уже в списки безвозвратных потерь... Все: и имперские солдаты, и повстанцы... Никто никогда за ними уже не прилетит из военкомата и не призовет в сражающиеся ряды...

Над постройкой корабля вместе с ним уже трудились несколько подобранных им роботов-строителей, помогавших ему с громоздкими конструкциями. Он нашел три рабочих ядерных двигателя от своего взорвавшегося линкора и соединил их в одну связку. Затем приспособил два малых двигателя от транспортного судна в качестве боковых силовых установок, а из различных кусков титановой обшивки бывших космических боевых кораблей начал наваривать внешний корпус своего корабля, придавая ему вид бесформенного объекта:

— Замаскируем его под астероид! — решил он. — Внешне будет похоже на то, словно космический мусор со всех сторон притянуло, и он облепил ядро астероида.

С помощью этой хитрости он надеялся избежать нежелательных встреч с воюющими сторонами, еще не подозревая о том, что война уже закончилась тотальной ничьей — гибелью всех ее участников.

Его привычным занятием стали ежедневные прогулки по космической мусорной свалке. И вот однажды, прогуливаясь по ней, он случайно наткнулся на нижнюю часть разорванного тела и вспомнил о ее верхней половинке.

— Надо все-таки по-человечески хотя бы ее похоронить... — решил он отдать последние почести погибшему воину и забрал «ноги» в свой медицинский модуль.

Роботу-медику он велел собрать тело, и тот приступил к своим медицинским процедурам...

Перебирая космический мусор, он постоянно думал:

— Вот он, ужасный оскал звездных войн — все превращать в космическую пыль. Руины цивилизации... Трагический конец истории человечества! Возродит его только чудо, и чудо это — мир... Это хорошо, что еще не применили здесь ядерного оружия, иначе тут был один радиационный пепел...

Засыпая, он с удовлетворенно думал:

«Хорошая работа... Это мой корабль... Это мой новый дом. Я его собрал из хлама прежнего погибшего мира... Это уже моя история... Приятно осознавать себе ее твор-

цом... А самое главное, — приятно подумалось ему уже во сне, — надо мной впервые нет никакого начальства — ни тебе никаких отчетов, ни проверок, ни кредитов... Я сам себе начальник! Вот она, свобода! Вот она, настоящая анархия — мать моего порядка...»

* * *

Однажды утром он проснулся от истошного женского крика, доносившегося из медицинского модуля. Вначале он решил, что это все ему показалось. Но крик повторился снова и пробрал его до самих нервов.

Он выскочил в коридор, и, спотыкаясь со сна о ровное, побежал на зов. То, что он увидел, влетев в медблок, его одновременно и испугало, и обрадовало: в углу, забившись как раненый зверь, сидела испуганная женщина и билась в истерике.

— Ты оживил ее!? — удивленно спросил он робота-медика.

— Я применил последние медицинские технологии по реконструкции живой материи ее тела. Оно у нее постепенно восстанавливает свои жизненные функции... В настоящее время ей вернулась ее женская истеричность... Она в физическом порядке, но с ее психикой придется немного еще повозиться. Дайте мне пару дней, и она придет в норму...

И действительно через пару дней она явилась к нему с докладом и представилась по форме военнослужащего.

— Вы теперь не младший помощник второго штурмана, а старший штурман! — На правах капитана корабля повысил он ее в должности. — Мне нужен помощник... — обратился он к ней. — Один я уже не справляюсь с объемом работы и нужного для нее знания... Подобранные мною несколько роботов могут выполнять только технически тяжелую работу... Да... и прикройте чем-нибудь свою наготу... — попросил он ее о соблюдении хотя бы делового этикета, хотя о каком таком этикете в тех условиях могла идти речь?

— Сформулируйте задачу! — попросила она его уточнить.

— Формулирую: достроить корабль, собрать с орбиты всех, кто уцелел и находится в гиперсне; проложить курс к месту, где есть пригодная для жизни планета, на которой можно было бы основать мирное поселение...

Видимо, в прошлом она была хронической отличницей, потому что с рвением пионерки приступила к выполнению своих новых служебных обязанностей. Она действовала автоматически, словно робот: ни эмоций, никаких душевных переживаний, сомнений, радости или гнева. Смерть, видимо, все еще сидела в ней и не отпускала из своих цепких объятий.

Но вскоре случилось то, чего он больше всего опасался: его подвело его собственное здоровье.

От напряжения сил и пережитого за последние годы стресса его здоровье дало неожиданный, но закономерный сбой. Он потерял сознание, затем пошла кровь. Она отвела его в медчасть, и робот-врач поставил ему неутешительный диагноз — рак, как следствие продолжительного нахождения в открытом космосе. Необходима срочная операция.

— Нужно согласие ближайших родственников на ее проведение! — протокольно добавил врач.

— Ты шутишь?!

— Нет, этого требует протокол...

Не говоря ни слова, она положила его на операционный стол и сама ввела ему анестезию.

— Работай... — велела она роботу-врачу. — А я займусь своими делами...

* * *

Это был то ли сон, то ли какая-то особенная явь. Он шел по горе космического мусора, шел долго и вдруг оказался на звездной дорожке, которая вела его куда-то вдаль, за горизонт событий и всех времен.

— Кто ты? — задал ему кто-то провокационный вопрос.

В ответ он растерянно пожал плечами.

— Теперь уже даже и не знаю... Скорее всего, — попытался он сформулировать некий ответ, — я последний из самых последних... Мой удел — одиночество... Я — одинокий пастух... Я пасу постоянно разбегающиеся звезды... Звездный бродяга! Бомж великой космической мусорной свалки... Мне теперь и имя не нужно, потому, что некому меня по имени называть...

Он шел по звездному пути и не ощущал усталости. И все время ему на пути попадались какие-то люди, лица из его прошлой жизни... И так вплоть до самого раннего детства, когда он впервые сам вылез из колыбели и сделал свой первый шаг... Были все, кто от него давно уже ушли... Ушли окончательно и безвозвратно... Лица, лица, лица... Одни только мутные от времени лица... Воспоминания прошлого...

— Вот оно — великое небытие! — Пришла ему на ум догадка. — Я возвращаюсь к своим истокам, которых давно уже нет...

Уже пробуждаясь от этого долгого забытья, ему подумалось:

«Я всегда почему-то везде опаздываю. Я слишком долго был в пассиве, и теперь мне приходится наверстывать и догонять ушедшее от меня время... Самое ужасное, что мы можем сами у себя украсть — это время... А этого у меня уже практически нет...»

* * *

Он пришел в себя только через два земных года.

— Извините, капитан, — услышал он голос робота-врача, — на ваше лечение ушло несколько больше времени, чем предполагалось изначально. С трудом достали необходимые лекарства... Сами знаете — свалка! Не все лекарства подходили под ваш диагноз. Зато теперь вы в полном порядке. Два года не прошли для вас без толку... Поздравляю...

— Два года! — Стукнула его откровенная новость прямо в мозг. — Два года!!! — Он сердито взглянул на своего лекаря. — Ты не робот-врач, ты робот-палач!

Пошатываясь, он вышел из медицинского блока и увидел ее.

— Докладываю, — бойко отрапортовала она ему, — за время вашего отсутствия корабль практически достроен по вашему плану; выжившие и впавшие в гиперсон космонавты находятся в грузовом отсеке на сохранении; на орбите больше выживших нет; из дальнего космоса никаких сигналов не поступало; курс к ближайшей экзопланете проложен; топливо загружено... Доклад окончен...

Не успел он осмыслить эти ее слова, как между ними пробежало какое-то лохматое маленькое существо и озорно показало ему язык.

— А это еще кто? — Даже вздрогнул он от неожиданности.

— Это наш сын... — невозмутимо отвечала она ему. — Я осмелилась в качестве научного эксперимента взять у вас семенную жидкость, поместила ее со своей яйцеклеткой в инкубатор, и у нас через месяц родился сын. Я его назвала в вашу честь... Ему сейчас уже два года...

— Охренеть!!! — машинально вырвалось у него. — А что, и так можно было?! Я рассчитывал, вообще-то, на более естественный процесс...

— Так быстрее и экономнее... — был ее лаконичный ответ.

Ему осталось только развести руками и опустить от удивления нижнюю челюсть.

— Холодная женщина! — Наблюдая за ней, пытался он ее понять. Но как достучаться до ее черствого сердца??? Солдафон!!! Казарменное воспитание! Как превратить эту фригидную красотку в прекрасную нимфоманку?! Как растворить лед в ее сердце?!

Лед тронулся сам через пару месяцев, когда она из пробирки достала своего второго ребенка. Инстинкт материнства все-таки сработал и безотказно сделал свое дело. Она ему загадочно улыбнулась, и он почувствовал перед собою новую Джоконду... Что эта ее улыбка означала, одному Леонардо было известно. А нам теперь ломай голову и переживай...

Все это время она была в удручающем, разбитом состоянии. Последние события окончательно подавили ее волю. Но она тоже прекрасно знала, что нельзя складывать руки. Воспоминания о прежней жизни постоянно настигали ее и уводили в далекое прошлое:

— Эх! — тяжело вздыхала она. — Ни тебе Большого театра, ни Третьяковки, ни даже дедушкиной чебуречной... Конец всей этой счастливой жизни! Мир рухнул... У меня такое ощущение, что и я сама тоже им разорвана на части... — Почесывала она себе осторожно бок, где все еще заживал шов от проведенной некогда операции.

«Видимо, она тоже сейчас бродит по своей звездной дорожке, ища предел своих воспоминаний... — догадался он, вспомнив, что с ним самим в недавнем прошлом было. — Бедная девочка... Понимаю, как ей сейчас тяжело...»

Покалечившее их время теперь медленно их врачевало.

Лечило не все. Но нанесенные им раны медленно затягивало...

Они изменились, потому что изменился вокруг них мир. Им пришлось это сделать, иначе не выжить. Но единственное, что они смогли сохранить, — так это любовь, любовь к жизни. Они поняли одно правило: таящаяся внутри нас любовь побеждает находящийся в нас страх. Жизнь и есть победившая страх любовь...

* * *

Они напряженно слушали эфир, чтобы поймать хоть какой-либо звук человечества, но повсюду был лишь «белый шум» безжизненного космического пространства. Они искали повсюду признаки жизни и еще не знали, что в космосе случился самый настоящий Армагеддон и человечество на девяносто девять целых девяносто девять сотых процентов самоуничтожилось. В последней звездной войне победила смерть. Повсюду были руины. Повсюду была тишина. Жизнь умолкла, и перестала производить свой привычный шум. И от этой гнетущей тишины было не по себе.

Он часто спускался в грузовой отсек и часами бродил между рядов спящих в скафандрах спасенных космонавтов и думал:

«Мы не просто дошли до самого предела, мы переступили за роковую красную линию жизни... Как мне достучаться до людей, чтобы они поняли, что войной жить нельзя? Война производит руины. Мы их спасли и собрали не для того, чтобы, пробудившись, они снова начали воевать... Мы их собрали здесь для жизни, для мира... Это последнее, что осталось от человечества, и нельзя допустить, чтобы вражда вновь проникла в их сердца. Они не видели того, что видели мы — разрушенные войной миры, уничтоженные в ядерном пожаре цивилизации...

Насилие проявляет в нас животное начало... Война — это самый распространенный способ решения человеческих проблем, когда заходят в тупик их переговоры по

разногласиям... А стоит ли вас всех тогда пробуждать, если вы опять начнете враждовать? Ради чего тогда я мучился столько лет на орбите, собирая вам новый дом? Чтобы вы его опять разрушили?! Создавая человека, Бог не предполагал, что он будет воевать сам с собой...»

P. S.

Планету для новой колонии они так еще и не нашли, зато собрали на местах былых звездных сражений уже десять миллионов «спящих скафандров». Где бы они ни появлялись, повсюду были руины былых цветущих цивилизаций. По всем ним прокатился чудовищный шквал звездной войны.

Что хорошо они научились делать, так это доставать детей из пробирки. Прежде чем будить миллионы спящих, они решили произвести на свет как можно больше правильных пацифистов... На прошлой неделе у них родился восемьсот сорок восьмой ребенок! Робот-врач уже перестал мыть пробирки...

НОЧЬ В ШЕРЕМЕТЬЕВЕ... (почти мистическая история)

Однажды мне пришлось ночевать в Шереметьеве. Боялся опоздать на утренний рейс, поэтому приехал с вечера, чтобы уж наверняка (сработал рефлекс печального опыта — однажды я уже опаздывал на свой утренний рейс!). Проходя по полупустым залам ожидания, я набрел на свободный ряд кресел и устало опустился на центральное место. Время было позднее. Рейсов было мало. Я зевнул и приготовился было безмятежно задремать, как вдруг что-то странное и непонятное заставило меня посмотреть прямо перед собой.

Только теперь я обратил внимание на одиноко сидящего напротив меня человека, который испуганно смотрел на меня и нервно моргал глазами. Это был молодой человек в монашеской рясе.

«Монашек...» — невольно подумалось мне.

Тот, повстречав на себе мой взгляд, кивнул мне в знак приветствия. Я ему ответил тем же. Печальный вид соседа меня несколько озадачил. Он сидел, поджав ноги, и глаза его нервно бегали из стороны в сторону. Сложилось впечатление, что он боится опускать ноги, чтобы ненароком кого-либо не раздавить.

— Вы их видите? — спросил он меня тихим взволнованным голосом.

— Кого? — удивленно спросил я его, озирая пустынный зал.

— Этих... рогатых... Они здесь повсюду...

«Чокнутый!» — невольно подумалось мне, но вслух побоялся это ему говорить.

— Я раньше их не видел, но после рейса они вдруг сами ко мне явились и напали на меня...

«Умом тронулся! Точно!» — поставил я ему поспешный диагноз.

— Я их еще в самолете заметил... Они сидели на крыльях и о чем-то ругались...

— «Они» — это кто?

— Бесы! Маленькие такие, полупрозрачные бесята: рогатые, лохматые, хвостатые...

«Мне еще сегодня сумасшедшего не хватало! — вздохнул я. — Несчастный. Видимо, тронулся на почве своего религиозного мистицизма...»

— Мне что-то тогда (во время полета) в голову ударило, — продолжал делиться своими воспоминаниями он. — Я подумал: давление... В глазах все потемнело, а затем я вдруг увидел их... Много... И они тоже видят нас и бесятся вокруг нас...

— Вы что-нибудь сегодня пили, курили или нюхали?!

— Я понимаю, о чем вы. Я уже сходил проверился в медицинский пункт... Так они последовали за мной и там все вверх дном перевернули... Бедному врачу пришлось давать успокоительное... Спирт... Сказал, что помогло... Но на меня это не действует... Я его на дух не переношу... Зато эти рогатые и лохматые его весь до конца вылакали и еще добавки от него требовали...

Монашек печально посмотрел на меня. Когда он смотрел на меня, взгляд его успокаивался, и он, казалось, приходил в норму. Но стоило ему взглянуть на пол, как он невольно вздрагивал и впадал в некое нервозное состояние. Его бледное лицо выражало невыносимые муки страдания и боли.

— А «они» какие? — решил я ему подыграть. — И впрямь такие, как их изображают художники на фресках и на картинах, или какие-то особенные?

— Они разные... Но все омерзительные... Все безобразные... В том смысле, что у них нет никакого образа. У нас с вами он есть, а у них нет. Просто отвратительные рожи... хари... морды...

— И давно у вас такое? — продолжал я его допытывать.

— Сегодня утром случилось... Я сюда прилетел транзитным рейсом. Я их заметил еще на посадке в самолет, когда мы поднимались по трапу на борт нашего лайнера...

— Это страх перед полетом в самолете! — догадался я. — Эта фобия пройдет. Главное, не смотреть вниз...

— Но «они» как раз по полу и бегают... — не поняв моего намека, пожаловался монах. — И все такие злобные! Все такие мерзкие! Корчат мне разные рожицы и ругаются отборным десятиэтажным матом...

— А при чем тут русский мат?

— Так мат придумали бесы, чтобы управлять людьми...

— Так они что, русские бесы? — Опять я был на высоте своего остроумия в деле высмеивания мракобесия. — Они что, по-нашему ругаются?!

— Они лаются сразу на всех языках мира... У них свой интернационал! Но здесь, в России, предпочитают русский... Английский слабоват... Говорят — недоразвитая нация... Привыкла всеми командовать...

— Так ты что, с ними общаешься?

— Приходится. Пытаюсь изгнать, но моей силы веры пока еще не хватает...

— Да пошли ты их сам куда подальше...

— Не могу, я сквернословить... Скверный язык умаляет достоинство человека.

— А давай-ка я попробую! Мне ведь можно...— предложил я ему и как рявкнул на весь пустынный зал. Гулкое эхо прокатилось по всему аэропорту и вернулось обратно. — Ну как? Получилось?

— Да, ты их испугал... Они в шоке. Приняли за своего...

— Чего?!

— Вначале разбежались в страхе, а теперь обратно возвращаются и тебя к себе зовут... Ни в коем случае не соглашайся. Обманут!

«А парнишка с юмором попался... — подумал я тогда. — Продолжим ему подыгрывать, пока из психушки за ним не приедут...»

— Я, вообще-то, должен был лететь сегодня в Грецию на святую гору Афон... — признался неожиданно монах. — А тут такое... Нечисть, видимо, чует, что по святым

местам кто-то собрался, вот меня и искушает своими страхами и кознями... Как бешеные, полезли ко мне со всех сторон.

Говорил он весьма убедительно. Я почему-то ему в тот момент поверил и немного поубавил свой скепсис. Но я не мог видеть того, о чем он утверждал, поэтому мне приходилось ему верить на слово. Верить его честному слову.

— Когда я с вами говорю, — признался мой собеседник, — мне становится немного легче. Приятно иметь возможность с кем-нибудь поговорить по душам...

Времени у меня было много. Я решил его выслушать до конца.

— Я вот что думаю, — поделился своими соображениями монах, — жившие сто лет тому назад люди не поняли бы то, что мы сейчас видим в небе... Когда я сам смотрю в небо на пролетающий высоко самолет, то вижу белый след и летящий впереди сияющий на солнце крест... В досамолетную эпоху люди приняли бы это за пролет ангела и впали бы в мистический экстаз от осознания увиденного... Для нас же это всего лишь самолет, на котором мы сами время от времени куда-то летаем...

«Вполне логично...» — подумалось тогда мне.

— Я все время задавал себе один и тот же смешной вопрос: почему самолеты летают и не машут крыльями? А когда взглянул сегодня в иллюминатор, увидел, как они ими и в самом деле машут. Почему? Ответ прост: это их раскачивают мелкие бесы, устроившие на нем свой малый шабаш... Я когда их увидел, начал усердно молиться во спасение, и самолет в самом деле перестало трясти, и мы благополучно сели... Но то, что лайнер раскачивали именно эти бесята, я видел явственно, как вижу сейчас вас...

— Но откуда они взялись на борту самолета в таком количестве? — задал я ему вполне законный вопрос.

— В том-то все и дело, что они не могут пройти на борт самолета и облепляют его обшивку, а во время полета воздушными потоками их сдувают и собирают на крыльях лайнера... — воодушевился мой рассказчик.

— Допустим. Но почему они не могут пройти в салон самолета?

— Я уже говорил о том, что самолет имеет форму креста и быть внутри него им представляет смертельную опасность... Вот они и путешествуют на крыльях самолета, — последовало вполне вразумительное объяснение.

— А почему их так привлекает именно самолет?

— Да не в самолете дело. А дело в тех, кто летит в самолете... Они вылезают из всех нас, грешников. Эти мелкие бесы — наши пороки и страхи, которые мы таскаем в себе. Но в этот раз они почему-то не вернулись к своим хозяевам, а все увязались за мной. Я как магнит притянул их к себе... Вот они вокруг меня сейчас и носятся, не в силах от меня отстать...

— Значит, те, кого они покинули, очистились от них, — заметил я. — Значит, твоя молитва подействовала... Ты освободил народ от греха, взяв его на себя...

— Возможно... Только я теперь не знаю, что мне с ними делать?

— А что обычно делают с бесами? Кропят святой водой! Вот держи — минералка! — Кинул я ему в пластмассовой бутылке принесенную воду. — Вода называется «Святой источник»... Освяти ее своей молитвой и окропи бесов... И сейчас же увидим, что с ними будет...

— Они уже напуганы! — воскликнул он. — Теперь тебя проклинают и поносят самыми бранными словами за поданную мне идею и воду...

— Я это их лаянье как-нибудь переживу...

— Но они подняли страшный вой по этому поводу!

— Не переживай, старик, делай свое дело...

— Я не старец, я всего лишь смиренный послушник...

— Вот и послушай, что я тебе говорю...

На круглых электронных часах аэропорта высветились четыре нуля, поровну разделенные двумя вертикальными точками.

Бесы в отчаянном восторге взвыли и пошли в массовое наступление. Собеседники и не догадывались, каким эхом эта их возня вокруг них отразится в городе.

Они не подозревали, что в это самое время в Третьяковской галерее, что в Лаврушинском переулке, совершая свой обычный обход, ночной сторож столкнулся с каким-то черным облаком, которое возникло из некой темной субстанции, отделившейся с поверхности висящих там полотен. Все изображенное в изобразительном искусстве зло каким-то образом (по пока еще немыслимым законам физики или антифизики!) материализовалось и проникло в реальный мир. Внутри этого облака что-то постоянно визжало, пищало и барахталось. И в какой–то момент при лунном свете сторож увидел тысячу злобно глядящих на него враждебных глазенок. Мгновение, и они набросились на него. Единственное, что мог сделать сторож, — это выхватить свою резиновую дубинку и начать ею отчаянно махать налево и направо...

Вывод: нигде не изображай бесов (даже самых мелких).

Рядом с Третьяковкой произошло куда более скандальное событие: бронзовый монумент, посвященный людским порокам, состоящий из тринадцати статуй, неожиданно ожил и, сорвавшись с места, устремился на проезжую набережную пугать своими пакостями полуночных водителей. От страха те разлетались в разные стороны, несмотря ни на какие препятствия и преграды. Бесчинство продолжалось до тех пор, пока чумовые изваяния не нарвались на русский спецназ. Военные возвращались в казармы и дали мракобесию такой решительный и дружный отпор, что их печальный бронзовый звон разбудил пол-Москвы. «Восставших» грешников молча крутили голыми руками, не давая им даже пикнуть. Самого буйного забрали в участок. Поутру повязанные в железные узлы, свергнутые статуи беспомощно валялись разбросанными вокруг своего прежнего пьедестала, и никто из горожан не мог поверить, что этот акт вандализма совершила наша доблестная росгвардия (вроде бы все были трезвыми, но больше всех досталось скульптуре порока пьянства!!!).

Вывод: не трогай русский ОМОН...

Но хуже всего пришлось сидельцам столичных тюрем. В ту полночь на них ожили их блатные наколки и яростно напали на своих «хозяев», начав вгрызаться в их воровскую плоть. По всему было видно, что татуированные монстры стараются догрызться до самих их костей. Дикие вопли и истошные стоны сотрясли всю столичную пенитарную систему и повергли ее обывателей в откровенный шок и ужас. Никто поверить не мог, что так жестоко с ними поступают их же собственные «геральдические знаки». Тюремная семиотика оказалась страшной вещью...

Вывод: не хулигань, будь хорошим мальчиком...

Больше всего пострадали ночные клубы Москвы, где в это время тусила столичная «золотая молодежь». Против них неожиданно восстали их «алкоголь и наркотики». Поскольку эта избалованная часть молодежи привыкла жить эгоистично в свое удовольствие и делать всем гадости, гадость в ту полночь сама явилась им и свалилась им прямо на головы. Выскочившие из них легион бесов устроили им выгребную яму, выкачав из канализации и пустив на них все столичные помои. Дерьмо обильными потоками хлынуло на них, не оставляя ни малейшего шанса на спасение. Многим пришлось нырять, чтобы доплыть до спасительного берега, многих потом пришлось везти в реанимацию и откачивать от этого зловония, которое еще долго они не могли перебить дорогим заграничным парфюмом. Как говорится — «по мощам и елей»...

Вывод: дерьмо притягивает себе подобное...

Именно в это время в Третьяковской галерее раздался первый выстрел — это прибежавшая на крик своего искусанного бесовской камарильей коллеги охрана, применила табельное огнестрельное оружие... Как впоследствии выяснилось, злобный рой демонов пытался грызть даже пули, но безуспешно — только зубы обломали...

— Вон смотрите... — Тем временем напрягся монах, пытаясь трясущимися от волнения руками открыть крышку брошенной ему бутылки с водой. — Еще одна толпа бесят прилетела последним рейсом... — Действительно в этот момент объявили о прибытии самолета из Астрахани. — Эти все помешаны на рыбалке и охоте... — Перекрестился инок. — Но они не самые вредные! Перед этим был самолет из Нью-Йорка... Ну, это были солидные бесы — бесы жирных банковских котов... Все в цилиндрах, все с большими денежными мешками... Таскают повсюду за собой своего золотого тельца и шумно ему поклоняются... Н... да... Все эти «сэры и пэры» — бесята высшего уровня (бесы в квадрате и в кубе)... Но особенно я опасаюсь рейса из Киева... Вот там точно конченые нацики будут...

Признаюсь честно, когда капли воды попали на меня, мне заметно полегчало, словно действительно спал с меня какой-то тяжкий груз. Искренне порадовался не столько за себя, сколько за него. Получилось. Правильный, значит, монах. Все у нас будет в порядке...

«Видимо, мои собственные бесы на время сбежали от греха подальше. — Пришла мне тогда на ум догадка. — А он не такой уж и безумный, этот монах. А что если и в самом деле он прав... Он видит то, чего не дано видеть нам, и потому так странно на это все реагирует... Все это за гранью моего рационального научного ума. А он человек из другого мира, из другого измерения. Для него эта мистика — реальность, а моя реальность — миф, мир пустых иллюзий...»

Теперь я глядел на своего соседа с неподдельным интересом и со всей серьезностью.

— Ну что? Помогла нам святая вода? — поинтересовался я у него.

— Да! Чудесное средство: многие бесы уже корчатся в муках от адской боли, иных просто разорвало на мелкие части... — Впервые за все время нашего с ним общения улыбнулся мне монашек. — Теперь я всегда буду ходить с такой бутылочкой...

— Давай дождемся все-таки киевского рейса... — неожиданно для самого себя предложил я ему.

— Зачем?

— Закрепим делом нашу успешную практику...

— Тогда надо будет побольше запастись святой водой...

— А вы только на Афон летите? — спросил я его.

— Да, а что?

— У меня есть предложение — прокатиться по некоторым западным столицам мира...

— Интересное предложение... Но вначале все-таки на Афон!

— Естественно...

— Идет...

Никогда не поздно начать переоценку всех своих ценностей, особенно тогда, когда сталкиваешься с ценностями более высокого ценностного уровня...

«АТЛАНТИДА»

На песчаном берегу равнинной реки Зенд планеты Зет сидел мужчина средних лет и с наслаждением рыбачил. По его выражению лица было видно, что

он счастливый отпускник, с пользой проводящий время. Единственное, что нарушало эту дивную природную идиллию, было то, что рыбак сидел на корпусе боевой ракеты, у которой была разобрана боеголовка, а в руках он мял, словно пластилин, кусок свинца, из которого смастерил себе нехитрое грузило для своей удочки.

В монтированной в его ухо рации зазвучал чей-то неприятный голос:

— Первому от девятого! Мы потеряли ракету. Подтверждение попадания в объект нет. — В наушниках послышался треск, затем тот же голос доложил загадочному первому: — Выпустил вторую ракету, попадание через двадцать три секунды...

— Нет, эти сегодня мне не дадут как следует порыбачить... — сочувственно покачал головой рыбак. — Десять секунд, девять, восемь... — начал он сам считать оставшиеся мгновения до попадания в него второй ракеты... — Четыре, три... — На горизонте действительно показалась ракета. — Две... — Рыбак поднял руку, и ракета застыла на месте в нескольких сантиметрах от его ладони.

Внутри ее корпуса что-то щелкнуло, и ракета полностью обесточилась. Движением другой руки рыбак вскрыл корпус ее боеголовки и профессионально извлек из нее урановую начинку.

— Ненавижу... — с омерзением пробурчал он и начал пальцами мять уран, словно он был сделан из пластилина. Уран протяжно запищал и превратился в обыкновенный свинец. — Еще одно грузило... — усмехнулся рыбак.

— Первый! Первый! — послышался в наушниках встревоженный голос пилота истребителя. — Мы потеряли и вторую ракету! Что он там с ними делает? Ест, что ли?

— Первый девятому! — послышалась на волнах дальней космической связи. — Зайти над целью и сбросить водородную бомбу...

— Ага, сейчас... — усмехнулся рыболов. — Только об этом и мечтаю... — Он поднял обе раскрытые ладони в сторону приближающихся к нему межгалактических истребителей, и у звездолетов полностью пропало в системе электричество.

Астронавты-истребители не смогли ни подать сигнал SOS, ни даже катапультироваться. Вместо этого их машины синхронно спланировали на берег реки Зенд и уткнулись носами в рыхлый песок.

— Отлетались, ребята! — оценил их приземление как вполне удовлетворительное рыбак. — Отдохните. — С этими словами он достал какой-то обруч (РЛС дальней межгалактической связи) и надел его себе на голову. Отследив по поступающим на истребители сигналы с их базы, он установил их источник в системе Сириус и подключился к их каналу связи. В наушниках зазвучал знакомый ему голос адмирала Кларка.

–— Похоже, что мы только что потеряли два самых лучших экипажа истребителей F-2010... — Услышал он генеральский голос находившегося на другом конце галактики. — Этому негодяю Фениксу опять удалось от нас ускользнуть...

— Вот я и негодяем стал... — усмехнулся Феникс и начал разочарованно сматывать свои удочки. Рыбалка и на этот раз была ему безнадежно испорчена. — Порыбачил, называется! Хотя, с другой стороны, ведь клюнули же они на меня как на живца...

* * *

Система Сириуса альфы звезды созвездия Большого Пса. Командный пункт генерального штаба межгалактической империи. 4243 год космической эры.

Как только связь с его истребителями, посланными на ликвидацию таинственного Феникса, была потеряна, адмирал Кларк потупил свой суровый взгляд на недоуменных подчиненных и хрипловатым голосом повторил:

— Мы потеряли два самых совершенных истребителя. Феникс неуязвим... Что мы будем докладывать императору? Он и без того нами крайне недоволен... За провал операции против повстанцев нам уже было вынесено последнее предупреждение, а теперь еще и это. Прежде чем принять свое окончательное решение, мне бы хотелось выслушать ваши мнения...

Подопечные адмирала растерянно разводили руками и пожимали плечами. Кларк на них злобно зашипел и отвернулся от монитора, по которому с ними общался.

— Эти тупицы сведут меня в могилу! — Покачал он разочарованно головой и, обратившись к своим собеседникам, добавил: — Вот в таких нечеловеческих условиях нам приходится сегодня работать...

За круглым столом в зале совещаний сидела созданная верховным правителем экстренная комиссия по расследованию дела об «Атлантиде».

Сенатор Морган прибыл на Сириус с высшими диктаторскими полномочиями. Это был хитрый лис межгалактической дипломатии, ведший не одни переговоры с различными галактическими системами. На его счету были многочисленные заговоры, государственные перевороты, политические убийства и прочие подковерные гадости высокой политики.

Напротив сенатора сидел мрачнее черной дыры генерал-адмирал Кларк, родившийся и поседевший на звездных войнах. Он только что пережил в своей военной карьере последнее поражение и напоминал собой Наполеона, отступающего из покоренной, но непобежденной Москвы. Генерал Кларк слыл старым воякой. Это был до мозга костей человек войны. Жить для него значило воевать. Воевать — пугать и убивать. И он всю свою жизнь только и делал, что всех запугивал и убивал.

Третьим участником совещания являлся военный губернатор созвездия Большого Пса преподобный Джексон — прожженный управленец-бюрократ, привыкший к подобного рода совещаниям и проведший на них всю свою сознательную жизнь.

И наконец, четвертым участником этого сборища был главный прокурор империи тайный советник Форд. Человек без каких-либо человеческих особенностей на лице и с весьма темной и путаной биографией внутри. В своих кругах он слыл великим ученым, прославившимся тем, что в свое время успешно разгадал вековую тайну египетских пирамид, разобрав их всех до единого камушка.

— Итак, Феникс опять от нас ускользнул... — констатировал факт неудачного покушения сенатор Морган. — Как вы объясните причины этого своего провала? — обратился он к генералу Кларку.

— Он уже не первый, и думаю, что будет не последним...

— Мрачноватый прогноз...

— Я с ними воюю уже третий год! Вы там наверху думаете, что банда Феникса — это космический мусор, не заслуживающий никакого внимания. — Генерал был по-прежнему спокоен, но мрачен.

— Вы не правы, генерал! — прервал его монолог сенатор. — Там наверху уже оценили тот ущерб, который приносят действия Феникса. Поэтому и была организована наша комиссия. Эта банда космических изгоев начинает представлять серьезную угрозу нашей национальной безопасности. Я хотел бы знать, что нам известно об этой банде.

— Банда Феникса — это шайка отпетых пацифистов-негодяев, портящих нам жизнь. Начали они три года тому назад с того, что похищали на наших складах ядерные боеголовки и утилизировали их, направляя на космических баржах в черные дыры. Мы тогда потеряли кучу оружия. Но к нашему счастью, они воровали не только у нас,

но и у нашего противника. Они фактически разоружили обе наши армии, и мы оказались на грани каменного века. Согласитесь, господа, потерять ядерную дубинку и взамен получить каменный топор неандертальца не совсем приятная перспектива. Но дальше стало совсем невыносимо... — продолжал свою горькую для любого военного исповедь генерал. — Дальше они научились каким-то образом превращать урановые рудники в свинцовые. Они научились искусственно стареть уран... И мы и вовсе потеряли возможность производить атомное оружие. Вы понимаете, господа, что деятельность этих агрессивных пацифистов-анархистов грозит самому существованию нашей древней профессии. Если у нас не будет оружия, человечество перестанет воевать. Оно перестанет тогда нас бояться, а значит, и уважать... Мы потеряем власть...

— Что такое «Атлантида»?

— Древний миф... Но Феникс восстановил его и облек в новейшие научные технологии. Что конкретно представляет собой этот проект, мы не знаем. Все наши попытки по внедрению своих агентов в эту систему оказались тщетными...

— Причина провала ваших агентов установлена?

— Да... Все они добровольно перешли на сторону неприятеля...

— Значит, вы плохо подбирали свои кадры... — весьма агрессивно перебил генерала прокурор.

— Это значит, что противник умеет ловко манипулировать нашим сознанием... — так же агрессивно ответил ему генерал.

— Технические параметры Атлантиды известны? — задал вновь вопрос сенатор.

— Из нашего досье мы точно знаем, что это некое сферическое космическое тело, по конфигурации действительно напоминающее описанную еще Платоном земную Атлантиду. Но этот межгалактический аппарат не подходит ни под одну нашу классификацию, из чего мы можем заключить, что он имеет автохтонное происхождение, то есть был изготовлен кустарным способом, но по современным технологиям.

— Зоны его появления?

— Везде, где нами ведутся военные действия... Он появляется повсюду в качестве третьей, нейтральной стороны. Помогает и мешает и вашим, и нашим. Но появляется буквально на считаные секунды для того, чтобы вновь исчезнуть... Отследить его сигнал передвижения не удается. Мы полагаем, что он наблюдает за нашими военными действиями, собирает разведывательную информацию...

Подслушивавший их совещание Феникс с усмешкой покачал головой.

— С какой целью?

— С целью передачи ее неприятелю... Хотя, — несколько сконфузился генерал, — по нашим разведданным из стана республиканцев, они полагают, что Феникс шпионит в нашу пользу... Они думают, что «Атлантида» — это наш самый секретный проект... Из этого вытекает, что они тоже о нем ничего достоверного не знают.

— Кто такой Феникс?

— Личность весьма темная... Мы не знаем его настоящего имени. Феникс — это его кличка. По склонности мышления — бешеный пацифист! Люто ненавидит военных. Психопат. Склонен к чрезмерной агрессии и жестокости... Умело заметает следы. Трупы всех своих жертв уносит с собой. Подтирает даже мельчайшую каплю крови... Такой человек совершенно непредсказуем. Он — угроза нашей демократии, ибо возбуждает в людях древние суеверия о том, что человечеству можно прожить без властного управления! Короче, ультраанархист! Некоторые из-за этого усомнились в том, что война является единственным гарантом нашей свободы, нашего равенства и нашего братства. Вся человеческая цивилизация держалась на геноме войны. Выдерни этот стержень, и вся наша цивилизация моментально рухнет, рассыплется в одночасье.

Во время всего этого генеральского монолога Феникс внимательно ловил каждое его слово, тщетно пытаясь найти в поступаемой к нему информации хоть малейший намек на достоверность.

— Мне важно понять образ их мысли... — задумчиво проговорил сенатор. — Если вы узнаете, как мыслит ваш противник, вы сможете предугадывать его действия, а значит, и контролировать его...

— Судя по тем отрывочным контактам с ними, что мы имеем, у них весьма агрессивное и доисторическое мышление, — отвечал генерал. — Они все еще живут иллюзиями докосмической эры. Одно слово — мракобесы...

— Странно, что они при этом активно используют новейшие научные технологии... — удивился сенатор и, услышав где-то за своим ухом противное жужжание комара, нервно отмахнулся от него рукой. — Генерал! — обратился он к военному. — Прикажите провести дезинфекцию помещения! Откуда здесь у вас взялись земные комары?

— И тем не менее они все мракобесы, — не обращая никакого внимания на его замечание, продолжал генерал. — Они, например, утверждают, что это Солнце вращается вокруг Земли, а не Земля вокруг Солнца...

— Идиот! — воскликнул в сердцах Феникс, категорически не соглашаясь с услышанным о себе суждением. — Я говорил о том, что в древности Солнце вращалось вокруг Земли, когда еще не было звездой. Тогда Земля сама была звездой и пыталась стать черной дырой. Но Солнце ей помешало. Начинка Земли древнее начинки Солнца.

Он вспомнил, как его учитель, старый профессор Атлант Сергеевич рассказывал ему на лекции по космологии, что «из всех планет Солнечной системы только Земля имеет железную сердцевину. Все остальные планеты или газовые гиганты, или ХРЕНЬ! Солнце тоже в центре имеет жидкую железную начинку. Железо образовалось в результате ядерной реакции. По нашей гипотезе, Земля — это протосолнце, древняя реликтовая звезда, которая после гибели не стала черной дырой, а по каким-то причинам превратилась (деградировала) в планетное состояние, была затем захвачена новой звездой, встала на ее орбиту и притянула к себе одну из ее малых планет — Луну. Луна больше подходит для класса планет Венеры и Марса, чем Земля... Мы — дети Земли, ибо наша кровь представляет собой растворенный в биологии вид железа».

Но эти детские воспоминания быстро ушли из его памяти, вернув его в состояние объективной реальности. В его наушниках вновь послышались голоса его коварных оппонентов, вновь что-то замышляющих против его мира.

— Это аморальный, деклассированный сброд! К тому же они были замечены в попытке установления сексуальных связей с некоторыми нашими офицерами женского пола... — продолжал далее генерал. — Но мы своевременно пресекли эти насильственные действия и спасли честь нашей армии...

— И что, никаких следов?

— Это очень осторожная и хитрая банда... Они искусно заметают свои следы. При этом наши радары зафиксировали невероятную скорость их аппарата. Она движется со скоростью света... Она может мгновенно растаять в пространстве... Ясно, что в ее технические данные заложены какие-то новейшие технологии, которыми мы пока еще не обладаем.

— Что, и никакой зацепки у нас нет?

— Есть одна... — с явной неохотой поделился со всеми своей секретной информацией генерал. — На днях мы захватили одного военнопленного... По всем данным он с Атлантиды. Наши ученые сейчас бьются над дешифровкой его сознания. Все не так

просто, как кажется на первый взгляд. Как только мы его расколем, то сразу же получим новую дополнительную информацию о противнике.

— Время! Время! Дорого, мой генерал! — начал подгонять его сенатор. — У нас нет времени! Император поставил перед нами жесткое условие: обезвредить и ликвидировать Атлантиду до начала нового нашего наступления на республиканцев. Нам не нужна эта анархическая вольница в глубоком нашем тылу.

— Пора возвращаться из отпуска на «Атлантиду»... — решил Феникс, дослушав их совещание до конца, и вызвал космическое такси.

* * *

После завершения совещания генерал поспешил в допросную камеру, где над задержанным уже колдовали его специалисты по парапсихиатрии.

Арестант был молодой человек лет двадцати пяти, с короткой стрижкой и с синяком под левым глазом. Он спокойно сидел в кресле со связанными руками и ногами. В ушах его торчали какие-то антенны, а на лбу и груди виднелись датчики.

— Следы ареста? — поинтересовался у него генерал.

— Жаркая встреча в пивном баре... — с усмешкой отвечал тот.

— Вы по-прежнему отказываетесь называть свое имя?

— Вы все равно рано или поздно его узнаете, а мне спешить некуда...

— Н... да... Вот с такими отбросами общества нам приходится иметь дело... — посетовал на свою профессиональную работу генерал. — Ну что ж, приступим...

— Вы идете против движения эволюции... — усмехнулся пленник. — Против течения идти бессмысленно, если нет какой-нибудь грандиозной цели, которая бы оправдывала эти жертвы...

— Человечество давно уже отказалось от религии как зловредного суеверия дикарей. Мы отказались от семьи как ячейки общества и инкубатора по репродуцированию человека, заменив этот процесс передовыми научными технологиями. Мы отказались от многих рудиментов прошлого, мешающих нам жить, и стали по-настоящему счастливы. Но ересь, которую исповедует Феникс, несет в себе угрозу ниспровержения нашего мира. Этот еретик утверждает, что мы, то есть все прогрессивное человечество, должны теперь отказаться от политики и государства, а также положить конец войне как продукту политики. Но было бы полбеды, если бы он это только утверждал. Но он же активно нам вредит. Он насильственно везде уничтожает политику, государство и войну. Он утверждает, — распалился генерал, — что, уничтожив семью, мы покусились на любовь, а уничтожив религию — покусились на святое, что было в нашей душе. Но древние сами пришли к мысли о том, что их древний «бог умер». Мы лишь научно это доказали. Но только в наше время умерли все их священные писания. Все религии отжили и ушли в прошлое. Сегодня все атеисты и на Земле, и во всей Вселенной, нет ни одного религиозного храма. Вера в эмпирическую науку довела человечество до того, что еще в 2112 году был публично сожжен на термоядерном костре последний римский папа как самый зловредный мракобес религиозного фанатизма. После этого наша наука испытала необычайный подъем и расцвет. Тогда казалось, что с ведьмами и с черной магией было раз и навсегда покончено. И вот теперь явился этот Феникс, и все начало возвращаться назад. Человечество вновь уверовало во спасение. Оно опять начало верить в Атлантиду. А Атлантида — это миф, сказка для детей и выживших из ума стариков...

Пленник саркастически улыбнулся.

— Вам весело! Ему смешно! Вы мне не верите? А напрасно... Вы — изгои, отбросы общества! — продолжал далее давить на психику и мозги своего собеседника генерал. — На кого вы подняли руку? Против кого вы собрались выступить? По вашему лицу видно, что вы образованный человек! Как вы могли опуститься до того, чтобы перейти на сторону этих ублюдков? — Пленный загадочно улыбнулся. — Вы еще держитесь! Это хорошо! Браво! Я как старый солдат умею ценить мужество, но не глупость... Вы перешли на сторону мрака. Силам тьмы удалось увлечь вас в свои кровавые дела. Но прозрение рано или поздно должно же к вам прийти. Если вы трезвомыслящий человек, а не какой-нибудь фанатик, вы должны понять, что против научно-технического прогресса не попрешь... Я предлагаю вам одуматься и перейти на нашу сторону. Вы видите, мои методы допроса, не в пример вашим, вполне гуманны...

— Вы можете привести хотя бы один случай кровавой расправы «Атлантиды» над вами?

— Конечно. Пример, новейшего четырехпалубного крейсера «Филадельфии», который погиб два года тому назад. — Пленник вновь загадочно улыбнулся. — На его борту было двенадцать тысяч солдат и офицеров, а у них были родственники, друзья, знакомые...

— Насколько мне известно, «Филадельфия» сама охотилась за «Атлантидой» и имела конкретный приказ на ее уничтожение...

— Откуда это вам известно? Но даже если и так, крейсер был военным, и приказы у него были военного характера. Но это не помешало «Атлантиде» его самой уничтожить. Вы нарушили конвенцию о правах военнопленных...

— «Атлантида» — это мирный проект.

— Докажите...

— У нее нет списка ее жертв. Крейсер «Филадельфия» стал частью ее научного эксперимента... Вы помните древний девиз: «Перекуем мечи на орала»? Так вот, жители Атлантиды именно так и поступили: они перековали крейсер на мирный корабль...

Генерал недоверчиво поежился, всем своим видом показывая, что он отказывается верить в эту несусветную чушь.

— «Атлантида» — это не проект какого-либо конкретного космического государства, а продукт творческой деятельности гражданского общества, — продолжал между тем его собеседник. — Мы объединились против всех сил зла, чтобы уничтожить войну как средство решения межчеловеческих конфликтов.

— В этот ваш пацифистский бред никто не поверит...

— И напрасно! Вы — генерал, привыкли всю жизнь воевать и разрушать... А что-нибудь создать вы когда-нибудь пробовали?

Офицер аналитической службы, бившейся над расшифровкой кода сознания военнопленного, подошел и протянул генералу какой-то планшет. Взглянув на него, Кларк улыбнулся и выпрямился.

— Ну наконец-то! — Обрадованно вскочил он с места. — Мы вас все-таки раскололи... Ба! Какая неожиданная встреча! — Всплеснул он руками, прочитав досье военнопленного. — Вы, оказывается, лейтенант нашего шестого межгалактического флота... Дезертир, значит... Что? — Изменился он в лице, дальше ознакомившись с досье своего собеседника. — Вы были на крейсере «Филадельфия»? Вы лейтенант Грецки? Не может быть! Крейсер «Филадельфия» погиб два года назад в туманности Андромеды. В живых никого не осталось...

— Выходит, что не так...

— Расскажите все, как было. Вас взяли в плен? Вас пытали?

— Нас взяли в плен, но не пытали... Мы сами добровольно перешли на их сторону, потому что устали гоняться за призраками...

— Я отказываюсь верить в то, что современный боевой корабль с проверенным экипажем перешел целиком и полностью на сторону противника... Я не поверю, чтобы командор Фултон мог просто так сдаться... Это мой боевой товарищ, стойкий воин... Расскажите, как он погиб?

— Командора Фултона я видел неделю назад здравым и веселым...

— Я вам не верю! Это блеф! Это обман...

— Я могу назвать вам код его ДНК, и вы сможете позвонить ему сами и убедиться в том, что он жив и здоров...

— Это все подстроено вами...

— Даже то, что и я сам с корабля «Филадельфия»?

— Феникс хитер... Раз он сумел захватить такой крейсер, как ваш, что ему стоит провернуть еще одну такую же операцию? И вообще, вы хотите чтобы я поверил в то, что якобы мирный корабль «Атлантида» захватил военный крейсер?! Ха-ха! Не смешно! Проклятые насекомые! — Вновь он услышал противное жужжание где-то позади своего уха. — Почему до сих пор не провели дезинфекцию?

— Вы полагаете, что ваш дендроут «Титан» неуязвим...— спросил генерала пленник, серьезно глядя ему в глаза.

— То, что вы мне тут рассказываете, детские сказки! Меня этим не удивить!

— Как и жужжанием земного комара?!

— Время! — напомнил генералу его внутренний секретарь-референт. — Пора бежать на следующее совещание! Вы интересный собеседник, лейтенант, продолжим наш разговор в следующий раз...

* * *

Полученную информацию о крейсере «Филадельфия» и ее героически не погибшем экипаже нужно было еще как-то переварить. И генерал преднамеренно взял паузу, чтобы не сорваться на истерическую реакцию.

В конференц-зале, куда он вошел последним, уже находились знакомые ему лица (сенатор и прокурор) и новый человек — бравый капитан по специальным операциям (космический спецназ).

— Генерал! — обратился к нему сенатор. — Введите капитана в курс дела... Мы в общих чертах ему объяснили, за кем ему предстоит охотиться, но технические подробности за вами...

Генерал не стал уходить в дебри предыстории и начал с основного:

— Это неопознанный космический объект появляется за несколько секунд до какой-либо катастрофы, каким-то образом останавливает время, эвакуирует всех пассажиров и членов экипажа с космических кораблей, которые затем взрываются, но уже без людей. Выжившие рассказывают, что этот неопознанный объект представляет собой огромный космический госпиталь, где трудятся тысячи врачей со всех уголков Вселенной. У них современное медицинское оборудование, последние новейшие технологии... После лечения и реабилитации больные возвращаются в мир — их высаживают на отдаленных планетах, где существуют многочисленные колонии. Те, кто побывал на этом корабле, кого нам удалось допросить, говорят, что командира корабля все называют «Атлантом», а сам корабль «Атлантида». Вот все, что нам известно о нем на сегодняшний день. Мы получили от нашего командования приказ выследить «Атлантиду» и захватить ее в целости и сохранности... Вопрос: как это сделать?

— Как сделать?! Элементарно! — самонадеянно усмехнулся капитан. — Надо подать сигнал бедствия, и он сам к нам прилетит. А когда мои штурмовики окажутся на его борту, они его легко захватят...

— Вы думаете, мы этого не пробовали без вас уже сделать? — усмехнулся генерал. — У нас ничего не получилось. Он нас раскусил, и стало только хуже. Вы не представляете, насколько хуже... — многозначительно добавил он, не объясняя, как именно стало хуже (хуже, и все!). — Но самое главное, — продолжал далее посвящать их в курс дела генерал, — нам совершенно неизвестна природа функционирования этого корабля. Физика его движения выходит за рамки наших научных представлений: он появляется из ниоткуда и исчезает в никуда... Он, как «летучий голландец», неуловим... Просто растворяется в пространстве и пропадает во времени... Нам позарез нужны эти его высокие технологии. Это фактически корабль-невидимка... При этом предупреждаю: на нем нет никакого вооружения, это сугубо гражданский корабль. Но он своими действиями дискредитирует наш военно-космический флот и саму идею войны! Проклятые пацифисты! — невольно вырвалось из гневной груди генерала. — Вечно суют свой длинный нос в чужие дела! Он мешает нам воевать и этим препятствует нашему развитию.

— Генерал несколько упрощает это дело, — вздохнул, видимо, больше осведомленный в этой истории сенатор. — Ему как военному свойственно все упрощать...

— Объясни... — С нескрываемым презрением посмотрел в его сторону генерал.

— Вообще, вся эта история с «Атлантидой» началась с того, что эти отморозки разгромили лабораторию «двадцать четвертого хромосома», — загадочно обронил сенатор.

— Что за хрень? — недоверчиво ухмыльнулся генерал.

— Вам, военным, этого все равно не понять...

— Вы что, нас считаете всех за законченных тупиц? Потрудитесь как следует объяснить!

— Не обижайтесь, генерал, но вы никогда углубленно не занимались научными проблемами. Все ваши научные познания поверхностные, в кадетском корпусе вы понахватались лишь азов...

— И все-таки хотелось бы знать, что это за история, с чего все началось?

— Эта была лаборатория по созданию сверхчеловека...

— Ах, это... — разочарованно выдохнул генерал. — Вы же не хуже моего знаете, что наша Академия наук давно запретила даже принимать к рассмотрению проекты на изобретения вечного двигатели и сверхчеловека...

— Это проблемы нашей Академии наук... — усмехнулся ему в ответ сенатор. — А лаборатория «Нового Адама» была новейшим словом нашей науки. Но что-то, как всегда, у ученых пошло не так, и подопытные восстали и сами решили взять все исследования в свои руки... Так и родился их проект «Атлантида»... Мы поимели такую головную боль, которая нам и в самых страшных кошмарах не снилась... Но это специальная информация, я не имею ее перед вами раскрывать: у вас нет необходимого уровня допуска к имперским секретам...

Генерал презрительно усмехнулся.

«В арсенале военных есть такие спецсредства допроса, — подумал он, — которые вам не снились. Поэтому стоит мне только захотеть, тебя, старый болван, мои молодцы распотрошат до последнего нейрона...»

И судя по всему, так бы и сложился их тогдашний диалог, но обстоятельства более высокого уровня помешали генералу осуществить свои тайные планы.

Совещание было прервано на самом интересном тем, что двери конференц-зала широко растворились, и в ним вошла какая-то группа незнакомых им людей.

— Разрешите представиться, — обратился к собравшимся их предводитель, — меня зовут Феникс, я командир «Атлантиды»... — Генерал хотел было выругаться, но не успел. — Пока вы здесь совещались, генерал, мы захватили ваш «Титан» и полностью его разоружили...

Генерал инстинктивно вскочил с места, чтобы отдать своим коммандосам приказ, но тут же безвольно оцепенел, увидев среди вошедших бунтовщиков знакомое лицо:

— Командор Фултон! Ты жив, дружище?! Вот так встреча...

* * *

Встреча была действительно неожиданной.

Еще больше она таила неожиданных и неприятных сюрпризов.

— Обычно в подобных случаях генералы стреляются... — усмехнулся Феникс. — Но я вам этого не советую делать, пропустите самое интересное...

Главарь бунтовщиков спокойно сел во главе стола напротив генерала и положил руки на стол.

— Вы тут говорили о проекте «Новый Адам»... Мы изменили этот проект, когда достигли в своем развитии определенного уровня... Мы восстали, чтобы не попасть в ваши руки, генерал. В руки военных. Мы решили, что не являемся убийцами. Мы занялись противоположным — медициной, чтобы спасти тех, кто становится жертвами ваших войн... В сравнении с вами мы сверхлюди...

— А мы, следовательно, нелюди... — трагически заметил генерал.

— Это согласно вашей примитивной классификации... — возразил Феникс. — По нашей классификации вы просто застрявшие в своем развитии персоны, которые нуждаются в нашей помощи...

— И кто я по этой вашей классификации? — поинтересовался у Феникса генерал.

— Извините, генерал, но вы всего лишь простой «верблюд»... Но хуже вас только господин сенатор — он «белокурая бестия», он «лев»... Он истинный разрушитель, но ничего ценного создать не может, поэтому и манипулирует такими, как вы...

— Не слушай его! — Поспешил отмахнуться от всей этой чуши сенатор. — Ты же видишь, он хочет нас разъединить, чтобы поработить...

— Задача сверхчеловека отвергнуть зло как главный пережиток своего животного начала. Новые ценности должны быть основаны на морали и добре, а не на материальном достатке и погоне за наживой. Ваша англосаксонская психология давно и безнадежно устарела...

— Это ваше утверждение противоречит основным социальным законам нашего общества...

— Во Вселенной есть много такого, что не соответствует законам вашей науки. Пчелы, например, по всем законам физики не должны летать, поскольку имеют толстое тело и короткие крылья. Но им плевать на наши законы. Они летают...

— Но судя по всему, мы отлетались... — заметил генерал. — Мы ваши враги и по законам военного времени подлежим уничтожению... Чем тогда вы отличаетесь от нас?

— Это по вашим законам мы должны вас всех уничтожить, но не по нашим... — возразил ему космический пацифист и анархист. — По нашим законам вы отправитесь в карантин на лечение, а дальше сами примете свое решение... Ваш друг командор Фултон поможет вам преодолеть синдром войны... С сенатором, думаю, будет все намного сложнее, мы его отправим с посланием к императору, чтобы он передал ему наш ультиматум... Да-да, именно ультиматум... Если он не примет наши условия, то в следующий раз мы явимся к нему со смирительной рубашкой для буйнопомешанных...

— Еще ничего не кончено... — уперто твердил про себя генерал. — Мы еще повоюем...

— Вы запутались в своих великих делах, которые на деле оказались не столь великими, как вы их оценивали... Смотрите себе под ноги, и вы увидите звезды...

Сенатора вывели и вручили ему объявленное послание к межгалактическому императору.

— Что касается вас, генерал, то вам и вашим подчиненным предстоит длительный период реабилитации... Мы отобрали у вас любимую игрушку — оружие... У вас сейчас начнутся ломки, как у наркомана. Но вы их преодолеете и вернетесь в нормальное состояние... Поверьте мне, у нас богатый опыт по возвращению людей к нормальной мирной жизни...

— Не будем загадывать наперед... — Все еще никак не мог смириться со своим поражением генерал. — Я тоже сегодня с утра строил планы и проводил совещания... И чем все это закончилось?

— Мне всегда была не совсем ясна формула *«Живи днем сегодняшним»,* — поспешил ответить ему Феникс. — Мне она казалась какой-то несерьезной, лишенной перспективы. Поэтому я всегда к ней добавлял: *«Живи днем сегодняшним ради дня завтрашнего».* Я привык все планировать наперед... В противном случае меня бы сейчас здесь не было...

— Меня интересует всего лишь один технический вопрос, — поинтересовался у Феникса генерал, стоя уже в дверях конференц-зала. — Как ваша «Атлантида» переходит на световую скорость?

— Никак. — Искренне улыбнулся ему тот в ответ. — Это невозможно сделать. Поэтому мы овладели другой невозможностью... Мы открыли одну фантастическую формулу уменьшения объекта в его технических размерах... Бац! — Он демонстративно щелкнул пальцами. — И ваш объект уменьшился в разы... Становится невидимым для обычного глаза и технических средств разведки... Кстати, генерал, это давеча не комар пищал у вас за ухом... Это летала вокруг вас сама «Атлантида»! Как можно быть таким невнимательным?!

Света ЛИТВАК

* * *

Привет, привет, портовый город Керчь,
Центр судьбоносных и внезапных встреч!
Чем мне твое внимание привлечь?

Российский порт налаживает жизнь:
Морские перевозки и туризм.
Категоричен твой патриотизм.

Ты против оккупантов встал стеной,
Ты утвердил, что русский — твой родной,
Твой флаг победно реет над страной.

Крымчанин — и гражданский, и солдат —
С российским флагом шел на Митридат.
Ты волю изъявил, твой выбор свят.

Ты полон гулом в дно забитых свай,
По Крымскому мосту спешишь в Тамань,
Ты всем открыт и полон древних тайн.

Твой сын, и внук, и будущий герой
По Ленте пешеходной городской
Шатается с ватагой озорной.

Не равнодушен и не прячет глаз,
Он в пятом классе учится сейчас,
И сердце чует — этот не предаст.

* * *

Кто этот парень? — рядовой,
Шел в бой с бригадой штурмовой,
Был с самых первых дней войны
На рубеже своей страны.

Светлана Анатольевна Литвак родилась в 1959 году в г. Коврове. Окончила Ивановское художественное училище. Публиковалась в журналах «Знамя», «Арион», в антологии «Самиздат века» и других. Автор семи поэтических и двух прозаических книг. Живет в Коврове.

Он в тыл врага ходил один
И под прикрытием машин,
Врывался в землю, полз вдоль стен
И не спешил сдаваться в плен.
Был ранен пулей разрывной
И к ноябрю вернулся в строй.

Кто этот парень? — лейтенант,
Ходил в разведку как солдат,
Он все задачи выполнял,
Неоднократно возглавлял
Контрнаступленье бронегрупп
И звал Артемовском Бахмут.
В упорных мартовских боях
Отвлек вниманье на себя,
Один со связкою гранат,
Он спас машины и ребят,
Снарядом вражеским сражен.
И был посмертно награжден.

Кто этот парень? — волонтер,
Он целый воз на фронт припер
Свечей, сетей и бронеплит
И третий час в подвале спит.
А ночью — снова в дальний путь,
Все запиши и не забудь:
Побольше спальников, носков,
Горелок, спичек и жгутов.
И снова мчит уазик вдаль...
Глядишь — и кончился февраль.

Кто этот парень? — военкор,
Он сел на бронетранспортер,
В руках, как автомат в бою,
Он держит камеру свою.
Потом — просмотр, отбор, монтаж,
Отправлен срочный репортаж.
Он мок под ливнем на ветру,
Потел в июльскую жару,
Он много видел, мало спал
Брал интервью, писал, снимал
И вел урывками дневник.
К прилетам так и не привык.

Где взорван дом, где бой горяч —
Там медсестра и военврач.
За друга — друг, за брата — брат,
Чеченец, русский и бурят!

Готовься, рота, стройся, взвод —
И парни двинулись вперед.

* * *

Если вы еще не бывали в Коврове,
для вас эта информация будет внове.
Трижды орденоносному Ковровскому Дегтяревскому заводу —
слава!
И почет создавшему его советскому народу!

Предприятие выпускает гранатометы, пулеметы, пушки,
несколько видов управляемых ракет,
незаменимые на фронте ракетные комплексы «Корнет».
В 2016-м заводу исполнилось сто лет.

Сейчас для страны успехи отечественной оборонки первостепенны.
В условиях СВО Дегтяревский завод работает в три смены.

Одна из последних разработок,
которой завод горд, —
крупнокалиберная снайперская винтовка «Корд».
Рабочая дистанция стрельбы — до двух километров — немало!
Из танка делает бесполезную груду металла.
Автомат «Корд» очередями фигачит,
соблюдая кучность огня, практически с нулевой отдачей.

Пошли в производство со знаком качества и на сто процентов без брака —
управляемая танковая ракета «Инва́р» и ракета «Атака».
«Инва́р» — это, для ликбеза, сплав из никеля и железа.
Эти ракеты для поражения танков и поддержки пехоты
устанавливаются на наши ударные вертолеты.

Необходимо смотреть вперед,
расслабляться и отвлекаться некогда,
на полигоне идут испытания боевых роботов «Соратник» и «Нерехта».
На их мобильную высокопроходимую базу
устанавливают необходимые модули по приказу:
модуль стрелкового боя, модуль для транспортировки боекомплекта,
модуль для медицинских нужд или модуль для нужд разведки.

Коллектив завода неизменно ответственно выполнял государственный план,
оружие ЗиДа находится на вооружении семнадцати стран.
С пятидесятых годов на заводе бесперебойно шла
сборка ракет для мобильных комплексов «Шмель», «Фагот», «Малютка»,
«Фактория», «Стрела», «Игла».

Тем, кто посещал в школе уроки начальной военной подготовки,
хорошо известны местные отечественные разработки:

пулемет танковой конструкции Владимирова,
модернизированные версии пулемета Калашникова,
а также
противотанковое ружье ПТРД и ПТРС, пулемет ДШК,
пистолет-пулемет ППШ-41 и к ним БК,
которые создали Федоров, Шпагин, Симонов, Дегтярев

и мой родной город воинской славы Ковров!

* * *

Вы знаете, что ночью будут гости, старшина.
Недобрая над городом нависла тишина.
Пока в руке граната
и брат идет на брата,
не кончится война.

С Атлантики надвинулась враждебная орда,
Поссорили Россию с Украиной господа.
Солдатики воюют,
а девушки горюют,
такая вот беда.

Как в небе солнце ясное, победа нам нужна.
Растопит снег безудержная русская весна.
Еще одна награда
украсит грудь солдата,
и кончится война.

* * *

Бежал из России мой друг дорогой,
А я из России теперь ни ногой.

Он долг свой не отдал родной стороне,
Тем больше ответственности на мне.

Россия — держава. Москва — Третий Рим.
Враги на пороге, не терпится им
На части ее разделить поскорей.
Пускай четвертуют меня вместе с ней.

Здесь гибнут герои, сражаясь за нас.
Вершится история, пробил твой час!

Обнимемся, братья, мы вместе — народ.
Вставай, поднимайся, Отчизна зовет!

* * *

В районе Малая Камышеваха[1]
работает система ПВО,
сбивает реактивные снаряды
системы «Смерч», системы «Ураган».
Взметают к небу взвесь любви и праха
ковры весенних полевых цветов —
салют во славу украïньской зрады,
прискорбный вклад к нему добавят «Грады»
для пущей боли, для чумного страха.

Идут бои внутри Камышевахи[2],
южнее Лисичанского котла.
Мысль краеведа, что сгорит дотла
помещичья усадьба Бантышей,
которая находится в Прелестном,
не даст уснуть до самого утра.
То улицу, то рощицу, то базу
нацбаты уступают раз за разом,
уходят из луганского села.
Их заявления о скорой перемоге —
отчаянный пропагандистский блеф.
По ним стреляют бронетранспортеры
и бьют мотострелки ВСРФ.
Уже сдается в плен тероборона,
и северодонецкая промзона
готова рвать белье на белый флаг.
От недостатка боевого духа
дела у них идут из рук вон плохо.
Надежды их не стоят и гроша
на то, что возрастающие кратно
военные поставки США
спасут от неминуемого краха.

В бинокль видна Великая Камышеваха[3],
над ней сбит в воздухе Су-25.
Великая Камышеваха будет наша:
дубы, платаны, ясени и вязы,
жилье и несколько молочных ферм,
что чудом уцелели от пожара,
теперь другие слушают приказы,
бойцы подразделения спецназа
ведут зачистку в лесополосе.

[1] Ма́лая Камышева́ха — село в Изюмском районе Харьковской области.
[2] Камышева́ха — поселок городского типа, относится к Северодонецкому району ЛНР.
[3] Великая Камышева́ха либо Большая Камышева́ха — село в Барвенковском районе Харьковской области.

Запечатлен как документ эпохи
навеки в опечаленных сердцах
гражданский подвиг командира Вохи,
который восемь лет провел в боях,
от пули снайпера не уберег себя,
эвакуируя людей из Волновахи.

У жителей Луганска и Донбасса,
из Кременной, Рубежного, Попасной,
Макеевки, Дружковки, Соледара
горит душа от каждого удара.

И в скольких селах, милые мои,
идут ожесточенные бои...

* * *

Ну что, настал момент, тревожный для планеты,
решение на нас всей тяжестью легло,
нам сделать было это очень тяжело,
и только мы с тобой ответственны за это.

Торили новый путь, натужно, через силу,
сумели, как смогли, как видим это мы,
тревожные сердца, пытливые умы,
подвижнический дух — изменят облик мира.

Тотальный передел жесток и драматичен,
душевный дискомфорт порой невыносим,
расхожий миф изжит, он вычитан и вычтен,
героев — помянем, злодеев не простим.

Штампует фальшь и ложь постылая рутина,
воняет мертвецом припудренный нацизм,
эпоха перемен грядет неотвратимо,
идем к плечу плечо, прорвемся, победим.

Михаил КУРАЕВ

100 ЛЕТ БЕЗ ЛЕНИНА

Размышления с отступлениями

1949 год. Середина января. Васильевский остров. Иду из школы с Третьей линии к себе домой на Седьмую. подгоняемый кусачим морозом.

Дворники, подставив лестницы к заиндевелым стенам домов, морозец-то у нас сырой, вывешивают красные флаги с черными лентами...

Наступают «ленинские дни».

21 января — день смерти.

27 января — день похорон.

Дни особенные. Классная руководительница, пережившая блокаду Юлия Дмитриевна, в высокой прическе, пробитой сединой, сравнительно молодая, лет сорока, заклинает наш неугомонный третий «г».: «Вы хотя бы в эти дни...»

Мы ее понимаем, объяснять не надо. Город скорбит. Мы октябрята, готовимся в пионеры. Дома уже ждет «Пионерская правда», там воспоминания личного шофера Ленина Степана Гиля: «Шесть лет с В. И. Лениным».

Гиль — шофер из императорского гаража, в ВКП(б) вступил в 1930-м. Императорский гараж? Царя возил, что ли? Ленина возил беспартийный? А где были комсомольцы? Первые вопросы без внятных ответов.

Родился и живу в Ленинграде. Если бы город носил «историческое название», одно из еще трех (!), смог бы сражаться и выстоять все 900 дней в условиях немецко-финско-испанско-румынской фашистской блокады?

До сих пор не знаю ответа на этот вопрос.

А ответить вроде бы легко, просто сказать: кто такие ленинградцы и бойцы Ленинградского и Волховского фронтов, что они защищали и чем для них было имя Ленина.

С опустевшего Мавзолея в ноябре 1941-го прозвучали почти молитвенные слова, обращенные к бойцам, готовым после парада идти в бой, слова, обращенные ко всем, кто был способен слышать: «Пусть осенит вас ленинское знамя...»

За найденный в доме портрет Ленина немцы, пришедшие из Европы спасать нас от большевизма, убивали. Могли прибить портрет гвоздями к телу, как мишень. Европейцы! А то связывали колючей проволокой двоих, и — одной пулей. Экономно!

Нынче мастера гуманистической фразы готовы чуть ли не на одну доску ставить СССР и фашистскую Германию.

Отрезвить могут хмелеющих от собственной смелости хотя бы «застольные разговоры» Гитлера. Впечатляют!

Михаил Николаевич Кураев родился в 1939 году. Окончил театроведческий факультет ЛГТИ им. А. Островского. С 1961-го по 1988 год работал в сценарном отделе киностудии «Ленфильм». По сценариям М. Кураева снято 14 полнометражных фильмов («Сократ», «Господа присяжные...», «Раскол» и др.). Автор 20 книг прозы. Произведения переведены на 12 языков. Лауреат Государственной премии Российской Федерации 1998 года. Живет в Санкт-Петербурге.

За столом, за трапезой, как правило, в кругу близких люди бывают особенно откровенны.

Стенограммы обширны, фюрер творит историю и говорит для истории!

Выдать украинцам колониальные бусы. Остроумно, правда? Засадить всю территорию Украины крапивой (!). Как славно фюрер шутит! Смех. Аплодисменты.

Устроить масштабнейшие этнические чистки в Европе. Пора, давно пора очистить Европу!..

Но это не шутка, руководство к действию.

Кому надо, слушают и записывают.

Можно весело обедающим рассказать и о голоде в «русских концлагерях, где военнопленные уже едят друг друга».

А Ленинград и Москву просто уничтожить, уничтожить, и все, их не должно быть. И нас не должно быть. Надо, в конце-то концов, исправлять ошибки истории.

Европа породила Гитлера, а спасать ее пришли *осененные* знаменем Ленина, даже если это кому-то сегодня не нравится.

«Пионерская правда» 1949 года, публикация с продолжением: «25 лет без Ленина по Ленинскому пути».

От «ленинского пути», похоже, отказались давно, не услышав его завещательное: «Нэп — это всерьез и надолго».

Нэп — это путь взаимодействия и общего государственного строительства в сочетании «государственный капитализм», по Ленину = социализм, и крестьянства, где в основе частнособственническое производство, порождающее «обыкновенный капитализм».

Сложных решений искать не стали, пошли «по Троцкому», объявив российское крестьянство в переходе к социализму «жертвенным поколением».

Впрочем, про нэп вспомнили в Китае, и через полвека отказавшаяся от «общечеловеческого пути» страна стала второй державой в мире.

XX век был веком СССР, XXI — век Китая.

Памятников Ленину в Китае не сносят. Больше того, хранят благодарную память.

У нас память, похоже, вышибают.

На вопрос: «Кто такой Ленин?» — московский (!) старшеклассник ответил: «Последний президент царского времени».

И было бы несправедливо не заметить, что манипуляции с исторической памятью не удел нынешних времен, это процесс постоянный.

Благодушные просветители, верившие в торжество человеческого Разума, почитали историю *школой политики и нравственности.*

Прошли те времена.

Но все равно, только через историю и культуру нация сознает себя как историческая индивидуальность.

К самосознанию нация приходит через постижение своего исторического опыта.

И вот рекомендация на все времена эффективного в своем деле менеджера — Геббельса: отнимите у народа историческую память, и через поколение это уже легко управляемая толпа.

Правильной ли дорогой мы идем, бывшие товарищи, отныне — господа хорошие?!

А чем «ленинский путь» лучше?

Ленин-то кто такой? Может быть, согласиться: «последний царский президент», внести в новейший учебник истории и закрыть вопрос?

Работая по заказу ВГТРК над сценарием по исторической хронике Солженицына «Красное колесо», столкнулся с неожиданной, как говорится, нестыковкой.

Ленин в Цюрихе — почти фельетонная фигура. Слава богу — не агент немецкого Генерального штаба. Убедительно преподана читателю фигура прежде всего человека, весьма озабоченного отношениями с тремя женщинами: женой, тещей и не женой. В среде русских эмигрантов в Швейцарии фигура незначительная[1].

Есть понятие авторское видение. И читатель не вправе ждать от Льва Толстого в романе «объективного» изображения, положим, Наполеона или Кутузова. Наполеон у Толстого почти фельетонен. Кутузов — сказочен. Кстати, фельетонен у Солженицына Николай II с супругой, «к лицу которой никогда не шла улыбка». Яркие страницы.

«Красное колесо», несмотря на гигантский и прочный библиографический фундамент, произведение художественное, аналогов не имеющее. События излагаются по трижды перекрестно проверенным свидетельствам и документам.

И вот задача для сценариста: как же случилось, что такую незначительную и незадачливую личность, каким был Ленин в Цюрихе, по приезде в революционный Петроград, а этих сцен не миновать, встречают тысячи людей, и не по обязаловке от профкома и парткома.

Броневики, прожектора, депутации Петросовета, почетный караул...

Прямо на перроне вручают партбилет № 600 большевистской организации Выборгской стороны... Готовились к встрече.

Было?

Было!

Плеханова, отца русского социализма, так не встречали!

Так кого же встречали?

Главу малочисленной партии — 100 тысяч (наравне с «трудовиками») на всю Россию? Партии не очень-то и заметной, не прозвучавшей, как говорится, ни в 1905 году, ни в свержении самодержавия в Феврале 1917-го?

Встречали эмигранта с десятилетним стажем?

В чем же феномен Ленина?

Россия в двух шагах от революции, а Ленин все еще в Цюрихе.

В январе 1917 года на лекции в Швейцарии, обращаясь к рабочей молодежи, убежденно сказал: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции...»

Старику 47 лет! Говорил о возможности революции в Швейцарии.

Февральская революция, свержение самодержавия через 50 дней.

Так чем же был занят неприкаянный эмигрант в Швейцарии в 1916 году?

Беру работу Ленина 1916 года «Империализм как высшая стадия капитализма», со студенческих времен не заглядывал. Заглянул. А там про нашу сегодняшнюю жизнь: глобализация, власть монополий, передел рынков, стравливание народов в войнах... Борьба за ресурсы[2]. И очень убедительно. До сих пор книга в арсенале мирового ком-

---

[1] При явной предубежденности Солженицына в отношении к Ленину нельзя не заметить «иронической рифмы». Когда набрасываются на Солженицына или стараются окружить молчанием его труды, в частности оценку произошедшего в 90-е годы («Метили в коммунизм, а попали в Россию». А. Солженицын. «Россия в обвале»), спрашиваю себя: кто по масштабу соразмерен Солженицыну в среде литераторов и деятелей культуры во второй половине XX века в России? И по влиянию, и по объему исполненной работы рядом поставить некого.

[2] Помним слова госсекретаря США Олбрайт: «Несправедливо, чтобы Россия одна владела Сибирью». Гитлер с ней полностью согласен, и не он один.

мунистического движения. Работал над «брошюрой», как Ленин сам именовал этот труд, с января по июнь 1916 года.

Полгода на «брошюру»?

При творческих возможностях и работоспособности автора — срок изряднейший.

Стало быть, предмет разговора того стоил.

До падения самодержавия, освобождения от средневековых пут считаные месяцы, а он видит и стремится понять главное историческое противостояние наступающей эпохи — капитализм и социализм: «Борьба будет трудной и упорной».

То, что не заглядывал в эту «брошюру» я, дело частное, а вот то, что не заглядывали те, кто взял на себя роль устроителей судеб миллионов людей, а заглянув впопыхах перед зачетом по марксизму, ничего не поняли, прискорбно. Так еще и похвалялись своим невежеством в мемуарах, за них кем-то написанных.

Читать Ленина нелегко, много статистики, фактографичен, полемичен до дерзости, погружен в споры с теми, кого уж точно никто не читает, не читал и читать не будет, кроме узких специалистов.

«Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная», — признался двадцативосьмилетний Пушкин в повести «Арап Петра Великого». Наука!

1916 год. Еще нет «великого Ленина», но именно его именем будут обозначены события, определяющие политическую физиономию XX века, а то и последующих времен.

Историческая личность, ее масштаб определяются тем, насколько эта личность может осознать кризисное состояние общества и способна возглавить поиск новых путей общественного и политического движения.

А на какой почве будет развиваться это движение?

Отступление первое

Сорок пять лет после отмены крепостного права мужички покорно несли выкупные платежи за землю.

Сорок пять лет! Допекли и терпеливых!

В 1905 году грохнул бунт «беспощадный и бессмысленный», по мнению Петеньки Гринева (А. С. Пушкин. «Капитанская дочка»).

Платежи, трижды перекрывшие стоимость выкупаемой земли, наконец отменили!

Какая щедрость! Какое благородство! Какая жертвенность!

Ручку, ручку поцеловать!..

А неблагодарные и неблагородные, дурно воспитанные, совсем *не комильфо,* с 90-х годов стали потихоньку усадьбы жечь. Еще до 1905 года сожгли не одну сотню.

Нехорошо. Предосудительно.

Но мужичков для науки можно, конечно, посечь, посечь мужичков надо, желательно шомполами, порки еще никто для них не отменял, но и мужичков, темень необразованную, понять можно.

Сколько им еще терпеть прикажете? А тут еще войну черт знает где и черт знает ради чего затеяли господа...

К 1905-му совсем допекли.

И пожалуйста, бунт!

С японской войны солдатики возвращались в Россию сердитыми. Всего повидавшие, видели, что у господ офицеров была одна война, а у солдатни совсем другая. Офицеров из классных вагонов выкидывали, иногда на ходу. На вокзалах солдатня и в ресторации первого класса, и в буфетную, и за стол к господам и генералам лезла. И даже отправлением поездов заправляла.

Свидетельствует участник событий — полковой врач и достоверный писатель В. Вересаев. Впрочем, и Деникин вспоминает возвращение с японской войны армии как репетицию событий 1917 года. Свидетели честные.

Чего стоят после этого разговоры о русской революции сначала на японские деньги (1905—1907) и революции 1917 года на немецкие.

И чем людишки были недовольны?

Всего-то через каких-то сорок пять лет после отмены крепостного права в крестьянской на 80 % стране избалованные рабовладельцы и их наследники наконец-то признали крестьянство гражданским сословием, имеющим право голоса!

Так что было за что идти на баррикады и на столыпинские пулеметы[3].

Так что Петенька Гринев был прав только наполовину: русский бунт, беспощадный с обеих сторон, не такой уж бессмысленный.

Выкупные платежи наконец-то отменили, сословие признали, принудили царя учредить какой-никакой парламент, Государственную думу, трижды государем императором в согласии с неулыбчивой императрицей в воспитательных целях разогнанную.

Как трепетала власть накануне объявления об отмене крепостного права. Напрасно дрожали, «дрова» еще были сырыми. Триста лет народ мочили!

Именно об этом писал Добролюбов, когда говорил, что сырые дрова ни один гений или вождь не разожжет; это к вопросу о роли личности *(конец первого отступления)*.

Но не безумец ли Ленин, увидевший и возглавивший (!) революцию, поименованную пролетарской, в крестьянской стране?

Но если прочитать петицию, с которой воскресным днем в 1905 году 9 января шли в Санкт-Петербурге рабочие, по выходному приодетые, с семьями, к батюшке-царю, помазаннику Божьему, к «Хозяину земли Русской», то легко увидеть уровень самосознания питерского пролетариата: жить так дальше не хотим и не будем, и дальше, по сути дела, программа социалистических преобразований. Свобода слова, печати, собраний, прекращение политических преследований, самоуправление на производстве, восьмичасовой рабочий день и т. д.

Ответом власти был расстрел безоружных[4].

И Ленин к этой петиции причастен не был!

Но «дрова», как образно выразился Добролюбов, уже готовы были вспыхнуть.

Мне кажется, если не смотреть по-обывательски, роль, место и масштаб личности Ленина можно понять и оценить лишь в контексте поиска решений проблем, вызревших внутри российского общества.

Наверное, и ленинцы, и антиленинцы сойдутся в одном: соразмерную личность среди смертных в мировой истории поискать можно, но едва ли удастся найти.

Пролетарская революция в крестьянской стране! Не авантюра ли, не легкомыслие ли?

Не больше чем вера христианина: Бог поможет!

---

[3] Саратовский губернатор (1905—1906) писал жене в Ковно: «Утро начинаю с распределения пулеметов». Умел Петр Аркадьевич Столыпин хоть и на время навести порядок сначала у себя в Саратовской губернии, превзошедшей другие по количеству жертв среди крестьян, потом и по всей России.

[4] Читаем у В. Набокова в «Других берегах» про сквер у Зимнего дворца в этот день: «Те же самые деревья (филигранный серебряный узор над горкой, с которой мы громко скатывались ничком на плоских санках в детстве) были свидетелями того, как конные жандармы, укрощавшие первую революцию, сбивали удалыми выстрелами, точно хлопая по воробьям, ребятишек, вскарабкавшихся на ветки». Ай да конные жандармы! Ай да удалые выстрелы, сбивающие ребятишек! Ай да серебряно-узорчатый автор! Цитировано: Владимир Набоков. Другие берега. Л.: Политехник, 1991, с. 138.

А здесь была еще святая вера в мировую революцию: мы начнем, и полыхнет Европа, все признаки налицо.

1917 год. Мятежи на флоте в Германии. Авторитет Либкнехта растет на глазах. Успех группы «Спартак» очевиден, число сторонников множится… Европа закипает, а там и Америка, и Африка… Пролетарии всех стран…

А начнем не по Марксу, в крестьянской стране. Историческая эксцентрика.

Кто мог возглавить?

Гениальный тактик как в долголетнем строительстве партии (Архимедова точка опоры!), где сознательное единство было для него на первом месте, так и умении использовать «текущий момент» в движении к намеченной цели: создать государство нового типа, без власти капитала, без частной собственности на орудия труда и средства производства, без эксплуатации трудящихся в интересах частных лиц.

3 апреля Ленин в России. Его партия малочисленна, но сплочена, сплочена вокруг него.

Весна и лето 1917-го — беспримерной целеустремленности тактическая борьба.

Июль. Попытка взять власть мирным путем. Демонстрацию, поход за властью, расстреляли. Лозунг «Вся власть Советам!» снят.

Ставка на Учредительное собрание.

Публичное открещивание от сепаратного мира с Германией.

Сентябрь. Газета Милюкова пишет о том, что Ленину немцы поручили пропагандировать мир.

Ленин ответил, назвав обвинителей «рыцарями гнусной клеветы».

Осень. Октябрь. Лозунг «Вся власть Советам!» возвращен.

Грядущей социалистической революции, а к ней готовятся большевики, нужна всероссийская основа. Еще одна «точка опоры».

Октябрь. Стратегический удар. По словам Троцкого: Октябрь — гениальная импровизация Ленина.

Еще в конце сентября Ленин написал, по сути, обращение к партии, не случайно, думаю, не опубликованное до 1921 года, «Большевики должны взять власть», где сказано: «Только наша партия может обеспечить созыв Учредительного Собрания». К 1921 году про «Учредилку», прихлопнутую большевиками, не получившими в ней большинства, стали забывать[5].

С марта и по октябрь Ленин широкогласно повторял обещание не заключать сепаратный мир с Германией, чтобы избавиться от клейма «немецкий агент».

---

[5] КОМУЧ (Комитет Учредительного собрания) имел основания считать себя в 1918 году высшей властью в России. Было образовано правительство Директории, управлявшее значительными территориями по Волге, Каме и Южному Уралу. Захватив власть, Верховный правитель Колчак разогнал Директорию и ликвидировал ее учреждения. За попытку отстаивать свои права Колчак приказал арестовать бывших членов Учредительного собрания и предать суду. 24 ноября 1918 года первым (бессудно!) колчаковцы убили депутата Бориса Моисеенко. Через месяц в ночь с 22 на 23 декабря 1918 года содержавшихся в тюрьме члены Учредительного собрания, десять человек, вывели на берег Иртыша, где они были изрублены шашками и расстреляны. Памятник, памятник адмиралу! Акцию провели поручик Барташевский и капитан Рубцов. С «Учредилкой» было покончено. Лично адмирал Колчак никого шашкой не рубил, кортиком не колол и ни в кого не стрелял. Вроде как прихворнул в ту ночь. Адмирал простудился. А в это время поручик и капитан позволили себе с «Учредилкой» покончить. Вспоминал ли адмирал об этой «зимней акции» в Омске, когда в Иркутске через год с небольшим его подвели к проруби на речке Ушаковке при впадении ее в Ангару и по приговору суда, протоколы сохранились, пристрелили.

Приходится об этом напоминать. Едва ли в большой политике, да еще в пору исторической ломки, есть прямые пути, да еще и заранее рассчитанные. А уж об исторических *уроках нравственности* лучше не вспоминать.

Троцкий: «Если бы мы не взяли власть в октябре, мы бы ее не взяли совсем».

6 октября — рано! 9 октября — поздно!

Нужно действовать в день открытия съезда... пока съезд не самоорганизуется и не начнет вырабатывать свои решения.

С бритым лицом, молодой, в парике и гриме на трамвае «рабочий Иванов» едет в Смольный.

Там собирается II съезд Советов.

Военно-революционному комитету большевиков предписано: разогнать Временное правительство, вырвать, пусть и символически, из рук «министров-капиталистов» власть, растерянную ими напрочь от марта до октября.

Троцкий пишет, и в данном случае нет оснований ему не верить: если бы ни его, ни Ленина не было в эти дни в Петрограде, то не было бы и Октябрьской революции. По его мнению, руководство (!) большевистской партии несомненно не допустило бы ее! Чего стоит одно заявление Каменева и Зиновьева (в партии они на первых ролях!) накануне решающих событий.

Впрочем, никакой тайны они не выдали, никакого предательства не совершили, заявили о своей позиции, не больше.

Днями раньше возглавлявший большевистскую организацию Петроградской стороны Александр Касторович Скороходов в саду Народного дома провел смотр воинских частей Петроградской стороны, поддерживающих большевиков. На следующий день газеты сообщили: большевики репетируют захват власти.

Обещание не свергать правительство Керенского вооруженным переворотом забыто.

И пока съезд не оформился, не осознал себя как высшая власть, эту власть ему нужно преподнести из рук большевиков.

7 ноября 1917 года. 21 час 45 минут. Холостой выстрел «Авроры», под протокол о «пробе» орудия на крейсере после ремонта. На всякий случай. Вот такой сигнал к атаке.

Штурм Зимнего!

Такой же бескровный, как «штурм» опустевшей Бастилии.

8 ноября 1917 года. 2 часа 10 минут. Словно кто-то стоял с секундомером! Пять из шести броневиков, охранявших Зимний, перешли на сторону атакующих, юнкера и женский ударный батальон прекратили сопротивление.

Опять же по свидетельству Троцкого, они с Лениным принимали известия о штурме Зимнего... лежа на полу в Смольном! Постланы были одеяла, откуда-то, скорее всего из будуаров смолянок, взялись даже подушки: «Мы с Владимиром Ильичем (у Троцкого так. — *М. К.*) отдыхали, лежа рядом...»

Доложили о капитуляции Зимнего.

Свидетельствует Троцкий.

Ленин улыбнулся, повертел рукой над головой: «Слишком резкий переход от подполья и перевертевщины к власти, — и добавил почему-то по-немецки: — Es schwindelt» (кружится голова).

Рабочий Константин Иванов снял парик, стер грим и стал Лениным.

«Революция, о которой так много говорили большевики, свершилась!»

«Временное правительство низложено!»

На Неве у смольнинской излучины на якорных цепях, звенящих под напором сильного, изгибающегося здесь течения, по приказу Центробалта стоят миноносцы, их бу-

дут вспоминать реже, чем «Аврору». Миноносцы на тот случай, если что-то пойдет не так и придется уходить...

Миноносцы — самые быстроходные корабли на военном флоте.

Октябрьскую революцию, переворот, как именовали ее долгие годы и сами большевики, породила мировая война. Разумеется. Но у таких событий не бывает ни одной причины, ни чьей-то доброй или злой воли.

«Революции не делаются по закону, не приурочиваются к тому или иному моменту, а вызревают в процессе исторического развития...» — писал Ленин в «Правде» в июле 1918 года в надежде на «возмущение в Европе» и мировую революцию.

Самоуверенность и преступления изжившего себя самодержавия, судорожные «столыпинские реформы», близорукость Государственной думы, изнурительная, непонятно за что, война с Германией, бесхребетность и близорукость Временного правительства — все открывало возможность захвата власти политиками решительными, опирающимися на военную силу.

Попытался установить военную диктатуру командующий вооруженными силами России генерал Лавр Корнилов, поддержанный двумя из пяти командующих фронтами — Деникиным и Клембовским.

Красная гвардия, большевистское военное формирование, по сути ополчение, и агитаторы убедили мятежников, шедших наводить порядок в России, дальше дачного поселка Вырицы и прелестного Павловска не ходить, к столице не приближаться. Побьем!

Тем дело с первой попыткой диктатуры и кончилось.

В самом же движении от «братства, равенства и свободы» к диктатуре ничего нового и неожиданного не было. Не мы первые!

Большие, судьбоносные исторические события, разумеется, складываются не вдруг, а из множества объективных причин, а еще и цепи случайностей.

Стройный исторический сюжет и портреты участников событий сочинят историки, обслуживающие победителей, или жаждущие реванша побежденные.

Для понимания многих явлений одно из лучших средств — сравнение.

Естественно, о Ленине написано бессчетное число работ, книг, диссертаций.

Но с чем и с кем сравнить феномен Ленина?

«Люди, хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, — что совершенная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать» (Ф. Энгельс — В. Засулич, 23 апреля 1885 г.).

Но судя по всему, Ленин был к этому готов, готов к непредсказуемому.

Это удел немногих.

Готов был идти на жертвы ради сохранения главного — власти, именовавшейся властью трудящихся. Отсюда и «похабный Брестский мир», отсюда и нэп, и новые жертвы. И при этом без иллюзий: быстро меняющиеся обстоятельства не дают оснований верить в прочность новой власти.

Еще в сентябре 1917 года Ленин писал: «Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически это покажет лишь один опыт *миллионов,* когда они возьмутся за дело».

А как и когда «браться за дело», подскажет партия Ленина.

Как был горд Ленин, по свидетельству американского журналиста из «Манчестер гардиан» Артура Ренсома, на семьдесят третий день Советской власти: Парижская ком-

муна продержалась только семьдесят два дня, а мы уже семьдесят три... Стало быть, о предстоящих семидесяти годах и мыслей не было?

И взялся за гуж!..

Взглянем лишь на «смольнинский» период работы Ленина на посту первого в отечественной истории председателя Совета Народных Комиссаров с октября 1917-го по март 1918-го, до переезда Советского правительства в Москву.

Первое распоряжение председателя Совнаркома: инструкция часовому у входа в кабинет: кого и как впускать, когда дверь прикрывать плотно, а когда держать приоткрытой...

Первые 124 дня.

110 статей, проектов декретов и резолюций, 70 выступлений, докладов и речей, 120 писем. Участвовал в редактировании боле чем 40 государственных и партийных документов. Председательствовал на 77 заседаниях СНК. Руководил 26 заседаниями ЦК, участвовал в 17 заседаниях ВЦИК и его Президиума. Участвовал в подготовке различных Всероссийских съездов трудящихся. Рабочий день 15—18 часов.

В это же время шло становление новой власти: формировался Совет Народных Комиссаров, создавались наркоматы, шла организация Советской власти на местах.

Что на юге России? Что на Урале, в Зауралье и в Сибири?

Страна была в состоянии войны.

Большевики получили войну как приданое к власти.

Не забудем и о том, что в этой союзнической войне против Германии Советы не хотели заслужить обвинения в том, что пошли на мир с немцами, предав бывших союзников России.

Шли тяжелые переговоры в захолустном Брест-Литовске.

Не имея реальной военной силы, советская делегация во главе с наркомом по иностранным делам Троцким диктовала (!) немцам непременное условие: запрещение перевода немецких и австрийских войск с Восточного фронта на Западный. Глядя в дальнюю перспективу международных отношений, нужно было избежать обвинений в заключении мира с Германией за счет интересов бывших союзников. «Союзников» звали на переговоры в Брест-Литовск, но они считали ниже своего достоинства даже отвечать на приглашения, предвидя падение власти большевиков в течение ближайших недель или месяца.

С другой стороны, у Ленина, у большевиков еще была жива надежда и на мировую революцию. Ее ждали с минуты на минуту.

События в утомленной и обескровленной войной Европе обнадеживали.

Революция в Австрии!

И многотысячные демонстрации солидарности в Петрограде с участием Ленина.

Революция в Венгрии и, того гляди, в Германии...

Иллюзия относительно мировой революции, надежды на то, что после взрыва в России сдетонирует Европа, а там и Африка, медленно таяли.

А на «спящий Китай» надежд не было вовсе.

Необходимо было признать, что большевизм будет предоставлен сам себе, будет сам воевать за себя и будет постепенно сливаться с матушкой-Россией. Что и произошло уже после Ленина. Россия вошла в свои дореволюционные берега. А возможность (угроза?) разделения империи на политические удельные княжества и самостийные хутора была реальностью и станет реальностью по завершении «ленинского пути».

Не все могло быть гладко и «правильно», приходилось считаться с «текущим моментом».

Скорее всего, национальные автономии были вынужденными, чуждыми природе российского единства и стали миной замедленного действия...

А еще глава правительства обязан был иметь достоверное представление о международной ситуации с ожидаемыми и неожиданными новостями...

Внешняя политика формировалась в ожесточенных спорах в ЦК и Политбюро. В конечном счете формулировалась Лениным.

В июне 1918 года — интервенция Антанты на севере, Мурманск и Архангельск до марта 1920 года грабят и поддерживают Белое движение англичане и американцы.

Только одна подробность даст представление о характере отношений центральной власти и власти на местах в ту пору.

Председатель Мурманского совета Юрьев после высадки десанта Антанты, несмотря на протесты Кремля и приказ Ленина оказать интервентам сопротивление «до последней капли крови», подписал договор с англичанами, дав им «законный» предлог оккупировать Мурманск.

После ухода интервентов в 1920 году Юрьев был расстрелян.

Объем ежедневной информации, необходимой для осмысления постоянно меняющейся обстановки для принятия решений, огромен. А еще и текущая повседневность навьючивает заботами, от которых тоже не отделаешься.

Беспримерная работоспособность.

Беспримерная энергия.

Это сегодня на первых лиц работают аппарат, секретариат, советники, помощники, референты, коллегии, профильные комитеты и комиссии, не было их тогда у Ленина, с работой справлялся.

И человеческий фактор.

С кем должен был сотрудничать и проводить внешнюю, внутреннюю и военную политику Ленин, строить государство нового типа?

Чичерин. Нарком иностранных дел. Аристократичен. Его мать из семьи Нарышкиных, как и мать Петра I. Брезглив. Высокообразован. Четыре языка. Владеет роялем. Приверженец Моцарта.

Сталин. Нарком по делам национальностей. Человек иного уровня культуры. Ни тонкости. Ни человечности. Себе на уме.

Троцкий. Резкий и самоуверенный. В зените своего влияния.

Троцкого и Сталина, враждовавших и почти не скрывавших своей неприязни, нужно было сдерживать, учитывая негибкий характер каждого.

Соратники Ленина. В высшей степени интересная и самостоятельная тема.

Зиновьев, Каменев, Чичерин, Радек, Свердлов, Урицкий, Бухарин, Крыленко, Дзержинский, Коллонтай, это не то, что нынче зовется «команда», единомышленники, подобранные первым лицом. Здесь все профессиональные революционеры, сильные личности, с опытом политической борьбы, каждый мог остро спорить с Лениным, выражать и отстаивать свою позицию.

На Ленина не молились, иконой он станет после смерти.

Так что Ленину приходилось прибегать к дипломатии не только во внешней политике.

Революционер? Да. Диктатор? Едва ли «Диктатура пролетариата» пока еще лозунг.

Далеко не все директивы «диктатора» исполнялись.

Отступление второе

Вот пример. Так сказать, штрих к портрету времени. Не только Юрьев не исполнял предписания Кремля.

Как и бывает во всех организациях и властных структурах, многое зависит от исполнителей.

Предписание Ленина председателю Пензинского губисполкома, моему однофамильцу Василию Кураеву о показательной казни контрреволюционеров летом 1918 года исполнено не было.

Жестокое предписание? Крайне жестокое.

Но у кого хватит воображения поставить себя на место человека, возглавившего революцию, а теперь защищающего и революцию, и столицу, и Советскую Россию, сжавшуюся до размеров Московского удельного княжества.

Единственным надежным источником хлеба для центра оставалась Пенза.

В губернии вспыхивали мятежи, что естественно. Их жестко подавляли, что закономерно. И мой однофамилец по должности и убеждениям участвовал в организации этих подавлений, как и в подавлении чехословацкого мятежа.

В этих прискорбных обстоятельствах многое зависело от товарищей на местах.

Помним же, как во время «большого террора» *товарищи на местах,* тот же Хрущев, и не он один, требовали увеличения «лимитов» на репрессии, вгоняя в оторопь даже возглавившего и теоретически обосновавшего террор тов. Сталина: «Уймись, дурак!»[6]

Мой однофамилец, человек интеллигентный, образованный, прекрасно владевший вопросами земледелия, имевший свою, отличную от сталинской, концепцию социалистического сельского хозяйства, был по возможности осторожен, когда дело касалось человеческих жизней.

Таким в Пензе и запомнился.

В ту пору возглавляла Пензенский губком РКП(б) Евгения Бош, кстати направленная туда Лениным. Сурового нрава партийная функционерка, полагавшаяся лишь на жестокость в отношении к крестьянству, показавшая неспособность обуздать при этом тех продотрядовцев, что обменивали изъятый хлеб на водку.

Мой однофамилиц и Е. Бош состояли в резко конфликтных отношениях.

Разумеется, высшее руководство несет, должно нести, ответственность за все. Но как многое зависело от товарищей на местах![7]

Скажут, что речь идет о временах, именуемых временем *становления Советской власти.*

Но вот Ленин уже пятый год глава Совнаркома.

20 мая 1922 года, после Генуэзской конференции, где был достигнут реальный шаг к прекращению военных действий, Ленин предложил сократить Красную армию на одну четверть. Через пять дней сессия ВЦИК это предложение отвергла. В то же время было отвергнуто и предложение Ленина о радикальной перестройке ВЦИК, чтобы не менее 60 % его состава были рабочие и крестьяне.

Не похоже на диктатуру. Здесь уже пробивает ростки диктатура партийной бюрократии.

(Конец второго отступления)

---

[6] Доклад и заключительное слово на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года: «О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников».

[7] Сам родом из Пензы, Василий Владимирович Кураев занимал впоследствии высокие государственные должности. За несогласие со Сталиным в вопросах земледелия был исключен из партии (делегат VIII и X съездов) и подвергся репрессиям. Отбывал ссылку в Чардыни одновременно с О. Мандельштамом. Потом — Колыма. Там и был расстрелян в январе 1938 года. Одна из улиц в центре Пензы, бывшая Нагорная, носит имя Василия Кураева.

Гучковы — Милюковы — Керенские, а потом и Колчаки с Деникиными и Врангелями, атаманами и воеводами оказались несоразмерны взятой на себя роли.

Человек, соразмерный своему историческому призванию, кто он?

Конечно, это в первую очередь ученые, писатели, художники, способные услышать зов времени и обратить его в музыку, скульптуру, литературный текст, спектакль...

Сложнее с военачальниками, именуемыми полководцами. Список короче первого, но десяток-другой набрать можно.

Еще труднее — с политическими деятелями, устроителями небывалых государственных образований, сочетавшими, как правило, политическое и военное руководство. Перикл, Александр Македонский, Цезарь и дальше, Кромвель, конечно, Наполеон и, увы, даже злосчастный Гитлер.

Если успех деятелей первого списка, как правило, неоспорим, то говорить об историческом призвании военачальников и политиков куда сложнее.

И что считать в этом случае успехом?

С военными проще, считай выигранные сражения на суше и отправленный на дно «тоннаж» на море. А с политиками?

Скорее всего, критерием может служить необратимость *совершенного* политиком, уловившим требование времени.

Кромвель покончил с абсолютной монархией в Англии. Конституционную монархию, пусть и в декоративной версии, видим и по сей день.

Историки с фактами в руках утверждают, что именно Кромвель, его стратегический гений, определил ход истории, без него в Англии он мог сложиться иначе.

После Наполеона Франция уже не могла стать такой, как была до императора Наполеона Бонапарта. И после Бисмарка Германия уже необратимо другая.

Разве в этом ряду имя Ленина не кажется вполне уместным?

Но пришедшие на смену Александру Македонскому *диадохи* разложили его империю на кусочки. Как близки нам эти давние времена: одни собирают, строят — другие делят.

Вот и советское политическое руководство деградировало от Ленина к тов. Черненко.

И уже в самом низу партийный карьерист, расстрига-коммунист, организовавший расстрел Верховного Совета Российской Федерации, исступленно призывавший Бога благословить Америку, «ну, и Россию тоже»...

Представим себе китайского лидера, надрывно благословляющего Америку! Да его бы домой не пустили, прогнали бы в шею в «благословенную» Америку!

Такой вот финиш «ленинского пути» в России, от революции, ликвидировавшей власть капитала, к восстановлению частной собственности на орудия труда и средства производства, стало быть, реванш, победа контрреволюции, если называть вещи своими именами.

Можно удивляться, но и это Ленин предвидел!

«Представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно»[8].

Культ Ленина, а мы и это помним, живое дело движущейся в историческую перспективу мысли, погрузили в ванну с формалином. Вместо изучения встали почетным караулом на охрану цитат, оправдывающих подслеповатую практику «наследников Ленина».

[8] ПСС. Т. 30. С. 6.

Поклонение вместо осмысления.

Помню, как на «Ленфильме» член парткома оператор Левитин требовал от художника праздничного декоративного панно комсомольца Бори Быкова: «Где ленинский прищур? Дай ленинский прищур!»

Такие вот наследники.

Главное — прищур!

Отступление третье

Мне повезло, я увидел Ленина вблизи, не сам, конечно, но глазами человека, охранявшего вождя во время его последнего приезда в Петроград на Конгресс Коминтерна в июле 1920 года.

Кто этот охранник? Молодой портной из Гатчины! Как бывший красногвардеец он был мобилизован охранять делегатов Конгресса Коминтерна с поручением лично и неотступно охранять тов. Ленина.

В студенческую пору мы с ним встретились почему-то в Академии художеств.

Увы, имя память не сохранила.

Первое, что его спросил, чем он был вооружен.

«Прихватил на всякий случай пистолетик».

Как-то не верилось. После нескольких покушений на Ленина, «белый террор». «красный террор», и вдруг: охранник, телохранитель — «храбрый портняжка» из Гатчины! Еще обе пули от Фанни Каплан с 30 августа 1918 года в теле вождя. Та, что попала в шею, будет извлечена лишь в 1922 году.

1920 год! А где ЧК? Где красные курсанты? Где моряки, «краса и гордость революции», по словам Троцкого?

Разговор с портным-красногвардейцем помню.

Самое трудное, как оказалось, узнать Ленина. Назначенный в телохранители имел довольно туманное представление о его внешности.

Среди делегатов конгресса, прибывших поездом из Москвы, торжественно и бурно встреченных петроградцами, Ленина не нашел.

Пошел вдоль поезда, увидел невысокого человека с рыжеватой бородкой, помогающего какой-то пожилой женщине вытащить корзину из вагона на перрон.

Сцена прямо из апокрифа!

Портной-охранник представился.

Угадал! Ленин познакомил с сестрой Марией Ильиничной, сопровождавшей его.

В многодетной семье Ульяновых как-то сложилось так, что дети дружили парами. Владимиру близки были Ольга и Мария. Мария Ильинична, младшая сестра, кроме русского, прекрасно знала еще четыре языка, что для участия в международном конгрессе большое подспорье.

Итак. Вышли мимо паровоза, бьющего отсечкой пара в потолок вокзального дебаркадера, вышли на Знаменскую площадь, где стоял памятник Александру III, конный монумент, «пугало», украшенный стихами Демьяна Бедного: «Мой сын и мой отец при жизни казнены, и я пожал удел посмертного бесславья...»[9]

[9] Простоит «пугало» на площади, уже поименованной в площадь Восстания, до 1937 года. Ночью (!) 15 октября репрессированный памятник перетащили в Михайловский сад, где он на боку (!) пролежит до смерти Сталина. Потом переместят во внутренний дворик Русского музея. Сейчас стоит у входа в Мраморный дворец (арх. Антонио Ринальди), где долгие годы был музей В. И. Ленина, стоит на месте выдворенного из новейшей истории неведомо куда броневичка «Враг капитала».

Делегаты уже уехали. У выхода с вокзала Ленина ждал автомобиль. Отъезжая, задели кладку дров. Откуда она взялась на площади? Притащили, надо думать, когда-то для баррикады? Еще не убрали. Вдруг пригодятся? Повредили крыло. Но задерживаться не стали. Такие подробности сообщают рассказу признаки достоверности.

Приехали в Таврический. У входа какой-то конфликт. Оказалось, Горького не пускают. Охранники говорят: мы Горького знаем, какой же ты Горький?

Алексей Максимович летом 1920-го был наголо стриженный, а знали *буревестника,* конечно, по книжкам и журналам с роскошными крыльями волос на голове.

Ленин поручился за стриженого, ему поверили, Горького пропустили.

Лепнин сидел в ложе. Охранник стоял рядом.

Когда Ленина кто-то из выступавших резко критиковал, Ленин перегибался через барьер и демонстративно аплодировал указательными пальцами. На него смотрели, смеялись[10].

До конца дневного заседания не остались. Попросил отвезти на Острова, поехали на Каменный остров.

День был ясный, теплый. Вышли на мостки какого-то заколоченного яхт-клуба на Малой Невке...

Ленин снял пальто и лег на доски сходен. Руки за голову. Пальто держал охранник. Увидел штопку. Спросил Марию Ильиничну, чья работа. Та не без гордости сказала, что дырочку у плеча от пули Каплан зашивала она.

Опять апокриф!

«Кто же так стежок кладет?»

Почему одна дырочка?

Вторая пуля попала в шею. Пальто не повредила. Третья угодила в стоявшую рядом женщину. Лихо палила Фанни Каплан![11]

Портновское дело рассказчик знал лучше, чем службу безопасности первого лица в Советской России.

Вскоре примчался автомобиль с Углановым Николаем Александровичем, возглавлявшим ЧОН.

«Еле вас нашли, Владимир Ильич, разве так можно?»

Ленин попросил показать ему какой-нибудь дом отдыха из открывшихся на Островах в особняках и дорогих дачах бывших хозяев жизни.

Слышал, знал, хотел увидеть своими глазами.

---

[10] А. Я. Каплер рассказывал мне, как, работая над сценариями о Ленине, искал ключ к юмору Ленина. Нашел. Ленин шутил, как выразился Каплер, ситуационно. Отсюда и аплодисменты двумя пальцами. Впрочем, после убийства чекистом-эсером Блюмкным немецкого посла Вильгельма фон Мирбаха в июле 1918-го Ленин как глава правительства, по всей форме, в котелке, поехал в германское посольство. Визит не из приятных. Вернувшись, сбросил котелок и произнес: «В следующий раз кто будет стрелять, тот и поедет извиняться!»

[11] О дальнейшей судьбе Фанни Ройд (Каплан) сочинено немало легенд и вздорной болтовни о том, будто Каплан осталась жива, будто добрый Ленин с двумя пулями в теле в последнюю минуту отменил приговор. «Находятся даже „очевидцы“, „встречавшие“ Каплан то в Бутырках, то на Соловках, то в Воркуте...» — читаем в журнале «Москва», 1958, № 11. И дальше: «Расстрел человека, особенно женщины — дело нелегкое. Это тяжелая. очень тяжелая обязанность... 3 сентября 1918 года приговор был приведен в исполнение, и исполнил его я, коммунист, матрос Балтийского флота, комендант Московского Кремля, Павел Дмитриевич Мальков — собственноручно». На следующий день, 4 сентября в «Известиях» об этом сообщалось официально.

Интересней, чем слушать речи и приветствия на конгрессе?

Пришли на веранду, где с десяток отдыхающих резались в карты. Дым стоял коромыслом. Игра остановилась. Помахали для приличия руками, разгоняя дым. Явно приехало начальство. Не поперли бы, место хорошее. И кормят.

Охранник-портной не сдержался: «К вам Ленин приехал!»

«Это который?» — заинтересовались отдыхающие рабочие.

Портной молчал. Угланов был крупного телосложения, богатырь с прекрасными черными усами, а на лицо немножко Сталин, но не рябой.

На Угланова кто-то первый и указал: «Этот, что ли?»

Приехавшие молчали.

«Да нет, этот вроде глуповат... — возразил другой рабочий. — Скорее уж тот, что поменьше...»

Угланов за спиной Ленина погрозил портному-охраннику кулаком. Легко поверить.

После дома отдыха от услуг храброго портного отказались, охрану Ленина взял на себя и своих чоновцев Угланов. Будет он и наркомом труда, и кандидатом в члены Политбюро. Громил левую оппозицию. 15 мая 1937 года тов. Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов и Ежов приговорили самого Угланова по первой категории как правого уклониста. В тот же день он был расстрелян с еще пятью осужденными уклонистами.

Да, нужно определенное мужество, чтобы смотреть в лицо нашей истории, пытаясь осмыслить произошедшее, чтобы понять происходящее и, может быть, заглянуть в будущее.

А вот *скандализировать* имя Ленина сегодня занятие хлебное.

Так и хочется попросить: «Карты на стол, господа хорошие! И те, что в рукаве, тоже!»

Только один пример.

Радио «Комсомольская правда». Прямой диалог с радиослушателями. Разговор о Ленине. Ведущая: «Говорят, Ленин любил „Лунную сонату“, сомневаюсь, чтоб он вообще ее слышал».

Трудно сказать, чего больше в этой широковещательной тираде — невежества или наглости?

«Часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого нельзя — руку откусят...»

Разбитная радиожурналистка «Комсомольской правды» (!) могла бы и прочитать приведенные выше слова Ленина, следующие за его общеизвестным признанием: «Ничего не знаю лучше „Appassionata“, готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка...»

Но может быть, сотни тысяч радиослушателей запомнят: «Едва ли Ленин слышал „Лунную сонату“». И похихикают. Они-то «Лунную сонату» слышали и с «Полонезом» Огиньского не спутают.

Сегодня, как никогда, перед нами открыта возможность знать факты, слышать достоверные свидетельские показания, видеть документы.

И снова вспоминаются знаменательные слова Ленина из январской работы 1921 года «Кризис партии», где он призывал накануне X съезда в тяжелейших для партии обстоятельствах мужественно смотреть прямо в лицо горькой истине: «...обязательно требуя точнейших документов, напечатанных, доступных проверке со всех сторон. Кто верит на слово, тот безнадежный идиот, на которого машут рукой».

Нам же, по большей части, предлагают «верить на слово».

Но существует ли возможность объективно взглянуть на явление, а Ленин это не только символ, судьба, личность, но и не имеющее, по моему убеждению, аналогов в истории явление?

Ну что ж, история тасует карты, назначившие себя козырями *шестерки* бьют самоуверенных королей, добытая из рукава (постели!) императора дама, прелестная солдатская портомойня, становится императрицей, честь ей и слава!..

Русской Золушке — vivat!

Валеты по необходимости меняют масть.

Был Мальчиш-Кибальчиш из журнала «Коммунист», смелый, в хорошей коммунистической семье выросший, но повзрослел, подумал хорошенько и решил все-таки не изменять себе и шагать в ногу со временем: стал Мальчишем-Плохишом, пошел служить буржуинам. Чем не молодец!..

Чрезвычайно трудно, а может быть, и невозможно определить место своего современника, сколь необычайной личностью он ни был, в историческом пространстве.

Прогнали с трона Николая II предавшие во время войны своего Верховного главнокомандующего генералы, командующие фронтами, и думцы, подсунувшие государю отречение, составленное «на коленке» прямо в поезде, украшенном зелеными ветками и кумачом, в поезде, летевшем из кипящего Петрограда в тихий, занесенный снегом Псков, где томился без своей женушки венценосец.

Гучковы, Милюковы, Родзянки, Керенские, получившие наконец-то вожделенную власть, сами, именно сами, так и не придумали, что с ней делать.

Не по Хуану оказалось сомбреро!

Не поняли, что «дрова», и с их помощью сложенные в костер, уже полыхают и остановить пожар невозможно.

Сами и сгорят, едва ли поняв, что они натворили.

Сегодня, когда сложились никогда прежде не существовавшие самые благоприятные условия для изучения и осмысления феномена по имени Ленин, как всегда, вперед рванули исторические пошляки: «царя убил, мстил за брата», «он сифилитик», «он немецкий агент»...

Это с одной стороны. А с другой?

Сегодня за выдающиеся заслуги перед государством нескольким категориям пенсионеров выплачиваются дополнительные деньги, почти вторая пенсия. Среди них лауреаты Ленинской премии и кавалеры ордена Ленина.

Стало быть, и нынешняя власть признает неотъемлемость имени Ленина к делам во благо государства, во благо России, к ее славе.

Помнится телевизионная передача, где в разговоре с Собчаком народная артистка СССР Галина Павловна Вишневская с гордостью сказала о том, что награждена орденом Ленина. Собеседник не ожидал, ждал чего-то в духе нынешней «Комсомольской правды», был несколько смущен, но сдержался.

Убрать Ленина из истории?

Работа идет: пока хотя бы умалить, переместить, а там и низвергнуть.

Отступление четвертое

Если над вами потолок выложен квадратными плафонами, то квадратными они будут лишь над вашей головой, а в небольшом удалении, и чем дальше, тем больше, эти квадраты в ваших глазах станут ромбами. Мы видим — ромбы, а на самом деле это квадраты.

Все просто: угол зрения!

То же с историей. Как посмотреть. Наша история вовсе не исключение.

Наиболее яркий пример, пожалуй, судьба уже помянутого вождя английской буржуазной революции 1643—1650 годов, политика, лорда протектора Англии, Шотландии и Ирландии, полководца и диктатора Оливера Кромвеля.

Именно под водительством Кромвеля парламент одержал в гражданской войне победу над королем. Король Карл I был казнен.

Правил Кромвель жестко и бескомпромиссно, был беспощаден к сторонникам короля. Подавлял любые попытки бунта. Однако ошибки во внутреннем управлении страной дали почву для возрождения монархического строя. Похороны Кромвеля, скончавшегося то ли от тифа, то ли от малярии, прошли необычайно пышно. Через год после его смерти по призванию депутатов парламента на трон взошел сын казненного короля Карл II. Труп Кромвеля эксгумировали и посмертно «казнили». Повесили. Потом джентльмены его голову водрузили на шест, установленный у Вестминстерского дворца.

К чему такое длинное отступление?

Не первые мы на Земле живем и не единственные.

Сюжетов у истории, оказывается, не так и много. Меняются декорации, время и места действия, действующие лица, а сюжеты повторяются и повторяются.

Сегодня перед Вестминстерским дворцом в центре Лондона удостоены памятников только трое из тех, кто составил, по мнению ныне живущих англичан, славу Великобритании, кем гордятся англичане: это Ричард Львиное Сердце, Уинстон Черчилль и Оливер Кромвель.

И все трое, если приглядеться, прямо сказать, люди, далеко не безупречные во многих отношениях.

Воспетый Шекспиром Ричард, «кто из груди у льва бесстрашно вырвал царственное сердце», романтик и авантюрист, кстати тоже писавший стихи, оставил по себе память как правитель коварный, аморальный и жестокий.

Культовая фигура в истории Англии, предводитель крестоносцев Ричард Львиное Сердце. По другой версии — Каменное Сердце, данное ему после расправы над мусульманами. Он приказывал вспарывать животы пленным сарацинам, когда кто-то ему «достоверно» сказал, что сарацины умеют прятать драгоценные камни у себя в желудке. Счет на многие сотни, а то и тысячи вспоротых животов соотечественники ему не предъявляют.

Черчиллю, факельщику «холодной войны», предававшему своих союзников, отдельный поклон. *(Конец отступления)*

Терпеливый читатель вправе спросить: ты за Ленина или против? Ответ предполагает выражение солидарности или отвращения, враждебности.

Но вот кто приходит на память, приходит на помощь — бессмертный Джонатан Свифт, «Путешествие Гулливера в Бробдингнег», в страну великанов.

Огромные люди показались корабельному врачу страшными созданиями. Они превратили добрейшего доктора в свою игрушку.

Свифт безусловно многозначен, его образы ассоциативны. И не случайно приходит мысль о том, какому великому множеству людей уготована участь быть игрушкой в руках исторических великанов.

Доктору Гулливеру, помещенному шутки ради великаншей-красавицей себе на полуобнаженную грудь, не то что не по себе, но просто тошно. Не стеснявшиеся маленького человечка фрейлины, первые красавицы королевства, обнажались при нем

донага, что не только не соблазняло неугомонного путешественника и завзятого искателя приключений, но, напротив, «не вызывало никаких других чувств, кроме отвращения и гадливости».

Не стану вспоминать подробности.

Но вспоминаются и Пушкин, и Лев Толстой в своем желании писать о Петре Великом. Они приблизились к нему настолько близко, увидели без одежд, скроенных благодарными наследниками, увидели, что называется, обнаженным, и отшатнулись, похоже испытав те же чувства, что Гулливер на груди великанши.

Иным беллетристам даже льстит возможность вечерок-другой провести в обществе исторических великанов. Они могут не знать, а зная, умолчать о том, что поведал Гулливер после возвращения из страны, где обычные человеческие измерения, в первую очередь этические, не обладают твердостью и обязательностью.

Записки с пометкой архисекретно («верните, сожгу сам»), жестокие распоряжения, приказы, вгоняющие простого смертного в оторопь, брань в адрес своих ближайших соратников...

«Ленинский архив» вблизи даст предостаточно материала для негативного портрета вождя революции и основателя государства, какого еще не знала история. И Ленин как герой беллетристической литературы, творящей мифы, не исключение в череде множества исторических персонажей.

Но вернемся во времена, когда пленным только простреливают колена, рубят пальцы, а по мирным гражданам лупят из систем «Град» или залпового огня М-142 «Хаймарс».

Так «за» Ленина или «против»?

Я за то, чтобы знали и уважали нашу историю. За то, чтобы Ленина читали те, кому нужны умные собеседники. Чтобы не читали В. Валентинова «Малоизвестный Ленин», где автор, подпитывая обывательское злорадство, высчитывает с мелочностью гоголевской Коробочки, где, когда и сколько получал денег Ленин от мамы и из партийной казны и сколько потратил на себя и на жену.

Вот она, наконец-то, правда о Ленине!

Это на смену умилению: ходил в простреленном Каплан пальто с дырочкой, неумело заштопанной Марией Ильиничной.

Траурные январские «ленинские дни» давным-давно отменили. Стали отмечать светлые весенние дни рождения основателя Страны Советов. Теперь и эту дату вымарывают из нашего исторического календаря.

Сегодня по торжественным дням в столице на Мавзолее имя Ленина целомудренно прячут под кумачовой занавеской.

Чем же и кому неугоден сегодня Ленин, историческая личность огромного масштаба, основатель действительно первого в мире социалистического государства? Ответ прозвучал полтораста лет назад. И так бывает.

1864 год. Историк Костомаров:

«В Петербурге есть целый класс существ, которых русские, живущие в этом городе, прозвали *общечеловеки*. Эти *общечеловеки* существа до того цивилизованные, что отрешились от всяких предрассудков и, постоянно обретаясь в возвышенных сферах мечтания, низким для себя полагают принадлежать к какому–нибудь народу... Их хлебом не корми, подавай только какое хочешь обличение: всякий скандал, всякое заушение исторического лица для них праздник. Им дела нет до правды, — им нравится самый процесс оскандализирования известной личности, — хотя они в то же время большие хитрецы...» и т. д.

Нужна историческая дальнозоркость, чтобы по достоинству оценить одну из давних и, похоже, хронических болезней нашего общественного сознания.

Все правильно! Несовместимы, надо думать, сегодня в сознании организаторов праздников и торжеств на Красной площади Ленин и *общечеловеческие ценности,* якобы заменившие идеологию, но со всей очевидностью политически ангажированные, оправдывающие бомбардировки и артобстрелы мирных городов, убийства детей, да все что угодно.

Но существует ли возможность объективно взглянуть на явление, а Ленин — это, повторюсь, не только символ, судьба, личность, но и не имеющее, по моему убеждению, аналогов в истории явление?

История — непредсказуемая игра! Все ждут перемен, меняются правители, преображается земной лик, а вот историческая проблематика остается. Так что даже слова старика Плутарха звучат вполне современно.

Перечислив всевозможную клевету, какой современники окружили имя Перикла, Плутарх горько восклицает: «Столько-то трудно и почти невозможно открывать истину через историю! Время затемняет потомкам познание происшествий; история же современных деяний и людей то по зависти и неблагоприятству, то по лести и угождению закрывает и безобразит истину».

Истина и волеизъявление — вещи разные, истина не утверждается голосованием.

Нет у меня претензии открыть перед читателем *истинного Ленина.*

Но занавесочкой закрыть «100 лет без Ленина» не позволяет уважение к собственной истории, уж такой, как сказал Пушкин, какую дал нам Бог.

Впрочем, уже отрабатываются «методика» в зачистке исторического календаря.

2020 год. 150 лет со дня рождения Ленина в нашей стране было встречено, по остроумному выражению журналистов, «оглушительным молчанием».

Зато Китай не забыл знаменательную дату, там почтили и чтут колодец, давший им живительную силу в строительстве и обретении государства нового типа.

А есть ли истинный Ленин?

Да и что есть истина?

Тут-то и появляется стыдливая «зановесочка».

Отыскать истину нелегко. и она не обязана всем нравиться.

Дождемся ли суда истории?

У богини правосудия глаза завязаны, она видит не то, что лежит на поверхности. А чтобы смотреть в глаза истине, нужны смелость, честность и, может быть, чувство ответственности.

А уж если истины нет, то все позволено!

И стыдливые зановесочки тоже.

К 140-летию Е. И. Замятина

Вячеслав ВЛАЩЕНКО

«ОГНЕННОЕ А» И ДУХОВНАЯ ДРАМА ЕВГЕНИЯ ЗАМЯТИНА

1.

Рассказ-миниатюра «**Огненное А**», объемом чуть более страницы, на первый взгляд невинно-забавная и остроумная «сказка», написанная как будто для детей и еще в 1991 году включенная в школьную программу и учебную хрестоматию для пятого класса средней школы (сост. М. Курдюмова), в нашем восприятии является настоящим литературным шедевром.

В художественном отношении это одно из самых совершенных произведений Евгения Ивановича Замятина (1884—1937), признанного классика русской литературы XX века, искусного «мастера» (И. Шайтанов), многогранное и небольшое по объему творческое наследие которого составляет пять томов[1].

Американская журналистка Бесси Битти (1886—1947), посетившая Россию в годы революции и начала Гражданской войны, в своей публицистической книге «Красное сердце России» (1918), по словам А. Луначарского, «первой дружественной о России книге в Америке», рассказывает о встрече с Замятиным в январе 1918 года, в Петрограде, когда писатель вспоминает забавный случай из своего детства, который и лег в основу рассказа «Огненное А», опубликованного 2 июня того же года в социал-демократической газете «Новая жизнь», созданной и редактируемой М. Горьким[2].

Замятин вспоминает о том, как двадцать лет тому назад, когда ему было 13—14 лет, он прочитал книгу о марсианах и рассказал о ней своим товарищам по воронежской гимназии. Затем они срубили несколько деревьев в лесу, выложили из них огромную букву «А» и подожгли, чтобы установить связь с марсианами и, может быть, вызвать революцию во всем мире.

Вячеслав Иванович Влащенко — литературовед. Постоянный автор и лауреат премии журнала «Нева» (2018). Автор трех книг и более 130 публикаций о русской литературе XIX—XX веков («Московский пушкинист», «Social Sciences», «Вопросы литературы», «Литература в школе», «Русская словесность», «Литература» и др. издания).

[1] Замятин Е. И. Собр. соч.: В 5 т. М., 2003—2011. Сюда вошли: роман-антиутопия «Мы» (1920 —1921) и семь первых глав неоконченного исторического романа «Бич Божий» (1924—1937), чуть более 70 повестей и рассказов, 8 пьес и 20 киносценариев, блокноты (записные книжки) и свыше 90 статей (о литературе, театре и кино, на злобу дня).

[2] См.: Наше наследие. 1988. № 1. С. 62.

Именно 1918 год оказывается переломным для инженера-кораблестроителя Замятина (одно время в Англии строившего ледоколы для России), когда литература становится главным делом его жизни, его основной профессией, и он своим «огненным» словом уже был готов «жечь» сердца людей.

Еще через несколько лет автор включил «Огненное А» в большой цикл по преимуществу сатирических рассказов «**Большим детям сказки**», написанных в 1915—1922 годах[3] и адресованных прежде всего взрослому читателю, а в 1922 году вышедших в Берлине отдельной книгой, в которую вошло двадцать произведений.

Как отмечают современные исследователи, этот цикл рассказов Замятина перекликается со «Сказками для детей изрядного возраста» М. Салтыкова-Щедрина (В. Евсеев), с «Политическими сказочками» Ф. Сологуба (Л. Геллер) и сказочными миниатюрами А. Ремизова (Ю. Орлицкий), с циклом «Сказочек не совсем для детей» Л. Андреева и «Русскими сказками» М. Горького (Е. Михеечева), даже «с фельетонами Горького, составившими в 1918 г. книгу „Несвоевременные мысли“» (И. Шайтанов), и, наконец, если обратиться к литературе конца XX века, со «сказками» Л. Петрушевской (К. Гордович).

В отечественной научной литературе о творчестве возвращенного в Россию во второй половине 80-х годов писателя Замятина[4] до сих пор нет отдельных исследований об этой реалистической «сказке», слегка напоминающей иронические, социально-бытовые сказки русского фольклора с резким противопоставлением умных и глупых героев. В некоторых книгах и статьях ей уделяется лишь от одного до нескольких абзацев, и она рассматривается только в контексте большого цикла рассказов, причем исключительно в политическом плане — как, по словам Н. Комлик, «своеобразный отклик на революционные события в стране»: «В период бурного мечтания „кремлевских“ и прочих „мечтателей“ о немедленном построении „града грядущего“ раздался трезвый, чуть ироничный голос автора романа „Мы“, предупреждающий о том, что нетерпеливое приближение „новой межпланетной эпохи истории Иловайского“ чревато страшным пожаром, за который могут „изловить и, заголивши, высечь“»[5].

И только в «Замятинской энциклопедии» Т. Давыдовой появляется небольшая отдельная статья, в которой автор остается на социально-политическом уровне понимания рассказа «Огненное А»[6].

С нашей точки зрения, такой подход значительно сужает семантическое поле этого произведения и слишком ограничивает объем читательской свободы для его восприятия и осмысления.

Наша задача (и признаемся, что это очень трудная задача) — увидеть в этом произведении «всего» светлого Замятина, с его доброй, лучистой улыбкой (а есть еще «темный» Замятин, с его «саркастической улыбкой», с его «ядовитой полуулыбкой» и «*ненавидящей любовью*»), прочитать этот рассказ в контексте многолетнего творче-

---

[3] «Первая попытка написать сказку предпринята давно — в начале 1910-х гг., когда Замятин еще не решил, как обозначить жанр: в рукописях мелькают — „побаски“, „бабушкины старины“... Однако остановился на сказках. Маленькие — в одну-две странички. Всегда случай, но рассказанный со значением: „сказка ложь, да в ней намек...“ Замятинская сказка — между анекдотом и притчей» (Шайтанов И. О. Рождение манеры: место Е. Замятина в литературной традиции // Е. Н. Замятин: pro et contra, антология. СПб., 2014. С. 86).

[4] На сегодняшний день уже издано более 30 монографий и около 30 сборников статей о творчестве Замятина, защищены 6 докторских (И. Попова, М. Любимова, Т. Давыдова, Н. Комлик, В. Евсеев, Е. Борода) и около 50 кандидатских диссертаций.

[5] Замятинская энциклопедия. Лебедянский контекст. Тамбов; Елец, 2004. С. 176.

[6] Давыдова Т. Т. Замятинская энциклопедия. М., 2018. С. 419—420.

ства писателя, «неореалиста» и «тайного психолога», отмечая отличительные черты его стиля и художественного метода; прочитать в контексте духовной драмы писателя, выраженной не только в его жизненной биографии, но и на глубинном уровне многих художественных произведений и даже его «*автобиографий*»; прочитать его как действительно «*рассказ о самом главном*»[7]: о проявлении в душе человека еще в детстве прямо противоположных начал — добра и зла, высоких и низких чувств, возвышающей любви и опасной гордыни, романтической мечты о том, как изменить мир, и своего природного эгоизма[8].

«Огненное А» Евгения Замятина — это замечательный, почти **идеальный рассказ** для «маленьких» и «больших» читателей, для «очень умных» и не очень «глупых», рассказ, который занимает совершенно особое место и в цикле «Большим детям сказки», и во всем его творчестве, рассказ, который можно прочитать на совершенно разных уровнях восприятия и понимания — автобиографическом, религиозно-философском, нравственно-психологическом, социально-политическом.

В этом рассказе почти идеально реализованы «законы», принципы и приемы «**неореализма**»(новейшего течения русской литературы в первой трети XX века), которые Замятин очень четко сформулировал в цикле своих лекций «Техника художественной прозы»[9], когда писатель «вводил слушателей в свою творческую лабораторию» и «затрагивал ряд важных теоретико-литературных проблем — психологии творчества, сюжета, фабулы, сказового повествования, литературного языка, образности, стиля, ритма, инструментовки прозы, расстановки слов в прозе»[10].

Прежде чем начинать анализ этого произведения, приведем отдельные фрагменты, предельно сокращая цитаты, из первой лекции Замятина «**Современная русская литература**», которую можно рассматривать в качестве развернутого манифеста неореалистов, «принявших в наследство черты как прежних реалистов, так и черты символистов»:

> Реалисты жили в жизни; символисты имели мужество уйти из жизни; **неореалисты** имели мужество вернуться к жизни.
>
> Но они вернулись к жизни, может быть, слишком знающими, слишком мудрыми. И оттого у большинства из них нет религии. **Есть два способа преодолеть трагедию жизни: религия и ирония**. Неореалисты избрали второй способ. **Они не верят ни в Бога, ни в человека**.
>
> ...Материал для творчества у неореалистов тот же, что у реалистов: жизнь, земля, камень, все, имеющее меру и вес. Но пользуясь этим материалом, неореалисты изображают главным образом то, что пытались изобразить символисты, дают **обобщения**, **символы**.
>
> <...> Ко времени появления неореалистов жизнь усложнилась, стала быстрее <...> неореалисты научились писать сжатей, **короче**, отрывистей, чем это было у реалистов <...>

---

[7] «Рассказ о самом главном» — под таким названием в 1923 году был опубликован далеко не самый удачный, многостраничный рассказ Замятина.

[8] Достоевский и Толстой, каждый по-своему, в своих произведениях глубоко исследовали сам процесс постоянной духовной и нравственной борьбы в душе человека дьявола с Богом, демонической гордыни ума и христианской любви сердца, добра и зла, любви и ненависти, света и тьмы.

[9] «Лекции читались Замятиным в литературной студии „Дома искусств“ в 1919—1922 годах. Его слушателями были многие из членов литературной группы „Серапионовы братья“ (образовалась в начале 1921 г.)» (Замятин Е. И. Избранное. Сост., пред. и прим. С. Федякина. М., 2009. С. 280).

[10] Давыдова Т. Т. Указ. соч. С. 295.

> С целью той же самой экономии слов и с целью живее передать впечатление движения жизни неореалисты избегают давать отдельные описания места действия или героев. Неореалисты **не рассказывают, а показывают** <...>
>
> Неореалист дает описание внешности героев каким-нибудь действием их <...> и **в действии** сразу, кратко — весь герой, как живой <...>
>
> ...Символистам <...> пришлось технику пользования словом разработать до совершенства и в том числе применять **музыку слова**. Этот способ изобразительности от символистов унаследовали и неореалисты <...>
>
> Для символистов <...> типичен — религиозный мистицизм. <...> Из сочетания противоположных течений — реалистов и символистов — возникло течение неореалистов, течение **антирелигиозное**. **Трагедия жизни — ирония** (5; 305—312).

Рассказ «Огненное А» можно читать так, как читают стихи, в которых много звуковых и тематических повторов: перечитывая вслух много раз, быстрее или медленнее, вслушиваясь в его звучание, улавливая меняющиеся авторские интонации и ритм повествования, создаваемый протяженностью отдельного слова, всей фразы и целого абзаца, осмысляя возникающие ассоциации и открывая символические смыслы конкретных художественных образов.

Творческое, ассоциативное чтение и анализ художественного текста думающего читателя в чем-то хотя бы немного подобны творческому процессу писателя, «одновременно радостному и мучительному процессу», который Замятин в своей лекции «Психология творчества» (1919) описывает так:

> Мысль человека в обыкновенном состоянии работает логическим путем, путем силлогизмов. При творческой работе — мысль, как и во сне, идет **путем ассоциаций**.
>
> <...> У писателя возникает целый **рой ассоциаций**. На долю сознания выпадает из этих ассоциаций выбрать наиболее подходящую. Чем богаче способность к ассоциации — тем богаче образы автора, тем они оригинальней и неожиданней (5; 320).

Читатель «Огненного А» прежде всего переживает **эстетическую радость** и восхищение от художественного совершенства формы рассказа, созданного «мастером, мэтром, знатоком литературного мастерства» (И. Шайтанов),«гроссмейстером литературы» (К. Федин), радость от того, как звучит рассказ, как он технически сделан, как в его композиции все части соразмерны к целому и нет ни одной лишней детали, которая бы не работала на разных уровнях произведения.

Уже отталкиваясь от общего восприятия произведения, мы можем сказать, что оно — не просто веселая «бытовая картина» (В. Евсеев) о неудачной попытке второклассников гимназии, мечтателей и юных романтиков, немедленно установить необходимую связь с марсианами, но и о сложных, драматических взаимоотношениях детей и взрослых, о вечной и всегда актуальной проблеме «отцов и детей», от решения которой в значительной степени зависит и судьба отдельной конкретной семьи, и судьба современной и будущей России.

Взяв интервью у Замятина в 1934 году, французский журналист А.-Ф. Поттешер написал: «Его слова уводят далеко, заставляют задумываться. Каждой фразой Замятин ставит проблему. Но он не утомляет, потому что он четок, точен, весел»[11]. Именно таким для нас предстает писатель Замятин и в рассказе «Огненное А».

Автор этого произведения, прямо и открыто в тексте ничего не объясняющий и не помогающий своему читателю (в отличие от писателя-психолога Л. Толстого),

[11] Замятин Е. И. Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания. М., 1999. С. 268.

мог бы повторить слова Достоевского из его черновых записей к роману «Бесы»: «*Пусть потрудятся сами читатели*». Для понимания авторской идеи, скрытой в художественных образах, и глубокого нравственно-духовного смысла рассказа Замятина и необходим литературоведческий анализ художественного текста.

Весь рассказ как будто излучает свет авторской **любви** к главному герою — Вовочке (напомним: в значительной степени автобиографическому герою), любви по-матерински нежной и трепетной[12]. И в то же время все пронизано легкой авторской и как будто отцовской **иронией**[13]. Эту ироническую интонацию мы чувствуем уже в первых же фразах рассказа:

> Которые мальчики очень умные — тем книжки дарят. Мальчик Вовочка был очень умный — и подарили ему книжку: про марсиан (2; 33).

Эта ирония выражена и в тонкой, едва намеченной стилизации, искусной имитации сказовой речи, сказовых интонаций и синтаксиса[14], и в двукратном повторении и тем самым существенном усилении слова «*очень*»: хорошо — быть просто «*умным*», но очень опасно — быть «*очень умным*».

Кроме того, в самых первых словах рассказа мы видим отсылку, может быть бессознательную для автора, к библейскому тексту, к Книге пророка Исаии: «*Горе тем, которые мудры в своих глазах...*» (5, 21). Но вполне возможна здесь и сознательная, ироничная, языковая игра автора — яркого представителя неореализма, еретика и атеиста по своему мировоззрению.

Автор «Огненного А» (чей голос то как будто сливается с тем или иным голосом отдельных персонажей рассказа — даже незримых, только угадываемых читателем, то отделяется от них) придает словам «*очень умный*» иронический, насмешливый оттенок — и этим определяет доминирующую тональность всего рассказа.

Столь же иронично и заканчивается весь рассказ: «*А с утра великих второклассников глупые большие засадили за историю Иловайского: до экзамена один день*».

Откликнувшись на смерть лауреата Нобелевской премии по литературе, своего любимого французского писателя-современника Анатоля Франса (1844—1924), Замятин в некрологе приводит его высказывание, с которым выражает свое полное согласие: «Ирония, которую я признаю, не жестока, она не смеется ни над любовью, ни над красотой; она учит нас смеяться над злыми и глупыми, которых без нее мы имели бы слабость ненавидеть» (3; 74).

О многозначном смысле **иронии** у Замятина, разнообразной иронии, связанной и с проблематикой рассказа «Огненное А», и с характером, личностью, мировосприятием автора, иронии, пронизывающей очень многие произведения писателя-неореалиста, — иногда добродушной и веселой, как у Пушкина, но чаще всего ядовито-насмешливой и едко сатирической, как у Салтыкова-Щедрина[15],— мы еще будем говорить в дальнейшем.

---

[12] В лекции «Психология творчества» Замятин творческий процесс художника сравнивает с материнством: «И так, как мать своего ребенка, писатель своих людей создает из себя, питает их собою...» (5; 318).

[13] Сложное переплетение, притяжение и отталкивание «материнского» (любовно-душевного) и «отцовского» (иронического, исходящего от гордого ума, часто — сатирического) начал мы ощущаем во многих произведениях Замятина.

[14] Стилевую манеру Замятина И. Шайтанов характеризует как «сказ без рассказчика, чья маска скрыта текстом, растворена в речевой стихии» (Шайтанов И. О. Указ. соч. 68).

[15] Откровенно сатирическими являются многие «сказки» Замятина: например, «Дрянь-мальчишка» (1915) и «Петр Петрович» (1916). В первой из них главный герой Петька, очень любопытный

Уже при чтении первого абзаца рассказа, в котором мы слышим разные голоса, у читателя может возникнуть целый ряд вопросов, на первый взгляд детских и наивных, но сама постановка вопросов и видение проблемы в произведении — это самое важное при аналитическом чтении, при желании дойти до глубокого смысла конкретного художественного текста.

Кто в семье постоянно называет мальчика «*Вовочкой*», а кто — «*Вовкой*»? В тексте рассказа восемь раз звучит — «*Вовочка*» и только один раз — «*Вовка*». Кроме авторского, еще чей голос мы слышим в словах «*очень умный*»? Наконец, кто мог подарить ему книжку «*про марсиан*», какую именно книгу и в связи с чем, по какому случаю?

От читателя требуется работа собственного воображения и логического мышления. Как утверждает Замятин в своей статье «О синтетизме» (1922), «*сегодняшний читатель и зритель договорит картину, договорит словами — и им самим договоренное, дорисованное будет врезано в него неизмеримо ярче, прочнее, врастет в него органически*» (3; 171). Автор вполне сознательно делает своего читателя «*соучастником творческой работы*», оставляет ему «*свободу для частичного творчества*».

Само имя мальчика — *Вовочка* (звучащее мягко, протяженно, мечтательно замедленно[16]) — говорит об атмосфере любви, нежности и заботы о детях в этой семье, в которой, видимо, преобладает женское окружение.

Например, в семье Евгения Замятина были бабушка, мать, тетя и младшая сестра. В автобиографии 1923 года писатель вспоминает: «*Рос под роялем: мать (Мария Александровна) — хорошая пианистка. Чудесные русские слова знала моя бабка, может быть, кое-чему научился от нее*»[17].

А еще раньше, в письме от 15 декабря 1916 года, Замятин из Англии сообщает историку литературы С. Венгерову (1855—1920): «*Учился языку я в городе Лебедяни <...> а учительницей была всего больше* ***бабушка*** *Настасья Васильевна: пригудок и присказок, примет и присух знала множество...*»[18]

И ее голос мы как будто слышим в рассказе в отдельных словах и народных выражениях (например, в словах Вовочки о «*глупых больших*»: «*Да уж больно вы чудные...*»). А *Вовкой* быстро подросшего, деятельного и «умного» сына, уже читающего фантастические романы, называет, конечно же, отец.

Видимо, «*очень умным*» главный герой рассказа является все-таки не столько для своих, домашних, составляющих одну семью и не очень замечающих его особенный ум, сколько в глазах гостей этого дома, прежде всего друзей отца, которые имеют возможность сравнивать его с другими детьми. Возможно, именно они-то и подарили мальчику книжку про марсиан, хорошо понимая, что ему интересны теперь уже не детские сказки, а серьезные книги — фантастика, научная фантастика, пробуждающая мысль и развивающая ум ребенка.

мальчишка («*глупый мальчишка, больно уж умен не в меру*»), вспорол перочинным ножичком свою игрушку, чтобы узнать, что у нее находится внутри, а там оказались гнилые опилки. И родители «*Петьку выдрали: глупый мальчишка — будет знать, как игрушки портить. <...> Не ломать, не ломать, не ломать!*» (2; 22). А во второй сказке «*умным не в меру*» оказывается индюк Петр Петрович, которому не терпится посмотреть на свое потомство, и он раньше времени расклевал яйца, в результате чего погибли его индюшата: «*...яйца разбитые, и свесились через край желтенькие головки на нестерпимо длинных, тоненьких шеях. И уж еле дышат*» (2; 27).

[16] «...Если имя почувствовано, выбрано верно — в нем непременно есть звуковая характеристика действующего лица», — пишет Е. Замятин в статье «Закулисы» (3; 192).

[17] Замятин Е. И. Я боюсь. С. 3.

[18] Евгений Замятин и культура XX века. Исследования и публикации. СПб., 2002. С. 190.

Сам Замятин в детстве тоже был «*умным мальчиком*», в жизни которого центральное место занимали именно книги. В автобиографии 1924 года писатель вспоминает: «*Года в четыре — уже читал. Детство — почти без товарищей: товарищи — книги*» (4; 3).

И художник Ю. Анненков (1889—1974), один из лучших друзей Замятина, отмечает его постоянную любовь к книгам: «Во все годы, что я знал Замятина, он был всегда окружен книгами, жил книгами. Книги, книги, постоянно — книги. Книги были для Замятина своего рода культом»[19].

Об «очень умном», «слишком умном» писателе Замятине писали некоторые его современники. Например, А. Воронский, Б. Пильняк, К. Федин, К. Чуковский, В. Шкловский, высоко ценившие его как писателя, в то же время нередко выражали довольно критическое отношение к его отдельным произведениям, отмечая конструктивный (головной) характер его творчества, излишний рационализм и рассудочность.

М. Горький, в 1924 году прочитав его «Рассказ о самом главном», записывает свое впечатление: «Е. Замятину избыток ума мешает правильно оценить размеры своего таланта. <...> Он хочет писать как европеец, изящно, остро, со скептической усмешкой, но пока не написал ничего лучше „Уездного“...»[20] И в 1929 году в письме литературоведу И. Груздеву (1892—1960) он пишет: «Замятин слишком умен для художника и напрасно позволяет разуму увлекать талант свой к сатире»[21].

А подарили Вовочке книжку, скорее всего, в особенный день — в день его рождения или в день именин (и это было естественно в бытовой жизни дореволюционной России), что в рассказе будет перекликаться с другим «*особенным*» днем («*Ты чего, нынче, Вовочка, чисто именинник?*»), когда, как мечтает главный герой со своими «*верными*» друзьями, «*начнется новая, междупланетная эпоха истории Иловайского*».

И подарили, предполагает Н. Комлик, ранний роман Г. Уэллса (1866—1946) «Войну миров»[22] (1897), переведенный на русский язык уже в 1898 году, — «чудесную сказку» о войне с марсианами, «с обитателями планеты Марс», «сказочную фантазию», в которой представлен «образ грядущей мировой войны и связанного с ней небывалого мирового переворота» (2; 75, 81, 88). Именно Г. Уэллс, о котором Замятин написал несколько восторженных статей, и был одним из его любимых английских писателей.

> Лег Вовочка спать — куда там спать: ушки горят, щечки горят. Марсиане-то ведь, оказывается, давным-давно знаки подают нам на Землю, а мы-то! Всякой ерундой занимаемся: историей Иловайского. Нет, так больше нельзя.
>
> На сеновале — Вовочка и трое второклассников, самых верных: Иловайского в угол. Четыре головы — над бумажкой: чертят карандашом, шу-шу, шу-шу, ушки горят, щечки горят... (2; 33).

Замятин пишет сжато, коротко, отрывисто, используя минимум слов[23] и любимые пунктуационные знаки — тире и двоеточие — как интонационные знаки, создающие определенную мелодию, не описывает место действия и внешность своего героя, как это было в литературе XIX века, не столько рассказывает, сколько показывает ге-

---

[19] Анненков Ю. П. Дневник моих встреч. Цикл трагедий: В 2 т. Т. 1. Л., 1991. С. 277.

[20] Архив А. М. Горького. Т. 12. М., 1969. С. 218.

[21] Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1949. Т. 30. С. 126.

[22] Замятинская энциклопедия. Лебедянский контекст. С. 175.

[23] В статье «О литературе, революции, энтропии и о прочем» (1923), звучащей как гимн революции, писатель говорит о необходимости «заряженности, высоковольтности каждого слова», о «синтетическом образе», в котором — «только одна основная черта» (3; 179).

роя в действии. Искусной инструментовкой слов, подбором и постоянным повтором точных конкретных деталей, предельно динамичным синтаксисом, «зрительным лейтмотивом» он открывает внутренний мир своих героев через внешние признаки.

В эссе «Закулисы» из книги «Как мы пишем» (1930), в которой 17 писателей отвечают на анкету из 16 вопросов, Замятин определяет творчество как процесс, когда включается «мотор фантазии», когда «пульс учащается, уши горят» (3; 188).

Так и Вовочка в состоянии творческого вдохновения мгновенно загорается («*уши горят, щечки горят*») ярко вспыхнувшей мечтой-идеей установить немедленную связь с далекими марсианами, но не для «борьбы», как в романе Уэллса, а для предотвращения грядущей мировой войны, «войны миров», и для чудесного преображения такой несовершенной жизни здесь, на Земле, для того, чтобы, как мечтал сам Замятин, «*научить людей всеобщему братству*» (2; 98).

И этой мечтой Вовочка сразу же увлек своих одноклассников, как ему кажется, «*самых верных*» друзей, которые, конечно же, его не подведут.

> За ужином большие читали газету: про хлеб, забастовки — и спорят, и спорят — обо всякой ерунде.
>
> — Ты, Вовка, чего ухмыляешься?
>
> — Да уж больно вы чудные: марсиане нам знаки подают, а вы — про всякую ерунду.
>
> — А ну тебя с марсианами... — и про свое опять. Глупые большие! (2; 33)

В лекции «О языке» Замятин утверждает: «*...в современной художественной прозе язык должен быть по возможности близок к разговорному, непринужденному, живому языку. <...> Монологу уже нет места в новой художественной прозе*» (5; 345).

В приведенном фрагменте текста рассказа, в этом диалоге взрослых и детей, выделим ключевые слова: «*ерунда*» — «*ухмыляешься*» — «*чудные*» — «*глупые большие*».

В словах «*глупые большие*» выражена как будто единая позиция Вовочки и повествователя в оценке взрослых людей, совершенно не понимающих детей[24]. Над «*глупыми большими*», которые занимаются «*ерундой*», умный Вовочка в душе едко насмехается, что внешне выражено в его ухмылке, а вслух он произносит безопасное слово «*чудны́е*».

Это слово на первый взгляд кажется неточным: естественнее сказать «странные» (непонятные) люди, в мире которых нет места чудесам. Но выбору произнесенного слова можно дать психологическое объяснение: в образованной семье хорошо воспитанный мальчик не может прямо, вслух сказать взрослым — «*глупые*», и поэтому он, скорее всего бессознательно, использует бабушкины разговорные и просторечные слова из русских народных говоров: частицы «*да уж*», наречие «*больно*» (очень), прилагательное «*чудны́е*». Замятин пишет на языке детства и на языке бабушки.

И в то же время слово «*чудные*», написанное на бумаге, можно произнести и с иным ударением — как «*чу́дные*», и тогда оно несет еще один, дополнительный, онтологический смысл. И слово «*больно*» передает еще и скрытый душевный смысл: Вовочке действительно больно от полного непонимания его «*большими*».

---

[24] Можно предположить, что автору знакомо и то библейское понимание глупости, о котором говорит С. Аверинцев: «Необходимо иметь в виду, что лексика, связанная с концептом глупости, означает в библейском языке не столько слабость интеллекта, сколько его ложную ориентацию» (Аверинцев С .С. Библейский образ Мудрости как альтернатива культуре смерти // Аверинцев С. С. Римские речи. Слово Божие и слово человеческое. М.; Рим, 2013. С. 437).

Литературное слово *«чу́дные»* (от слова «чудо») как будто напоминает нам, читателям, простую для подлинного христианина истину, о которой забывают многие люди: каждый человек как Божье творение есть чудо и несет в себе тайну бытия, тайну жизни и смерти, страшную тайну непрерывной борьбы дьявола с Богом в душе каждого человека. И реальный исход этой борьбы, возможность чуда в значительной степени зависит от самого человека, от того, томима ли его душа *«духовной жаждой»,* горит ли его сердце любовью к Богу, к людям, к жизни, слышит ли он *«Бога глас»*.

В тексте Замятина эта внутренняя бессознательная борьба в душе героя рассказа символически выражена двумя словами: «***ухмыляешься***» (язвительная насмешка над «*глупыми большими*») и многозначным словом «***чудные***».

В «*очень умном*» Вовочке, который «*ухмыляется*» над взрослыми, считая все их разговоры и споры «*ерундой*», а их самих «*глупыми*», Замятин вслед за Толстым (повесть «Отрочество») показывает зарождение и проявление уже в отрочестве (когда ребенок, еще оставаясь мечтателем, естественно становится и мыслителем, философом, скептиком) опаснейшего для человеческой души порока — дьявольской **гордыни**, исходящей от ума, чувства собственного превосходства над другими.

Открыть и осознать этот порок в себе ребенку могут помочь книги, учитель, «умный» взрослый. Это может быть одной из главных задач учителя литературы на уроке по рассказу Замятина в пятом классе.

В детстве, показывает Толстой, в душе ребенка живут наряду с другими и два таких чувства в отношении к взрослым, как бессознательное чувство своего природного **превосходства** над ними (у детей впереди — «вечность», а у взрослых уже многое позади и вполне реальна близкая смерть) и связанное с этим искреннее и высокое чувство глубокой **жалости** к ним, как у Николеньки Иртеньева к «*любимой матушке*», к «*доброму*» и «*строгому*» Карлу Иванычу, к «*бескорыстной*» и «*нежной*» Наталье Савишне в повести «Детство».

При переходе ребенка из эпохи детства в отрочество, когда он естественно отдаляется от матери и становится особенно ранимым, но может не найти душевного понимания у отца, когда он уже задумывается о смерти и его тревожат «проклятые» философские вопросы и плотские инстинкты, когда ему открываются некоторые «страшные» тайны жизни взрослых людей (и ему становится стыдно за взрослых), когда он нередко видит проявление к себе раздраженного или даже враждебного отношения чужих ему людей, второе чувство постепенно угасает, а первое может перерасти в явную гордыню и враждебное отношение к взрослым, в озлобление на них.

«Ухмылка» Вовочки в рассказе Замятина является искаженной улыбкой, «дьявольской» улыбкой-насмешкой над взрослыми, «*глупыми большими*», выражающей вместо радости и любви чувство своего превосходства и, может быть, даже скрытого презрения.

Вполне возможно, что в рассказе «Огненное А» взрослые, которые читали газету и спорили «*про хлеб*» и «*забастовки*» (а это не только не детские, но и не женские разговоры), — это прежде всего отец (в обеспеченной семье, имеющей свой дом, он мог быть, например, чиновником или инженером[25]) и его гости. И в «*больших*», показывает автор рассказа, тоже проявляется опаснейшая **гордыня** взрослых людей («*А ну тебя с марсианами...*»), в глазах которых дети еще слишком глупые, очень многое в жизни еще не понимающие.

Проявление гордыни в человеке любого возраста означает, что он в самооценке исходит из находящегося в его сознании ложного собственного образа, из ложного

[25] В уездном городе Лебедянь Тамбовской губернии в конце XIX века было девять фабрик и заводов.

видения себя. Осознание проявления в себе любого порока вызывает в совестливом человеке естественное желание преодолеть, победить этот порок, исправить себя. И тогда начинается мучительный и в то же время радостный процесс **преображения** человека.

Вовочке, по сравнению с его великой мечтой-идеей, какой ерундой теперь кажется учебник истории Иловайского, который обязательно нужно штудировать в гимназии, какой скучной ерундой ему кажутся газеты и все разговоры и споры взрослых людей, таких *«глупых больших»*.

«*Иловайского в угол*». Есть глубокая символика в том, что Замятин в рассказе, пронизанном авторской иронией, может быть, бессознательно выбирает слово Достоевского — «*угол*» — и тем самым как будто отсылает нас к роману «Преступление и наказание», в котором «*угол*» является одной из ключевых символических деталей и косвенных причин преступления Раскольникова. И в рассказе Замятина «*великие второклассники*» совершают свое, в понимании взрослых, преступление («*Дрова переводить зря?*»), а Вовочка понес и свое наказание («*Мальчика Вовочку заголяшкинский сторож изловил и, заголивши, высек*»).

Как сказано в аннотации к современному учебному изданию «Русской истории» Д. Иловайского (1832—1920), это «лучший гимназический учебник дореволюционной России», выдержавший с 1874-го до 1912 года 36 изданий, и может быть использован и в современной школе[26].

Касаясь рассказа «Огненное А», Н. Комлик предполагает, что «чуткий к художественному слову Евгений Замятин, как и Марина Цветаева, был очарован даром Иловайского воссоздавать историю человечества в живых и образных картинах»[27]. Но в автобиографии 1922 года Замятин однозначно определил всю свою учебу в воронежской гимназии словом «*скука*» (2; 3), и в автобиографии 1931 года он снова подтверждает: «*...скучная, разграфленная гимназическая жизнь*» (3; 3). И это нашло свое косвенное отражение в его рассказе.

По мнению же другого исследователя, Л. Поляковой, «ни в сюжете, ни в конфликте, ни в портретах „великих второклассников“, ни в коллективном образе „глупых больших“ этой „сказки“ нет ничего значительного о самом Иловайском: антуражное упоминание в рассказе по степени важности повествовательной смысловой информации менее значимо, чем „сапоги, брюки, куртка“»[28].

Для нас же совершенно очевидно, что четырехкратное упоминание в рассказе имени автора учебника истории для гимназий не случайно и стоит в одном ряду с трехкратным использованием в тексте словосочетаний «*глупые большие*» и «*всякая ерунда*».

С нашей точки зрения, отношение Замятина к учебнику Дмитрия Иловайского точнее сближать не с эмоциональным восприятием очень страстной, с трагическим мироощущением, Марины Цветаевой (1892—1941), а с юмористической книгой «Всеобщая история, обработанная „Сатириконом“» (1910), авторами которой были Надежда Тэффи (1872—1952), Осип Дымов (1878—1959) и Аркадий Аверченко (1881—1925). Они в пародийном ключе забавно высмеяли учебник Иловайского, который и прежде «многократно подвергался серьезной критике и легким насмешкам за поверхностность, за перегруженность датами, битвами, именами царей»[29].

И по своим монархическим убеждениям историк (который о себе написал: «Преданный сын православной церкви, верный подданный своего государя») был, види-

[26] Иловайский Д. И. Русская история. Краткий курс. М., 2003.

[27] Замятинская энциклопедия. Лебедянский контекст. С. 182.

[28] Полякова Л. В. Проза Е. И. Замятина: историософские искания художника. Тамбов, 2022. С. 565.

[29] Харитонович Д. Э. Примечания // Всеобщая история, обработанная «Сатириконом». М., 1991. С. 35.

мо, чужд Замятину, с его любовью к революции, с его революционными взглядами, верой в социализм и критическим отношением к любому государству, к любой власти, к любой церкви и священникам[30].

В 1922 году Замятин признается: «*...теперешних большевиков я не люблю, потому что не люблю никакую власть и никакую церковь. Христиане только покуда и были хороши, покуда были в катакомбах: как только вылезли из катакомб — пошли соборы, катехизисы, Торквемады — скука!*»[31]

Писатель-неореалист Замятин в значительной степени автобиографическом рассказе показывает, что в русской семье, символизирующей русский Дом и Россию, нет простого человеческого понимания друг друга между детьми и взрослыми, между людьми разных поколений, что взаимная гордыня делает тех и других слепыми и глухими по отношению друг к другу[32].

В рассказе противопоставлены два разных мира, по существу только внешне соприкасающихся друг сдругом, — «*очень умных*» детей и очень «*глупых взрослых*».

Первый — это поэтический мир деятельной **мечты**, неистощимой фантазии и яркого воображения, это необыкновенный мир **Книги**, в котором горит «*колоссальное огненное А*», зажженное «*великими второклассниками*», чтобы «*великой ночью*» началась «*новая, междупланетная, эпоха история Иловайского*»; это мир детей, еще способных к духовному росту, мир, в котором «необычайное, великое, чудесное — хлеб души человека» (О. Седакова).

Второй — это прозаический мир взрослых, видимо безвозвратно утративших бесценный дар детства — дар высокой мечты; это мир **Газеты**, мир бытовой, скучной жизни и социальных, материальных интересов, в котором преступно и наказуемо «*дрова переводить зря*»; это мир «глотателей пустот, читателей газет» (М. Цветаева).

Дети и взрослые не слышат, не чувствуют, не понимают друг друга, считают глупыми друг друга. Дети *еще* не понимают взрослых, а взрослые *уже* не понимают своих детей, потому что забыли свое детство, потеряли свое детское «я», потеряли себя. «Счастье — это когда тебя понимают» — какое простое по форме и в то же время мудрое по содержанию выражение, раскрывающее суть истинных отношений между людьми[33].

---

[30] «В глазах радикально-демократической интеллигенции XIX века учебники и научные труды историка были воплощением реакции. <...> в них выражена официальная концепция национальной истории. А это вступало в решительное противоречие с социалистическими идеями и идеалами. Слово „иловайщина“ стало синонимом идеологической реакции, воплощало ненавистный русской революционной общественности монархический строй. Поэтому учебники Иловайского сразу же были изъяты из школьного обращения после революции 1917 года» (Комлик Н. Н., Урюпин И. С. «...Пишу Вам из России...»: русское Подстепье в творческой биографии Е. И. Замятина и М. А. Булгакова. Елец, 2007. С. 50).

[31] Замятин Е. И. Я боюсь. С. 286.

[32] Еще раньше, в «уездной» трилогии о провинциальной России, в повестях «Уездное» (1912), «На куличках» (1912—1914), «Алатырь» (1914), как отмечает современный исследователь, показано тотальное разрушение семьи, развернута предыстория гибели традиционного русского Дома. См.: Комлик Н. Н. Е. И. Замятин в жизни и творчестве. 2-е изд. М., 2012. С. 69.

[33] О проблеме понимания в нашем обществе, в нашей школе очень хорошо сказала Ольга Седакова, замечательный поэт и глубокий филолог, ученица С. Аверинцева: «...необходимо уважение к другому мнению, внимание и желание понять другого, а не приписывать ему то, что тебе слышится в его словах. На мой взгляд, у нас крайне плохо обстоит дело с пониманием. С вниманием и пониманием. <...> Если человека с детства муштруют — выучи, повтори и не думай обсуждать! — откуда у него возьмется это усилие [самостоятельно мыслить. — *В. В.*]?» (Седакова О. А. Вещество человечности: Интервью 1990—2018. М., 2019. С. 323).

Сегодня так очевидно, что многие беды детей и в семье, и в школе — от непонимания их взрослыми людьми, очень занятыми своей работой и своими собственными проблемами.

Но продолжаем дальше читать рассказ «Огненное А»:

> Заснули наконец. Вовочка — как мышь: сапоги, брюки, куртку. Зуб на зуб не попадает, в окошко прыг! — и на пустой монастырский выгон, за лесным складом купца Заголяшкина.
>
> Четверо второклассников, самых верных, натаскали дров купца Заголяшкина. Сложили из дров букву «А» — и заполыхало на выгоне огненное «А» для марсиан, колоссальное огненное «А» в пять сажен длиной.
>
> — Трубу!.. Трубу наводи скорее!
>
> Навел мальчик Вовочка подзорную трубу, трясется труба.
>
> Но на Марсе — по-прежнему. Марсиане занимались своим делом и не видели огненного «А» Вовочки. Ну, стало быть, завтра увидят.
>
> Уж завтра — обязательно...
>
> И вот — великая ночь. Красно-огненное «А», четыре багровых тени великих второклассников. И уж наведена и дрожит труба...
>
> Но заголяшкинский сторож Семен — в эту ночь не был пьян. И только за трубу — Семен сзади:
>
> — Аxx-x вы, канальи! Дрова переводить зря? Держи-держи-держи! Стой-стой!
>
> Трое, самых верных — через забор. Мальчика Вовочку заголяшкинский сторож изловил и, заголивши, высек.
>
> А с утра великих второклассников глупые большие засадили за историю Иловайского: до экзамена один день (2; 33—34).

В этом фрагменте рассказа выделим и рассмотрим три основные темы: 1) дружба «*великих второклассников*» (эта нравственная тема особенно важна на уроке литературы в школе); 2) жизнь дореволюционной России (символическими знаками которой являются такие художественные детали, как «*пустой монастырский выгон*» и «*купец Заголяшкин*»); 3) слегка намечена тема новой, советской России (если мы вспомним, что рассказ написан в первой половине 1918 года).

Автор три раза использует определение второклассников как «*самых верных*» — в начале, в середине и в самом конце рассказа. И только в последнем случае звучит явная ирония: «*Трое, самых верных — через забор*».

Можно ли здесь говорить о предательстве друзей Вовочки? Что они могли или должны были сделать в этой сложной ситуации? С точки зрения здравого смысла остаться с Вовочкой, чтобы их тоже наказали, «*высекли*», как будто совершенно бессмысленно.

Почему только Вовочка был пойман «*заголяшкинским сторожем* ***Семеном***», который «*в эту ночь не был пьян*»?[34] Может быть, он сам виноват: замешкался, растерялся, очень испугался? Текст рассказа дает возможность для разных психологических объяснений. Может быть, он был самым увлеченным и потому не сразу среагировал на угрозу? Именно в его руках была подзорная труба, которая могла помешать ему сразу убежать.

---

[34] Невольно мы вспоминаем и слышим как далекое эхо «пьяницу» **Семена** Захаровича Мармеладова из романа Достоевского «Преступление и наказание», который в своей пьяной исповеди в грязном кабаке как будто заголился и сам себя высек (*«Я звериный образ имею <...> я подлец <...> я прирожденный скот! <...> Раздался смех и даже ругательства»*. Так «скептик» Замятин в своем веселом рассказе, по-детски играя, с иронической улыбкой как будто переходит от «*страшного*» Достоевского к «*смешному*» и любимому им Гоголю.

Какова позиция автора? Совершенно очевидная авторская ирония говорит о том, что друзья, конечно же, виноваты: они виновны хотя бы в том, что даже не сделали попытки помочь своему другу, так как думали только о собственном спасении. О степени этой вины, о том, является ли это прямым предательством, можно спорить.

Серьезная для нас проблема заключается в другом: как изменится отношение Вовочки к своим, казалось бы, «*самым верным*» друзьям? Будет ли он прямо обвинять и строго судить их? Гордо порвет ли с ними отношения или все же милосердно простит их? Как в идеале должен поступать человек в подобной ситуации?

Христианский идеал настоящей дружбы в русской классической литературе XIX века воплощен в гениальной лирике Пушкина. Самые высокие нравственные требования человек должен предъявлять прежде всего к самому себе, а других, тем более своих друзей, надо уметь благородно прощать, надеясь на их собственное раскаяние, совестливое осознание своей вины, своей греховности, своего падения, на их внутреннюю способность к «воскресению»; надо уметь навсегда забывать все свои обиды и бескорыстно прощать ближнего. К настоящей дружбе способны только благородные люди.

Из «Замятинской энциклопедии» мы узнаем, что в родном городе Замятина — в Лебедяни, по преимуществу купеческом, мещанском городе, с населением около семи тысяч жителей — в конце XIX века было семь церквей и Свято-Троицкий монастырь.

В рассказе «Огненное А» из примет церковной городской жизни представлен только «***пустой монастырский выгон***» (место, где пасется скот), который в контексте всего рассказа приобретает зловещий символический смысл и означает крушение в России Православной церкви накануне революции, церкви, поддержавшей отречение Николая II.

«*Пустой монастырский выгон*» означает оскудение православной веры и деградацию значительной части народа, угасание в человеке духовного и торжество плотского начала, означает временную победу в душе человека дьявола (всегда стремящегося уподобить человека скоту) над Богом, когда опустевшее место духовного водителя, священника, теперь занимает «*купец Заголяшкин*», как будто новый «властитель дум», с его культом денег и материального богатства, с его неизменным и часто пьяным «*сторожем Семеном*»[35].

Купец с анекдотической фамилией Заголяшкин как будто оказывается последним звеном в одном ряду таких «живых» и сложных образов купцов в русской классической литературе, как страдающие «самодур» Дикой и деспот Кабанова в «Грозе» (1859), как жестокие по отношению к Ларисе Огудаловой Паратов, Кнуров и Вожеватов в «Бесприданнице» (1879) А. Островского, как торжествующий в финале пьесы А. Чехова «Вишневый сад» (1904) «*хищник*» с «*нежной душой*» Лопахин, как замоскворецкий купец

[35] Мы вспоминаем и других персонажей с именем Семен в предреволюционной прозе Замятина: в повести «Уездное» (1912) хитрый **адвокат Семен Семенович** Моргунов «*вел у купцов все их делишки темные*», а Барыбе за лжесвидетельства в суде постоянно платил деньги; в рассказе «Кряжи» (1915) веселый **поп Семен**, в старое время славившийся своей премудростью, теперь живет не для Бога, а для своего чрева. Напомним, что имя Семен (Симеон) в святцах значит «слышащий Бога» (греч.). **По контрасту** мы вспоминаем и рассказ Ивана Шмелева «Правда дяди Семена» (1915), в котором простой **крестьянин дядя Семен** видит на «*синих куполах крест небогатой церкви в тихом озарении вечера*» (1, 607) и говорит о законе правды Божией как об основном законе всего русского бытия. Вспоминаем и **Семена** из детских воспоминаний главного героя книги Шмелева «Лето Господне»: «Слезы мне жгут глаза: радостно мне, что это наши, нашего двора, служат святому делу, могут и жизнь свою положить, как **извозчик Семен**, который упал в Кремле за ночным Крестным ходом, — сердце оборвалось. Для Господа ничего не жалко. Что-то я постигаю в этот чудесный миг... — есть у людей такое... выше всего на свете... — Святое, Бог!» (4, 173).

Культяпкин в рассказе И. Шмелева «Лихорадка» (1915), который, спасая свою душу, часть накопленного богатства жертвует церкви на «*електричество на колокольню <...> и новый алтарь*», так что молодой художник Качков, показывая на звенящую колокольню, восклицает: «*Прощаю! Все прощаю Культяпкину! <...> И если бы не было этих Культяпкиных, эта колокольня была бы во тьме, не горела бы эта звезда... не звонили победно... Темные церкви были бы, потому что ни ты, ни я не придем и не заставим гореть!*»[36]

Но у неореалиста Замятина даже нет живого образа — осталась только смешная фамилия, ставшая разоблачительным символом русского купечества, которое все-таки, как утверждает Иван Шмелев в своем небольшом очерке «Душа Москвы» (1930), оставило в истории страны добрую и благодарную память не только в промышленности и торговле, но и в «духовном строительстве России».

И этому деловому, социальному, материальному миру «*купца Заголяшкина*» и «*глупых больших*» в рассказе противопоставлены «*четверо второклассников*», мечтателей и бунтарей, которые из **украденных** с «*лесного склада*» дров «*сложили букву А — и заполыхало на выгоне*». В кульминационной точке сюжета в тексте рассказа пять раз повторяется буква «А»: «*огненное*», «*колоссальное огненное*», «*красно-огненное А*»[37].

Но вводя мотив украденных дров и показательную порку Вовочки («*Мальчика Вовочку заголяшкинский сторож изловил и, заголивши, высек*»), автор рассказа с иронической улыбкой, с легкой усмешкой-ухмылкой посмеивается над утопической мечтой «*великих второклассников*».

Концовка рассказа «Огненное А» («*А с утра великих второклассников глупые большие засадили за историю Иловайского: до экзамена один день*») как будто символически передает атмосферу временного затишья накануне решающих перемен в России, атмосферу, дух которой совершенно по-другому и в другой стилистике еще раньше выразил Чехов в пьесе «Вишневый сад» (1903): «*Слышится отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный. Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву*». А после «успешной» революции этот стук топора будет несмолкаемо звучать еще долгие годы.

У многих современных читателей рассказа, написанного в 1918 году, очень естественно возникают ассоциации с Октябрьской революцией 1917 года, когда уже взрослыми мечтателями и романтиками (такими же быстро выросшими «*великими второклассниками*») в «*великий день*» в Петрограде было зажжено «*красно-огненное А*» и по всей стране вскоре покатилось огненное Красное Колесо «легиона бесов», кровавое колесо, по словам Замятина, «партии организованной ненависти, которая свое дело — окончательное истребление трупа старой России — выполнила превосходно» (4; 314), очень быстро заразив ненавистью и дикой злобой одичавших людей российского «пролетариата».

После такого «*колоссального огненного **А***» последовало безбожное, безумное, безнравственное, безобразное, беспамятное и беспощадное «**Б**», хотя в самом рассказе Замятина мы еще не чувствуем реальной угрозы «антропологической катастрофы» (М. Мамардашвили), небывалой, крайней катастрофы, трагические последствия кото-

---

[36] Шмелев И. С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. М., 2015. С. 602—603.

[37] «Огонь — в народных представлениях одна из основных стихий мироздания <...> Символика огня, как и воды, имела двойственный характер. На одном полюсе — образ грозного, яростного, мстительного пламени, грозящего смертью и уничтожением. На другом — стихия очищающего пламени, несущего свет и тепло, воплощающего творческое, активное начало» (Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 284).

рой через некоторое время с поразительной силой, используя совершенно новый язык и найдя свою, трагическую интонацию, изобразил Андрей Платонов (1899—1951) в повести «Котлован» (1930).

Тысячи больших храмов в городах и маленьких церквушек в деревнях было уничтожено (включая храм Христа Спасителя)[38] или превращено в разного типа «*склады*», несчетное число священников и монахов было расстреляно, а «*сторож Семен*» уже неусыпно охранял новое — тоталитарное — государство большевиков-атеистов (напоминающее «дьявольский монастырь»), в котором творческая и мыслящая интеллигенция была лишена элементарной свободы слова, навсегда исчезли дворянство[39] и купечество, крестьяне «*на пустом монастырском выгоне*» снова были превращены в «крепостных», подобных «скоту» (с беспросветным, каторжным трудом), и миллионы ни в чем не виновных людей всех сословий, возрастов и убеждений оказались в сталинских концентрационных лагерях, оказались на территории под названием «Архипелаг ГУЛАГ», о чем нам предельно искренне и правдиво рассказали В. Шаламов и А. Солженицын, Ю. Домбровский и Е. Федоров, О. Волков, Г. Демидов и другие писатели, прошедшие через советскую каторгу.

А в новых школах «*глупые большие*» уже заставляли учить не «*историю Иловайского*», историю царской России, а учебники по новой истории советского государства, и требовалась «вера» в коммунистические идеи партии[40].

Удивительная ирония Замятина, из неореалистов «самого лукавого писателя» (Я. Браун), проявляется и в самом выборе имени главного героя рассказа — «*Вовочка*», что вызывает у современного читателя ассоциации с распространенными «детскими» анекдотами.

Как показал современный исследователь русского фольклора и литературы А. Белоусов, первые анекдоты про «Вовочку», который является «олицетворенной пародией» на «выработанный обществом образец, культурный идеал ребенка», появились еще до революции и высмеивали «маменького сынка» из дворянских семей, а также пародировали мифологию «героического детства». Особенное распространение уже советские анекдоты получили в конце 60-х годов, чему способствовал и «культ нового святого Владимира», Ленина, «благонамеренными рассказами о детстве которого постоянно пичкала читателей официальная пропаганда». В современных анекдотах о Вовочке мы видим «пародирование официальной культуры», а также родительских взаимоотношений с ребенком[41].

С нашей точки зрения, выбор Замятиным имени своего героя может быть непосредственно связан не только с анекдотами, но и с упоминаемой А. Белоусовым популярной в то время «комедией Евстигнея Мировича „Вова приспособился“ (1915)»,

---

[38] В Лебедяни церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, в которой свыше тридцати лет служил отец Замятина, «не сохранилась, не осталось следа и от могилы Ивана Дмитриевича, похороненного возле храма» (Замятинская энциклопедия. С. 23).

[39] В рассказе «Землемер» (1918) появляется «пейзажный символ — пожар, в огне которого гибнет дворянская усадьба. Огонь символизирует здесь мятежную и стихийную сущность России» (Давыдова Т. Т. Указ. соч. С. 221).

[40] «Мечтателю» Замятину близка и понятна позиция Г. Уэллса, который «путь для болезненного пересоздания человечества видит в правильной постановке школьного воспитания, и особенно в правильной постановке изучения истории. Идея такова: долой историю наций; везде, во всех государствах должна изучаться одна и та же история человечества — с самого начала возникновения жизни на нашей планете и до наших дней; тогда нации излечатся от патриотизма, и в умах молодого поколения выработается широкая, космополитическая, вселенская философия» (4; 380).

[41] Белоусов А. «Вовочка» // Белоусов А. Культура. Литература. Фольклор. М., 2023. С. 277—303.

экранизированной в 1916 году и с большим успехом прошедшей по кинотеатрам страны. Главного героя комедии Е. Мировича (1878—1952), молодого барина Владимира Штрика, Вовочкой называют и мать-баронесса, и сестра Софья, и автор так его представляет в списке действующих лиц.

Кроме того, имя «*великого второклассника*» из рассказа Замятина — «*Вовочка*», который со временем, во взрослой жизни, неизбежно станет Владимиром, может вызвать у современных читателей высокие исторические и современные ассоциации:

великий киевский князь Владимир (нач. 950-х — 1015), равноапостольный князь, с которого началась тысячелетняя история православной Руси-России;

Владимир Ленин (1870—1924), окончивший гимназию в Симбирске, создатель партии большевиков, с именем которого мы связываем начало новой — советской — эпохи XX века;

третий Владимир, из Санкт-Петербурга, президент постсоветского государства, перед которым стоит историческая задача возрождения великой России и спасения православной цивилизации, а значит, и спасения всего мира, всего человечества.

Если учитывать, что рассказ Замятина в значительной степени является автобиографическим, то ясно, что действие в нем происходит в 90-е годы XIX века. Каково же возможное будущее этих «*четверых второклассников*» («*четыре багровых тени*»)? Кем они могли бы стать через 20—30 лет?

«*Трое второклассников*», как и многие представители «передовой», атеистической интеллигенции, с энтузиазмом встретят революцию, возможно, даже с радостью вливаясь в ряды новых устроителей мира и принимая непосредственное участие в этой революции. Это будет временем их бунтующей молодости.

Но возможно, что вскоре, ужаснувшись тому, что произойдет сразу после «освободительной» революции (о чем расскажут М. Горький в «Несвоевременных мыслях» и И. Бунин в «Окаянных днях», Е. Замятин в рассказе «Пещера» и И. Шмелев в повести «Солнце мертвых»), они с миллионами беженцев навсегда покинут страну: «*Трое, самых верных — через забор*». А с ними все-таки, в итоге — и четвертый.

Вполне возможен и другой жизненный вариант. Пройдет оптимистическая и нетерпеливая молодость, и они из мечтателей и романтиков очень быстро превратятся в «*глупых больших*». Оставшись в России, они неизбежно станут либо случайными жертвами тоталитарного режима, либо обыкновенными, способными на любой компромисс обывателями, для которых главным будет не свобода слова, не социальная справедливость, а элементарное выживание в новом, «свободном» мире, к которым можно будет отнести крылатое выражение «Вова приспособился», использованное Маяковским в поэме «Владимир Ильич Ленин» (1924): «*Вокруг него / его подхалимы — / патриоты — / приспособились Вовы — / пишут, / руки предавшие вымыв: / Рабочий! / дерись, / до последней крови!*»

Главный герой рассказа станет писателем Замятиным, который будет «еретиком» как в дореволюционной России, так и в советские годы. К реальной политике большевиков, политике насилия и тоталитаризма, запрета на свободу слова, открыто критическое отношение Замятина будет выражено в целом ряде статей уже в первые месяцы после Октябрьской революции[42].

Весной 1919 года в статье «Завтра» Замятин, защищая свободу слова в атмосфере революционного насилия и террора и излагая романтическую концепцию свободной

[42] «Много звериного, пещерного будет записано историей в последний период российской революции» («Последняя страница», 1918; 4, 312); «Партия организованной ненависти, партия организованного разрушения делает свое дело уже полтора года. <...> К созидательной работе она органически не способна» («Беседы еретика», 1919; 4, 313—314).

личности-«еретика», утверждает: «Мир жив только еретиками: еретик Христос, еретик Коперник, еретик Толстой. <...> Мы пережили эпоху подавления масс; мы переживаем эпоху подавления личности во имя масс; завтра — принесет освобождение личности — во имя человека. <...> Словом русская интеллигенция, русская литература — десятилетия подряд боролась за великое человеческое завтра. И теперь время вновь поднять это оружие» (3; 115).

А в рассказе «Пещера» (1920), «рассказе потрясающей силы» (А. Солженицын), о наступившем новом пещерном образе существования человека вскоре после Октября, обыкновенная печка уже кажется «*великим огненным чудом*» и кража дров оказывается необходимым условием спасения от смертельного холода, так что теперь благополучная дореволюционная жизнь России, отчасти изображенная в рассказе Замятина «Огненное А», теперь видится как счастливая «сказка».

В тексте этого рассказа слово «*пещера*» появляется 26 раз, и Замятин своим «огненным» словом рисует зловещую картину деградации человека и превращения не только прежде уютной квартиры (дома), но и советского Петрограда, и как будто всей России — в «*огромную, тихую пещеру*»; рисует картину эпохальной катастрофы как результат того исторического события, когда в октябре 1917 года «*заполыхало на выгоне <...> красно-огненное „А“*».

И все-таки Замятин, оставаясь «*расколотым человеком*», «*расколотым надвое*» (как он писал о себе еще в 1906 году), и в 20-е годы продолжает говорить о своей вере в революцию, в идею социализма, которая как будто заменяет ему веру в Бога:

> Мы, несомненно, живем в эпоху космическую — создания нового неба и новой земли («Рай», 1921; 4; 315).
>
> Революция — всюду, во всем, она бесконечна, последней революции — нет, нет последнего числа. <...> Багров, огнен, смертелен закон революции, но это смерть — для зачатия новой жизни, звезды. <...> чтобы снова зажечь молодостью планету — нужно зажечь ее, нужно столкнуть ее с плавного шоссе эволюции: это — закон. <...> Еретики — единственное (горькое) лекарство от энтропии человеческой мысли («О литературе, революции, энтропии и о прочем», 1923; 3; 174).

Мотив «неугасимого огня»[43] и «вечного бунта, поднимаемого ради блага человека», является, отмечает Т. Давыдова, «одним из основных в художественной философии Замятина»[44].

Под давлением литературной травли писатель, лишенный свободы слова, но идейно готовый к творческому сотрудничеству с советским режимом, вынужден будет в 1931 году уехать во Францию, где, не отказываясь от гражданства Советского Союза и оставаясь «*верным*» идее революции, почти безрадостно и суетно проживет еще шесть лет в постоянных поисках литературного заработка для своего комфортного существования.

А в рассказе «Огненное А» можно увидеть еще один символический, духовный смысл, приближающий читателя к познанию конкретной истины: каждый ребенок, вышедший «на свет из темной утробы», рождается и приходит в этот мир для того, чтобы зажечь свое радостное, светоносное,«*огненное А*»[45], но важно, чтобы оно было

---

[43] В статье «Уэллс» (1920) Замятин разбирает роман «Неугасимый огонь», роман английского писателя, близкого себе собрата по перу.

[44] Давыдова Т. Т. Указ. соч. С. 611.

[45] Ср.: «Начальная буква в алфавите А есть не что иное, как образ человека, ощупывающего на коленях землю. Опершись на руки и устремив на землю глаза, он как бы читает знаки существа ее» (Есенин С. А. Ключи Марии (1918) // Есенин С. А. Собр.соч.: в 3 т. Т. 3. М., 1970. С.144).

не из украденных дров со «*склада купца Заголяшкина*». Каждый человек, не зная берега своего «я» и до конца пройдя свой жизненный путь, останавливается на своей букве русского алфавита; многие доживают до старости, но, наверное, всего лишь единицы — до мудрой старости.

Только необходимо, чтобы это был путь не сжигающего, разрушающего, демонического, стихийного огня «революции», а увлекательное путешествие в собственную сокровенную глубину в поисках истинного себя, путь очищения, освобождения души от тяжести зла, спасительный христианский путь высшего «*смирения, терпения, любви*» и духовной эволюции, восхождения по лестнице в небо, восхождения из тьмы к божественному Свету, «теплый»[46] путь Веры, Надежды и Любви.

2.

Внутренний мир каждого человека, созданного по образу и подобию Божию, тем более настоящего художника, наделенного божественным даром слова, является тайной для других людей. Мы сделаем посильную попытку только чуть-чуть приоткрыть эту возможную тайну большого русского писателя.

О **духовной драме** Евгения Замятина, человека и писателя (о чем практически не пишут современные отечественные исследователи), жизненный и творческий путь которого, с нашей точки зрения, в значительной степени определялся Божиим попущением, Алексей Ремизов (1877—1957) уже после смерти Замятина в эмиграции, в Париже, вдали от России, вспоминая свой разговор с ним во время одной из их последних встреч, с искренней болью и состраданием написал так:

> ...во всех его прекраснейших строках *я не чувствую музыки* и надо что-то — но что еще надо? — чтобы **распечатать его сердце**, — «когда же?» И он мне ответил: «будет», — и напомнил, что уже раз я его спрашивал и теми же словами в Петербурге.
>
> ...Но какой это был странный скрипящий голос, такие никогда не поют, я понял, что это она — с переломанным носом и торчащей, как лапа, рукой, с **болью** смотревшая на меня <...> **душа Замятина**, и что больше никогда не «будет». И мне было трепетно смотреть на нее.
>
> <...> В его глазах кипел нестерпимо щемящий *огонь* — «это был демон пустыни» — демон **одиночества, беспризорности и отчаянья**[47].

И Зинаида Шаховская (1906—2001), яркий представитель русского литературного зарубежья, знакомая с Замятиным с конца 1933 года, в своих воспоминаниях утверждает: «Как будто какая-то тяжесть его давила и не юмор у него был, а *сарказм*, выращенный на *скептицизме*, а может быть, и на *отчаянии*»[48].

Почему в, казалось бы, глубоко религиозной семье вырос писатель-атеист, «еретик» и бунтарь, «безбожник», скептик и в то же время мечтатель, отвергающий путь естественной эволюции и очень искренне верящий в идею «огненной» революции, в реальную возможность создания земного рая, «*создания нового неба и новой земли*» (4; 315), и «*до конца, до смертного креста*» (Н. Рубцов) остающийся «*верным*» своей романтической мечте, ложной мечте, подменяющей христианский идеал, остающийся верен «огненной» идее революции (дьявольскую сущность которой с поразитель-

---

[46] По-церковнославянски «теплый» — это значит не теплохладный, а, наоборот, пламенный, огненный, зажигающий огонь любви.

[47] Ремизов А. М. Стоять — негасимую свечу // Ремизов А. М. Огонь вещей. М., 1989. С. 468.

[48] Шаховская З. А. Замятин // Шаховская З. А. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 244.

ной глубиной раскрыл еще «*страшный*» Достоевский), которая как будто заменяет ему веру в Бога, веру его отца, православного священника, по заданию — посредника между землей и небом?

Обычно исследователи не задаются этим вопросом, просто не видят здесь особой проблемы, видимо считая это нормальным, естественным явлением в дореволюционной России. С нашей точки зрения, глубинный ответ на этот вопрос надо искать прежде всего в детстве писателя, в его родной семье, в его самых ранних детских воспоминаниях.

А. Стрижев (1934—2022), а вслед за ним Н. Комлик, Дж. Куртис и другие современные исследователи жизни и творчества Замятина рисуют едва ли не идиллические отношения в семье будущего писателя. Но так ли это было на самом деле, в реальной действительности?

Замятин, уже став взрослым человеком, а затем и состоявшимся, известным писателем, очень редко и крайне скупо вспоминает о своих родителях. Что же мы знаем о них, о его семье?

Ст. Никоненко, автор вступительной статьи к пятитомнику Замятина, выражая распространенное сложившееся представление о семье писателя, пишет следующее: «Семья была счастливая, дружная, благочестивая и патриархальная. В доме часто гостили богомолки, странники, и мальчиком будущий писатель часто совершал паломничество вместе с родителями к святым местам, находившимся не столь далеко от родных мест» (1; 6).

В первой полной и очень добросовестно, с опорой на многочисленные источники, биографии Замятина, написанной британским славистом Джули Куртис, мы читаем:

> Его мать, Мария Александровна, урожденная Платонова (1864—1925), была дочерью местного священника; она получила хорошее образование, была музыкально одарена и любила исполнять произведения Шопена, Брамса, Бетховена и Шумана <...> Его отец, Иван Дмитриевич Замятин (1853—1916), также был из семьи священников <...> В 1883 году, после женитьбы, он был назначен священником церкви Покровского прихода в Лебедяни. <...> Он был добрым человеком <...> прихожане его любили, а церковь вознаграждала за образцовое служение на протяжении всей карьеры. В семье соблюдались церковные обряды и праздники, читалось Священное Писание, совершались поездки в близлежащие монастыри. Дом посещали прихожане и местные священники, летом семья участвовала в крестных ходах...[49]

Очень важные дополнительные штрихи к портрету матери писателя мы находим в работе одного из первых отечественных исследователей Замятина, А. Стрижева: «Музыке она обучила и своих детей — Евгения и Александру. Много читала, обладала умом проницательным, умела весело подтрунить и рассказчицей была изумительной. Ее дарования во многом достались сыну»[50].

Выдающийся религиозный философ, в числе других представителей оппозиционной русской интеллигенции высланный в 1922 году из России, Б. Вышеславцев (1877—1954), в своем блестящем эссе «**Тайна детства**» пишет:

> ...*переживания детства определяют всю нашу судьбу и характер*. <...> Оно принципиально связано с эстетическим восприятием мира. Детство «поэтично» потому,

[49] Куртис Дж. Англичанин из Лебедяни: Жизнь Евгения Замятина (1884—1937). СПб., 2020. С. 17—18.
[50] Стрижев А. Н. Заметки на фоне эпохи // Литературная учеба. 1994. № 3. С. 104.

что в поэзии есть непременно нечто детское <...> *Дети суть величайшие поэты и фантасты в своих играх, они постоянно видят сны наяву; и эту детскую способность необходимо сохранить* <...> нужно сохранить в себе нечто детское и преодолеть инфантильное. Современная психология хорошо показала негативный смысл «инфантильности», *дурного мальчишества с его <...> революционным протестом*. Есть люди, навсегда остающиеся «мальчишками». Но необходимо показать позитивный смысл детскости, поэзии детства. Она состоит в близости к бессознательному <...> *в игре фантазии, в снах наяву*, в прелести *пробуждения души*...[51]

В этом фрагменте эссе курсивом мы выделяем то, что, с нашей точки зрения, может помочь многое понять в Замятине — человеке и писателе.

С духовной точки зрения кажется, что и Замятин, атеист и «еретик», на сознательном уровне своей внутренней жизни в значительной степени остался в возрастной душевной эпохе «дурного мальчишества с его революционным протестом», «детским» протестом против «страшного» мира царского режима и православной религии, протеста против русской церкви, ограничивающей своевольную свободу человека.

Автобиографию 1922 года, написанную по просьбе петроградского журнала «Вестник литературы», Замятин начинает так: «*Вы все-таки непременно хотите от меня автобиографию. Но ведь Вам придется ограничиться только наружным осмотром и разве слегка заглянуть в полутемные окна: внутрь я редко кого зову. А снаружи Вы увидите немного*» (2; 3).

Кажется, что и многие отечественные исследователи Замятина, для которых его произведения и его жизнь являются только «предметом» и «объектом» изучения, остаются «снаружи» и лишь «слегка заглядывают в полутемные окна» его загадочного художественного мира и таинственного мира его обезбоженной, мучительно страдающей души.

А в **автобиографии**, написанной **в 1928 году** для первого тома собрания сочинений, приведены самые ранние детские воспоминания писателя, очень похожие на **сновидения** и оформленные **в художественную форму**[52], так что мы можем их читать точно так же, как и художественные произведения писателя-неореалиста, видя в конкретных образах глубокий обобщающий и символический смысл, и, более того, прозревать в них высший, духовный смысл главных событий очень раннего детства Замятина, что делает этот текст одной из художественных вершин в творчестве писателя, где он «*распечатал*» свое сердце, где его израненная, больная душа раскрывается через конкретные образы, звучание слов, через интонацию.

Как дыры, прорезанные в темной, плотно задернутой занавеси, — несколько отдельных секунд из очень раннего детства.

Столовая, накрытый клеенкой стол, и на столе блюдо с чем-то странным, белым, сверкающим, и — чудо! — это белое вдруг исчезает на глазах неизвестно куда. В блюде — кусок еще незнакомой, некомнатной, внешней вселенной: в блюде принесли показать мне снег, и этот удивительный снег — до сих пор.

В этой же столовой. Кто-то держит меня на руках перед окном, за окном — сквозь деревья красный шар солнца, все темнеет, я чувствую: конец, — и страшнее всего, что откуда-то еще не вернулась мать. Потом я узнал, что «кто-то» — моя бабушка, и что в эту секунду я был на волос от смерти: мне было года полтора (1; 21).

---

[51] Вышеславцев Б. В. Тайна детства // Возрождение. 1955. № 46. С. 51—52.

[52] В статье «Психология творчества» Замятин утверждает: «Моменты творческой работы очень похожи <...> на сновидение. Тогда сознание тоже наполовину дремлет, а подсознание и фантазия работают с необычайной яркостью» (5; 320).

Знаменательно, что Замятину прежде всего вспоминается удивительный белый снег (а мы сразу же вспоминаем пушкинские стихи: «*Мороз и солнце; день чудесный!*»), и этот ослепительный свет навсегда останется в памяти писателя, но дальше, кажется, никогда в своей сознательной жизни он уже больше не увидит этот божественный Свет[53].

Но самым поразительным для нас в этом очень раннем детском воспоминании является то, что чудом оказывается не само видение «*белого, сверкающего <...> удивительного снега*», а его внезапное **исчезновение** «*неизвестно куда*», что, по сути, оказывается «**чудом от дьявола**». И этот мотив потом неоднократно будет появляться во многих произведениях писателя[54].

Замятин в этом воспоминании показывает нам, как чистой душой ребенка, подобного ангелу, уже в очень раннем детстве (для многих людей подобном раю) могут овладеть темные силы; говорит о том, что уже в раннем детстве существует реальная опасность вторжения в душу ребенка того, что может разрушить его внутреннюю жизнь, лишить самого главного и самого лучшего, что уже младенческая ангельская душа может быть подвержена бесовскому воздействию и она мгновенно может из радостного рая попасть в мучительный ад[55].

Писатель, обладающий необыкновенной художественной памятью, вспоминает о своей первой встрече с «*внешней вселенной*», и эта встреча оказывается крайне болезненной, становится шоком, травмой, катастрофой сознания, так что автор как будто совсем не помнит и ничего не пишет о естественном счастье детства, о том блаженном времени, когда «счастье катится, как обруч золотой» (О. Мандельштам), глубинная память о чем потом всю жизнь может отвращать человека от зла[56]. Видимо, Замятину после очень раннего переживания темного ада так никогда в его жизненном и творческом движении и не пришло светлое видение спасительного рая, мечтой о котором он жил многие, не очень радостные годы.

Во **втором воспоминании** выражен детский бессознательный страх, ужас от близости смерти, «*конца*», как-то связанного с «*красным шаром солнца*» (в рассказе 1918 года появляется образ «*красно-огненного А*»), которое внезапно ослепило, и затем наступает темнота, где нет любимой матери и только еще бабушка удерживает его на руках от, кажется, неизбежного падения в ужасную бездну.

Если мы помним о законах поэтики неореализма, неоднократно формулируемых Замятиным в своих статьях и лекциях, если мы помним о раннем благотворном влиянии бабушки на художественный язык писателя, то родная бабушка в данном случае может символизировать его творческий дар, который спасал и помогал ему выжить в самые тяжелые, самые трагические дни, месяцы и годы его жизни.

---

[53] По словам О. Седаковой, «раннее детство — все — происходит в мироздании <...> Потом <...> это уходит» (Седакова О. А. Указ. соч. С. 587).

[54] Например, в цикле «Чудеса», или «Нечестивые рассказы» (1917—1924).

[55] М. Цветаева в рассказе «Черт» (1935) сообщает нам о том, как в душе еще пятилетней девочки поселяется черт с «бесцветными, безразличными и беспощадными» глазами, черт, которого она сразу «полюбила» и который «когда-то был любимым ангелом» Бога (Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. М., 1994. С. 33, 55).

[56] Ср.: «...детство, которое я помню, — точнее, младенчество, лет до пяти — несомненно, золотое. Даже ранние печали, хвори, страхи — того же цвета. Меня удивляет, когда кто-то помнит раннее детство иначе. <...> Конечно, бывают очень тяжелые истории, и все же я не могу поверить, что золото, с которым человек рождается на свет, так легко израсходовать. До некоторого времени оно неистощимо — и наоборот, благожелательность ребенка всякое обстоятельство превращает в золото» (Седакова О. А. Указ. соч. С. 33—34).

Удивительно, но неужели Замятин маленьким ребенком никогда не видел (или безвозвратно забыл?) той излучающей свет, веселой и счастливой материнской улыбки (подобной улыбке младенца), которую радостно вспоминает Николенька Иртеньев в повести Л. Толстого «Детство» и которая раскрывает суть христианской любви к каждому человеку (подобной материнской любви к своему ребенку):

> Когда матушка улыбалась, как ни хорошо было ее лицо, оно делалось несравненно лучше, и кругом все как будто веселело. Если бы в тяжелые минуты жизни я хоть мельком мог видеть эту улыбку, я бы не знал, что такое горе. Мне кажется, что в одной улыбке состоит то, что называют красотою лица: если улыбка прибавляет прелести лицу, то лицо прекрасно; если она не изменяет его, то оно обыкновенно; если она портит его, то оно дурно (Гл. II. Maman).

Наконец, **третье воспоминание** «*из очень раннего детства*» Замятина, тоже похожее на страшный сон и связанное с церковью, вызывает у него очень неприятные чувства страха, отчаяния и бесконечного одиночества и символизирует слишком ранний **душевный разрыв** с отцом и матерью, слишком раннее **отчуждение** от своих родителей. Причем настоящие причины этого мы не знаем.

Может быть, он, подталкиваемый опасным детским любопытством, не услышав предупреждающий голос своего ангела: «Отвернись!»[57], слишком рано узнал ужасные для него «тайны» жизни взрослых людей. Есть вещи, на которые ребенку — ради него самого — лучше не смотреть.

Это воспоминание также говорит и о слишком раннем угасании бессознательной детской веры в Бога, угасании детской любви не только к родителям, но и к церкви, к Богу и Богородице, говорит о горестной утрате чувства благодарения матери и Творца за бесценный дар жизни:

> Позже: мне года два-три. Первый раз — люди, множество, толпа. Это — в Задонске: отец и мать поехали туда на шарабане и взяли меня с собой. Церковь, голубой дым, пение, огни, *по-собачьи лает кликуша, комок в горле*. Вот кончилось, прут, меня — щепочку — несет с толпой наружу, вот я уже *один в толпе: отца с матерью нет, и их больше никогда не будет, я навсегда один. Сижу на какой-то могиле; солнце, горько плачу. Целый час я жил в мире один* (1; 21).

Образы кликуш, отчасти символизирующих церковь, появляются в рассказах Замятина «Землемер» и «Знамение», опубликованных в 1918 году. Например, третья глава «Землемера» начинается так:

> Обедня была праздничная, церковь битком набита. Вчера святили яблоки, еще осталась на клиросе чья-то корзинка с янтарным аркадом: пахло яблоками, воском и новым, не стираным, ситцем. В нос, однотонно, пели монашки. Два мужика волокли под руку кликушу — причащать. Желтые глаза ввалились, кликуша кликала дико, а рот у нее закрыт и будто кликал чей-то нечеловеческий голос под сводами (1; 464).

Особый драматизм третьего воспоминания Замятина мы почувствуем и поймем, если сравним его с детскими воспоминаниями Ивана Шмелева (1873—1950), которо-

[57] В «Божественной комедии», когда Вергилий ведет Данте по Аду, он несколько раз вынужден сказать: «Отвернись!»

го русский религиозный философ И. Ильин (1883—1954) и современный литературовед А. Любомудров называют «великим православным писателем»:

> Закрою глаза и вижу.
>
> Сталкиваясь, цепляясь, позванивая мягко, плывут и блещут тяжелые хоругви, святые знамена Церкви. Золото, серебро литое, темный, как вишни, бархат грузным шитьем окован. Идет не идет, — зыбится океан народа. Под золотыми крестами святого леса знамен церковных — гроздья цветов осенних: георгины, астры, — заботливо собранное росистым утром девичьими руками московки светлоглазой <...>
>
> Льется святая Песня — душа над тленьем <...>
>
> Этот великий рокот, святой поток — меня захватили с детства. И до сегодня я с ними, в них. С радостными цветами и крестами, с соборным пением и колокольным гулом, с живою душой народа. **Слышу его с детства** — надземный рокот Крестного Хода русского, шорох знамен священных.
>
> За тысячи верст — все слышу: течет потоком[58].

Глубже и отчетливей поймем, если сравним и с тем, как в книге «Лето Господне» И. Шмелев «показывает нам русскую православную душу в момент ее пробуждения к Богу, в период ее первого младенческого восприятия Божества; показывает нам православную Русь — из сердечной глубины верующего ребенка»[59].

Именно в приведенных выше страшных детских воспоминаниях Замятина, может быть, и находится исток его будущей **духовной драмы**. А живой реальный и метафизический страх ужасного «конца» Замятин и в жизни, и в творчестве будет пытаться преодолеть с помощью всеохватывающей иронии.

И образовавшуюся духовную пустоту потом не смогут заполнить ни студенческая революционная борьба и не очень радостная и бездетная семейная жизнь, ни многолетняя и добросовестная работа инженером-кораблестроителем, ни деятельное служение новому государству в первые послереволюционные годы (активная работа в издательствах вместе с М. Горьким и преподавание), ни достаточно успешное литературное творчество.

В автобиографии 1928 года писатель с помощью конкретных предметных деталей создает почти негативный образ отца, преподающего в лебедянской прогимназии Закон Божий и довольно неожиданно слегка напоминающего нам доктора Старцева, который в финале чеховского рассказа превращается в «*пухлого, красного*» Ионыча с неизменной палкой в руках[60]: «*Я жду у окна, гляжу на пустую, с купающимися в пыли курами, улицу. И наконец едет наш тарантас: везут из гимназии отца; он — на нелепо-высоком сиденье, с тростью, поставленной между колен*» (1; 22).

Каким отцом-воспитателем в своей семье был отец Замятина, каким преподавателем Закона Божия в гимназии был священник Замятин, мы не знаем, но все, что навязывается как идеология, естественно вызывает протестную реакцию. Мы все помним, отмечает О. Седакова, «какими воинственными антиклерикалами стали поповские дети — русские разночинцы»[61].

Мы не знаем, сильно ли Иван Дмитриевич Замятин отличался от тех учителей воронежской гимназии, которую окончил будущий писатель, учителей, требующих пол-

---

[58] Шмелев И. С. Крестный ход (1925) // Шмелев И. С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. М., 2015. С. 431—432.

[59] Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. 2. С. 127.

[60] «Принимая больных, он обыкновенно сердится, нетерпеливо стучит палкой о пол и кричит своим неприятным голосом: „Извольте отвечать только на вопросы! Не разговаривать!“»

[61] Седакова О. А. Указ. соч. С. 379.

ного подчинения и армейской дисциплины и создающих на уроках сонную, тупую атмосферу, что так подробно описал соученик Замятина по гимназии, известный литературовед Б. Эйхенбаум (1886—1959) в письме своему брату в 1903 году:

> В гимназии, начиная со 2-го, 3-го урока, чувствую себя какой-то растаявшей массой, абсолютно неспособной к труду и мышлению. Это бессмысленное часовое сиденье на уроках действует ужасно скверно: умственной работы нет <...> эти «уроки» приучают к лени: ученик должен целый час сидеть, не двигаясь и не произнося ни слова <...> мысль приучается спать. Мне иногда хочется, чтобы какое-нибудь постороннее лицо подглядело в щелку во время латинского, или греческого урока, или во время урока Закона. У всех бессмысленное, тупое, какое-то осоловелое лицо...[62]

Несмотря на то, что Замятин, окончивший воронежскую гимназию с золотой медалью, был бунтарем в душе, видимо, его отрочество оказалось одной из самых конформистских «эпох» его жизни.

Далее из автобиографии 1928 года мы узнаем о том, что в семье будущего писателя постоянно читали газеты: «*Я жду с замиранием сердца обеда — за обедом торжественно разворачиваю газету и читаю вслух огромные буквы: „Сын Отечества“[63]. Я уже знаю эту таинственную вещь — буквы. Мне года четыре*» (1; 22).

Маленький ребенок в семье православного священника читает не детскую духовную литературу, а сначала либеральные газеты (пусть только и название) и чуть позже, кроме «*страшного*» Достоевского и «*смешного*» Гоголя, фантастические романы Уэллса: вместо Бога — марсиане, вместо детских молитв — фантастические мечты.

Видимо, Замятин, так и не постигший сердцем великую поэзию молитвы, в детстве никогда не переживал того счастья, о котором в 1915 году в своих дневниках с такой радостью вспоминает архиепископ Никон (1851—1919), с детства приобщенный к церковной жизни в многодетной семье сельского дьячка и очень рано начавший читать христианскую литературу:

> Мы учились именно по старине: букварь, часослов, псалтырь Царя Давида <...> Помню себя на руках моего родителя, когда он после долгих моих просьб принес наконец из церкви часослов: как же я рад был этой книге, как целовал ее кожаный переплет, ее красные строки!.. Тут же, сидя на руках отца, я дал обещание становиться с ним на клирос, учиться петь, а потом и читать в церкви <...> Сколько радости-то, сколько счастья — стать на клирос, подпевать отцу, а когда усвоишь навык к чтению — прочитать *Ныне отпущаеши*, а потом и Шестопсалмие... Знают ли нынешние дети это счастье?[64]

И все-таки название отцовской газеты на всю жизнь запомнилось Замятину, как «**огненное слово**» навсегда врезалось в его память, в его сознание, и он, видимо, всегда стремился быть достойным «*сыном Отечества*», служить России, верно исполнять свой высший долг, как он вполне искренне его понимал: сначала революционная борьба, затем инженерная работа по строительству ледоколов и других

---

[62] Замятинская энциклопедия. Лебедянский контекст. С. 122.

[63] Ежедневная газета либерально-народнического направления, выходившая в 1862—1901 годах в Петербурге.

[64] Архиепископ Никон (Рождественский). Ценим ли мы свое сокровище? // Москва. 2023. № 5. С. 235.

кораблей для России и, наконец, служение «*огненным*» словом писателя, художника и публициста.

В написанной для «Словаря драматургов» автобиографии Замятин в 1931 году, вспоминая детские годы в родительском доме, пишет о постоянном участии своей семьи в крестных ходах в Лебедяни и рисует весьма неприглядную картину: «*Летние крестные ходы с запахом полыни, с тучами пыли, с потными богомольцами, на карачках пролезающими под иконой Казанской. Бродячие монахи, черничк, юродивый Вася-Антихрист, изрекающий божественное и матерное вперемежку...*» (3; 3).

А еще раньше, в 1922 году, Замятин вспоминает и записывает в черновиках свои детские, отталкивающие от церкви впечатления, тягостные воспоминания о воскресной обедне в Воронеже, где он тогда учился в гимназии[65]:

> В давние гимназические годы — нас, бывало, в воскресенье гоняли к обедне — в ногу, по четверо. В соборе, где обедня — все в тысячелетней, скучнейшей, благочестивейшей пыли: косые пыльные лучи, колонны, дьяконы, фимиамы, служки, умильно прикладывающиеся к протоиерейской руке, гнусавое протоиерейское: «Главы ваши Господеви преклоните!»...[66]

9 мая 1906 года, оказавшись в родительском доме в Лебедяни, куда он был выслан после трехмесячного тюремного заключения в Петербурге за участие в революционной работе, Замятин в очень редком для него исповедальном письме пишет своей будущей жене:

> **В семье — драма, молчаливая, тихая**. Драма такая, как чеховский «Вишневый сад», как «Дядя Ваня». Семья разрушается, обваливаются красивые пристройки, остаются голые, старые, пустые стены.
>
> Мать всю жизнь жила только детьми — мною и сестрой. Теперь дети ушли: сестра — замуж, я совсем в другую, чужую жизнь. А она стоит и видит впереди себя одно пустое пространство: нет цели жизни, нечем дышать. Переживать это — тяжело невыносимо. Смотреть — тоже тяжело <...>
>
> Устал оттого, что нет жизни, которая толкала бы, будила, увлекала, не давала слишком задумываться. А то иной раз, как сегодня, дойдет до того, что ни в себя и ни во что, кажется, не веришь, и ничего нет в душе — ни энергии, ни мысли: пусто там, как в вымершем доме <...>
>
> ...Три месяца убийственного **однообразия тюрьмы**, два месяца **однообразия здесь**.
>
> <...> А я уеду, несмотря ни на что, ни на кого. Ведь в конце концов **я эгоист**...[67]

Сравнение с пьесами Чехова позволяет нам предположительно говорить об отсутствии у матери писателя глубокой веры, о недостатке в семье христианской любви-жалости друг к другу и настоящего понимания друг друга, о постоянном «диалоге глухих», как и в пьесах Чехова, когда каждый говорит о своем и о себе и у каждого своя драма, когда в повседневной, бытовой суете утрачивается высший смысл жизни и в душе

---

[65] Ср. с похожими воспоминаниями М. Цветаевой: «Эти воскресные службы для меня были — вой. „Священники пришли“ звучало совершенно как „покойники“. <...> Каждая православная служба, кроме единственной — пасхальной, вопящей о воскресении и с высоты разверстых небес отрясающей всякий прах, каждая православная служба для меня — отпевание. <...> Ничего, ничего, кроме самой мертвой, холодной как лед и белой как снег скуки, я за все мое младенчество в церкви не ощутила. Ничего, кроме тоскливого желания: когда же кончится?» (Цветаева М. Указ. соч. С. 47).

[66] Замятин Е. И. Я боюсь. С. 241—242.

[67] Рукописное наследие... С. 35.

рождаются тоска и отчаяние — от катастрофического разрушения семьи, дома и «*пустого пространства впереди*»[68].

Предельно искренне признающийся в своем эгоизме и «*невыносимо*» страдающий студент петербургского института, у которого в душе нет Бога («*пусто там, как в вымершем доме*»), стремится как можно быстрее покинуть дом родителей и уехать в «*другую жизнь*».

В этом воспоминании Замятин ничего не пишет об отце. Видимо, разрыв с отцом у него был сильнее, а драма матери — глубже, безысходнее, что, может быть, отчасти объясняется ее исходной, в определенной степени **эгоистической любовью** к детям: родила и любила их прежде всего для себя. Поскольку «*всю жизнь жила только детьми*», то теперь дети тоже как будто должны жить прежде всего для нее, а они «*ушли*», и стало «*нечем дышать*».

Наверное, Замятин ребенком никогда не испытывал той радости от бескорыстной, самоотверженной, неэгоистичной любви «*любимой матери*», которая дает ощущение чуда, восторга и полной гармонии с миром, и это вызывает чувство непосредственной детской любви к Богу, что чувствовал Николенька Иртеньев в повести Толстого «Детство»:

> ...она не боится излить на меня всю свою нежность и любовь. <...> Слезы ручьями льются из моих глаз — слезы любви и восторга.
>
> После этого, как, бывало, придешь на верх и станешь перед иконами, в своем ваточном халатце, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: «Спаси, Господи, папеньку и маменьку». Повторяя молитвы, которые в первый раз лепетали детские уста мои за любимой матерью, любовь к ней и любовь к Богу как-то странно сливались в одно чувство <...>
>
> Еще помолишься о том, чтобы дал Бог счастия всем <...> и уснешь тихо, спокойно, еще с мокрым от слез лицом (Гл. XV. Детство).

Современный немецкий славист и исследователь творчества Замятина Р. Гольдт утверждает:

> Оппозиция к родительскому дому и политическая оппозиция к государству коренится в религиозном кризисе Замятина, который уже в первые годы пребывания в Петербурге приводит его к отказу от христианской веры. <...> Обращение Замятина к атеизму означает решение, которое уже никогда не будет пересмотрено <...>
>
> Выросший среди женщин (бабушка, мать, тетя и сестра), Замятин переживает *интенсивный конфликт с отцом*, который отражается в его творчестве. Здесь происходит попытка *освобождения от предрассудков религиозных, политических, семейных и эротических*[69].

С нашей точки зрения, начальный **атеизм** Замятина зарождается все-таки еще в его **раннем детстве** — в душевном отчуждении от, казалось бы, верующих и добропорядочных родителей, затем, видимо, под влиянием чтения книг «всех борцов за свободу мысли, всех безбожников-отрицателей» (И. Шмелев) и чтения либеральных газет укрепляется в **скептическом отрочестве**, о чем с присущей ему самоиронией пишет сам писатель:

---

[68] В сатирической, антирелигиозной сказке «Дьячек» (1915) вместо небесной синевы перед глазами главного героя возникает образ «пустого пространства» («...одна изморось, мгла, туман»), что говорит о богооставленности человека.

[69] Гольдт Р. Религиозный кризис и протест против мира отцов // Е. И. Замятин: pro et contra. С. 291, 292.

> Скептический диогеновский фонарь — в 12 лет. Фонарь был зажжен одним здоровым второклассником и — синий, лиловый, красный — горел у меня под левым глазом целых две недели. Я молился о чуде — о том, чтобы фонарь потух. Чудо не свершилось. Я задумался («Автобиография», 1928; 1; 22).

Скептический атеизм, видимо, только усиливается в эпоху **эротической юности**[70], когда плотские инстинкты перерастают в природную неутоленную страсть, что позднее выльется в «темную, зачастую деструктивную, сексуальность многих замятинских текстов» (Э. Лукоянов).

А в студенческие годы **нетерпеливой** и деятельной **молодости**, в общественной атмосфере безбожных соблазнов, либеральных идей и революционной борьбы с самодержавием, атеизм уже окончательно определяет материалистическое мировоззрение будущего писателя. В черновых набросках Замятина, сделанных в 1921 году, мы читаем: «*Человек — от обезьяны, что делать*»[71]. Но быть атеистом для Замятина — это проявлять настоящее мужество.

А. Стрижев говорит о «холодных тонах» в «общении между отцом и сыном»[72] и о стремлении сына смягчить их отношения. И подтверждение этому исследователь находит в двух фактах:

1) в письме от 20 декабря 1905 года, во время ареста, Замятин «пробует утешить отца»: «*Твоя вера поможет тебе, дорогой мой отец, перенести горе. Меня оно, может быть, научит лучше верить*»;

2) «...в мае 1913 года Замятин хотел порадовать отца и послал ему номер журнала „Заветы“ с повестью „Уездное“ с предельно лаконичной надписью: „*Отцу*“»[73].

Но эти же факты можно интерпретировать и совершенно по-другому, если посмотреть на них другими глазами. В первом случае с присущей ему привычкой к иронии Замятин таким образом, сознательно или даже бессознательно, едва уловимо **посмеивается** и над «профессиональной» верой отца, и над собой, над своей «верой», еще не прошедшей серьезного испытания верой в революцию.

А во втором — это уже прямой и бескомпромиссный **вызов** сына, «еретика» и атеиста, отцу-священнику, его евангельским «заветам», его вере и его Церкви, типичный представитель которой в повести «Уездное» — монах Евсей – представлен пьяницей, который прячет деньги под алтарем, мечтает о полной свободе и уходит в запой на целую неделю. Веру этого монаха постоянно высмеивает и местный «философ» — портной Тимоша[74].

---

[70] Вспомним стихотворение Пушкина «В начале жизни школу помню я» (1830) и «двух бесов» — «беса гордости ужасной» и «сладострастного» беса, «лживого, но прекрасного», в которых Д. Мережковский увидел «два идеала языческой мудрости» («Пушкин» (1896) // Пушкин в русской философской критике. XIX—XX век. М.; СПб., 1999. С. 121).

[71] Замятин Е. И. Я боюсь. С. 238.

[72] «Участие Е. Замятина в демократическом движении в период революции 1905 года, его атеизм доставили немало горьких минут отцу. Упреки горожан и церковного начальства, с одной стороны, и твердое убеждение в неправоте сына, отвергшего предание и патриархальную жизнь, — с другой, окрасили в холодные тона дальнейшее общение между отцом и сыном» (Наше наследие. 1989. № 1. С. 115).

[73] Стрижев А. Н. Указ. соч. С. 103.

[74] «В образе портного-еретика писатель воссоздал одну из тенденций в духовной жизни России 1900—1910 гг. — критику Церкви и крушение веры в Бога. Это было типично для тех, кто участвовал в революции либо сочувствовал ей» (Давыдова Т. Т. Указ. соч. С. 598).

В повести «Уездное» (1912), с которой и начинается настоящий Замятин[75], изображена, по словам критика А. Воронского (1884—1937), «царская дореволюционная провинция <...> тут все со **скрытой насмешкой, ухмылкой и ехидством**»[76]. Так изображая уездную Россию, автор, как будто поддакивая своему предреволюционному времени, убеждал читателя в необходимости кардинальных перемен[77].

Кажется, что взгляду неореалиста совершенно недоступно видение той России, которая «граничит с Богом» (Р. Рильке), той страны «земли небесной», образ которой в своих светоносных произведениях создавали Борис Зайцев (1881—1972) и Иван Шмелев, писатели, которые, если использовать слова и образы Ольги Седаковой, даже «в печном огне» видели «родных небес веселый треск».

В уездном городе без труда угадывается родная для Замятина Лебедянь, а главными героями оказываются сын сапожника Анфим Барыба, с его «*четырехугольным ртом и узеньким лбом*», с его «*страшным, а все же ладом*» (герой, которому Тимоша говорит: «*...ты-то утробой живешь... У тебя Бог-то съедобный*»), в финале повести ставший подобным «*старой, воскресшей курганной бабе, нелепой русской каменной бабе*», и плотоядная и сладострастная купчиха Чеботариха, у которой, «*первой богомольницы в Покровской церкви*», в спальне горит «*лампадка*» и «*поблескивают ризы у икон*»: «*Раскрыта кровать, и на коврике возле бьет Чеботариха поклоны. И знает Барыба: чем больше поклонов, чем ярее замаливает она грехи, тем дольше будет мучить его ночью*» (1; 89).

И что удивительно, автор, который угадывается за рассказчиком, подобным «сказителю»[78], как будто любуется своими героями, с их животными страстями, и даже любит их, а у читателя возникает либо естественное нравственное отвращение, либо нездоровое чувство любопытства к этим «утробным» и «безобразным» персонажам, что можно объяснить и стремлением к расширению жизненного знания и опыта.

В статье «Психология творчества» Замятин признается: «*Я помню отлично: когда я писал „Уездное“ — я был влюблен в Барыбу, в Чеботариху, — как они ни уродливы, ни безобразны. Но есть — может быть — **красота в безобразии, в уродливости***» (5; 317). Но это, с нашей точки зрения, не христианский взгляд на человека. Замятин видит не божественный лик человека, созданного по образу и подобию Божию, не живое лицо сложного человека, а только дьявольскую личину и мнимую, обманчивую красоту в безобразии и уродливости.

Повесть «Уездное» можно прочитать как **антижитие** грешника Анфима Барыбы, многократно и легко нарушающего многие евангельские заповеди: «не укради», «не прелюбодействуй», «не лжесвидетельствуй», причем «каждое следующее прегрешение Барыбы тяжелее предыдущего» (Т. Давыдова); можно прочитать как язвительную

---

[75] «Успех произведения превзошел все ожидания редакции: на эту повесть откликнулись ведущие столичные и провинциальные критики, многие писатели» (Давыдова Т. Т. Указ. соч. С. 694); «...появилось более 300 упоминаний о ней в литературных обзорах» (Куртис Дж. Указ. соч. С. 52).

[76] Воронский А. К. Евгений Замятин // Воронский А. К. Избранные статьи о литературе. М., 1982. С. 119.

[77] «...Сплошной свинский русский быт. Откуда такое зрение? Откуда столько озлобления на жизнь и на людей? Отталкивание от всего окружающего. А по нагнетанию мрака — как это напоминает бунинскую „Деревню“ (1910) <...> А у Горького сколько подобного? Замятин поддался потоку и пошел в нем, это так было модно у левых» (Солженицын А. Из Евгения Замятина // Новый мир. 1997. № 10. С. 189).

[78] В центре внимания молодого «формалиста» Б. Эйхенбаума находится стиль повести: «Вместо простого повествования — имитация сказовых интонаций и синтаксиса <...> Рассказчик бесстрастен. <...> не рассказчик, а „сказитель“. <...> Повесть рассказана так, что от „автора“ нет в ней ни одного слова. <...> Язык повести — хитрый, забавный, со множеством областных слов» (Эйхенбаум Б. М. Страшный лад // Эйхенбаум Б. М. О литературе. М., 1987. С. 290).

пародию на евангельскую притчу о блудном сыне и в этом увидеть модернистскую игру писателя-неореалиста.

В последней главке повести автор показывает, как Барыба, спустя много лет уже став урядником, в «*кителе с погонами, с ясными пуговицами*», победителем является к своему отцу, который когда-то прогнал его, и тот снова в гневе окончательно выгоняет его из дома:

> И вдруг весь затрясся старик и завизжал, забрызгал слюной:
>
> — Во-он из мово дому, вон, негодяй! Я т-теде сказал, чтоб ты не смел к порогу моему подступать. Пошел во-он, вон!
>
> Очумелый, вытаращил глаза Барыба и стоял долго, никак не мог нонять. Когда прожевал, молча повернулся и пошел назад (1; 134).

В повести «Уездное» (в которой «реализуется замятинский художественный принцип дробного изображения жизни»[79]) «крупным планом показаны церковь и судебные органы — разложившиеся стерегущие хранительницы народной нравственности»[80]. В этом и во многих других произведениях Замятина, как отмечает А. Солженицын, проявляется «острая, назойливая атеистичность», «испытанная и никогда не покидавшая противорелигиозность», «настойчивый атеистический и антицерковный импульс»[81].

Можно предположить, какое душевное потрясение, какую глубокую боль, какое отчаяние и страх за губящего свою душу сына вызвало у отца, православного священника, дьявольски талантливое сатирическое художество его сына в повести «Уездное», писателя, которому оказывается недоступна глубинная сущность монашеской жизни и который говорит «отравную ложь» о русском монашестве.

Если представить человека кентавром, у которого собственно человеческой является лишь его верхняя половина, то Замятин изображает по преимуществу его нижнюю, животную часть.

Как пишет А. Стрижев, «нигилизм, а затем и атеизм Евгения Ивановича, его бурное участие в демократическом движении накануне и в самом ходе первой русской революции доставили немало горьких минут его отцу <...> После перенесенных душевных горестей о. Иван сдал, на него напали постоянные хвори. То лихорадка-огневица, с ее жаром и ознобом, то хромота появилась — ногу парализовало <...> то в шею кольнуло — головы не поворотить»[82].

А в 1916 году Иван Дмитриевич Замятин, видимо мучительно и совестливо чувствуя свою страшную, непоправимую вину за сына перед Богом, перед церковью и своей паствой, скончался. И отвергший веру отца, освободившийся от «религиозных, политических, семейных и эротических предрассудков» (Р. Гольдт) сын, уже ставший известным писателем, к своему глубокому сожалению, даже не успел попрощаться с умирающим отцом.

Библейский взгляд на причины и сущность болезни предполагает внутреннюю связь тела с жизненной силой души и рассматривает болезнь не только как Божие испытание, даваемое ради укрепления в вере, но и в каких-то случаях как возможное средство справедливого наказания[83] и кары человека[84] за его действительные, реальные или вну-

---

[79] Давыдова Т. Т. Указ. соч. С. 596.

[80] Полякова Л. В. Указ. соч. С. 252.

[81] Солженицын А. И. Указ. соч. С. 189, 190, 193.

[82] Стрижев А. Н. Указ. соч. С. 103, 104.

[83] Я хорошо помню свои ранние детские чувства и мысли, когда болел: это тебе наказание за какие-то поступки, греховные чувства и мысли, и еще хорошо, что наказание оказывалось не слишком суровым.

[84] Уточним: с нашей точки зрения, наказание — это все-таки ветхозаветный взгляд, а новозаветный, скорее всего, — попущение.

тренние, душевные грехи[85]. Об этом очень редко говорят, но, наверное, многие думают. Видимо, у глубоко страдающего отца-священника не было никакой надежды на покаяние и возвращение «блудного сына» в лоно православной церкви, на его смиренное возвращение к Отцу.

Знаменательно, что писатель и с матерью перед ее уходом в мир иной не успел попрощаться. 21 декабря 1925 года из Лебедяни Замятин в письме к своей жене горестно сообщает: «Страшно, что все вышло так же, как и с моим отцом <...> в пятницу — конец, и так же — в воскресенье — приехал я, на несколько часов позже, чем нужно»[86].

Сын священника, еще в «эпоху отрочества» пришедший в очень опасное состояние «окамененного нечувствия» к православному христианству и ставший «скептиком», что можно назвать болезнью умственного роста, на протяжении многих лет испытывает состояние душевной депрессии и внутренней «*расколотости*», когда утрачен мир с самим собой, утрачен контакт с собственным сердцем, когда, как у грибоедовского героя, «ум с сердцем не в ладу». Еще 9 апреля 1906 года в письме к своей будущей жене Замятин искренне и сокрушенно признается:

> Расколотый я человек, расколотый на двое. Одно «я» хочет верить, другое — не позволяет ему, одно — хочет чувствовать, хочет красивого — другое смеется над ним, показывает на него пальцами. Одно — мягкое, теплое, другое — холодное, острое, беспощадное, как сталь... И оно побеждает, холодное, оно побеждало всегда — с тех пор, как я стал думать[87].

Уже в молодости, по словам Л. Геллера, «начиная с 1911 года (ему тогда было 27 лет), он **постоянно болел**, постоянно думал о болезнях. В письмах жене-врачу он дает подробности своих вечных мигреней, бессонниц и катаров желудка <...> Замятина мы знаем по многим портретам: сильный, самоуверенный человек зорко взирает на мир из крепости иронического спокойствия. Оказалось — крепость была тщательно сработанным макетом, декорацией, иллюзией. <...> **В недугах тела**, к которым он прислушивался с такой напряженной мнительностью, проступает наружу **болезнь души**»[88].

Именно в 1911 году Замятин, по его собственным словам, «*всерьез начал писать*».

Как отмечает современный философ, христианская теология, обращенная к интерпретации духовного и нравственного смысла болезни, «в целом болезнь воспринимает как зло, приносящее страдания человеку на всех уровнях его существа (духа, души и тела)», как зло, связанное с понятием вины и часто являющееся «следствием греха или же оставления человеком Бога»[89]; причем «наказанием Божиим считалось и бесплодие»[90].

С христианской точки зрения чудесное исцеление от телесной и душевной болезни возможно только при условии глубокого духовного осмысления человеком своей жизни, искреннего осознания своей вины, своей греховности и смиренного покаяния, при условии спасительного очищения своей души[91].

---

[85] См.: Лаврентьев А. В. Феномен болезни в Библии: историко-теологическая и междисциплинарная рефлексии // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. 2023. № 1. (17). С. 49—56.

[86] Рукописное наследие... С. 295.

[87] Там же. С. 22—23.

[88] Геллер Л. «Книга о самом главном». Письма Замятина жене // Новое о Замятине. М., 1997. С. 74.

[89] Лаврентьев А. В. Философско-медицинский и теологический ракурсы осмысления феномена болезни // Христианское чтение. 2022. № 4. С. 173.

[90] Лаврентьев А. В. Феномен болезни в Библии... С. 52.

[91] Например, главные герои романа И. Шмелева «Пути небесные» воспринимают болезнь как беса, вошедшего в тело и душу человека, и чудесное исцеление возможно, показывает автор, только

На вопрос: «Отчего умер Замятин?» — А. Стрижев в письме А. Солженицыну от 29 ноября 1967 года отвечает так: «Страдал от трех болезней — от грудной жабы, колитов и бессонницы <...> Особенно мучила бессонница, спал слишком мало. В разгар травли все это усилилось. <...> За границей добавилась ностальгия. Родственники говорили мне, что Евгений Иванович умер от сердца. Михаил Слонимский в разговоре сказал: Замятин скончался от рака, так показало вскрытие»[92].

Литератор А. Даманская (1877—1959), долгое время бывшая в дружеских отношениях с Замятиным, в одном из своих писем сообщает о возможных разных причинах смерти писателя: «Он скончался <...> от паралича сердца, по мнению одних, от кровоизлияния в мозг, по мнению других врачей»[93]. А в другом отклике на смерть писателя добавляет: «В действительности он умер от **тоски**, от **духовного одиночества**»[94].

Свою духовную драму Замятин тщательно скрывал от других, прятал за своей неизменной, слегка ироничной, «западной» улыбкой «англичанина», как его часто называли в России после его возвращения из Англии в 1917 году.

М. Любимова отмечает, что «на портретах работы Ю. П. Анненкова (1921), Б. М. Кустодиева (1923—1926), Г. С. Верейского (1927), в шарже Н. Э. Радлова (1920-е годы) — Замятин улыбается... Почти на всех портретах — Замятин улыбается»[95].

А И. Шайтанов говорит о разных улыбках писателя: на «анненковском портрете» — «лучистая улыбка», а на портрете, выполненном Б. Кустодиевым, — «ядовитая полуулыбка»[96]. С нашей точки зрения, отличающиеся улыбки на этих портретах говорят не только о разных душевных состояниях писателя, но и о разной степени глубины взгляда этих художников и понимания ими внутренней драмы другого человека.

Б. Кустодиев (1878—1927), как признано многими, автор лучшего портрета Замятина, одно время (в 1923—1926 годы) бывший одним из самых близких друзей писателя, запечатлел в «ядовитой полуулыбке» состояние души «*расколотого человека*», мечтателя и скептика, «еретика» и «безбожника».Кроме того, эта ироническая улыбка выражает и самоиронию, ироническое отношение и к себе, что спасает настоящего писателя от дьявольского искушения славы и лечит от таких опаснейших пороков, как гордыня, зависть, самолюбие, тщеславие и тому подобных бесов, искушающих всякого художника.

Самоирония Замятина проявляется, например, в его словах из автобиографии 1922 года: «*Если я что-нибудь значу в русской литературе, то этим я целиком обязан Петербургскому Охранному Отделению: в 1911 году оно выслало меня из Петербурга, и я два года очень безлюдно жил в Лахте. Там от белой зимней тишины и зеленой летней — я написал „Уездное“*» (2; 4).

Или в его письме жене от 7 сентября 1913 года: «*В четверг положил перед собой лист чистой бумаги и карандаш — и сказал: „Ну, дурак, — пиши“. <...> И вот — за четыре дня — из ничего создалось 25 страниц. <...> Это единственное, чем я забиваю немного пустой и дырявый мешок теперешней моей жизни*»[97].

благодаря неустанным молитвам всей преобразившейся душой своей: «Да будет воля Твоя».

[92] Стрижев А. Н. Указ. соч. С. 117.

[93] Даманская А. Смерть Е. И. Замятина (Письмо из Парижа) // Евгений Замятин и культура XX века. С. 377.

[94] Цит. по: Давыдова Т. Т. Указ. соч. С. 668.

[95] Любимова М. Ю. Жизненный стиль и творческая манера Е. Замятина // Е. И. Замятин: pro et contra. С. 29.

[96] Шайтанов И. О. Указ. соч. С. 53, 54.

[97] Рукописное наследие... С. 148.

Можно предположить, что Ю. Анненков (1889—1974) изобразил ту «лучистую улыбку» Замятина, которая в действительности не очень часто появлялась на его лице в достаточно редкие минуты беззаботной детской веселости и искренней любви к людям, в редкие минуты душевного спокойствия и относительного равновесия чувства и разума, сердца и ума. В мемуарном очерке художника мы читаем: «С Евгением Замятиным, самым большим моим другом, я впервые встретился в Петербурге в 1917 году. <...> Для меня Замятин — это прежде всего замятинская улыбка, постоянная, нестираемая. Он улыбался даже в самые тяжелые моменты своей жизни. Приветливость его была неизменной»[98].

А в 1932 году Ю. Анненков, уехавший из родной страны в 1924-м, снова встретился с Замятиным, в Париже, и в своем очерке уже пишет несколько иначе: «Замятин — все тот же. Та же нестираемая **саркастическая улыбка**, тот же прирожденный оптимизм, пронизанный **иронией**»[99]. Автор воспоминаний как будто противоречит сам себе: все-таки саркастическая улыбка далека от радостно-приветливой, а ирония может пронизывать не столько оптимизм, сколько горький скептицизм.

Разные улыбки Замятина, кажется, отражают внутреннюю борьбу в душе «*раскололого*» человека и писателя — борьбу дьявола с Богом: ироническая, лукавая. саркастическая улыбка, «ядовитая полуулыбка» (насмешка — усмешка — ухмылка) — от дьявола; приветливая, доброжелательная, радостная, лучистая улыбка любви — от Бога[100].

В очерке Ю. Анненкова мы читаем: «В начале 1937 года здоровье Замятина сильно пошатнулось. В последний раз я был у него за несколько дней до смерти. Замятин принял меня, лежа на диване и, конечно, с улыбкой на усталом лице. Замятин скончался 10 марта 1937 года. <...> Мстислав Добужинский сказал мне, что лицо Замятина сохраняло улыбку»[101].

Скорее всего, это все же была **скорбная** улыбка, отражающая то, что Евгений Замятин, атеист и «еретик», обладающий несомненным творческим даром художника («мастер»), был лишен душевной радости и счастья подлинной любви к родным отцу и матери, из-за бездетности был лишен настоящего счастья в своей семье, а также христианской любви к патриархальной России и русскому православному народу, был лишен благоговейной любви к Христу и Богородице.

А ироническая, лукавая улыбка Замятина на портрете Б. Кустодиева (подобная «ухмылке» Вовки из рассказа «Огненное А» и одновременно вызывающая ассоциации с библейским «змеем-искусителем»[102]) как будто выражает то, что в духовном отношении он так и остался в той противоречивой, двойственной эпохе **отрочества**, которая для «*безбожного семиклассника*» одновременно является и самой **бунтарской**, и самой **конформистской** эпохой (гимназию будущий писатель окончил с золотой медалью) в жизни человека, о чем говорит и концовка рассказа «Огненное А»: «*А с утра великих второклассников глупые большие засадили за историю Иловайского: до экзамена один день*».

---

[98] Анненков Ю. Указ. соч. С. 235, 237.

[99] Там же. С. 267.

[100] Сам Замятин в статье «Герберт Уэллс» (1922) пишет о разных улыбках английских писателей: «*...у Диккенса — постоянная улыбка <...> ласковый юмор, это — улыбка человека, который любит людей. <...> Уэллс* ***любит*** *человека и одновременно* ***ненавидит*** *<...> его улыбка —* ***улыбка иронии***...» (2, 88).

[101] Анненков Ю. Указ. соч. С. 278.

[102] В статье «Рай» (1921) Замятин-писатель как будто даже сравнивает себя с сатаной, утверждая необходимость и полезность «учителя исканий, вечного бунта — Сатаны» (4; 321).

Нам кажется, что об этом говорят и его слова из статьи «Белая любовь» (1924), написанной к 40-летнему юбилею литературной деятельности Ф. Сологуба (1863—1927), писателя, среди современников Замятина оказавшего на него, по мнению Л. Геллера, наибольшее влияние[103], писателя, подвергавшего осмеянию православие и выражавшего сочувствие революции, автора романа «**Мелкий бес**» (1902), в котором изображено **уездное захолустье** и со страниц которого «щедрым потоком изливается зловонная грязь, откровенная гнусность, маразматические извращения, мерзость реальной безбожной жизни»[104]. В этой статье, вошедшей в книгу Замятина «Лица» под названием «Федор Сологуб», писатель вспоминает свою встречу с Блоком:

> Помню, однажды летом 1920 г. мы ехали с Блоком в трамвае по Литейному и, стоя в тряске, держась за ремни, говорили. Блок сказал: «Сейчас Россию я люблю ненавидящей любовью — это, пожалуй, самое подходящее определение». Да, это блоковское определение — ненавидящая любовь — самое подходящее и для той любви, которою болен Сологуб. Молния вспыхивает только тогда, когда один из полюсов заряжен положительно, другой — отрицательно. Белая любовь как молния: на одном полюсе ее — непременно минус, непримиримый, острый <...>
>
> И этим определяется путь тех, кому послан прекрасный мучительный дар непримиримой, белой любви <...>
>
> Эта белая любовь, требующая все или ничего, эта нелепая, неизлечимая, прекрасная болезнь — болезнь не только Сологуба, не только Дон Кихота, не только Блока (Блок именно от этой болезни и умер) — это наша русская болезнь, morbus rossica. Этой именно болезнью больна лучшая часть нашей интеллигенции... (3; 24, 25, 29).

Этой болезнью был болен и сам Замятин. Но «*ненавидящая любовь*» (как и «*святая злоба*») в христианском представлении является ложной: здесь происходит дьявольская подмена, типичная для Серебряного века, и смешение несовместимого — истины с ложью. В своих блокнотах, записных книжках с подготовительными записями, Замятин с предельной искренностью признается:

> Писатель — может писать только тогда, когда уверовал в то, что пишет, — в эту явную (для него) ложь, выдумку. Писатель должен приучить себя верить в любую ложь (если он хочет писать), в чудовищную ложь, в нелепость. Иначе нельзя писать. И вот это переходит в жизнь: уменье верить, уменье обманывать себя. И чем сильнее талант, тем сильнее, ядовитее правдоподобность самообмана (5, 145).

Кажется, что Замятин оказался в плену современности, что его можно было бы назвать «жертвой истории», если бы не память о том, что Бог каждому человеку, каждому художнику оставляет внутреннюю свободу духовного выбора и главная ответственность в этом выборе лежит на нем самом. Замятин как человек и писатель, наделенный божественным даром творчества, но лишенный дара веры, как будто не смог дорасти до самого себя и реализовать Божий замысел о нем.

Все это оказывается духовной драмой Замятина, *«расколотого надвое»* человека, в котором *«холодное»* побеждает *«теплое»,* писателя-неореалиста[105], утверждавшего,

---

[103] См.: Геллер Л. Е. Замятин и Ф. Сологуб // Е. И. Замятин: pro et contra. С. 162—172.

[104] Дунаев М. М. Православие и русская литература: В 6 ч. Ч. 5. М., 2003. С. 213.

[105] В. Жирмунский (1891—1971) еще в своей давней статье «Преодолевшие символизм» (1916) заметил, что в неореализме сохранились присущие символизму аморализм и искаженное восприятие жизни.

что *«трагедию жизни»* можно *«преодолеть иронией»*[106], и не верящего *«ни в Бога, ни в человека»*[107]; человека и писателя, у которого в основе «всеохватывающей» иронии[108] лежит неприятие Бога, религии и православной церкви[109], «неприятие норм христианской морали»[110], что является следствием духовной болезни; талантливого писателя, который в русской литературе, конечно же, останется навсегда, но только, всего лишь — **«мастером»**[111], к которому, кажется, можно отнести слова булгаковского героя из романа «Мастер и Маргарита»: *«Он не заслужил света, он заслужил покой»*.

---

[106] Ср. с выводом В. Туниманова (1937—2006): «Ирония Замятина многолика и полисемантична. <...> Ирония разнонаправленная и всеохватывающая, в подкладке которой подлинная любовь к человеку и неприятие жестокости, фальши, обмана, демагогии и всех разновидностей тирании» (Туниманов В. А. Е. Замятин: искусство иронии // Е. И. Замятин: Личность и творчество писателя... С. 166).

[107] В статье «Анатоль Франс» (1924) Замятин пишет, конечно же, и о себе: «Требуется недюжинная сила души, чтобы быть неверующим <...> требуется еще большая сила души, чтобы быть неверующим, скептиком, релятивистом — и все-таки жить полной жизнью, все-таки любить жизнь. Франс выдержал это испытание огнем — и даже не огнем, а еще страшнее — испытание холодом» (3, 74).

[108] А мы вспоминаем мотив «онтологической насмешки» (Б. Тихомиров) в поэме Ивана Карамазова, в которой выражен христособорческий бунт Великого инквизитора: «Но догадаются наконец **глупые дети,** что хоть они и бунтовщики, но бунтовщики слабосильные, собственного бунта своего не выдерживающие. Обливаясь глупыми слезами своими, они сознаются наконец, что создавший их бунтовщиками без сомнения хотел посмеяться над ними» (14, 238).

[109] В сатирическом рассказе «Житие Блохи» (1929), написанном как антижитие, дьявол сбивает с праведного пути инока Замутия. Этот образ в значительной степени является автобиографическим: Замутий — это прозвище Замятина в обществе «Обезьянья Великая и Вольная Палата», учрежденном в 1908 году А. Ремизовым и объединившем «представителей творческой интеллигенции, писателей, художников, театральных режиссеров, и пронизанное атмосферой игры и модернистского жизнетворчества» (Давыдова Т. Т. Указ. соч. С. 503).

[110] «...Традиционные религиозные (христианские) представления атакованы, причем главным объектом этой литературной атаки станут нормы христианской морали в области половых отношений» (Лебедев А. «Святой грех» Зеницы Девы, или Что мог прочитать инок Еразм // Новое о Замятине. С. 36).

[111] «Восхищает он! А — не испытываю такого теплого, родного чувства, как к Булгакову» (Солженицын А. И. Указ. соч. С. 201).



Территория памяти

Александр МЕЛИХОВ

ЭТО МНОГИХ СЛАВНЫЙ ПУТЬ

Яков Гордин. Царь и Бог. Петр Великий и его утопия. СПб., 2023

Легендарный император представлен в этом документальном эпосе как «достойный представитель» века Просвещения с его «твердым нравственным релятивизмом» и склонностью к социальному конструированию и квазинаучным аналогиям между человеческим обществом и какими-то научно-техническими новинками — в данном случае механизмом. Уподобление общества стаду и организму еще было впереди, а петровской грезой было «построение Великой Утопии, „регулярного“ государства, работающего как отлаженный часовой механизм».

«Необычайная парадоксальность сознания Петра заключалась в сочетании „жесткого рационализма“ и безудержного утопизма. Это была вулканическая смесь, порождающая катастрофический эффект». Хотя силовая составляющая механизма была, можно сказать, все-таки более или менее выстроена.

Какими средствами? Механизм есть устройство для передачи силы от энергетического источника к исполнительным органам, и управляющий источник у общества-механизма может быть только один, все прочие должны быть полностью лишены

Александр Мотельевич Мелихов родился в 1947 году в городе Россошь Воронежской области. Окончил матмех ЛГУ, работал в НИИ прикладной математики при ЛГУ. Кандидат физико-математических наук. Как прозаик печатается с 1979 года. Литературный критик, публицист, зам. гл. редактора журнала «Нева». Произведения переводились на английский, венгерский, итальянский, китайский, корейский, немецкий, польский языки. Набоковская премия СП Санкт-Петербурга (1993) за роман «Исповедь еврея». Премия петербургского ПЕН-клуба (1995) за «Роман с простатитом». Премия интернет-конкурса «Тенета.ринет»-2002 в номинации «Литературные очерки, публицистика». Премия им. Гоголя от правительства Санкт-Петербурга и СП Санкт-Петербурга за роман «Чума» (2003), за роман «Интернационал дураков» (2009) и за роман «Тень отца» (2011), премия правительства Санкт-Петербурга (2006) за роман «В долине блаженных». Премия им. Гоголя за роман «Свидание с Квазимодо» (2017). Премия им. Искандера (2022), премия правительства Санкт-Петербурга (2023) и премия «Книга года» (2023) за роман «Сапфировый альбатрос». Премия им. Гончарова за роман «Тризна» (2023).

свободы выбора перед абсолютной властью: «Его Величество есть самовластный монарх, который никому в свете в своих делах ответу дать не должен» (артикул 20-й главы 111-й «Воинского устава», 1716).

А каждое нижеследующее звено передачи силы тоже должно было обладать абсолютной властью над подчиненными, и диктаторы веками пытаются отыскать этот философский камень — власть, которой было бы невозможно злоупотреблять: при чудовищной жестокости расправ с казнокрадами «похищение государственного интереса» тоже было чудовищным, причем «разворовывали государственное достояние главные и усердные строители этого государства».

«Их лихорадочное стяжательство, скорее всего, объяснялось тем, что они не чувствовали надежности той системы, которую создавали по приказу Петра, и опасались хаоса сразу по смерти ее идеолога. И они стремились обеспечить себе безопасность материальную хотя бы. Поскольку безопасность политическая представлялась им весьма проблематичной».

Но и вчерашнее мужичье, оказывается, уже тогда овладело искусством вывоза наворованных капиталов в безопасные европейские страны.

«Под покровительством Меншикова и при его прямом участии братья Соловьевы, которые в конце XVII века были неимущими простолюдинами, обогатились на 1 117 067 рублей, в то время как военный бюджет, скажем 1710 года, составил три с небольшим миллиона.

С удивительным постоянством те, чьи действия угрожали Соловьевым, сами оказывались под следствием и в пыточных камерах. Самоотверженный Курбатов, безуспешно пытавшийся открыть Петру глаза на истинное положение дел, умер в опале и под следствием».

Брать на себя полицейские функции приходилось самому монарху.

«Его царское величество сам неожиданно арестовал в Амстердаме г. Соловьева и все его счетные книги и выслал его в Петербург под конвоем г. Нарышкина и 35 солдат прусской королевской гвардии. В упомянутых книгах оказались пять миллионов, похищенных у царя три или четыре года тому назад (то есть в том самом 1714 году. — *Я. Г.*). И около 50 миллионов, которые под именем этого человека положены некоторым сановником в амстердамский банк».

«Люди-винтики» и не могут ощущать эмоционального единения с механизмом, в котором им отведена такая жалкая и унизительная роль, и Гордин совершенно правильно называет унижение одной из важнейших причин скрытого и даже не совсем скрытого протеста, по крайней мере, аристократической элиты.

Декабрист М. А. Фонвизин высказался на эту тему «точно и убедительно»: «Мечтая перевоспитать своих подданных, он не думал вдохнуть в них высокое чувство человеческого достоинства, без которого нет ни истинной нравственности, ни добродетели». Тираны не понимают, что, подавляя в подданных опасное для них чувство чести, они подавляют и честность: не только у этих слов, но и у этих явлений общая основа. Это постоянная тема Гордина — власть чести, материи, неуловимой для ультрабуржуазной пошлости исторического материализма, ставящего на первое место экономическую корысть.

В «Царе и Боге» Гордин много раз упоминает и «об этом игнорировании реальности как определяющей черте петровского мышления, о его ураганном утопизме».

Игонорировании не только психологической, но и геополитической реальности. Его «каспийский проект» — построение утопических врат в утопическую Индию — изображен с поистине художественной силой, это настоящая документальная трагедия. Трагедия в классическом смысле этого слова — столкновение великой личности и рока.

Столкновение, в котором погибал не герой, а хор: «По массовости солдатских смертей потери за 1716—1717 годы на Каспии превосходили потери в Полтавской битве».

Впрочем, никому не доверяя, ощущая себя бессильным перед всепроникающим воровством и обманом, Петр и сам не чувствовал себя спокойным даже и за собственную жизнь.

«Слухи о мятежном настроении в гвардии вряд ли соответствуют действительности. Но важен сам факт упорного хождения этих слухов. Важно и то, что слухи эти, скорее всего, доходили и до Петра с его „собственными шпионами“, о которых мы ничего не знаем».

В донесениях европейских дипломатов с самого начала войны со Швецией тоже постоянно мелькали слова «недовольство», «всеобщее недовольство», «склонность к мятежам»...

Относиться к подобным слухам скептически могут все, кроме тех, кому они угрожают. Простейшие эксперименты показывают, что чем выше плата за ошибку, тем более вероятной она представляется. «Постоянное пребывание на пороховой бочке (при наличии множества желающих поджечь фитиль) не располагало к трезвой оценке ситуации». Тем более тот факт, что военные заговоры все-таки не осуществились, не означает, что они были невозможны. Не исключено даже, что их предотвратил превентивный петровский террор.

Другое дело, нужно ли ставить перед государством задачи, требующие такого террора, вот в чем вопрос.

Как вам понравится «Артикул воинский» 1715 года?

«*Артикул 20.* Кто против его величества особы хулительным словом погрешит, его действие и намерение презирать и непристойным образом о том рассуждать будет, оный имеет живота лишен быть и отсечением головы казнен.

Толкование. Ибо его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен. Но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять. И яко же о его величестве в оном артикуле упомянуто, разумеется тако и о его величества супруге и его государства наследнике. <...>

Артикул 133. Все непристойные подозрительные сходбища и собрания воинских людей, хотя для советов каких-нибудь (хотя и не для зла) или для челобития, чтоб общую челобитную писать, через что возмущение или бунт может сочиниться, имеют быть весьма запрещены. Ежели кто из рядовых в сем деле преступит, то зачинщиков без всякого милосердия, не смотря на тое, хотя они к тому какую причину имели или нет, повесить, а с досталными поступить, как о беглецах упомянуто. А ежели кому какая нужда бить челом, то позволяется каждому о себе и своих обидах бить челом, а не обще.

Артикул 134. А офицеров, которые к тому повод дали, или таким непристойным сходбищам позволили, или рядовых каким-нибудь образом к тому допустили, оных наказать лишением чести, имения и живота.

Артикул 135. Никто б ниже словом, или делом, или письмами, сам собою или чрез других, к бунту и возмущению, или иное что учинить, причины не давал, из чего бы мог бунт произойти. Ежели кто против сего поступит, оный по розыску дела, живота лишится или на теле наказан будет.

Артикул 136. Таким же образом имеют быть наказаны и те, которые таковые слова слушали или таковые письма читали, в которых о бунте или возмущении упомянуто, а в надлежащем месте или офицерам своим вскоре не донесли».

Иными словами, караются смертью не только попытки протеста, но и любые попытки объединиться даже при наличии уважительной причины.

«А суть была в том, что он не смог увлечь своих соратников той великой идеей, ради которой жил. Он, с его живым и безжалостным умом, должен был догадаться, что создаваемая им система только так и может функционировать. Он должен был покупать их лояльность».

Что в своей мечте о «регулярности» он наверняка воспринимал как нестерпимое унижение. Не задумываясь, видимо, что люди вообще не способны увлечься ролью винтиков и шестеренок (шестерок) необозримого механизма, они нуждаются в эмоционально значимых личных целях.

Через двести двадцать лет с подобной проблемой столкнулся другой диктатор-утопист — Адольф Гитлер. В 1993 году в Москве выходила книга одного из его собеседников Германа Раушнинга, занимавшего высокий пост в вольном Данциге. В этих беседах Гитлер довольно откровенно рассказывал, как ему приходилось укреплять собственную власть, одновременно укрепляя власть правящей верхушки. Но сделать верхушку надежной можно было лишь одним способом — что-то ей «предложить за годы борьбы», материально заинтересовать ее в сохранении гитлеровского режима, — это явление можно назвать функциональной коррупцией. В узком кругу Гитлер выражался прямо: «Делайте что хотите, только не попадайтесь». В Германии тридцатых каждый банк, каждое предприятие должны были иметь свою партийную «крышу», нацистские бонзы занимали по три, шесть, двенадцать должностей. Утратив правовую защиту, спокойным себя не чувствовал никто, поэтому все стремились перевести капитал за границу и запасались компроматом друг на друга. Честные гауляйтеры были вынуждены вести себя так же, чтобы не потерять должность или вовсе не исчезнуть. Все это не расходилось ни с тактическими целями, ни с принципами Гитлера: «Мои люди не ангелы, а ландскнехты. Мы не станем повторять глупости о духовном возрождении. Мы — сила нации, вырвавшаяся наружу». Честность была ему даже подозрительна: честному человеку могут прийти в голову мысли самые неожиданные. «В мою задачу не входит нравственное улучшение человечества — я лишь хочу пользоваться его слабостями. Хотя я и не желаю славы врага морали — зачем давать противникам лишние козыри. Но полагаться я могу лишь на тех, чья карьера неразрывно связана с нашим общим делом, мне подозрительны чистюли, для кого патриотизм — единственный мотив их действий».

До такого цинизма Петр не опускался или не возвышался, он реально желал своей дубинкой вытесать «нового человека». И всеобщее равенство перед его дубинкой с неизбежностью порождало мечту об избавителе, у наивного простонародья претворившуюся в легенду о царевиче-народолюбце, «будто в Москве царевич, окруженный донскими казаками, ходит по улицам и приказывает кидать в ров встречающихся ему бояр, а царь ненастоящий, и он не признает его царем».

У более рациональной и бесконечно унижаемой части аристократии эта мечта выражалась уже в надеждах сменить правительственный курс при царе-наследнике, что не могло остаться тайной для его отца: «Не знаю, кому теперь верить, все задумано, чтобы меня погубить, кругом одни предатели».

Этот страх и заставил его в октябре 1715 года написать сыну роковое письмо.

«Сочиненный Петром исторический документ, заложивший основы бытующего по сей день мифа, есть, собственно, грозное предписание самодержца современникам и потомкам: как до́лжно трактовать причины предопределенной трагедии.

Это удивительный документ, обращенный не столько к непосредственному адресату, сколько к миру и городу.

Роковое письмо — не что иное, как продуманное оправдание уже решенной расправы с „непотребным сыном“, законным наследником, единственным, кого „предатели и мошенники“ могли в кризисный момент — военных неудач или внутренних неурядиц — противопоставить ему, носителю абсолютной власти».

И что же инкриминировалось «непотребному сыну»?

«Паче же всего о воинском деле ниже слышать хощешь, чем мы от тьмы к свету вышли, и которых не знали в свете, ныне почитают. Я не научаю, чтоб охоч был воевать без законныя причины, но любить сие дело всею возможностию снабдевать и учить: ибо сия есть едина из двух необходимых дел к правлению, еже распорядок и оборона. Не хочу многих примеров писать, но точию равноверных нам Греков: не от сего ли пропали, что оружие оставили, и единым миролюбием побеждены, и желая жить в покое, всегда уступали неприятелю, который их покой в нескончаемую работу тираном отдал?»

Этим и обосновывался грозный итог.

«Известен будь, что я весьма тебя наследства лишу, яко уд гангренный, и не мни себе, что один ты у меня сын, и что я сие только в устрастку пишу: воистину (Богу извольшу) исполню, ибо за мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя непотребнаго пожалеть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный.

В 11 д. октября 1715.

При Санкпетербурхе

Петр»

Петр не мог не понимать, что монарху совсем необязательно лично водить полки, это вполне можно доверить профессионалам. «Главным было другое: создать волевым усилием в глазах современников и потомков образ никчемного, ленивого, непослушного царевича, неспособного продолжить великое дело, ради которого было принесено столько жертв, злонамеренного выученика ретроградов.

Полная неспособность царевича к усвоению знаний — абсолютный вздор», — и Гордин доказывает это множеством фактов, перечисляя его ученые занятия и высокоумные богословские книги на нескольких языках, которые царевич постоянно читал.

Впечатляют и его хозяйственные труды. Связанные в основном с тыловым обеспечением: «Заготовление провианта и фуража; набор офицеров, солдат и рекрут, их обмундирование и вооружение, смотр и приучение к службе; заготовление артиллерии и ее припасов; наблюдение над крепостными работами в Москве; сношения с шведскими пленными; пересылка разных лиц; передача полученных известий; определение и смена должностных лиц, наблюдение за течением дел, поверка счетов, устройство почты и поставка подвод, заготовление корабельных лесов и исполнение разных поручений, между прочим раздача книг для перевода».

К сожалению, искусство тоже приложило руку к созданию мифа о ничтожном наследнике: на картине Николая Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе» несчастный Алексей «представлен унылым, узкоплечим и субтильным, что должно соответствовать его внутреннему миру как человека ничтожного». В советском фильме 1937 года он еще более жалок — но там уж был явный заказ власти.

А между тем он был вполне хорошо сложен, а уж в духовном смысле «перед нами отнюдь не религиозный фанатик и ханжа старомосковского толка, каким его часто представляли историки, но жадный до духовного знания и думающий человек, искренне и бескорыстно верующий.

А это означает, что, отправляясь в эмиграцию в 1716 году, Алексей взял с собой значительную часть своей библиотеки — „...книг на разных языках: немецком, поль-

ском, латинском, греческом, русском (1 книга). Книги эти изданы в самых различных городах Западной Европы: Амстердаме, Париже, Базеле, Берлине, Лейпциге, Дрездене, Гамбурге, Франкфурте, Мюнхене, Нюрнберге, Кельне, Стокгольме, Кракове, Калише и др.“ <...> Что же касается тематики книг Алексея Петровича, то на основании каталога можно сделать вывод, что в его библиотеке преобладали книги религиозного содержания, особенно привлекавшие внимание царевича, но была и светская литература по истории, военному делу, математике и другим отраслям знания.

В нем не было гигантского масштаба замыслов Петра. По сравнению с отцом он был зауряден.

Но — что важно для возможного государя — не было в нем и безжалостной утопичности миропредставления, когда цена реализации замысла не имеет значения».

А между тем реальный мир противился утопической грезе и через воровство соратников, и через народные восстания, и через разгул криминала.

«Так, в июне 1711 г. генерал-губернатор и генерал-фельдмаршал, „герцог Ижорский“ А. Д. Меншиков с тревогой известил Правительствующий сенат, что по Санкт-Петербургской губернии „в разных местах ходят воры и разбоники великим собранием и многие села и деревни разбили и пожгли“. Попутно открылось, что направить против разбойников некого, поскольку в уездных городах „служилых людей ныне нет“. Впрочем, как явствует из сенатских документов, настоящий криминальный террор, обрушившийся на северо-западные уезды, встревожил власти по единственной причине: непрерывные нападения банд полностью парализовали сбор и отправку рекрутов и денежных сборов. Участь оставшихся без всякой защиты от преступников тысяч крестьян ни „герцога“ Александра Меншикова, ни господ сенаторов не волновала».

Чувствуя свое бессилие перед этим необоримым хаосом, демиург, скорее всего, с какого-то момента стал видеть в сыне «олицетворение этого смертельно опасного мира».

А все, кто его поддерживал, становились смертельными врагами.

Один из любимцев Петра Александр Кикин, которого Петр когда-то называл «дедушкой», был колесован.

«Во время следствия, в застенке, Петр спросил у истерзанного Кикина: „Как ты, умный человек, мог пойти против меня?“ И Кикин ответил: „То-то что умный! Ум простор любит, а у тебя ему тесно“».

Дело царевича Алексея было «далеко не в последней степени замешено на этой проблеме — проблеме человеческого достоинства, проблеме „тесноты ума“».

«Если начать перечислять родовитых персон из „партии наследника“, то оказывается, что все они прошли через унижение перед теми, кого втайне презирали — перед Меншиковым, перед Екатериной, не говоря уже о постоянном страхе быть оскорбленным царем. Вне зависимости от наличия вины или ее отсутствия.

Есть основание полагать, что значительную роль играл „фактор Екатерины“ — пленной простолюдинки, военной добычи, любовницы Шереметева, Меншикова, а затем подруги Петра и в результате царицы Российской...»

И чего же желали эти оппозиционеры?

«Когда Алексей говорил, что надеялся на тех, кто „старину любит“, то в качестве примера он называл не кого-нибудь, а Тихона Никитича Стрешнева — боярина и сына боярина, сопровождавшего Петра с рождения до своей смерти в 1719 году, государственного человека, который с полным правом считался образцом верности Петру и его делу.

Под „стариной“ подразумевались не горлатые шапки и шубы с рукавами до земли на степенных боярах, и не стрелецкое войско, и не малоэффективный приказной рас-

порядок дел, и не угрюмое презрение ко всему иноземному еретическому, а некая система человеческих взаимоотношений, ориентированная в известной степени на самого человека. В это понятие „старины“ входила возможность естественного жизненного ритма, а не бешеной гонки ради грандиозной бездушной цели. В это понятие „старины“ входили и отношения с Богом как с высшей и благой силой, не подчиненной воле „Христа Господня“, представителя и заместителя Бога на земле. В этой „старине“ были и воинская доблесть, и любовь к отчему краю, и верность своему государю, но все это не требовало ежедневного изнурительного гибельного напряжения».

Естественный жизненный ритм против бешеной гонки ради грандиозной бездушной цели — это едва ли не важнейший конфликт и во всей постпетровской российской истории. Но что можно считать естественным в человеческом обществе, в котором искусственно решительно все? Я бы назвал естественным тот ход вещей, который в основном принимается хотя бы мыслящей и активной частью общества, который не требует непрерывного массового насилия.

Тот же ход вещей, который такого насилия требует, требует и неограниченной власти лидера и его верхушки. Причем лидер должен либо и верхушку держать в страхе и сам жить в страхе перед нею, либо мириться с ее распущенностью и жить в страхе перед народным недовольством. Иными словами, он должен выбирать, кого терроризировать — народ или элиту, и после этого жить в полном одиночестве и в конечном счете бессилии, ибо, кого ни распускай, цель останется недостигнутой либо из-за коррупции верхов, либо из-за протеста низов, пусть даже выражающегося в массовом саботаже, а не в открытых выступлениях.

Так что любая грандиозная цель, не пользующаяся одобрением достаточно большой части элиты и массы, непременно требует диктатуры, но в конечном счете порождает сначала изоляцию, а потом и поражение самого диктатора, пусть иногда и за пределами его биологического существования.

Увы, у нас в России это многих славный путь.

«Нартов, с которым Петр был откровенен, вспоминал: „Государь, точа человеческую фигуру в токарной махине и будучи весел, что работа удачно идет, спросил механика своего Нартова: «Како точу я?» И когда Нартов отвечал: «Хорошо», то сказал его величество: «Таково-то, Андрей, кости точу я долотом изрядно, а не могу обточить дубиною упрямцев...»“»

«Впереди были убийства четырех законных императоров, кровавая гражданская война (пугачевщина), ответ русского мужика на превращение его в бесправного раба, явившая прообраз будущего, а через двести лет — страшная гибель незавершеной утопии, все это время отчаянно боровшейся за свое выживание в реальном мире. Гибель еще более жестокая, чем муки ее рождения».

«26 июня (7 июля) 1718 года был убит царевич — наследник Алексей Петрович.

В ночь с 16 на 17 июля 1918 года был убит его тезка царевич-наследник Алексей Николаевич.

На этот раз вместе со всем августейшим семейством.

О чем думал последний российский император, знавший судьбу сына первого императора, когда называл долгожданного наследника этим именем?

Оба царевича-наследника стали жертвами революций — первой и последней».

Книжный остров

София Синицкая. Черная Сибирь: Роман. СПб., Лимбус-Пресс, Издательство К. Тублина, 2023. — 224 с.

Софья Синицкая обращается к самой острой теме современности, еще не получившей широкого осмысления в литературе — она пишет о событиях на Украине. Пишет в своей манере, сочетая трагическое и смешное, реальное и фантасмагорическое, ад и рай. Пишет, чтобы найти ответ на волнующие ее экзистенциальные вопросы. «Кто мы, куда идем, зачем это все, когда поумнеем? Почему человек не меняется, не растет над собой? Почему опыт предыдущих поколений ничему не учит? Почему наша память такая короткая»? Пишет, пытаясь понять, в чем причины братоубийственной войны и есть ли из нее выход? Это густонаселенная книга, где почти каждый герой высказывает свою точку зрения на происходящее, эти мнения порой противоречат, порой дополняют друг друга. Заглавие романа отсылает к «Полдневной песне» Бодлера: «Черной Сибирью» поэт называет состояние депрессии, меланхолии. Один из героев романа, француз Гастон, заурядный служащий медиатеки, где он бездумно пялился в экран и перебирал бумажки, стремясь избавиться от экзистенциальной тоски под названием «Черная Сибирь», бежит на юго-восток Украины, надеясь в зоне военных действий найти смысл жизни. Толчком для такого решительного шага стало знакомство со Славиком из Запорожья, лысым силачом с татуировкой. Общались на сносном английском. «Гастон не говорил Славику про свои душевные проблемы и Черную Сибирь, зато произвел большое впечатление рассказом про испанского деда — офицера Голубой дивизии, который сгинул в 1942 году в новгородском болоте. Весной, когда российские танки заездили по Украине, Славик сказал Гастону, что самое время „отправиться в кораль сводить счеты“, „воздать азиатским ордам за смерть благородного дона“». Гастону хотелось стать героем, а Славик желал отомстить за бабушку, погибшую у себя в доме от снаряда. На Украине они присоединились к бойцам теробороны, участникам вялотекущих боев за поселок Сироткино, занятый «компатриотами», сторонниками ДНР. Отряд украинской теробороны возглавлял Сергей Кондратюк, противостоял ему родной брат, Алексей Кондратюк. Потомки танкового аса, Героя Советского Союза, братья поцапались после 2014 года. Серега сказал, что дед был бы за незалежную Украину, а Леха считал, что знаменитый танкист служил бы только России. Гибель внучки Лехи от украинского снаряда сделала примирение невозможным. Братья Кондратюки, когда-то единый вокальный дуэт, гордость музыкальной школы своего села Сироткина, теперь утюжили родное село. «Серега командовал ведением огня. Летело в его собственный дом и огород, на кладбище, взрывая могилы родных покойников, в музыкальную школу, где он учился и блистал с братом Лехой... Серега смотрел на столбы дыма над поселком и просил небеса, чтобы ждуны и предатели умерли, а все прочие успешно выжили в подвалах». А любимая учительница, семидесятилетняя певица, кричала с балкона: «Мальчики, остановитесь. Сережа, Алеша...» Братья единственные, которым С. Синицкая не дает слово в своем романе, где с обильными ссылками на историю, философию и кино философствуют все, обсуждая вопросы национального самосознания, причины войны. Гастон и Славик в своих беседах обращаются к «Тарасу Бульбе» Гоголя, к Достоевскому, к роману-притче «Татарская пустыня» ита-

льянца Д. Буццати, к «Моби Дику» Мелвилла. Славик объясняет Гастону, чем бойцы теробороны отличаются от русских. И выдает весь набор клише, внушенных жителям Украины. «Всем, Гастон, абсолютно всем. И не от русских. От рашистов! Мы: я, Серега, да почти все, кого ты здесь видишь, — русские. То есть настоящие. А они не русские, они рашисты, мокша и орда... дикие племена, зародившиеся на финских болотах». Славик уверен, что Украина станет главной страной в Европе, что Киев — это Новый Иерусалим, место особой силы, источник света, окошко в небо для Берлина, Вашингтона и всего человечества. Проблема Славика в том, что ему не вытравить память о советских кино- и мультфильмах, на которых выросло его поколение. «Иду воевать с русней, а в душе играет музыка Артемьева...» Да и проблема с русским языком: «...в наших головах его непросто упразднить. Одними словами думаем с москалями, это же неправильно». А Гастон не может понять, как в славянах (у Славика) уживаются столь разные умозаключения и татуировки. «На тебе и свастика, и купола православные, и руны, и козел. Читаешь советские стихи, вспоминаешь героических танкистов, при этом проклинаешь русню. Хотя ты этнический русский». Братскую вражду Славик объяснил так: подались на провокации адских спецслужб. Проблему противостояния русских и украинцев Гастон обсуждает со швейцарским монахом Бернаром, выполняющим на Украине обет откапывать и хоронить погибших. Бернар считает, война русских с русскими — «адский замес, где все перепутано: история, генетика, церковь, политика, и, главное деньги». «Это циничная империалистическая война по захвату портов и плодородных земель. Антинародная. Простолюдину здесь ничего не достанется. Все богатые и сильные хотят урвать кусок пожирнее, для этого стравливают бедняков, морочат им голову высокими идеями... миром правит Дьявол... Вас лукавые заставляют драться, чтобы проще было ресурсами барыжить». Своя точка зрения на войну у фермера Бороха, чья семья уехала от войны в Польшу, а он остался следить за хозяйством. «Американцы очень хитрые, нашими руками российскую армию крошат, из-за океана шоу смотрят и радуются, чипсами хрустят. — Они вам помогают, — неуверенно возразил Бороху Гастон. — Это только потому, что им выгодно. Их цель — отжать. Они потомки колонистов, отжать — это у них в крови. — Что они отжимают? — Все, что плохо лежит». Спорят французы Гастон и Катар, воюющий на стороне «компатриотов», о том, какую свободу они защищают и защищают ли или душат. Даже спасенные Борохом Свинья и Козел рассуждают о корнях, об истории, о государстве и личности, о семейных ценностях и высоких государственных идеях, о либеральных ценностях и об одураченных маленьких людях. С. Синицкая приводит весь существующий сегодня спектр мнений о конфликте на Украине. Много героев, много противоречивых мнений, реалистичных и лубочных штрихов, картинок. В огне войны гибнут фактически все, по принципу смерть за смерть, вечное отмщение. И все-таки в единый пазл эти фрагменты правды и выдумки пока не складываются. Похоже, что на важные для нее вопросы С. Синицкая ответ не нашла. Возможно, потому, что, как сказала она в одном из интервью: «Смыслы жизни лежат, наверно, в других, недоступных, системах координат, на пыльных, заколоченных чердаках мироздания».

Евгений Белодубровский. Мы жили на Желябке. Опыты ленинградской задушевной прозы. СПб.: Реноме, 2023. — 168 с.: ил.

Точная и емкая характеристика новой книги Евгения Белодубровского (род. 1941), библиографа и краеведа-старателя, уже дана: «по деталям и по крупицам <автор> восстанавливает недавнее прошлое, советское, эмигрантское, предреволюционное, частью

забытое, по большей части искаженное» (Д. Синочкин, журнал «Пригород»). И в первую очередь в своих воспоминаниях Е. Белодубровский, искренне веря, что его судьбу предопределило само место рождения, возвращается туда, где он родился и вырос. «Дворовый мальчик, я с самого детства мечтал быть писателем или ученым. Ибо родился и вырос в самом центре, в Нобелевском Доме, на самых углах Большой Конюшенной, Невского и Мойки, вблизи „Демутова трактира“, Конюшенной площади, Шведского переулка, Эрмитажа и того самого дома, где в снятой наспех квартире, окнами на грязный каретный двор и на сарай, весь в долгах и малых детях на чужом протертом топчане среди любимых книг умер великий Пушкин... Там же, на тех же углах, берегах и каналах жили сверстники, поклонники, друзья и недруги Ахматовой и Зощенко, Тынянова, герои Гоголя, Герцена, Достоевского, Константина Вагинова и бессмертного Осипа Мандельштама (все вкупе мои будущие герои, мои арлекины)». И он стал: стал писателем, историком литературы, исследователем творчества Набокова. Е. Белодубровский бережно воссоздает свою былую среду обитания. В маленькой повести «Мы жили на Желябке», начинающейся буднично и страшно: «Мы жили на Желябке, угол Невского, напротив аптеки. В наш дом попала бомба и убила дворничиху Поленову, мамину сменщицу. Кусок этой бомбы (снаряда) застрял в стене нашего подвала под черной лестницей. Сначала мы, дети, его боялись, а потом привыкли». К прошлому обращается в оде задворкам Казанского собора, где было кольцо 34-го трамвая (кто теперь это помнит?) и куда в детские годы не раз отправлялся автор со своей подружкой («Следующая остановка — „Банковский мост“»). Автор помнит старинную, почти ровесницу Петербурга, названную в честь Петра Великого, школу Петершуле в проходном дворе между Большой и Малой Конюшенными и Шведским переулком. Там он учился, там он, чернявый, вертлявый, куче-кучерявый, в завитках-колечках, похожий на арапа мальчуган по прозвищу Пушкин, в 1954 году читал со сцены актового зала стихотворение К.Чуковского «Ленинградским детям» («Бескозырка»). Этот мальчик, конечно, не знал, когда получил на свои девять лет в подарок от мамы «Хижину дяди Тома», что много позже подружится с автором рисунков в этой книге, художником и художественным редактором журнала «Нева» Б. Семеновым, который по его наущению напишет воспоминания о Хармсе, Филонове, Алейникове. А еще обнаружит, что автор предисловия к книге из серии «Библиотека школьника» сам Е. Эткинд, наставник многих его сверстников. Е. Белодубровский — поистине счастливый человек: он знает свою родословную, у него даже сохранились дореволюционные семейные фотографии, представленные в книге. И в «Крылатой повести-рассказе с колес о дедушке Схиме из Дубровников бывшей Витебской губернии в ответ на письмо правнука знаменитого сыровара из Бобринцов бывшей Винницкой губернии и к тому же носящего усы» внук рассказывает о своем дедушке. Рассказывает сочно, колоритно, с доброй иронией — о своем деде, внуке цадика и сыне меховщика, который, когда родители, рабай (раввин) и православный батюшка не позволили пожениться ему и его православной возлюбленной, бросил родных и стал «шадхуном», свадебщиком, попросту сватом, и первым мужчиной в этой профессии. А в середине жизни — семейным фотографом, мастером высокого класса, странствующим по городам и весям: Казань, Харьков, Бобруйск, Ковно, Гомель. И белорусский городок Дубровник, где говорили на пяти языках (белорусский, идиш, русский, польский, литовский), где соседствовали две синагоги, костел, хедер, реформатское училище, православная церковь. Белодубровский рассказывает о дореволюционном быте еврейских общин и кипевших там матримониальных страстях. Вторая составляющая книги — литература и люди литературы. Полны любви и уважения воспоминания о встречах и беседах с переводчи-

ком английских поэтов-классиков (в частности, Д. Китса) поэтом-лириком и эрудитом С. Сухаревым, с источниковедом и историографом Б. Кагановичем. А еще о совместных работах, исследованиях, поисках, открытиях, благодаря которым исчезали темные пятнышки в биографиях Тургенева, Некрасова, Ольденбургов. И как вишенка на торте — удивительно красивая новелла «Владимир Набоков, Джойс, Пруст и Машенька (Из путешествия по Нью-Йорку)», которая строится на упоминании В. Набокова в письме к жене о случайной встрече Джойса и Пруста: «Джойс встретился с Прустом однажды, и то случайно. Они ехали в одном такси. Джойс закрыл окно, а Пруст его открыл, после чего они едва не поссорились. В общем, тоска... Абстрактные каламбуры, глагольный материал, тени слов, болезни слов...» (24 февраля 1936). Е. Белодубровский реконструирует эту встречу, случившуюся то ли в Берлине, то ли в Париже, и превращает дружелюбную игру двух писателей с листиками, былинками и веточками, которыми забросал их неожиданный порыв ветра, в размышления о глубинных связях Набокова, Джойса и Пруста. А затем увидит своих героев на шестом этаже многоэтажного книжного супермаркета на Манхэттене, где со стен на разномастную публику снисходительно смотрят «лики классиков мировой литературы и поэзии — от античности до наших дней, исполненные раскидистой живописной пастелью в стиле „граффити“ с обложек устаревших хрестоматий, энциклопедий, открыток, почтовых марок, календарей. И все в полном беспорядке». Среди этих ликов — и В. Набоков, «медведь, прямо зверюга, меховая шапка-треух, тулуп, крестьянский нос, пермяк — солены уши, весь коричневый, взгляд горький, сумрачный, угрюмо-тоскливый, смотрит в сторону как с бодуна, узнаваем на все сто, но дворянской косточки ну ни на йоту, шиш...» И «очкарик Джойс в зеленой шляпке с перышком набекрень; Пруст тоже недалеко ушел, худосочный чернявый (зачем-то в медальоне) с горящим печальным взором и на макушке беретик с помпоном». А все вместе — светлая, мозаичная картина, собранная из рассказов, связанных воедино задушевной тональностью и добрым взглядом в прошлое.

Феликс Лурье. Работники Серебряного века. СПб.: ООО «Издательство „Штамп“», 2023. — 288 с.: ил.

«Мы привыкли отождествлять Серебряный век с С. Дягилевым, издателем журнала „Мир искусства“ и организатором Русских сезонов, музыкой И. Стравинского, великими театральными деятелями, талантливыми художниками „Мира искусства“, блистательными архитекторами и инженерами начала XX века, молодой поэзией, плеядой выдающихся экономистов и философов. Их знают, о них, творцах Серебряного века, много написано... Но есть скромные работники Серебряного века, талантливые, знающие, куда более образованные, чем многие творцы, не все были известны тогда, о многих забыли. Отыскивая, сохраняя, описывая, демонстрируя выдающиеся достижения предшественников, они просвещали и вдохновляли творцов русской духовной культуры, содействовали их творчеству, вселяли гордость за Отечество, создавали почву просвещенного патриотизма. Без их труда мы не увидели бы доминанты русской духовной культуры начала XX века, их заслуги нисколько не ниже заслуг творцов Серебряного века. Они не извлекали выгоду из своих поступков и действий, наоборот, все их предприятия были дотационными. Ими двигали любовь к Отечеству и стремление к недостигнутым ранее результатам. Их деятельности посвящена эта книга», — пишет Феликс Лурье. Но прежде чем перейти к рассказу о просветителях Серебряного века, Ф. Лурье, известный историк, библиограф, писатель, совершает экскурс в исто-

рию христианской Европы, западной и русской, православной, обозначая доминанты (ренессансы, возрождения) духовной культуры, оставившие заметный след в их развитии. Одной из таких культурных доминант русского государства был Серебряный век. Автор отмечает, что активный рост духовной культуры начинается «открытием» достижений предшественников, о которых общество в силу разных обстоятельств оказалось в неведении. В конце XIX—начале XX века русское общество имело смутное представление не только о своем национальном искусстве XVIII века и ранее, но даже и первой половины XIX века. Для роста духовной культуры требовался толчок. «Случайным вдохновителем Серебряного века» Ф. Лурье называет правоведа и искусствоведа Д. Ровинского (1824—1895), автора капитального труда «Подробный словарь русских гравированных портретов» (1872). В четырех томах дано описание 16 тысяч портретов из императорских учреждений (Публичная библиотека, Эрмитаж, Академия наук, Академия художеств, Московский университет) и частных коллекций. Искусствоведческие описания дополнены биографиями изображенных на портретах лиц. Художественные выставки стали важной частью просветительской работы. «Подробный словарь...» Ровинского вдохновил на изучение портретной живописи Н. Врангеля (1880—1915), ему, почти подростку, в 1902 году удалось организовать выдающуюся выставку русского портрета 1700—1850 годов и составить превосходный каталог. Помогал ему А. Бенуа. В эпоху Серебряного века наряду с огромным числом небольших выставок (только в Эрмитаже за 1898—1914 годы состоялась 41 выставка) прошли и три грандиозные. Выставка русского портрета, организованная Дягилевым в Таврическом дворце (1905); историческая выставка архитектуры и художественной промышленности в залах Академии художеств, включающая работы величайших зодчих двух «петербургских» веков и художественно-бытовой материал (1911); внушительная экспозиция «Ломоносов и елизаветинское время» в залах Академии художеств (1912). Ф. Лурье подробно рассказывает обо всех значительных выставках и их организаторах, приводит яркие отклики современников, воспоминания, отзывы в прессе. И все-таки ведущими в просветительской деятельности были не выставки, а журналы: «Мир искусства», «Золотое руно», «Старые годы», «Аполлон», «Художественные сокровища России», «Столица и усадьба», «Былое». Эти журналы выполняли разные задачи, то дополняли друг друга, то конкурировали. В одних отдавалось предпочтение прозе и поэзии, другие рассказывали о наиболее выдающихся памятниках русского искусства: дворцах, старых дворянских усадьбах, коллекциях живописи. Подчас в журналах работали один и те же люди, писатели, поэты, художники. И какие! Дягилев, Бенуа, Блок, Бакст, Лансере, Сомов... Ф. Лурье подробно рассказывает и о содержании журналов, об их издателях и сотрудниках. Активно занимались издательской деятельностью и изыскательской работой кружки: Кружок любителей русских изящных изданий, главной целью которого было содействие поднятию художественного уровня российской печатной продукции; Императорское Русское историческое общество, занимавшееся выявлением, собиранием, обработкой и публикацией документов по русской истории. Важным событием стало открытие в 1912 году в собственном доме графа В. Зубова на Исаакиевской площади по инициативе и на средства владельца Института истории искусств (был национализирован в 1919 году). Но о чем бы ни рассказывал Ф. Лурье, он всегда повествует о людях, деятельных и талантливых бескорыстных подвижниках, влюбленных в русское искусство. Биографии, труды, живые люди с достоинствами и недостатками, особенности межличностного отношения... Какие сложные судьбы! Два брата Врангели, внучатые племянники Пушкина, Николай и Петр вместе росли в окружении предметов искусства, излучавших завораживающую кра-

соту и таинственность. Один, Николай (1880—1915), стал искусствоведом, другой, Петр (1878—1928), — руководителем Белого движения на юге во время Гражданской войны. В 1919 году был расстрелян великий князь Николай Михайлович, возглавлявший Императорское Русское историческое общество с 1909-го по 1917 год. По приговору тройки ОГПУ за участие в несуществующей монархической группировке расстрелян в 1931 году П. Вейнер, петербургский искусствовед, редактор-издатель журнала «Старые годы», создатель Музея Старого Петербурга. Благополучно вписался в новую жизнь живописец и искусствовед И. Грабарь (1871—1960). Оценивая короткий период Серебряного века для российской культуры как самый успешный, Ф. Лурье пишет, что в 1917 году «накопленная столетиями великая русская культура была безжалостно разрушена большевиками, прервалась преемственность поколений, произошла варваризация масс». Книга оригинально оформлена: на полях помещены пронумерованные иллюстрации уменьшенных размеров, отсылка к этим иллюстрациям — соответствующие номера есть и в самом тексте, отправляя читателя в конец книги, где находятся эти же иллюстрации в обычном размере. Кроме того, из использованных автором в этой работе книг отобрано 11. Все они из-за чрезвычайной редкости труднодоступны, поэтому в издательстве их отсканировали. Бесплатный доступ к этим изданиям читатель может получить при считывании QR-кода смартфоном. Сведения об авторах и сканированных книгах приведены.

Николай Гуданец. Певец свободы или гипноз репутации: Очерки политической биографии Пушкина (1820—1823). М.; СПб.: Нестор-История, 2021. — 292 с.

Николай Гуданец восстал против корифеев-пушкинистов (в подтексте — конформистов, среди которых Ю. Лотман, Н. Нечкина, Н. Эйдельман...), которые десятилетиями создавали и поддерживали «миф» о том, что Александр Пушкин всю жизнь боролся за политическую свободу. И хотя в стихотворении «Сеятель» (1823) поэт в порыве отчаяния обвиняет «мирные народы» в отсутствии у них потребности в свободе («Паситесь, мирные народы! / Вас не разбудит чести клич. / К чему стадам дары свободы?»), согласно мифу своим либеральным убеждениям поэт никогда не изменял. Традиционно считается, что именно в южной ссылке поэт испытал мировоззренческий кризис, вызванный поражением европейских революций и наступлением российской реакции, своеобразным маркером которого и стало это стихотворение. Открытие состоит в том, что кризис, из-за которого поэт навсегда отказался от юношеского вольнодумства, случился до написания «Сеятеля», во второй половине 1822 года (время кризиса принципиально важно для концепции автора), и был вызван иными причинами, а само стихотворение – циничная поделка, изготовленная с корыстными целями. Н. Гуданец почти две трети текста сохраняет напряженную интригу, постепенно подводя к ответу-открытию, призванному сокрушить все наработки предшественников. Он подробно рассказывает о «среде обитания» поэта, связанного дружескими отношениями с членами тайного общества (будущими декабристами) и масонами, среди которых были генералы М. Орлов и П. Пущин, полковник П. Пестель, майор В. Раевский. Постепенно Н. Гуданец подводит к выводу, что причиной мировоззренческого кризиса Пушкина стала не большая политика, а вполне конкретные события: разгром масонской ложи «Овидий» в конце 1821 года, арест В. Раевского, отстранение М. Орлова от командования дивизией, приказ об отставке П. Пущина в начале 1822-го. Истинная

причина, утверждает автор, по которой поэт отказался от вольнолюбивых взглядов, — это испуг, глубочайший страх перед властями, на всю оставшуюся жизнь угнездившийся в душе напуганного призраком тюрьмы поэта. Во время южной ссылки молодой «певец свободы» перевоспитался и перестал письменно и устно высказываться в противном правительству духе. «Ему стало по-человечески страшно». Рефреном — сначала исподволь, а потом и открыто, назойливо — проводится мысль о капитуляции поэта перед деспотизмом и поисках им благовидного самооправдания. А так как современники поэта в своих воспоминаниях о Пушкине-дуэлянте (известно два с половиной десятка дуэльных историй поэта) свидетельствуют о редкостной храбрости поэта во время поединков, то Н. Гуданец, ссылаясь на историю декабристов и сталинских полководцев, пытается обосновать, что можно быть редким храбрецом на войне и дрожать в страхе перед «госбезопасностью». По всей книге раскиданы уничижительные оценки, данные Пушкину: инфантильное поведение, неадекватно завышенная самооценка, чудовищное самолюбие, расчетливый и циничный, лукавое «солнце нашей русской поэзии». Из-за болтливости поэта, а не для того, чтобы уберечь его, Пушкина не приняли в тайное общество. «Явные мотивы зависти несостоявшегося героя к славной судьбе своего поэтического вдохновителя» (Байрона). «„Тьмы низких истин мне дороже / нас возвышающий обман...“ – написавший это автор прежде всего нуждался именно в возвышении той боязливой фигурки, в которую бездушная государственная машина превратила некогда буйного „певца свободы“». Н. Гуданец предлагает свой построчный разбор стихотворения «Сеятель» и, отдавая должное поэтическому таланту Пушкина, правит Пушкина, «восстанавливает смыслы», считая, что «поэт просто не подумал хорошенько над тем, что у него написалось», а то и жертвовал смыслом ради тонкой, соразмерной, завораживающей звукозаписи. Подчеркивает, что именно в этом стихотворении появилась тема «толпа и поэт», которую Пушкин впоследствии перепевал всю жизнь, отделяя «свою уникальную отважную личность от толпы „трусливой сволочи“». Н. Гуданец считает, что «Сеятель» был написан на скорую руку и расчетливо направлен в письме А. И. Тургеневу как поэтическое свидетельство отречения от бунтарства. А иначе как объяснить, что проникнутое христианским духом стихотворение соседствует в Первой масонской тетради с письмом к Вигелю, где скабрезные шутки и рекомендации гомоэротического характера сочетаются с религиозными кощунствами, глубокомысленно вопрошает Гуданец. А может, поэт набрасывал строки на том, что было под рукой? Вероятно, возможно, остается предположить, разумеется, мог, но... косвенно угадывается. А если не так? Иногда Гуданец сам пугается собственных домыслов, подобных этому: шпильки Пушкина в адрес Александра I были вызваны тем, что представители древнего рода Пушкиных имели больше прав на трон, чем выскочки Романовы... И вот главное, ключевое, для чего, кажется, это исследование и замышлялось. «Если слова И. Ильина („Пушкин есть чудеснейшее, целостное и победоносное цветение „русскости“, „национальный воспитатель“, „основоположник русского слова и русского характера“) справедливы и Пушкин воистину является квинтэссенцией „русскости“, нам всем впору призадуматься. Тогда, выходит, в сердцевине нашего национального характера заложено лукавое и опасливое приспособленчество. Может, именно здесь коренятся чудовищные российские катастрофы двадцатого столетия и тот „бесконечный тупик“, в который мы уткнулись в двадцать первом веке?» И еще: «...если Великая Отечественная война — это передовая национальной памяти, то культ Пушкина является последней линией обороны русской идентичности», как пишет в предисловии к книге С. Эрлих, то понятно, что эту линию Гуданец хочет разрушить. Метод автора — факты и логика, воспользуемся им.

Николай Гуданец (1957) — профессиональный филолог, поэт, писатель, живет в Латвии. В 1982 году был завербован КГБ, в 2018-м сведения об этом появились в открытой печати. Н. Гуданец публично признал сотрудничество с КГБ, указав и причину — страх. Вопрос риторический: зачем разоблаченному агенту КГБ, живущему в Латвии, набрасываться на «наше все», которое якобы «является одной из „скреп“ нынешнего режима»? Экстраполировать свои страхи перед властью, свое мироощущение поэту, человеку другой эпохи, другой культуры, другого кругозора другой эпохи? Ради самооправдания, мол, и сам Пушкин, как я, властей убоялся? Доказать свою лояльность властям современным? Судя по откликам, изыскания Н. Гуданца в России сочли неубедительными.

Михаил Алексеев. Русская тема в европейской литературе: Сборник статей и материалов. СПб.: Нестор-история, 2023. — 528 с.

Значительная часть обширного научного наследия академика Михаила Павловича Алексеева (1896–1981), выдающегося отечественного филолога, одного из зачинателей сравнительного изучения литератур, посвящена восприятию русской действительности и русской культуры за рубежом. Исследователя интересовало не только, какой представляли за рубежом Россию, но и то, как, из чего это представление там складывалось: знание русских реалий, вымыслы, слухи, влияние русской литературы. Он делал открытия в области русско-английских, русско-французских, русско-немецких, русско-испанских, русско-итальянских, русско-польских, русско-чешских культурных и литературных связей XVI–XX веков. В сборник включены 23 статьи, создававшиеся на протяжении полувека и объединенные тематикой, интересовавшей академика всю жизнь. Публикацию предваряет статья, в которой В. Багно, ученик М. Алексеева, давая общую характеристику трудам М. Алексеева, обозначает и основные вехи в истории формирования представлений о России и русских в зарубежной литературе, в этих трудах отраженные. Упоминание о Руси и русских нередки в произведениях средневековых немецких поэтов, и М. Алексеев исследует способы германо-славянского обмена эпическим и сказочным материалом на примере творчества немецкого поэта XIV века, тирольца О. фон Волькенштейна (1377—1445). Авантюрист, участник военных походов против язычников на Русь и Литву, он говорил на десяти языках, знал и русский язык. Одно из самых ранних дошедших до нас руководств к изучению русского языка иностранцами (1546) составил Т. Шрове. Пьеса «Великий князь Московский, или Преследуемый император» Лопе де Вега открыла длинный и блистательный ряд произведений мировой литературы, в которых с разных позиций, с того или иного «голоса» (часто иезуитского) трактуются события Смуты, взаимоотношения России и Польши, феномен самозванства. М. Алексеев рассматривает весь длинный ряд западноевропейских пьес, посвященных русской смуте, вызвавшей в католическом мире огромный интерес. По всей Европе выходили брошюры, летучие листки, книги на злобу дня, чьи авторы были весьма осведомлены о событиях в Московии. Европейские политики искали способы употребить в свою пользу тяжелое положение, в котором оказалось Московское государство. С началом активной торговли Англии с Россией через Архангельск и порты Белого моря во второй половине XVI века исключительный интерес к России стала проявлять Англия. В литературе и в жизни распространялись живописные подробности о Москве и Русском Севере: русские географические названия, особенности климата, торговая номенклатура. Рядовые англичане употре-

бляли слова «квас», «мед», «однорядка». О том, что знали англичане XVI—XVII веков о Московском государстве, о быте и нравах его жителей, можно судить по пьесам Шекспира и драматургов той поры, считает ученый. У Шекспира отмечено свыше десятка упоминаний «московитов» или «русских». Эпизоды, где присутствует русская тема, есть в пьесах «Бесплодные усилия любви», «Зимняя сказка», «Буря». «Русской экзотике» в пьесах Шекспира и ее толкованиям исследователями творчества драматурга посвящена большая статья. Отдельная статья посвящена и тому, как в Англии осваивался русский язык, а английский — в России. Огромный интерес в Западной Европе вызвали реформы Петра I, сформировавшие однозначно позитивный образ России, сложнее воспринималась екатерининская эпоха. М. Алексеев оставил обзор трудов и противоречивых взглядов французских философов эпохи Просвещения на Россию, занявшую важное место в их размышлениях, а также подробный анализ воззрений Вольтера на русскую литературу, историю и искусство, осветив и его полемику с Руссо, имевшего суровый взгляд на Россию. М. Алексеев пишет о том, как триумфальное вступление русской армии в Париж, помощь, оказанная Россией Австрии и Венгрии в подавлении революций, разгром польского восстания обусловили формирование мифа о русской угрозе, о полуазиатской стране, готовой потопить в крови ослабшую европейскую цивилизацию. Он рассказывает, как в западноевропейской печати отозвалось восстание декабристов, интерес к которому обнаружился под влиянием недостоверных поэтических преданий, вымыслов и легенд много позднее самого события, и делает обзор западноевропейской литературы, посвященной декабристам, останавливаясь подробно на поэме Шамиссо «Die Verbannten» («Ссыльные»), созданной в пандан к поэме Рылеева «Войнаровский». С 1860-х годов столбцы европейских газет, журнальные страницы пестрели сообщениями о «русских нигилистах» и их трагических судьбах. Одной из любимых тем для нападок на Россию стали ужасы Сибири и русской тюрьмы. Русской каторге, «стране изгнания» — Сибири посвящались романы. Английский поэт Суинберн в написанной в дантовских тонах оде «Россия» призывал к восстанию, революции и цареубийству. В России оду «не заметили». Роман Н. Чернышевского «Что делать?» на Западе рассматривали в параллели с романом Золя «Дамское счастье». М. Алексеев использует в своих очерках одну и ту же методику. В начале приводятся необходимые сведения о событиях русской истории, привлекших иностранных писателей. Затем высказывается гипотеза о том, каким образом им стали доступны эти сведения. И наконец, анализируется, как правило, неизвестный текст, в котором нашли отражение эти события, или, наоборот, текст широко известный, в котором русские реалии вызывали. Бессчетны пути познания России иностранцами. Поэтическое описание украинских казаков оставил французский поэт XVII века Сент-Аман, оказавшийся в Польше в разгар войны Хмельницкого с королем Яном-Казимиром. Монтень, путешествуя по Италии (1580—1581), встретил в Риме московского посла, направленного к папе Григорию XIII. Этот эпизод, вошедший в «Опыты» Монтеня, — немаловажное свидетельство об одном весьма темном эпизоде русской дипломатической истории. Немецкий поэт П. Флеминг, участник голштинского посольства в Москву и Персию, зиму 1634 года провел в Новгороде и по непосредственным впечатлениям создал поэму из жизни новгородских крестьян. «Приключения Робинзона в Сибири» Д. Дефо появились в результате тщательной работы писателя с доступными ему источниками. Воспоминания о декабристах оставили домашний врач М. Воронцова Р. Ли, жена британского дипломата леди Дисбрау, английский пастор Д. Патерсон, супруга английского художника Т.-У. Аткинсона, побывавшая у ссыльных в Сибири.

Михаил Талалай. Сказания о Сицилии. Подвижники, паломники, путешественники. СПб.: Алетейя, 2023. — 140 с.: ил. — (Италия—Россия).

Неожиданная Сицилия. Впервые русскому читателю представлены агиографические сказания о местных святых, имевших в прошлом ярко выраженный византийско-восточный облик. Один из ликов Сицилии, утверждает Михаил Талалай, вне сомнения – греко-византийский. Христианство проникло на остров в апостольские времена: на Сицилии останавливался апостол Павел, а апостол Петр послал сюда своих первых миссионеров. В 535 году византийский император Юстиниан I объявил остров византийской провинцией. Сюда, спасаясь от мусульманской экспансии, бежали христиане Сирии, Египта, Палестины. Позднее на остров потянулись православные монахи и миряне, которых преследовали в родной Византии иконоборцы. В VIII—IX веках тут наступил расцвет византийской культуры, в том числе церковной, о чем свидетельствуют и многочисленные греческие имена святителей и преподобных той поры. В 827 году на острове высадился первый мусульманский десант, через полвека пали столичные Сиракузы, и только в конце XI века норманны выбили с Сицилии арабов. Примерно с этого времени началась латинизация островного населения. Во втором тысячелетии остров постепенно утрачивал свое богатое восточное наследие, но за первое тысячелетие его накопилось так много, что оно не могло полностью сгинуть. И это не только внешнее, материальное наследие: древние соборы, святилища, монастыри, катакомбы и пещерные храмики, грандиозные мозаичные циклы в Палермо, Монреале, Чефалу, но и духовное: почитание священных образов и мощей, предания об аскезе монахов-калогеров, о чудесах мучеников и святителей. Всего в книге рассказано почти о трех десятках почитаемых на острове святителей, старцев, священномучеников: чудесные легенды, жития святых, совершаемые ими подвиги, мучительная кончина, мощи, в силу разных причин менявшие местонахождение, исчезающие и обретаемые вновь, и современные праздники, обычаи, обряды, связанные с почитанием местных святых. Например, в городке Лентини, что находится около Сиракуз, никогда не выносят из церкви изображения трех братьев-мучеников, даже реставрируют их исключительно внутри храма. Потому что однажды, когда образа трех мучеников потребовалось вынести из церкви, началось сильное землетрясение. Когда же образа вернули на прежнее место, землетрясение тут же прекратилось. Отрывочные сведения о сицилийских святых – таких, как Лев Катанский и девы-мученицы Агафия и Лукия, — проникли на Русь через Византию. Святитель Григорий Акрагантийский попал в русские святцы благодаря св. Димитрию Ростовскому, подробно пересказавшему его житие. Все рассказы привязаны к конкретной местности. Сиракузы, где находится важная христианская святыня — катакомбы св. Иоанна Крестителя, — там почивали прежде мощи св. Маркиана, первого епископа Сицилии. Красочная Таормина. Мессина, у берегов которой заведуют двумя противоборствующими течениями, образуя водовороты, мифические сирены, чудовища Сцилла и Харибда. Городок Корлеоне, в котором более ста храмов, а его небесный патрон носит странное имя Леолука. Агридженто (Акрагант), где самое крупное строение – собор, возведенный в XI веке. Древние памятники вчера и сегодня. Вторая часть книги посвящена «русскому следу» на острове. Самые ранние свидетельства о посещениях русскими острова относятся к концу XVII века: это почти одновременные визиты сподвижников Петра I — Б. Шереметева, прибывшего с дипломатической миссией, и П. Толстого, желающего ознакомиться с военно-морским делом. Но только при правлении Екатерины II были установлены официальные

отношения с Неаполитанским государством, частью которого являлась Сицилия. Открывать для себя местные культурные богатства россияне начали в 1820-е годы и обнаружили здесь великолепные памятники не только античной Эллады, но и православной Византии. Визиты россиян в сицилийские города и веси представлены в хронологической последовательности в разделе «Книга посетителей». Десятки известных имен: аристократы, дипломаты, ученые, художники, писатели, поэты. Краткие очерки и выдержки из воспоминаний тех, кто их оставил: Сицилия глазами русских в XIX—XX веках. Особый акцент сделан на двух главных эпизодах в русско-сицилийских отношениях. Первый – это пребывание в Палермо императорской семьи в 1845—1846 годах. На протяжении четырех зимних месяцев здесь поправляла здоровье Александра Федоровна, супруга Николая I, который сопровождал ее. В снимаемой царской семьей вилле Оливуцца была обустроена православная церковь. Одним из неявных следствий этого визита стал отказ королевства Обеих Сицилий вступить в Крымскую войну против России, несмотря на сильное давление Англии и Франции. В приложении помещен очерк И. Пащинской «Пребывание царской семьи на Сицилии». Важным событием в отношениях России и Италии стало героическое участие российского флота в спасении пострадавших от землетрясения в Мессине в 1908 году. Русские моряки с проходивших учение у берегов Италии кораблей «Адмирал Макаров», «Цесаревич» и «Слава» первыми бросились на помощь пострадавшим, в то время как итальянский флот и армия бездействовали несколько дней. Римский корреспондент М. Первухин в своих репортажах писал: «...русские не только помогали, они отдавали беглецам все, до собственной запасной рубашки включительно. В Палермо и Неаполе женщины и дети из погибших городов и сейчас щеголяют в матросских фуфайках, в матросских куртках, в офицерских тужурках. Немецких или английских вещей на беглецах нет». Один из спасенных, одетый в разнокалиберный костюм с русских плеч, говорил репортеру: «...мы знали, что русские хорошие люди. Но теперь мы знаем, что они – братья, что они лучшие в мире люди». В 2012 году в Мессине был торжественно открыт памятник российским морякам. Такая она, неожиданная Сицилия.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66,
т. (812) 640-44-06, www.lavkapisateley.spb.ru)

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ХАРБИН — «РУССКИЙ КИТЕЖ»

Часть 9

ХАРБИН. СВЯТО-ИВЕРСКАЯ ЦЕРКОВЬ

История строительства Иверского храма в Харбине связана с деятельностью настоятеля Никольского храма в усадьбе Старый Харбин протоиерея Сергия Брадучана (1874—1940), который в 1907 году выступил с инициативой строительства отдельного храма для духовного окормления войск отдельного корпуса пограничной стражи Заамурского округа, предложив для этого имеющиеся в казне Свято-Никольского храма 32 тысячи рублей. Инициатива была поддержана командиром корпуса пограничной стражи генерал-лейтенантом Н. М. Чичаговым. В книге, посвященной 25-летию освящения храма, отмечалось: «Генерал Чичагов приложил к делу постройки храма всю свою энергию и воспользовался имевшимися у него связями в Петербурге и Москве, откуда и получил большую поддержку»[1]. В том же году было принято решение о постройке церкви в память о воинах, погибших в Русско-японской войне 1904—1905 годов. Храм возводился в стиле ярославской архитектурной традиции[2].

27 мая 1907 года по благословению начальника Русской духовной миссии в Пекине епископа Переславского Иннокентия (Фигуровского) на Пристани (район Харбина) состоялась церемония закладки первого камня в фундамент возводимого храма[3]. Храм русской воинской славы и чести был заложен на средства чинов Пограничной стражи Заамурского пограничного округа. Церемония закладки была произведена благочинным прот. Пекарским с харбинским духовенством[4].

Место для церкви было выбрано недалеко от харбинского вокзала, на территории, где находились центр Пограничной стражи, штаб Заамурского округа, а также пол-

---

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

[1] Двадцатипятилетие Свято-Богородицкой Иверской церкви в г. Харбине. Исторический очерк. 27/V 1907 — 27/V 1932 года. Русская линия (5 февраля 2008).

[2] Православные храмы в Северной Маньчжурии. Харбин, 1931. С. 8.

[3] Иверских церквей в Харбине было построено две, и почти одновременно. Одна — в районе Пристань, другая — в Госпитальном городке.

[4] Нилус Е. Х. Деятельность церковного отдела управления КВЖД (Обзор церковной жизни полосы отчуждения) // Русская Атлантида. 2009. № 33. С. 16.

ки двух отрядов и артиллерия[5]. Строительство церкви осуществлялось по проекту архитектора Константина Денисова, выпускника Санкт-Петербургской академии художеств. Одновременно, также по проекту Константина Денисова, солдатами-резчиками во главе с рядовым А. Ермаковым из орехового дерева был изготовлен иконостас, а иконы (32 для иконостаса и 4 киотных) были заказаны в городе Чернигове в мастерской Киашко Зинковича[6].

В процессе строительства храма возникали самые разные проблемы как с финансовой стороны, так и со строительными материалами. Однако все они быстро решались, поскольку продуктивно и своевременно работала специальная комиссия. Как свидетельствуют сохранившиеся документы, стоимость работ по возведению храма составила 67 тысяч рублей. На строительство широко откликнулось практически все русское население Харбина, жертвуя на постройку не только строительные материалы, но также собственные деньги и даже ценные вещи. Церковный староста на свои собственные средства выстроил церковный дом при храме. Строительство было окончено 27 мая 1908 года[7].

3 июня 1908 года новопостроенная церковь по благословению архиепископа Владивостокского и Камчатского Евсевия (Никольского), которому было поручено управление церковью в полосе отчуждения КВЖД, была освящена малым чином, о чем генерал-лейтенант Чичагов (на тот момент начальник Заамурского округа) известил великую княгиню Елизавету Федоровну, шефа пограничной стражи графа В. Н. Коковцова, митрополита Московского Владимира (Богоявленского), архиепископа Владивостокского Евсевия (Никольского), первого настоятеля Никольского храма в усадьбе Старый Харбин протоиерея Александра Журавского, председателя Правления КВЖД Венцеля, генерал-лейтенанта А. Т. Озеровского и первого начальника охранной стражи (до формирования пограничного корпуса) генерал-лейтенанта А. А. Гернгросса. Ответные телеграммы были получены Чичаговым и объявлены в приказах по гарнизону в войсках[8].

26 ноября 1908 года архиепископ Владивостокский Евсевий освятил Иверскую церковь, сооруженную на пожертвования, собираемые с 1898 года в Старо-Харбинской церкви на построение нового каменного храма, и на суммы, отчисляемые Заамурским округом пограничной стражи. Храм был освящен в честь Иверской иконы Божией Матери. Кроме главного алтаря, в храме имелись два придела: один посвящен преподобному Серафиму Саровскому, второй — святителю Николаю, архиепископу Мирликийскому.

Иверская икона Божией Матери — величайшая святыня Афона. Точную копию иконы привезли в Москву еще в 1648 году, и она стала едва ли не главной московской святыней. Ее поместили в специально отстроенной часовне у Воскресенских ворот, а когда Москву в 1812 году заняли французы, икону на время вывезли во Владимир[9].

Храм принадлежал Заамурскому округу Отдельного корпуса пограничной стражи и размещался на улице Офицерской. Эта часть района Пристань примыкала к железной дороге, отделявшей его от Нового Города. Церковь хорошо была видна с железной дороги, а также с улиц Диагональной, Водопроводной и Хилковской. Храм хорошо

---

[5] Крадин Н. П. Из истории военной церкви в честь Иверской Божией Матери в Харбине // Баландинские чтения. 2015. С. 148.

[6] Православные храмы в Северной Маньчжурии. Харбин, 1931. С. 9.

[7] Крадин Н. П. Указ. соч. С. 150.

[8] Православные храмы в Северной Маньчжурии. Харбин, 1931. С. 9.

[9] Крадин Н. П. Харбин — русская Атлантида. Хабаровск, 2001. С. 99.

просматривался от главного вокзала и с других дальних точек города. Когда же улицу Офицерскую застроили, доминирующая роль храма исчезла, его почти со всех сторон закрыли строения, порой даже возвышаясь над ним[10].

«Одним из первых по времени постройки харбинских храмов был „военный“[11] Иверский храм на Офицерской улице, — пишет священник Николай Падерин. — Обширный семиглавый храм-памятник был построен в память героев русско-японской войны, имена коих запечатлены на сводах и колоннах храма. Это единственный храм в Харбине, украшенный мозаичными иконами»[12].

Как и в храме Христа Спасителя в Москве, где были увековечены имена павших за Родину участников Отечественной войны 1812 года, на стенах Иверского храма, на мраморных досках были перечислены имена георгиевских кавалеров-заамурцев, погибших в боях и в стычках с хунхузами — в 1898—1900 годах и в Русско-японскую войну 1904—1905 годов. Позднее к ним добавились имена павших в Первую мировую войну, наконец — в Гражданскую. Не хватило простенков, имена лепились по арочным сводам храма[13]. Иверский храм был первым крупным храмом-памятником русским воинам, погибшим на Дальнем Востоке в военных событиях в 1898–1900 годы и Русско-японскую войну 1904–1905 годов не только в Китае и Японии, но и в России[14].

На непосредственно прилегающей к храму территории были и другие воинские захоронения. Иверская церковь в своем убранстве несла ярко выраженный характер мемориального сооружения в честь погибших русских воинов. Имена погибших располагались на западной и северной стенах храма и на колоннах[15]. В этом храме находились переданные на вечное хранение иконы и полковые знамена воинских частей, покидавших после войны северо-восток Китая[16]. Свято-Иверскую церковь русское население Харбина в обиходе именовало «офицерской» или «военной» из-за того, что построена она была в память воинов, живот свой положивших за Отечество в Русско-японской войне 1904–1905 годов. (Позже на прилегающем кладбище хоронили эмигрантов — бывших офицеров колчаковских армий[17].)

В 1911 году в Санкт-Петербурге было утверждено существенно расширенное штатное расписание Заамурского округа Пограничной стражи. Теперь для нужд округа выделялись четыре священнических должности вместо ранее существовавшей одной: в Харбине в пристанской Иверской церкви при штабе округа (о. Сергий Брадучан) и три так называемых отрядных священника для обслуживания верующих на линиях КВЖД[18].

В 1915 году в связи с передислокацией войскá Заамурского округа Пограничной стражи ушли из Харбина на германский фронт, в Харбин прибыли новые дружины, в том числе и 559-я самарская дружина. Ктитором Иверской церкви вместо ротмистра Долинского был назначен командир 559-й самарской дружины полковник Н. С. Плонский, который по просьбе священника Сергея Брадучана выделил военных художни-

[10] Там же. С. 100.

[11] Церквей, принадлежавших военным, в Харбине было несколько. Одна из них — Софийский храм в Корпусном городке.

[12] Падерин Николай, свящ. В рассеянии // Альфа и Омега. М., 2001. № 3 (29). С. 264.

[13] Мелихов Г. В. Манчжурия далекая и близкая. М.: Наука, 1991. С. 205.

[14] Забияко А. А., Забияко А. П., Левошко С. С., Хисамутдинов А. А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронтира. Благовещенск: Амурский университет, 2015. С. 41.

[15] Храмы Харбина и линии // Политехник. Сидней. 1979. № 10. С. 136.

[16] Сергей Еремин. Иверский храм в Харбине. Русская народная линия (20 января 2017).

[17] Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 228.

[18] Коростелев В. А., Караулов А. К. Православие в Маньчжурии. 1898—1956 / Под ред. О. В. Косик. ПСТГУ, 2019. С. 71—72.

ков капитана Владимира Алексеевича Михайлова, ратника Д. Зимина и других для росписи Иверской церкви[19].

Росписи (по мотивам работ Верещагина, Нестерова и Васнецова) выполнил профессиональный художник В. А. Михайлов, выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества, мобилизованный в Маньчжурию на охранную службу. Трудился он совершенно безвозмездно, с помощью живописца ратника Зимина. В росписях наряду с церковными сюжетами фигурировали также батальные сцены, преимущественно на тему воинского подвига, с изображениями доблестных православных воинов, «душу свою положивших за други своя»[20]. «Прекрасен Иверский храм, весь расписанный строгой иконописью в стиле Васнецова и Нестерова»[21], — отмечалось в тогдашней печати.

В книге «Маньчжурия далекая и близкая» Г. В. Мелихов так описывает роспись Иверской церкви: «В этой живописи тесно переплелись между собой батальные и религиозные мотивы. Живость и драматизм изображенных ситуаций, сочные краски производили сильнейшее впечатление. Например, вдали еще кипит ожесточенный бой, а на переднем плане умирает русский солдат — белокурый, голубоглазый, с Георгиевским крестом, и, как подобает церковной живописи, с разверзшихся небес к солдату сходит Христос, чтобы вознести на небо его душу, а внизу — соответствующий евангельский текст. Или страшное в своей жестокости и обнаженности поле только что пронесшегося боя; убитые и искалеченные люди, кровь, огонь и дым. И по полю, закрыв лицо руками, проходит Христос. Он плачет...»[22]

В 1916 году роспись церкви, производившаяся по копиям убранства Владимирского собора в Киеве, была окончена, и 26 ноября на праздник георгиевских кавалеров храм был освящен полным чином архиепископом Владивостокским Евсевием (Никольским) и епископом Уссурийским Павлом (Ивановским)[23]. Одна из бывших жительниц Харбина вспоминала «прекрасные фрески на стенах и высоко над алтарем, прекрасные иконы на алтаре, а около алтаря — прекрасный большой образ Божией Матери Иверской, <...> чудное пение хора, тем более что акустика в храме была замечательная»[24].

Вспоминает харбинец Н. Г. Шарохин: «За железнодорожным вокзалом кончался Новый город. Впереди поднимался виадук; за виадуком начиналась Пристань. Шла прямая, как стрела, Диагональная улица, а слева от нее — Офицерская, на которой располагался Иверский храм. Это была замечательная церковь, где все стены и колонны покрыты именами павших русских воинов. Справа от входа бросалось в глаза роскошное изображение поля боя с лежащим у замка орудия артиллеристом. Над всем этим словно парила нисходящая сверху фигура Иисуса Христа в белых одеждах. Художнику удалось передать неземной Фаворский свет, идущий от Спасителя. Все росписи храма были выполнены русским художником В. А. Михайловым. В Иверском храме хранились исторические реликвии, присланные царствующей императрицей Александрой Федоровной, сделавшей крупный вклад»[25].

Архитектура Иверской церкви привлекала внимание не только ее прихожан. После окончания строительства она по праву считалась в Харбине самой красивой. Пятиглавая, с колокольней на общей продольной оси церковь Иверской Божией Матери

---

[19] Православные храмы в Северной Маньчжурии. Харбин, 1931. С. 9.

[20] Коростелев В. А., Караулов А. К. Указ. соч. С. 68.

[21] Цит. по: Русские в Китае. Шанхай, 2010. С. 136.

[22] Цит. по: Крадин Н. П. Харбин — русская Атлантида. Хабаровск, 2001. С. 100.

[23] Православные храмы в Северной Маньчжурии. Харбин, 1931. С. 9.

[24] Свято-Иверская церковь в Харбине. Русская народная линия (26.05.2008).

[25] Шарохин Н. Г. Мой Харбин // Русская Атлантида. 2007. № 23. С. 55.

отличалась изысканностью декоративного убранства. Колокольню украшали многоярусные, декоративные кокошники, окна, расположенные в двух уровнях, были отделаны красивыми наличниками[26]. Иконостас был выполнен из темного дуба и украшен богатым резным орнаментом; в число его икон входили и те, что прежде принадлежали прославленным русским полкам[27].

Вследствие наплыва беженцев в Харбин после революции в Иверском приходе были устроены два боковых придела, чем был завершен изначальный план храма. Первым был выстроен в 1925 году левый придел — на средства А. Г. Замесовой, во имя святителя Николая Чудотворца. Правый придел был начат сбором средств при А. М. Сокольникове в 1927 году, но уже в следующем году благодаря усердию коммерсанта Герасима Антипаса его устройство завершилось[28].

Грек по происхождению, Герасим Димитриевич Антипас был патриотом родной Греции и глубоко любил Россию и русских. Большой специалист и знаток своего дела. Его продукция могла конкурировать с водкой лучших заводов России. Свою знаменитую водку № 50 Антипас стал выпускать в Харбине с 1920 года. В городе про эту водку и ее создателя ходило немало беззлобных шуток, но своим современникам Д. Антипас был известен как человек глубоко религиозный и близкий к деятелям Православной церкви в Харбине, один из крупнейших благотворителей города. Антипас проявлял большую заботу об Иверской церкви, поддерживая материально все начинания причта, щедро отпуская средства на украшение и благолепие храма, соорудил в нем придел преп. Серафима Саровского. Затрачивал он большие деньги и на другие дела благотворительности. Имя Герасима Димитриевича и его деятельность были известны Заграничному Синоду, и митрополит Антоний наградил его за самоотверженную церковную работу несколькими грамотами. Скончался Г. Д. Антипас 7 мая 1932 года и был похоронен в ограде Иверской церкви у придела преп. Серафима Саровского[29].

Со временем Иверская церковь стала своеобразным храмом-памятником. Свидетельством этого могут служить многочисленные захоронения у южной и северной стен храма, а также тематика росписей и посвящений в интерьерах церкви. Так, у северной стены Иверской церкви был похоронен георгиевский кавалер генерал-лейтенант В. О. Каппель, который при отступлении из Омска погиб во время Сибирского Ледяного похода через Байкал. Над могилой генерала был установлен гранитный обелиск с надписью: «Генерального штаба генерал-лейтенант Владимир Оскарович Каппель» *(см. приложения 7 и 8)*. У стен Иверской церкви были похоронены и другие участники военных событий, в том числе погибшие в 1905 году полковник Анкерман, полковник В. А. Виторский, генерал-лейтенант К. Г. Круглевский и др. Под полом левого придела Иверской церкви лежали около 30 ящиков с прахом жертв погибших на реке Хор[30].

В ходе Гражданской войны на станции Верино и на мосту через реку Хор в апреле 1920 года красными было убито, как минимум, 130 человек. Речь идет о расправе красных партизан с пленными колчаковцами; часть их перебили 9 апреля 1920 года на станции Верино, доколов штыками раненых, а других привели на мост через реку Хор 9 и 20 апреля и там колотушками размозжили им черепа и всех сбросили в реку Хор — один из наиболее крупных притоков реки Уссури. Начавшийся паводок вынес тела казненных в Уссури; по опросам местных жителей, по реке Уссури проплыло и не вылов-

---

[26] Н. Р. // Русская Атлантида. 2001. № 6. С. 33.

[27] Храмы Харбина и линии // Политехник. Сидней. 1979. № 10. С. 137.

[28] Двадцатипятилетие Свято-Богородицкой Иверской церкви в г. Харбине. Исторический очерк. 27/V 1907 — 27/V 1932 года. Русская линия (5 февраля 2008).

[29] Мелихов Г. В. Белый Харбин. Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. С. 302.

[30] Русские в Китае. Шанхай, 2010. С. 137.

лено более 10 трупов и что «по особым условиям р. Хор, трупы должны находиться в ее притоках, где должно быть обнаружено их не менее 40—60»[31].

В 1932 году праздновалось 25-летие освящения закладки храма, в связи с чем была выпущена особая брошюра «Двадцатипятилетие Свято-Богородицкой Иверской церкви в г. Харбине», в которой отмечалось: «Уже внешний вид храма — пятиглавого (а с добавочными у колокольни и алтарной пристройки — семиглавого) чарует глаз своею стройностью, явно симметричным и пропорциональным соотношением своих составных частей <...> Внутри шатрово-ярославский тип церкви переносит Вас на Святую, старую, нашу родную Русь, а со стен смотрят на Вас и окружают Вас лики святых и продуманно расположенные по всем стенам, переносящие Вас в евангельские дни, изображения особенно важных священных событий <...> Прекрасен и как бы влит в свое углубление главный алтарь храма — Иверский <...> А у краев, где только было можно, спускаются узкими полосами сверху ленты помянников — списки героев-заамурцев, „душу свою за веру, царя и отечество положивших“ в дни и годы Русско-Китайской, Японской и Германской войны»[32].

На участке справа от церкви размещались дома священнослужителей, работников церкви, а позже основанные при ней Серафимовский приют и Серафимовская столовая для малоимущих[33].

Деятельность прихода

С момента основания прихода с 1907-го до 1923 года настоятелем прихода был протоиерей Сергий Брадучан. В 1923 году настоятелем прихода был назначен протоиерей Николай Вознесенский, а протоиерей Сергий остался клириком храма и служил в нем до своей кончины в 1940 году. В 1922—1925 годах здесь также служил бывший архиепископ Камчатский и Петропавловский Нестор (Анисимов).

6 сентября 1920 года при Свято-Богородице-Иверской церкви в Харбине было основано Иверское братство, полное название которого — Иверское Свято-Богородицкое просветительско-благотворительное братство[34]. Учредителями его являлись генерал-лейтенант М. К. Самойлов и штатный священник Василий Демидов (1923—1927). Оно было учреждено по благословению епископа Владивостокского и Приморского Михаила (Богданова), утвердившего его первоначальный устав 9 октября 1920 года. Просветительская деятельность этой организации отвечала нуждам значительной части новых жителей Харбина, большинство которых, сохраняя непризнание советской «узурпаторской» власти, вместе с тем отказывались от борьбы с ней. Это большинство отличалось высоким патриотическим настроем в отношении старой императорской России и стремлением передать эти патриотические чувства своим детям. Следует отметить, что такая позиция характеризовала и настроения большинства духовенства Харбинской епархии[35].

Свою деятельность Иверское братство начало с проведения народных чтений на религиозно-нравственные и исторические темы. Эти мероприятия были очень попу-

---

[31] Волков С. В., историк. Массовое убийство большевиками военнопленных колчаковцев на реке Хор в апреле 1920 года // https://kaminec.livejournal.com/8285.html. Дата посещения 27.01.2023.

[32] Двадцатипятилетие Свято-Богородицкой Иверской церкви в г. Харбине. Исторический очерк. 27/V 1907 — 27/V 1932 года. Русская линия (5 февраля 2008).

[33] Храмы Харбина и линии // Политехник. Сидней. 1979. № 10. С. 138.

[34] Русские в Китае. Шанхай, 2010. С. 136.

[35] Баконина С. Н. Церковная жизнь русской эмиграции на Дальнем Востоке в 1920—1931 гг. На материалах Харбинской епархии. М.: Изд. ПСТГУ, 2014. С. 99.

лярными, нередко на них собиралось до двух тысяч людей. В первый год 600 членов Иверского братства собрали 20 тысяч рублей на просветительскую и благотворительную работу: были открыты детский приют и общежитие для взрослых, начал издаваться журнал «Сеятель» (1922). В октябре 1923 года Иверское братство построило в Славянском городке Харбина собственное здание детского приюта «Русский дом» на 100 человек. При нем имелись школа, сапожная и переплетная мастерские, пекарня и сельскохозяйственная ферма с большим участком земли[36].

Ввиду расширения деятельности братства и увеличения числа братчиков 9 мая 1924 года архиепископ Харбинский Мефодий утвердил его новый устав, в котором говорилось, что братство «имеет целью утверждение членов в истинах православной веры и христианской жизни, служение нуждам Православной Церкви и устроение приходской жизни; заботу об украшении и поддержании благолепия Свято-Иверского и других храмов; оказание взаимной духовной и материальной помощи как членам, так и призреваемым Братством <...> Для достижения означенной цели Братство устраивает собрания, чтения, беседы, лекции, учреждает приюты, школы для детей и убежища, мастерские для братчиков и т. п.»[37].

С 1922 года почетным председателем Иверского братства был епископ Камчатский Нестор, который неоднократно выступал с беседами и лекциями, организованными при братстве. Его доклады собирали множество слушателей. Обычно после выступлений по предложению епископа производились сборы в пользу приюта «Русский дом» и других благотворительных начинаний.

Замечательный камчатский миссионер епископ Камчатский и Петропавловский Нестор (Анисимов) впервые попадает в Харбин летом 1921 года. Одно из первых упоминаний харбинской прессы о пребывании архиерея в их городе относится ко дню годовщины убиения царской семьи, когда 16 июля 1921 года он совершил всенощное бдение, а 17 июля литургию и панихиду по царственным мученикам. Тысячи беженцев, вынужденные покинуть Россию, оседают в Северном Китае. Харбин, полоса отчуждения КВЖД, район Трехречья были местами расселения русских людей. По ходатайству администрации КВЖД и ввиду затруднительности сообщения с кафедральным городом Владивостоком, Архиерейским Синодом РПЦЗ была создана особая епархия с кафедрой в Харбине и во главе епархии поставлен архиепископ Мефодий с титулом Харбинского и Маньчжурского.

Оказавшись в эмиграции, епископ Нестор сразу же занялся хорошо знакомым делом — помощью страждущим, нищим, обездоленным людям, которых всегда так много в периоды социальных катастроф. Он включился в благотворительную работу Свято-Иверского Богородицкого братства. Приход предоставил епископу Нестору квартиру в церковном доме. 1 марта 1923 года при Иверской церкви епископ Нестор создает «Кружок ревнителей и сестричество» для оказания благотворительной помощи жителям города[38].

Политические события не могли не отразиться на церковной жизни Маньчжурии. После перехода КВЖД в совместное управление СССР и Китая православное население полосы отчуждения полностью лишилось правовой защиты, которую прежде несло на себе Правление КВЖД. Новый советский управляющий КВЖД А. Н. Иванов единоличной властью отменил дальнейший отпуск ассигнований, выделяемых дорогой «на поддержание религиозного культа». Приказом от 30 октября 1924 года им был

[36] Русские в Китае. Шанхай, 2010. С. 136—137.

[37] Баконина С. Н. Указ. соч. С. 100.

[38] Нестор, епископ. Маньчжурия—Харбин. Белград: Изд. «Царского вестника», 1933 / Епископ Нестор. Маньчжурия — Харбин // Русская Атлантида. 2005. № 16. С. 27.

упразднен церковный отдел КВЖД, а в декабре прекратился отпуск средств на содержание церквей и выплату пособий духовенству полосы отчуждения. С 1 января 1925 года были отменены кредиты на преподавание в школах Закона Божия как необязательного предмета, законоучителям также перестали выплачивать зарплату. Духовенство, лишенное жалованья и квартир, могло теперь существовать только за счет небольшого содержания от приходов, но и такое положение спасало не всех, многие священнослужители фактически оказались без куска хлеба.

С 1 ноября 1924 года лишился материальной поддержки КВЖД и Иверский храм, и тогда приходское собрание постановило обложить прихожан — всех глав семейств и всех имеющих заработок — ежемесячным налогом. Ухудшение материального положения и внутренние неурядицы привели к расстройству приходской жизни. В марте 1925 года из Иверской церкви ушел регент В. С. Лукша[39]. Иверский храм вынужден был оставить и епископ Нестор, приглашенный служить в Софийскую церковь[40].

Харбинский священник Николай Падерин в своих записках о церковной жизни Харбина вспоминал, что при настоятельстве протоиерея Николая Вознесенского Иверский приход развил «наиболее широкую деятельность». При подворье был образован приют для престарелых, а также и для детей-мальчиков, которые при полном содержании получали должное воспитание, находясь постоянно при храме, участвуя в богослужении и обучаясь в городских школах. Приход имел также благотворительную столовую, названную «Серафимовской», где бедные и неимущие могли получать питание по удешевленной цене или бесплатно[41].

Протоиерей Николай Вознесенский (с 1934 года — епископ Димитрий) был одним из видных деятелей Русской православной церкви в Харбине. Он родился в Тамбовской губернии 7 мая 1871 года в семье церковнослужителя. Успешно окончив в 1893 году Московскую духовную семинарию и в 1897 году Московскую духовную академию, он получил ученую степень богослова и магистерское звание. Приняв сан священника, он был около десяти лет настоятелем в соборе Благовещенска. В Харбин приехал в 1920 году. 24 сентября 1933 года протоиерей Николай Вознесенский был пострижен в монашество с именем Димитрий. 2 июня 1934 года в Иверском храме состоялось его наречение во епископа, а 3 июня в Свято-Николаевском кафедральном соборе он был хиротонисан во епископа Хайларского, викария Харбинской епархии с оставлением его настоятелем Иверской церкви[42]. В 1945 году он стал архиепископом[43].

Владыка Димитрий был автором многих богословских книг и статей по истории Православной церкви, он составлял учебники и молитвенники для школ и гимназий. Под его редакцией в течение ряда лет, начиная с 1925 года, издавался религиозный журнал «Вера и жизнь».

В октябре 1927 года по инициативе протоиерея Николая Вознесенского и выпускницы Киевской консерватории Г. Г. Барановой-Поповой при Иверском храме были открыты Музыкальные курсы — «специальное учебное заведение, открытое с целью дать серьезное музыкальное образование, главным образом, русской эмигрантской молодежи, за доступную плату»[44]. В качестве преподавателей этих музыкальных клас-

---

[39] В. С. Лукша — регент Иверской церкви. До революции он работал в Санкт-Петербурге, где был учеником и ассистентом А. А. Архангельского — крупнейшего церковного композитора и регента.

[40] Баконина С. Н. Указ. соч. С. 141.

[41] Падерин Николай, свящ. В рассеянии // Альфа и Омега. М., 2001. № 3 (29). С. 264.

[42] Богданова Т. А. В Благовещенской епархии // Вестник Германской епархии. Мюнхен. 2006. № 6. С. 14.

[43] Разжигаева (Омельчук) Н. П. Печальная участь, постигшая Иверский храм // Русская Атлантида. 2001. № 6. С. 34.

[44] Богданова Т. А. В Благовещенской епархии // Вестник Германской епархии. Мюнхен. 2006. № 6. С. 15.

сов приглашались музыканты из числа беженцев-россиян, проживавших в Харбине. Сначала там были открыты три класса: фортепьянный, скрипичный и сольного пения, затем были добавлены еще четыре класса: виолончели, вокально-хоровой, духовной музыки и хоровых дирижеров. Вплоть до 1941 года было произведено шесть выпусков, обучение прошли в общей сложности свыше 900 человек[45]. Программа обучения соответствовала бывшим российским консерваториям[46]. В 1929 году также были открыты церковно-певческие курсы. Музыкальные курсы при храме просуществовали 14 лет[47].

Благодаря устраиваемым владыкой Димитрием специальным богословским собеседованиям Иверская церковь считалась рассадником «богословского любознания»; позже такие собеседования стали проводиться и в некоторых других городских приходах[48].

Первым духовным учебным заведением, которое удалось открыть в Харбине, стали Пастырские богословские курсы. Они были созданы в 1927 году по личной инициативе протоиерея Николая Вознесенского, ставшего их руководителем. Вначале курсы ютились в приходском доме, принадлежащем Иверскому храму на Пристани, а затем в 1-й русской гимназии[49]. Курсы произвели два набора, в 1927 и 1931 годах, и, соответственно, два выпуска, в 1931 и 1934 годах, после чего были закрыты и переформированы в Богословский факультет. Окончили курсы 24 человека[50]. Число это, быть может, не впечатляет, однако количество компенсировалось качеством. Двое из выпускников со временем достигли архиерейского сана, а еще один — Филарет (Вознесенский) — стал впоследствии митрополитом, предстоятелем РПЦЗ[51]. На Богословском факультете Института Святого Владимира, который был открыт в 1934 году, владыка Димитрий читал лекции по богословию и курс по Новому Завету.

В 1930-е годы Иверский храм был одним из главных центров образовательной, культурной и исторической жизни в Харбине. Возможно, что именно это место описывает Наталья Ильина в очерке «Отец»: «Я вдруг ясно увидела церковь из красного и белого кирпича с голубой луковицей купола, с четырехгранной крышей колокольни, а над ней маленький и тоже голубой купол, на какой улице стояла эта церковь? Как же я все забыла, десятилетиями не возвращалась память к этому городу...»[52]

Во время советско-китайского конфликта в конце ноября 1929 года в Харбин хлынули беженцы из Трехречья. Более 1000 человек нашли в «Доме убежище» бесплатный кров и питание на несколько месяцев (весной 1930 года они начали возвращаться домой). В 1930-х годах в этом доме находили приют около 100 человек ежегодно. Дети (25—40 человек) бесплатно учились в начальных училищах, гимназиях и даже вузах[53].

В 1934 году при Иверском храме была открыта Серафимовская народная столовая для бедных иммигрантов, помещавшаяся в отдельном большом одноэтажном здании и отпускавшая в год до 150 000 обедов[54], которые по удешевленной цене или бесплатно могли получать бедные и неимущие. Билеты на бесплатные обеды продавались

---

[45] Миссия Русской Церкви за рубежом. http://www.regels.org/Rusak.Russian-Church-3.htm. Дата посещения 30.11.2022.

[46] Разжигаева (Омельчук) Н. П. Указ. соч. С. 34—35.

[47] Богданова Т. А. Указ. соч.

[48] Падерин Николай, свящ. Указ. соч. С. 264.

[49] Коростелев В. А., Караулов А. К. Указ. соч. С. 250—251.

[50] См.: Первый выпуск харбинских Богословских курсов // Хлеб Небесный. 1931. № 10. С. 31—32.

[51] Коростелев В. А., Караулов А. К. Указ. соч. С. 252.

[52] Ильина Н. Дороги и судьбы. М.: Московский рабочий, 1991. С. 536.

[53] Аблова Н. Е. Из истории Русской Православной Церкви в Маньчжурии // Китайский благовестник. 2001. № 1.С. 28.

[54] Богданова Т. А. В Благовещенской епархии // Вестник Германской епархии. Мюнхен. 2006. № 6. С. 15.

отдельным лицам и ими раздавались голодающим, поддерживая сотни необеспеченных людей[55]. Организованные при храме учреждения — бесплатная Серафимовская столовая для бедных (с 1934) и четыре приюта при ней — стали крупнейшей и наиболее успешной русской благотворительной инициативой в Маньчжурии, за руководство которой владыка Димитрий был награжден маньчжурским императором серебряной медалью. (После вступления в Харбин Красной армии все приюты Серафимовской столовой при Иверской церкви, а вскоре и сама столовая были закрыты[56].)

Кроме бесплатных обедов устраивались кружечные сборы, лотереи, концерты, спектакли. Этой работой занимался дамский кружок под председательством М. Г. Антипас-Метаксас[57]. При подворье были образованы приют для престарелых (более 70 человек), а также приют для детей-мальчиков, которые получали воспитание при полном содержании, находясь постоянно при храме, участвуя в богослужении и обучаясь в городских школах[58].

В приюте, по устройству напоминавшем русские военно-морские училища и кадетские корпуса, воспитывались в русском национальном духе около 100 питомцев, которых харбинцы называли «маленькими матросиками»[59]. С 1939 года действовал Серафимовский кружок, с помощью которого собирались средства на приют и столовую; члены кружка также помогали в управлении ими[60]. В конце 1930-х был основан приют для маленьких детей «Ясли», здание которого было построено непосредственно в саду храма по проекту гражданского инженера Евгения Уласовца. С западной и северной сторон от храма был расположен красивый парк[61].

Вспоминает харбинец Н. Г. Шарохин: «Храм находился на обширной территории Иверского подворья, где располагалась большая Серафимовская столовая, предоставлявшая бесплатное питание всем приходящим беднякам. Здесь же находился мужской приют для престарелых и калек, а также приют для мальчиков-сирот. Отдельно стояло небольшое здание с крытой верандой и галереей, где проживал владыка Димитрий. Это был один из наиболее энергичных деятелей Церкви, написавший Катехизис и „Историю Русской Православной Церкви“, которую мы изучали в школе»[62].

Во время Второй мировой войны Архиерейский Синод РПЦЗ, которому ранее подчинялись православные приходы в Китае, потерял возможность переписываться с Китаем. В августе 1945 года Маньчжурия была занята советскими войсками. 26 октября во время поездки в Харбинскую епархию делегации Московской патриархии в составе епископа Ростовского и Таганрогского Елевферия (Воронцова) и священника Григория Разумовского архиепископ Димитрий вместе с митрополитом Мелетием (Герасимовым), епископом Ювеналием (Килиным), а также архиепископом Нестором подписал в Харбине акт о воссоединении с Русской православной церковью. Однако

---

[55] Нафанаил (Львов), архиепископ. Очерки русской жизни в Маньчжурии // Русская Атлантида. 2004. № 11. С. 33.

[56] Троицкая С. С. Харбинская епархия, ее храмы и духовенство: к 80-летию со дня учреждения Харбинско-Маньчжурской епархии, 1922 — 11/24 марта 2002. Брисбен: Издательство Н. Дмитровского-Байкова, 2002. С. 12. / Епископ Нестор. Манчьжурия — Харбин // Русская Атлантида. 2005. № 16. С. 46.

[57] Уфимцев Юрий. «Тихий океан» Антипаса. БезФормата.Ru — Владивосток (16 мая 2012).

[58] Разжигаева (Омельчук) Н. П. Печальная участь, постигшая Иверский храм // Русская Атлантида. 2001. № 6. С. 35.

[59] Уфимцев Юрий. Указ. соч.

[60] Храмы Харбина и линии // Политехник. Сидней. 1979. № 10. С. 139.

[61] Тремсина Л. Воспоминания Н. Н. Устьянцева о Свято-Иверской церкви в Харбине. Русская линия (26 января 2008).

[62] Шарохин Н. Г. Мой Харбин // Русская Атлантида. 2007. № 23. С. 55.

и в дальнейшем владыка Димитрий продолжал поминать за богослужением первоиерарха РПЦЗ митрополита Анастасия (Грибановского) после Патриарха Алексия[63].

27 декабря 1945 года Священный Синод Русской православной церкви постановил «считать воссоединенными с Русской Православной Церковью с 26.10.45 г. епископов, клир и мирян Харбинской епархии, в том числе архиепископа Димитрия (Вознесенского), который причислялся на покой с последующим возвращением в Россию». В пределах Китая и Кореи был образован митрополичий округ с присвоением митрополиту титула Харбинский и Восточно-Азиатский. Патриаршим указом от 11 июня 1946 года Митрополичий округ был преобразован в Восточно-Азиатский экзархат[64]. 29 сентября 1946 года архиепископ Димитрий, будучи очень больным человеком, отбыл на лечение в СССР. Он скончался 31 января 1947 года в Ленинграде и был похоронен в Александро-Невской лавре[65].

С 1946-го по 1951 год настоятелем Иверской церкви был протоиерей Александр Кочергин[66]. В последующие годы настоятелями Иверского храма были протоиерей Антоний Галушко (1956—1957) и последний настоятель — протоиерей Валентин Барышников (1958—1962). Все эти годы диаконом служил Валентин Кормилов.

Протоиерея Валентина Барышникова считали чудотворцем. Одно время, до 1957 года, он служил в Свято-Никольском соборе в Харбине, а затем стал настоятелем Свято-Иверской церкви. О. Валентин запомнился многим прихожанам своим бесстрашным поминовением царственных мучеников даже во время советской военной администрации. Из-за контроля со стороны советских органов в Харбине в эти годы было уже невозможно открыто поминать на службе убиенную царскую семью, поэтому о. Валентин поминал их как «воина Николая с семьею»[67].

Об этом периоде вспоминает Никита Устьянцев, внук протоиерея Сергия Брадучана: «На Радоницу всегда доставали объемистые поминальники, в которых были записаны многочисленные имена погибших русских воинов. Из-за контроля со стороны советских органов в Харбине в эти годы было уже невозможно открыто поминать на службе убиенную Царскую семью, поэтому священники в Иверском храме поминали их как „воина Николая с семьею“. Примерно в 1956—1957 годах китайцы начали строить новое здание с северной стороны от храма, устроив при этом с южной стороны склад стройматериалов, куда постоянно подъезжали грузовики. Стена склепа, в котором был похоронен о. Сергий, была повреждена, и мне пришлось засыпать образовавшееся отверстие землей»[68].

С 1957 года до закрытия находился в юрисдикции Китайской православной церкви. В книге Владимира Левицкого «Пристань на Сунгари» говорится, что последние годы перед закрытием богослужения в храме происходили «с крупными неприятно-

---

[63] Клементьев А. К. Димитрий (Вознесенский) // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. XV. С. 75.

[64] Поздняев Дионисий, свящ. Церковь в Китае. На пути к автономии // Альфа и Омега. М., 1997. № 3 (14). С. 189.

[65] Разжигаева (Омельчук) Н. П. Печальная участь, постигшая Иверский храм // Русская Атлантида. 2001. № 6. С. 35.

[66] Протоиерей Александр Алексеевич Кочергин — священник в Орском уезде Оренбургской епархии. В конце Гражданской войны эмигрировал в Харбин. Служил в Харбине настоятелем Преображенской церкви при приюте имени митрополита Мефодия в Корпусном городке в 1922—1945 годах. В 1929 году принимал самое активное участие в постройке приюта-убежища имени митрополита Мефодия для вдов, сирот и престарелых духовного звания Харбина. С 1946-го по 1951 год — настоятель Иверской церкви. Затем выехал в США к сыну. Скончался в Сан-Франциско.

[67] Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 228.

[68] Тремсина Л. Воспоминания Н. Н. Устьянцева о Свято-Иверской церкви в Харбине. Русская линия (26 января 2008).

стями», так как в помещении бывшей Серафимовской столовой китайцы открыли клуб китайской рабочей молодежи, где устраивали танцы «под громкую и дикую музыку», что всегда совпадало с часами богослужений. При этом музыка и выкрики хулиганов заглушали церковное пение. «Бывало, что церковь наполняли китайские ребятишки, которые орали, пели, приставали к богомольцам и копировали священников и молящихся»[69]. Со дня смерти последнего настоятеля о. Валентина Барышникова в 1962 году богослужения в храме прекратились[70].

Гордость харбинцев, украшение Соборной площади — Свято-Николаевский собор был до основания разрушен хунвейбинами 23—24 августа 1966 года. В те же дни ими были сожжены все иконы Свято-Алексеевского храма в Модягоу и в Свято-Иверском храме на Офицерской улице. Во время этих актов вандализма колокола харбинских храмов беспорядочно звонили не переставая, терзая души верующих — хунвейбины торжествовали, дорвавшись до недосягаемого прежде[71].

Внутренние росписи стен были позже замазаны краской, кресты и купола были сняты по распоряжению властей[72]. Был разрушен гранитный памятник на могиле ее первого настоятеля о. Сергия. На стенах внутри храма около фамилий тех, кто погиб в Гражданскую войну, были замазаны годы их смерти. Видимо, это сделал кто-то из приходского совета, боясь продолжения надругательства над памятью погибших[73].

После этого в храме расположилась пошивочная мастерская третьего завода Харбинской швейной фабрики, затем были устроены склады[74]. (А по сведениям харбинца Г. Б. Тыкоцкого, после смерти о. Валентина Барышникова храм закрыли и устроили в нем китайский театр и партбиблиотеку[75].) В процессе застройки Офицерской улицы Иверская церковь перестала быть архитектурной доминантой, поскольку оказалась закрыта почти со всех сторон новыми зданиями, в том числе и более высокими. С утратой части завершений храма он окончательно утратил роль доминанты[76]. О храме практически забыли.

Н. П. Крадин (1998—1999): «Этот русский православный храм сегодня увидеть непросто. Он почти со всех сторон закрыт более поздней, вплотную подступившей к нему застройкой. Впервые побывав там летом 1998 года, я нашел церковь лишь потому, что заранее изучил старинный план Харбина и специально отправился в ту часть района Пристань, чтобы проверить, жив ли еще оригинальный архитектурный памятник. Оказалось, жив. Вот только вид его, прямо скажем, не внушает оптимизма[77]. В полуразрушенном виде, без завершений, он существует и сегодня, находясь в бесхозном состоянии[78]. В следующий приезд в Харбин в 1999 году мне удалось попасть внутрь храма и осмотреть его интерьер. К сожалению, от великолепных росписей на стенах и сводах

---

[69] Левицкий В. В. Пристань на Сунгари. Книга 2. К 100-летию КВЖД. Харьков, 1998. С. 102.

[70] Разжигаева (Омельчук) Н. П. Указ. соч. С. 35.

[71] Разжигаева (Омельчук) Н. П. Печальная участь, постигшая Иверский храм // Русская Атлантида. 2001. № 6. С. 35. / Аблова Н. Е. Из истории Русской Православной Церкви в Маньчжурии // Китайский благовестник. 2001. № 1. С. 30.

[72] Храмы Харбина и линии // Политехник. Сидней. 1979. № 10. С. 140.

[73] Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 229.

[74] Поздняев Дионисий, священник. Православие в Китае (1900—1997). М.: Изд. Свято-Владимирского Братства, 1998. С. 162.

[75] Тыкоцкий Г. Б. Православные храмы Харбина. Екатеринбург, 1999. С. 46.

[76] Крадин Н. П. Из истории военной церкви в честь Иверской Божией Матери в Харбине // Баландинские чтения. 2015. С. 152.

[77] Крадин Н. П. Харбин — русская Атлантида. Хабаровск, 2001. С. 99.

[78] Там же. С. 87.

Иверской церкви, которые когда-то выполнили офицеры и нижние чины округа под руководством художника-ополченца В. А. Михайлова, не сохранилось никаких следов»[79].

Разжигаева Надежда (1999): «Зашли посмотреть Иверский храм. Ничего утешительного кроме того, что он стоит на прежнем месте. При желании его можно легко восстановить. К месту, где была могила генерала Каппеля, не подойти, так как со стороны алтаря к нему вплотную пристроены жалкие лачуги. За неприглядным забором увидели в хорошем состоянии здание Серафимовского приюта, причем надпись „Ясли“ заботливо обновляется, сверху сохранилась мозаика с сюжетом из сказки „Красная шапочка“»[80].

Н. П. Разжигаева (Омельчук) (2001): «Храм затих, когда в нем расположилась пошивочная мастерская, затем устроены склады. Он стоит обезглавленный, с разбитыми окнами, прокопченный, притесненный со всех сторон новыми домами и доживает свой век. Заброшенный и одинокий он еще служит своими полусбитыми ступенями крыльца запасливым хозяевам из соседних домов, которые используют его для сушки капусты и лука. При встрече с храмом он производит тяжелое впечатление и, у помнящих его былое величие, вызывает слезы жалости и вины перед ним, оставленным коротать свои дни в одиночестве...»[81]

К началу 2000-х годов церковь находилась в полуразрушенном состоянии в окружении домов многоэтажной застройки со снесенными крестами и куполами, протекающей кровлей и разрушающимися стенами. От пятиглавого завершения храма сохранился лишь центральный барабан с четырьмя арочными проемами. Барабан с главкой на колокольне тоже был утрачен. Вместо арочного проема во втором ярусе колокольни растесан новый — прямоугольный. Аналогичные проемы проделаны на гранях второго яруса апсиды, разорвав непрерывный аркатурный пояс, ранее обрамлявший все пять ее граней.

На южной стороне колокольни пристроена ведущая на второй этаж бетонная лестница, не соответствующая общей архитектуре храма. Утрачены некоторые элементы декора церкви: полуколонки, находившиеся в обрамлении южного портала, фрагменты декоративного подкарнизного пояса и ряд других деталей. Внутри была возведена горизонтальная перегородка, отчего здание стало двухэтажным. Нижний этаж использовался под склад и гараж, а на втором располагались офисы китайских фирм[82]. Здания приюта «Ясли» с кокошником, украшенным мозаичным панно, также сохранилось.

Н. Н. Лалетина (Николаева) (2005): «Вот она, Набережная нашей Сунгари с сунгарийским мостом, ставшим символом русского мостостроения в Харбине. Пешком прошла по виадуку, соединяющему Новый город с Пристанью мимо бывшего здания газеты „Русское Время“. А напротив него — „останки“ офицерской церкви Иверской Божией Матери, в ограде которой был погребен прах генерала Каппеля»[83].

Т. Н. Верижская (2008): «Мы нашли недалеко от нашей гостиницы Иверскую церковь. Молодой китаец, живущий рядом, сказал, что церковь подлежит восстановле-

[79] Там же. С. 100.

[80] Харбин глазами наших детей. Из писем Нади Разжигаевой родителям // Русская Атлантида. 2001. № 6. С. 58.

[81] Разжигаева (Омельчук) Н. П. Печальная участь, постигшая Иверский храм // Русская Атлантида. 2001. № 6. С. 35.

[82] Напара Д. В Харбине решили восстановить православный храм, построенный почти сто лет назад. orthodox.cn (12 декабря 2004).

[83] Лалетина (Николаева) Н. Н. Картинки с китайской натуры. Харбин // Русская Атлантида. 2005. № 17. С. 50.

нию, если мы, русские, сделаем свои инвестиции в ее реконструкцию. Еще недавно можно было рассмотреть наружную роспись, сейчас все облупилось, а с правой стороны пристроена цементная лестница, где долгое время под куполом имела свой офис какая-то организация. В настоящее время храм пуст»[84].

После переноса останков генерала Каппеля в Москву активисты Русского клуба в Харбине провели у стен храма субботник. Участница Русского клуба в Харбине Марина Кушнаренко объясняет причины его проведения так: «Церковь находится в густо застроенном квартале, вся окружена домами, ее очень трудно найти. Картина грустная: храм обезглавлен, без куполов, полуразрушен. Мы не могли смотреть, что вокруг храма свалены кучи мусора!»[85] По словам другого участника Русского клуба, Сергея Грибина, идея субботника у храма зародилась в 2007 году. Были приобретены перчатки, мусорные мешки, у знакомых китайцев позаимствованы лопаты и грабли. В дальнейшем субботник стал ежегодным, причем в первые годы значительную часть работ составляла разбивка обложенных битым кирпичом клумб, где высаживались цветы, купленные в складчину[86].

После этого к охране церкви подключились городские власти, была установлена табличка, сообщающая, что этот памятник охраняется государством[87]. Летом 2011 года на муниципальные деньги были обустроены уже капитальные клумбы, крыша храма заново перекрыта, прилегающая территория выложена плиткой или заасфальтирована[88]. Храм был включен в правительственную программу по восстановлению архитектурных памятников. Русский клуб в Харбине и православная русская община приняли решение направить властям провинции Хэйлунцзян просьбу о предоставлении российским реставраторам возможности участвовать в процессе реконструкции храма.

Активисты Русского клуба в Харбине проводили у стен храма субботники с 2007-го по 2016 год. В середине апреля 2016 года в Харбин приезжала делегация Русской православной церкви. Российские архитекторы и реставраторы, осматривавшие Иверский храм, предложили китайским властям помощь в его восстановлении. Это предложение получило положительный отклик со стороны Харбинского управления по делам религий и национальностей, в чьем ведении находится Иверский храм. Русская православная церковь со своей стороны предложила взять на себя финансирование той части работ, которая будет поручена российским специалистам[89].

Отрадные тенденции наметились в отношении к уцелевшим зданиям православных храмов. Они объявлены памятниками архитектуры и взяты под защиту государства. В ходе реконструкции харбинского вокзала ожидалась реставрация Иверской церкви, непосредственно примыкающей к его территории и находившейся в плачевном состоянии[90].

Летом 2016 года в рамках реализации проекта строительства Северной площади Центрального железнодорожного вокзала в Харбине начался снос зданий, окружающих Иверский храм. Большое число многоэтажных домов разбирали с применением кранов, а бульдозеры и экскаваторы завершали процесс[91]. Благодаря сносу близлежа-

---

[84] Верижская Т. Н. Путешествие из Новосибирска в Харбин // Русская Атлантида. 2008. № 28. С. 70.

[85] Демиденко О. В Харбине по-прежнему много русского. Тихоокеанская звезда (1 июля 2011).

[86] Грибин С. Русские в Китае. Как был основан русский клуб в Харбине? Shkolazhizni.ru (29 мая 2014).

[87] Демиденко О. Указ. соч.

[88] Еремин С. Иверский храм в Харбине. Русская народная линия (20 января 2017).

[89] Там же.

[90] Коростелев В. А., Караулов А. К. Православие в Маньчжурии. 1898—1956 / Под ред. О. В. Косик. ПСТГУ, 2019. С. 407.

[91] Еремин С. Указ. соч.

щих зданий Иверскому храму удалось занять доминантное положение в градостроительной ткани города. Вид на храм стал открываться за несколько сотен метров[92].

10 июля 2017 года началось восстановление самой церкви. Было решено восстановить исторический вид церкви по принципу «восстановить старое как старое». В середине ноября 2017 года на куполах здания храма были установлены непонятного назначения шпили. Русский клуб в Харбине уже в декабре 2017 года обратился в Посольство РФ в Пекине и Генеральное консульство РФ в Шэньяне с просьбой — ходатайствовать перед китайскими властями Харбина о восстановлении исторического облика церкви — об установке крестов. Но несмотря на все усилия дипломатов, внешний вид Иверского храма оставался без изменений. В начале сентября 2018 года Центральный железнодорожный вокзал Харбина был сдан в эксплуатацию, строительное ограждение вокруг храма было демонтировано. И только в конце августа 2019 года на куполах храма были установлены кресты, выполненные в соответствии с историческими[93].

Российские архитекторы Сергей Еремин и Игорь Киричков отмечали в 2019 году ряд недостатков в восстановлении как внешнего (отсутствие четырех крестов, колоколов и двух мозаичных икон), так и внутреннего убранства храма (росписей, иконостасов, киотов, паникадил), оценив результат реставрационных работ храма как удовлетворительный: «Сегодняшний вид храма весьма отличается от его исторического облика; присутствует некое стойкое ощущение искусственности воссозданного образа. Глянец новых кирпичей с идеальными линиями раствора, гладкие зеленые купола, люстра вместо колокола, подсветка стен разноцветной иллюминацией и т. д. — реставраторы как будто специально стремились придать зданию с более чем столетней историей броский имидж новизны, что дает ощущение отсутствия русского духа, русской старины. Недочеты <...> в целом пригодны к исправлению при сотрудничестве российских и китайских специалистов»[94].

Остается надеяться, что власти города восстановят былую красоту храма, и он будет радовать глаз не только туристам из дальних стран, но и современным харбинцам, которые помнят и любят достопримечательности своего города. Ныне Иверский храм является самой старой из всех сохранившихся православных церквей Харбина. Ведутся переговоры о возобновлении в нем богослужений.

Приложение 7

Несколько слов о последнем этапе военной кампании генерала Владимира Оскаровича Каппеля (1883—1920), той, которая стоила ему жизни и привела в Харбин тысячи так называемых каппелевцев, отцов и дедов многих харбинцев.

Июнь 1918 года. Самара. В городе чехи. Организуется отряд для борьбы с наступающими большевиками. При решении вопроса, кому вести отряд на фронт, добровольцев не оказалось. Решили бросить жребий, но тут из толпы офицеров вышел молодой офицер Генерального штаба и заявил: «Разрешите мне хотя бы временно повести отряд на фронт». Это был Каппель. Так появились каппелевцы, их было 250 человек — офицеры, кадеты, гимназисты, мещане и рабочие, от 16 до 65 лет. Вот с такими силами, с налета, отряд разбивает превосходящие силы Тухачевского и освобождает г. Сызрань.

---

[92] Еремин С. Ю., Киричков И. В. Реставрация храма в честь Иверской иконы Божией Матери в Харбине // Современная архитектура мира. 2019. № 2 (13). С. 323—324.

[93] Там же. С. 326—327.

[94] Там же. С. 329—330.

Численность отряда Каппеля утраивается. За Сызранью последовал Ставрополь-Волжский[95], затем Симбирск[96], Казань. Далее Каппель намеревался идти на Нижний Новгород, а потом на Москву. Однако уже скоро, под натиском красных, фронт покатился назад. Добровольцы, без патронов и снарядов, без надежды на чью-либо помощь, оборванные и голодные, уставшие от походов и бессонных ночей, начали отступать на восток. Каппеля, к тому времени уже генерала, назначают командующим Западной армией[97]. (Каппель был любимым генералом Белой армии, а его «каппелевцы» были ее самым боеспособным ядром. Характерный штрих: обезоруженных пленных он отпускал домой[98].) В ноябре 1919 года пал Омск, через месяц Новониколаевск. Взять Красноярск каппелевцам не удалось — город был занят войсками генерала Б. М. Зиневича, перешедшего на сторону красных. Прямой путь на восток был закрыт.

Начался Ледяной Сибирский поход. Основное ядро армии генерал Капель повел вниз по Енисею в обход Красноярска с севера. Часть армии направилась в сторону Монголии. В декабре 1919 года армия двинулась вдоль реки Кан. Шли по бездорожью, глухой тайгой. Падали лошади, приходилось бросать повозки, отставали больные и обмороженные ослабевшие люди, Весь путь был усеян трупами[99]. В одну из ночей при переправе через реку Кан, правый приток Енисея, главнокомандующий по пояс провалился под лед. Сушиться было негде и некогда. На следующий день, когда достигли какой-то деревушки, оказалось, что обе ступни обморожены и распухли.

Только через три дня его смогли прооперировать — ампутировали пятки и часть пальцев ног. Но уже через три часа, несмотря на уговоры лечь в сани, обитые мехом, он продолжал путь на коне[100]. Генерал уже не мог сам садиться на коня. Но все равно каждый день, утром, он встречал и пропускал мимо себя добровольцев. Армия видела своего генерала и шла дальше на Иркутск. Однако во время одного из таких смотров железный организм генерала не выдержал, и он упал с коня на снег. Это был его последний смотр. Теряя сознание, генерал подписал приказ о заместителе, назвав имя генерала Войцеховского. Это случилось 25 января 1920 года в деревне Нижнеозерская, неподалеку от города Нижнеудинска. Скончавшегося генерала каппелевцы не хотели оставлять большевикам. Гроб привязали к розвальням и проселочными дорогами, тайгой, избегая деревень, ехали день и ночь вдоль западного берега Байкала. Дальше был переход в 70 верст, надо было пересечь Байкал.

С утра 10 февраля от села Голоустного на лед Байкала вступили первые колонны каппелевской армии. Вступили не тревожимые никем. Мрачный и величественный Байкал. Ледяное отчаяние пустыни. Мрак и темнота. Ни следа, ни дороги, ни огонька. «Лошади падали, и многие уже не вставали и, примерзая ко льду, издыхали, оставаясь как бы маяком тягчайшего перехода русских воинов через „священное море

---

[95] Ставрополь, от греч. Σταυρούπολη, дословно — «Город креста»; встречаются и другие названия: Ставрополь-на-Волге или Ставрополь-Волжский. Основан в 1737 году Василием Татищевым как город-крепость Ставрополь для защиты российских земель от кочевников, а также с целью переселения крещеных калмыков. 28 августа 1964 года Президиум Верховного Совета РСФСР постановил: «Переименовать город Ставрополь Куйбышевской области в город Тольятти», в честь умершего неделей раньше во время посещения детского лагеря «Артек» генсека Итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти.

[96] 9 мая 1924 года постановлением ЦИК СССР в память об уроженце города Владимире Ленине (настоящая фамилия Ульянов) Симбирск был переименован в Ульяновск. С 2008 года высказывались предложения о возвращении городу исторического названия.

[97] Пешкова (Мухина) Л. В. На могиле генерала В. О. Каппеля в Москве установлен и освящен памятник // Русская Атлантида. 2008. № 28. С. 19.

[98] Славутская А. М. В Харбине 70 лет спустя // Русская Атлантида. 2007. № 23. С. 82.

[99] Пешкова (Мухина) Л. В. Указ. соч. С. 20.

[100] Славутская А. М. Указ. соч. С. 82.

Байкал“ — этих маяков осталось за перешедшей каппелевской армией достаточно много, что тоже действовало на всех малоблагоприятно, а скорее гнетуще, — пишет Н. А. Мартынов. — За головным отрядом во главе с генералом Н. П. Сахаровым на санях шла пехота с генералом Ястребцовым, за ним генерал Нечаев с конницей. В колонне генерала Нечаева с почетной охраной шли сани с телом вождя Армии и шефа волжан доблестного генерала Каппеля, с которым чины Армии, а особенно волжане, не расставались»[101].

Лед трещал, повсюду, как вехи, валялись брошенные повозки, трупы лошадей и людей. В критический момент чуть было не принято решение взорвать гранатами лед и опустить гроб на дно, но все обошлось. И после долгого, казавшегося бесконечным пути — впереди забрезжил свет. Еще немного, и замелькали огни станции Мысовая Забайкальской железной дороги, где для приема больных и раненых отступавшей армии уже стояли поезда атамана Г. М. Семенова[102].

В местной церкви была отслужена первая панихида по усопшему. Горели огромные костры, люди плакали и стояли на коленях прямо на снегу. Так кончился Сибирский Ледяной поход каппелевцев. Во второй половине февраля 1920 года каппелевские колонны Белой армии вошли в тогдашнюю семеновскую столицу г. Чита. Сибирский Ледяной поход продолжался пять месяцев, до Читы дошли самые сильные, самые стойкие и выносливые... Это были каппелевцы — 25 тысяч закаленных бойцов.

В память Сибирского Ледяного похода был выбит орден участника похода. Он состоял из серебряного тернового венка — символа страдания за Россию — и обнаженного золотого меча — знака того, что борьба за Россию еще не закончена. В структуре ордена очевидна его преемственность с орденом южнорусского Ледяного похода (золотой терновый венок и серебряный меч).

По прибытии в Читу каппелевцы 22 февраля с почестями похоронили своего командира в ограде читинской церкви[103]. Поэт Александр Котомкин-Савинский (1885—1964) посвятил свои стихи «На смерть Каппеля» (январь 1920).

Тише! С молитвой склоните колени:
Пред вами героя родимого прах!
С безмолвной улыбкой на мертвых устах
Он полон нездешних святых сновидений.
Ты умер!.. Нет, верю я верой поэта —
Ты жив!.. Пусть застывшие смолкли уста,
И нам не ответят улыбкой привета,
И пусть неподвижна могучая грудь,
Но подвигов славных жива красота!
Наш символ бессмертный — твой жизненный путь!..
За Родину! В бой! — ты не кликнешь призыва,
Орлов-добровольцев к себе не сзовешь,
Но верю: своим беспримерным порывом,
Как пламенем, русское сердце зажжешь!
Ты бился за волжские дивные дали,
И песнь тебе сложит волгарь.
И Камы привольной угрюмый косарь
В тех песнях забудет о прошлой печали,
И эхом ответным Уральские горы

[101] Мартынов Н. А. Волжане в Великом сибирском походе (переход через Байкал, февраль 1920 г.) // Русская Атлантида. 2010. № 37. С. 17.

[102] Мелихов Г. В. Белый Харбин. Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. С. 186.

[103] Там же. С. 186—187.

Откликнутся Волге. Тайга загудит.
И братья забудут кровавые ссоры,
И песню про Каппеля сложит народ,
И Каппеля имя и подвиг без меры
Средь славных героев вовек не умрет...
Склони же колени пред символом веры
И встань за Отчизну, родимый народ!..[104]

В сентябре 1920 года каппелевцы были вынуждены покинуть Читу. При оставлении ими города останки генерала в цинковом гробу были перевезены в Харбин и при большом стечении народа перезахоронены у северной стены Свято-Иверского храма. Над могилой была зажжена негасимая лампада. Хранившие память о своем командире, делившем с ними все невзгоды, его боевые товарищи стремились поставить на могиле В. О. Каппеля памятник. По свежим следам событий это было сделать трудно: продолжалась Гражданская война.

Были собраны народные пожертвования, и памятник воздвигнут в 1929 году. 28 июня он был освящен правящим архиепископом Мефодием, в окружении тысячной толпы. Памятник представлял собой гранитную глыбу с каменным же крестом над нею, у основания которого изваяна эмблема каппелевской армии — меч в терновом венке. На надгробии памятника высечена надпись: «Люди, помните, что я любил Россию и любил вас и своей смертью доказал это. Каппель»[105].

Через несколько дней после освящения памятника волжане из каппелевской армии праздновали свой корпусной праздник. Присутствовало около 200 человек. За столом было оставлено одно свободное место, перед ним поставили прибор, возле которого стоял букет белых роз. Это было место генерала Каппеля. Память Владимира Оскаровича Каппеля отмечалась дальневосточной российской эмиграцией ежегодно.

Современники так описывали место его захоронения: «На белом фоне наружной стены церковного алтаря резко вычерчивал свой профиль черный гранитный крест. Терновый венок обвивал подножие креста, а ниже, на бронзовой доске, буквы сплетались в имя, которое носили многие тысячи тех, кто шли когда-то, безотказно веря в того, кто лежал теперь под гранитным крестом... Здесь, у церковного алтаря, спал вечным сном тот, кто вдохнул в них пафос непримиримой борьбы на далеких берегах Волги, кто вел их по заснеженным просторам обледенелой Сибири, и кто, спасая их от бешенных ударов красного шквала, упал обессиленный под лед дикого Канна». Его, умершего от ран в Забайкалье, солдаты везли до самого Харбина. А тем временем Каппеля с последней надеждой на успех Белого движения ждал в Сибири уже плененный и преданный всеми адмирал, покоритель Арктики, Верховный правитель России Александр Васильевич Колчак. Он тоже бывал в Харбине при формировании своей армии в 1918 году. Генерала Каппеля с воинскими почестями похоронили под стенами церкви Иверской Божией Матери[106].

С. И. Мередилина: «В Харбине в Нахаловке на улице Болотная жила папина сестра Елизавета Максимовна Брызгина, и когда папа устраивал меня учиться в гимназию, мы у тети жили, а через Датун, напротив Болотной, на горке стоял Иверский храм, около которого была могила генерала Каппеля, и мы с отцом ходили на могилу. Я хорошо помню, как папа, преклонив колено, держа в левой вытянутой руке шляпу, горячо молился, а я, 12-летняя девочка, стояла рядом и глотала ком, подступивший к горлу, так это было свято, едва такое сейчас можно узреть»[107].

---

[104] Это стихотворение было прочитано автором 22 февраля 1920 года, в день похорон генерала Каппеля, в г. Чите.

[105] Мелихов Г. В. Указ. соч. С. 187.

[106] Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 234—235.

[107] Мередилина С. И. От Имяньпо до Имяньпо // Русская Атлантида. 2010. № 37. С. 51.

Этот доблестный офицер императорской Российской армии остался навсегда народным героем белой стороны в Гражданской войне, героем, горевшим пламенем неистребимой веры в возрождение России, в правоту своего дела. Как говорилось в одной эмигрантской газете в 1940 году — «он горел сам и зажигал своей верой потухшие надежды. Имя покойного генерала Каппеля овеяно величием духа, искусством водительства ратным, умением влить в умы и сердца людей веру в конечное торжество Белого движения»[108].

После прихода в Харбин в августе 1945-го Советской армии на могилу героя Гражданской войны генерала В. О. Каппеля приходили бойцы и высшие командиры этой армии и отдавали солдатский долг памяти этому человеку... Н. Н. рассказывал, что русские харбинцы наблюдали, как после освобождения Харбина три маршала Советского Союза — Василевский, Малиновский и Мерецков — молча, сняв фуражки, долго стояли у могилы Каппеля. Приходили и красноармейцы и, сняв пилотки, этим отдавали дань почтения белому генералу. Это было признание его высоких человеческих качеств[109].

Очевидец тех событий и лет так описывал отношение советских солдат к месту захоронения белого генерала: «Красноармейцы не раз бывали у могилы Каппеля, но никто из живших тогда в ограде церкви не слышал от них никаких выпадов. „Каппель — вот он где“, — почешут затылок и отойдут...»[110]

Советское политическое руководство решило во избежание превращения могилы в место паломничества перезахоронить его прах в другом, менее доступном для граждан месте. В 1956 году по распоряжению какого-то сотрудника советского Генерального консульства в Харбине могила была осквернена: памятник разрушен, вывезен и брошен у Нового кладбища, а саму могилу сровняли с землей. Судьба праха оставалась неизвестной[111]. Перезахоронение было сделано втайне, под покровом ночи, и могила утеряна. По другой версии, китаец, которому было поручено перезахоронение, докопался до гроба генерала, положил на него православный крест, который стоял на могиле, и вновь забросал землей[112].

Н. А. Мартынов: «Памятник на могиле генерала Каппеля в ограде Иверской церкви оставался некоторое время при большевиках, и к нему было, хотя и очень скрытое, паломничество. Коммунисты, видя это, в одну из темных ночей этот памятник генералу Каппелю убрали, и место сровняли, чтобы его не нашли. Так кончилась, как большевики надеялись, и память о генерале Каппеле, но они ошибаются — память о нем переходит и в подрастающие поколения»[113].

Никита Устьянцев: «Утром я, как всегда, прошел мимо памятника на могиле генерала, а, возвращаясь из школы, не поверил своим глазам — на этом месте уже ничего не было! От памятника не осталось и следа, у стены храма было ровное место... Я заметил, что вскоре после этого события на стенах внутри храма около фамилий тех, кто погиб в Гражданскую войну, были замазаны годы их смерти. Видимо, это сделал кто-то из приходского совета, боясь продолжения надругательства над памятью погибших»[114].

---

[108] Памяти Белого вождя: К 20-й годовщине кончины ген.-лейтенанта В. О. Каппеля // Шанхайская заря. 1940. 26 января. № 4735.

[109] Славутская А. М. Указ. соч. С. 83.

[110] Федорович А. А. Генерал В. О. Каппель. Издание Русского Дома в Мельбурне. Мельбурн, 1967.

[111] Мелихов Г. В. Указ. соч. С. 187.

[112] Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 235.

[113] Мартынов Н. А. Волжане в Великом сибирском походе (переход через Байкал, февраль 1920 г.) // Русская Атлантида. 2010. № 37. С. 17.

[114] Тремсина Л. Воспоминания Н. Н. Устьянцева о Свято-Иверской церкви в Харбине // Русская линия. 26 января 2008 года.

Разжигаева Надежда (1999): «Мы перешли виадук, пошли по Офицерской, нашли Иверскую церковь. Она вся застроена, частично разрушена, в плохом состоянии, двор грязный, могилы Каппеля не найти»[115].

Н. П. Разжигаева (Омельчук) (2001): «В настоящее время нет следов могилы В. О. Каппеля, она была уничтожена после массового отъезда русских на целину»[116].

А. М. Славутская (2007): «Мы отправились к Иверской церкви, увидели страшную картину. Церковь стояла в руинах: серая, как покойник, все украшения сбиты, нет куполов, едва намечается надвратный второй этаж, фундамент врос в землю. Кругом какие-то лачуги, сараи, крытые брезентом и ржавой жестью. В тупичке рядом с церковью брошенные повозки, тряпье, ненужный домашний скарб. У подножья церкви было когда-то три захоронения. Слева могилы настоятеля церкви и церковного старосты Антипаса, харбинского водочного миллионера. Но следов этих двух могил мы сами не нашли. Н. Н. попросил китайца, живущего рядом, показать их места. Принесли лопаты и веник, соскребли с могильных плит сантиметров десять „культурного слоя“. Увидели: обе плиты повернуты вниз лицевой частью, на тыльной стороне высечена эпитафия — „Мир праху твоему“. Справа от церкви, также у ее подножья, захоронение генерала Каппеля. О точном месте можно только догадываться.

Несмотря на плачевное состояние, Иверская церковь, как уверяет архитектор Крадин, поддается реставрации. И, самое главное, по решению мэрии Харбина, Иверскую будут восстанавливать, и, я уверена, работы будут проведены на высшем уровне. Ведь все, что строится в Харбине, строится основательно. А, значит, будут восстановлены и могильные памятники. Думается, что и прах генерала будет перезахоронен на русской земле. Пока же китайцы, живущие там, после 10 часов вечера на улицу не выходят: говорят, ночью у церкви бродит призрак...»[117]

В 2003 году по инициативе информационного агентства «Белые воины» при поддержке Московской патриархии и Министерства иностранных дел России начались мероприятия по организации процесса переноса останков В. О. Каппеля в Россию. 14 декабря 2006 года российская поисковая группа в составе протоиерея Димитрия Смирнова, генерального директора информационного агентства «Белые воины» А. Н. Алекаева, судебно-медицинского эксперта Сергея Никитина, китаиста-переводчика Д. Напара, руководителя телевизионного агентства «Служу Отчизне» Андрея Кирисенко и Николая Николаевича Заики (русского харбинца), указавшего примерное место захоронения, и землекопов-китайцев приступила к раскопке могилы.

Участник событий протоиерей Димитрий Смирнов вспоминал: «Представьте разрушенный храм со снесенными куполами, забетонированные ступени, а вокруг ровное место, рядом с которым свалка <...> Китайские рабочие <...> в указанном месте начинают кирками рубить слой кирпичей, потом разгребли метровый слой строительного мусора. Углубившись на три метра, мы обрели гроб <...> За исключением днища гроб сохранился в прекрасном состоянии — очень красивый, с изображением государственных символов, герба»[118].

После вскрытия гроба участники экспедиции увидели невероятное: прошло 86 лет, а мощи генерала — кости и плоть — оказались нетленны, сохранились волосы и борода, цел мундир, погоны, бант георгиевского кавалера, ветки, которыми сверху было укрыто тело. Никакого сомнения, что это могила генерала Каппеля, не осталось[119].

---

[115] Харбин глазами наших детей. Из писем Нади Разжигаевой родителям // Русская Атлантида. 2000. № 3. С. 44.

[116] Разжигаева (Омельчук) Н. П. Печальная участь, постигшая Иверский храм // Русская Атлантида. 2001. № 6. С. 34.

[117] Славутская А. М. В Харбине 70 лет спустя // Русская Атлантида. 2007. № 23. С. 82—83.

[118] Русская линия. 23 декабря 2006 года.

[119] Пешкова (Мухина) Л. В. Указ. соч. С. 19.

Первоначально предполагалось, что генерала перезахоронят в Чите, но местные власти отказали в этом. Тогда участники экспедиции во главе с о. Димитрием решили обратиться к Патриарху Алексию II, чтобы он благословил похоронить генерала в Донском монастыре рядом с могилами генерала А. И. Деникина и И. А. Ильина. По отзыву одного из участников, услышав просьбу о. Димитрия, Патриарх прослезился и немедленно дал благословение[120].

Останки были помещены в оцинкованный гроб и поездом Пекин—Москва отправлены в Москву с остановками в Чите, Иркутске, Новосибирске, Омске и Екатеринбурге. На каждой остановке представители казачьих войск и православного духовенства воздавали генералу воинские почести. На остановке в Перми, где похоронена жена генерала Ольга Сергеевна Строльман, траурный кортеж встречал внук генерала Борис Строльман. От фамилии мужа Каппель Ольге Сергеевне пришлось отказаться в 30-е годы, чтобы уберечь жизнь детей. Однако саму ее это не спасло: она была репрессирована и отбывала срок в Соликамске.

22 декабря поезд прибыл в Москву. Церемония перезахоронения останков генерала состоялась 13 января 2007 года в некрополе Донского монастыря под звуки марша Преображенского полка. Свое последнее, третье, место упокоения генерал нашел между могилами генерала Антона Деникина и философа Ивана Ильина с супругами, прах которых был перенесен из Франции в Москву в октябре 2005 года. На могиле был временно поставлен деревянный крест, который теперь перенесен в г. Белёв Тульской области, где похоронен отец генерала и где 16 апреля 1883 года родился он сам[121].

1 сентября 2007 года в некрополе Донского монастыря в Москве состоялось торжественное открытие и освящение памятника на могиле генерала царской армии В. О. Каппеля. Проект памятника выполнен архитектором А. Н. Поликарповым и повторяет памятник в виде голгофы, увенчанный терновым венцом на его могиле у стены Иверского храма[122].

Приложение 8. Грибин Сергей. Любимый Харбин. Владивосток, 2015. С. 129—139

Грибин Сергей (Еремин Сергей Юрьевич). Родился 12 декабря 1960 года в г. Свердловске. До переезда в Китай жил во Владивостоке. По специальности — инженер-электромеханик (выпускник ДВПИ, 1982). В Харбине с декабря 2004 года. Наблюдатель Координационного совета соотечественников в Китае. Член правления и один из основателей Русского клуба в Харбине. Руководитель исторической секции клуба. Инициатор восстановления ряда памятников, связанных с российским присутствием в Китае. В частности, благодаря его организационным усилиям восстановлены около 20 надгробий на русском кладбище Хуаншань под Харбином, обелиск капитану А. А. Корнильеву и обелиск Героям Русско-японской войны. Заметки и рассказы С. Ю. Еремина о Харбине публиковались в газетах «Владивосток» (Владивосток) и «Амурская правда (Благовещенск), в журнале «Партнеры» (Харбин, КНР), а также газетах «Китай» (Харбин, КНР), «Единение» (Сидней, Австралия), «Русская жизнь» (Сан-Франциско, США). Ряд публикаций вышел под псевдонимом Сергей Грибин. В 2015 году опубликовал книгу «Любимый Харбин».

[120] Михайлов К. В Москве похоронен Владимир Каппель // Посев. 2007. № 2. С. 3.

[121] Пешкова (Мухина) Л. В. Указ. соч. С. 19.

[122] Там же.

ГЕНЕРАЛ В. О. КАППЕЛЬ — ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ
Записки очевидца

Ни единою буквой не лгу, не лгу...
Владимир Семенович Высоцкий

Мы стоим у северной стены Свято-Иверского храма в городе Харбине и слушаем молитву московского батюшки Димитрия Смирнова. Здесь в далеком 1920 году соратниками по оружию был похоронен генерал-лейтенант русской армии, сподвижник А. В. Колчака и один из истинных лидеров Белого Воинства, возглавлявший его в легендарном «Ледяном походе», умерший под Иркутском от обморожения и пневмонии, Владимир Оскарович Каппель. В 37 лет он ушел из жизни, оставив потомкам примеры личного мужества на фронтах Первой мировой, а позже — Гражданской войны. Да! Он воевал против идей коммунизма! Споры и диспуты об исторической правоте или неправоте красных и белых оставим ученым историкам. Он воевал ЗА РОССИЮ! За свое понимание ее пути в светлое будущее. Кто тогда, почти сто лет назад был прав, кто виноват?

ПОДГОТОВКА К НАЧАЛУ РАБОТ

Мною, как и большинством россиян, фамилия генерала Каппеля впервые была услышана в одном из эпизодов легендарного советского фильма «Чапаев». Там есть эпизод, когда офицеры-белогвардейцы строем, без оружия в руках, наступают на позиции красных. Сигарета в зубах, да бесовский кураж в глазах — вот их оружие. Со стороны красных слышится ружейный залп — падают убитые или раненые соратники, но оставшиеся смыкают ряды и идут вперед, к Победе! «Каппелевцы идут! Офицерский полк» — уважительно и одновременно злобно говорит про них «красный пулеметчик». Психическая атака — так называли это наступление в фильме. А в жизни на такие атаки Белую Гвардию заставляло идти одно очень простое обстоятельство — дефицит боеприпасов и желание принять смерть на поле боя, а не в застенках ВЧК.

Я приехал в Харбин в 2004 году и познакомился там с «русским харбинцем» — с Николаем Николаевичем Заикой, знатоком истории города и великолепным рассказчиком. Один раз он привез меня к Иверскому храму и показал место могилы генерала Каппеля. Простая куча мусора с битым кирпичом, жестяными банками, клочками от газет... И здесь лежит русский герой, в которого солдаты верили, как в Бога, и любили его, как родного отца!? Стыд и чувство внутреннего протеста! Так не должно быть!

Я стал интересоваться судьбой генерала. Идея переноса его останков в Россию для захоронения со всеми воинскими почестями на этом этапе захватила меня. Но, не имея практически никаких собственных ресурсов для реализации идеи, я пытался найти поддержку ее у Российского Общевойскового Союза (РОВС), у приморских историков, планировал сходить к потенциальным спонсорам. Одновременно я продолжал много времени уделять изучению материалов по судьбе генерала Каппеля в Интернете, где познакомился «по переписке» с Дмитрием Напара, который жил в те годы в Пекине, двигал вперед вопрос перезахоронения праха Каппеля в России. В Москве все работы по этому проекту курировало информационное агентство «Белые Воины» во главе с его директором Александром Николаевичем Алекаевым.

Поздней осенью 2005 года меня стали одолевать разные идеи. Одна из них — сделать и установить памятную плиту или портрет генерала у места его захоронения. Я заказал портрет Каппеля с датами его жизни и надписью: «Родина помнит...» и в начале декабря, прихватив здоровый дюбель и большой камень-голыш — заменитель молотка, прибыл на место. Заколотив в прочнейшую стену дюбель, я с гор-

достью повесил на него портрет русского героя. Сегодня портрет, конечно же, уже утрачен, а вот дюбель так же гордо торчит из стены, напоминая о тех, еще дораскопочных, временах...

И вот уже на харбинских улицах — начало декабря 2006 года. Уже замерзла река Сунгари, уже выпал снег, и морозы опустились за минус 15—18 градусов. 4 декабря 2006 года получаю от Напары подтверждение, что в середине декабря в Харбин прибывает делегация из Москвы для проведения работ по эксгумации праха генерала Каппеля В. О. и отправке его в Россию. В составе: священник Московской Патриархии отец Дмитрий Смирнов, судебный медицинский эксперт Сергей Никитин. Сам Дмитрий Напара в качестве первого зама руководителя, правой руки и переводчика. Лидер и спонсор проекта — генеральный директор ИА «Белые Воины» Александр Алекаев.

Меня попросили купить и привезти к месту раскопок 4 лопаты, 2 лома, веревки, два листа жести, пассатижи, топор, проволоку, полиэтилен, перчатки (москвичи думали копать сами). Плюс — разогреть землю в месте предполагаемого раскопа. Весь инструмент я купил без проблем — съездил на строительный рынок. А вот «с разогревом» решил не спешить. Кто мне, иностранцу, позволит жечь уголь в центре жилого квартала (храм давно уже застроен со всех сторон домами и маленькими то ли избушками, то ли сарайчиками). С полицией беседы мне вести было «не с руки» — язык я в те годы знал очень плохо. Оплатили мне весь этот «закуп» москвичи при первой же встрече.

В Харбин члены делегации прибыли 13-го утром поездом из Пекина. Разместились в гостинице «Шангрила» — самой комфортабельной в Харбине. Я приехал в гостиницу часов в 10 утра, поднялся в номер Дмитрия Напара. Познакомился со всеми. Съездили к самому храму, посмотреть место будущего раскопа. Алекаев прямо там, у церкви, как руководитель проекта, спрашивает у Димы Напара, мол, есть ли документы, которые подтверждают, что генерал был похоронен именно здесь — план захоронений или фото? Дмитрий разводит руками и объясняет, что именно это место ему показывал пару лет назад Николай Заика. Александр Алекаев злится, мечет громы и молнии!

Как же так, Дима, мы приехали в такую даль, а документов-то о точном месте захоронения нет?! Дмитрий спрашивает меня, дозвонился ли я до Николая Николаевича Заики? Я диктую ему по памяти (телефон сам по себе не особенно сложный, да и на цифры у меня память в те годы была неплохая). Дима сам звонить Заике не стал — меня попросил. Благо дело, что я заранее говорил Николаю Николаевичу о планируемом приезде москвичей. Во время возвращения в гостиницу — абсолютно все «на нерве»! Я звоню через каждые пять-десять минут — срабатывает факс, стоящий на автомате — никого нет дома. А сотового телефона у Заика нет...

У «Шангрилы» мы снова загружаемся в микроавтобус, и нас привозят в Харбинскую мэрию на левом берегу Сунгари. Здесь мы в течение двух часов в присутствии всех заинтересованных харбинских руководителей (во главе с вице-губернатором провинции Хэйлунцзян) обсудили самым подробнейшим образом все вопросы. Китайская сторона несколько раз переспрашивала: есть ли еще какие-нибудь предложения или просьбы по ходу ведения работ. Сразу скажу, что все наши пожелания были выполнены полностью. Спасибо!

Дима опять спрашивает меня — дозвонился ли я до Николая Заика. Результата нет — он вне своего дома на Торговой улице. Александр Алекаев вручает вице-губернатору подарок — нашу русскую «гжель» — красивая лошадка везет маленькие саночки с Дедом Морозом! Звучат поздравления с наступающим праздником! В самом конце обсуждают общую стоимость работ. Хотя сумму китайцы и запросили божескую, особенно если ее сравнивать с московскими ценниками, но поторговаться нужно обязательно. Скинув для порядка тысячу юаней, Александр Алекаев соглашается на условия, предложенные китайской стороной.

В самом конце переговоров вице-губернатор подробно и неторопливо повторяет все достигнутые договоренности вслух. Писать протоколы — времени нет! Есть возражения — говорите. Итак, начало работ в 9:00, десять китайских рабочих-землекопов, палатка на месте раскопа (от ветра и мороза), отбойные молотки, обогрев палатки и освещение ее в темное время суток, стоимость работ и порядок их оплаты. Удовлетворена просьба нашей стороны о проведении двух кратких молебнов (перед началом работ и после их завершения), оговорено, что китайские рабочие точно выполняют все указания судмедэксперта Сергея Никитина и, как только натыкаются на признаки останков, сразу же прекращают работы, а он спускается в раскоп и командует рабочими на месте.

Я, наконец-то, дозваниваюсь до Николая Николаевича и договариваюсь о встрече сегодня вечером. Вся команда москвичей приедет к нему в гости. Я поехать к Заике не смог — в этот вечер я был занят по своей основной работе. Поэтому, оставив номер телефона московским друзьям и объяснив водителю его точный домашний адрес, я попрощался со всеми до завтра.

НАЧИНАЕМ, ПОМОЛЯСЬ!

На следующее утро 14 декабря я приехал к Иверской церкви к 7:50. Оцепления пока еще не было, и я спокойно отнес всю свою поклажу к месту раскопок. Вязанку с лопатами, еще одну с тремя кайлами и большую сумку-«помогайку» с мелким инвентарем. К девяти часам приехали все наши. Секретарь Посольства России из Пекина Виктор Пашков быстро решил вопрос с пропусками: всем москвичам, корреспондентам различных каналов российского телевидения, Николаю Заике и мне грешному, были выданы маленькие синие значки с видом Харбина.

Логично, что главным вопросом для всех было определение точного места начала раскопок. Опираясь на план захоронения и старую фотографию памятника Каппелю, сделанную в 1946 году (из книги Мелихова «Белый Харбин, 20-ые годы»), которые предоставил Николай Николаевич Заика, эксперт Никитин выбрал участок раскопа полтора на два метра и очертил его острием штыковой лопаты. Заика скептически шепнул мне: «Сережа! Здесь могут быть проблемы!» Он не верил в то, что генерал В. О. Каппель до сих пор лежит в харбинской земле. Многие китайцы, жившие недалеко от Иверской церкви, говорили ему, что в 1954, в -55 или -56 году русские целый день что-то копали на этом самом участке и потом что-то сожгли прямо на месте могилы генерала...

После короткой молитвы, в которой молящиеся просили простить их за то, что они тревожат «прах усопшего раба Твоего воина Владимира», приступили к работам. Первые несколько ударов киркой сделали Александр Алекаев, Дмитрий Напара, Николай Заика. Я тоже выбил из мерзлой земли кусок красного кирпича и сохранил его на память. Китайские рабочие начали работу в 9:30. Кирки вгрызались в мерзлую землю, рабочие не жалели сил, но до тех пор, пока они не применили электрические отбойные молотки «Бош», дело шло весьма медленно. Только преодолев 50—60 сантиметров промерзшего грунта, работать стало немного легче. Две штыковые лопаты и кирка делали свое дело, углубляя и расширяя раскоп.

Сначала наткнулись на кирпичную кладку на глубине около полутора метров от уровня земли. Надеялись, что это мини-склеп над гробом Каппеля, но надежды не оправдались — кладку из белого кирпича разобрали и стали копать дальше. Мы с Николаем Николаевичем Заика думаем, что это был фундамент под большим гранитным памятником генералу. Мы стоим над медленно увеличивающейся ямой (а ведь она когда-то была могилой!), держим наготове фотоаппараты или камеры... В голове один вопрос: «Найдем! Или не найдем...» Уже, сменяя друг друга, сбегали «на чифань» (на обед) китайцы. Уже мы съездили, попили чая и съели, многие через силу — нервы, пельменей. Интересный эпизод произошел во время этого «пельменного обеда» в одном из ресторанов в центре Харбина. Кусок в глотку никому не лезет! Саша Алекаев с тоской во взоре обращается к Диме Напа-

ра: «А вдруг мы ничего не найдем? Неужели все это зря?» Все молчат. Что тут скажешь? «Ничего, ничего, Александр Николаевич... Вот, мы приедем обратно, а там уже все и нашли!», — ободряет всех нас и в первую очередь, конечно же, Алекаева отец Дмитрий Смирнов. Когда мы вернулись к храму — там был найден саркофаг генерала Каппеля!

Работа не прекращается ни на минуту... Темп не снижается — только чаще бригадир землекопов меняет уставшую двойку копателей на свежую... И лишь на отметке в минус 280 см кайло глухо ударило о пустотелую деревянную конструкцию! Никитин спустился в яму и аккуратно расчистил поверхность большого, лежащего вдоль стены церкви, трапециевидного ящика длиной около двух метров. Узкая часть ящика «смотрела» на восток, более широкая — на запад. Если предположить, что это гроб, то захоронен он по всем православным канонам... Его начали обкапывать с боков, и поняли, что по высоте он тоже немаленький — около 80 сантиметров. Сергей Никитин вместе с одним из китайских рабочих сначала сняли с крышки ящика листы совсем истлевшего оцинкованного железа, а потом с помощью топора, используя его острие, как зубило, и большого тяжелого молотка начали вскрывать сам ящик. Толстые, шестисантиметровые, предположительно из лиственницы, доски поддавались с трудом. Но, наконец, доски сняты! Показалась... еще одна мощная продольная доска, а пространство вокруг нее покрыто толстым слоем затвердевшего желтоватого порошка — гипс!

Медленно и осторожно Сергей с напарником соскребали и отбивали гипс, и только где-то через час все стало понятным. Гроб с телом покойного был установлен в большой и мощный деревянный ящик, видимо еще в Чите, и залит до краев этого деревянного саркофага жидким гипсом.

Никитин выбирается на поверхность. От него идет пар — свитер ручной вязки хоть выжимай! Я накидываю на него его же куртку и тихо спрашиваю: «Сережа, неужели повезло? Неужели нашли...». Сергей ничего не отвечает, закуривает. Но по блеску в его глазах видно, что он уверен — НАШЛИ! «А что молчит (как там, у Высоцкого?), так это от волненья, от осознанья, так сказать, и просветленья!».

Поразило качество работы неизвестного (по всей видимости, читинского) плотника. Этот коллега «гробовых дел мастера Безенчука» сделал свою работу по-настоящему филигранно. Сложно сопрягаемые под углом доски саркофага были настолько плотно пригнаны и, наверное, пропитаны специальным составом, препятствующим тлению, что даже сломалось топорище (правда, китайского качества) у топора. Слава русским мастерам! Вынуть «первичный» гроб из саркофага невозможно! Не за что зацепиться — доски пригнаны очень плотно. Решили разломать левую часть саркофага и попытаться отодвинуть гроб от правой его стенки. А потом подвести веревки под гроб и вынуть его целиком. Еще полтора часа работы китайцев и нашего мучительного ожидания. Сергей снова спускается в раскоп. Гроб сдвигается с места. Победа!

ОБРЕТЕНИЕ ОСТАНКОВ ГЕНЕРАЛА КАППЕЛЯ!

Сергей Никитин приподымает красивую резную крышку гроба, подпирает ее черенком лопаты и начинает рассматривать и ощупывать ноги покойного. Потом поднимает голову и говорит нам: «Есть проблемы с ногами! Похоже, мы его нашли!» Все русские облегченно вздыхают: нашли! ЭТО — КАППЕЛЬ!!! Крышку гроба вынимают из раскопа. Под весь гроб осторожно завели лист жести, продели веревки, обвязали ими крепко гроб и приготовились к подъему останков. Конечно же, щелкают фотоаппараты, все участники суетятся, китайские и наши телеоператоры с громоздкими штативами и камерами мешают друг другу, рискуя свалиться вниз, вспышки яркими блицами бьют по дну раскопа.

Останки генерала обильно покрыты полуистлевшими цветами и пальмовыми ветвями. Голова покойного лежит на большой и высокой белого цвета подушке и просматривается сверху с большим трудом — только очертания. На груди гене-

рала зоркий глаз батюшки Димитрия Смирнова заметил две иконки. Нашли еще и Георгиевский бант. Все ждут подъема тела из могилы. Напряжение все возрастает, голоса становятся все громче.

По моему предложению (я опасался, что неверный перевод на китайский язык команды «поднимай» и «опускай» при неизбежной нервозности и суете, мог бы привести к перекосу подъема и разрушению полуистлевшего гроба — дальше и подумать страшно!) за все концы веревок взялись ЧЕТВЕРО РУССКИХ МУЖЧИН: Алекаев, Напара, Андрей Кирисенко и я, «местный житель». Китайцам я сам громко сказал: «Бу КэИ! Сянцай элосы гунзо!» (Нельзя трогать! Сейчас русские работают!). Торжественность и важность этого момента до меня «дошла» не сразу. Русские офицеры опустили в далеком 1920 году гроб генерала в могилу у северной стены Иверского храма. И вот сегодня, в 2006 году, четверо русских офицеров (в запасе) вынимают гроб генерала на свет Божий. Мое место оказалось справа «в ногах» генерала. Очень медленно и аккуратно мы подняли прах русского героя из китайской могилы! Пронесли пару метров от места 86-летнего захоронения и поставили на ровном участке земли.

Не было никаких возражений со стороны китайских руководителей, которые были при эксгумации во главе с вице-губернатором. Никто из китайцев не пытался прикоснуться к останкам. Только китайский видеооператор почему-то весьма долго снимал меня во весь рост у гроба с веревкой в руках. Наверное, мой «чистейший» китайский язык, внезапно прорезавшийся в самый ответственный момент работ, его сильно впечатлил?! А может быть, просто «на память»... После непродолжительного осмотра останков они были закрыты полиэтиленовой пленкой, погружены в катафалк местной харбинской фирмы ритуальных услуг. Батюшка отец Дмитрий Смирнов прочел молитву. Все русские стояли с зажженными свечами, молились и подпевали. Рядом со мной стоял «наш командор» Саша Алекаев, и я боковым зрением видел, как в начале молитвы в его руках «ходуном ходила» зажженная свечка (его бил нервный озноб). Но к концу молебна он успокоился и посветлел лицом. Громадный груз ответственности за проведение работ по поиску останков генерал-лейтенанта Владимира Оскаровича Каппеля спал с его плеч!

Позже в анатомическом зале местного морга прах покойного генерала был подробно осмотрен экспертом Сергеем Никитиным. Нужно отметить, что благодаря стараниям соратников генерала Каппеля, сделавших все возможное для предохранения останков любимого генерала от разложения, тело сохранилось очень хорошо. Подтверждениями того, что это действительно останки Каппеля, послужили следующие неопровержимые доказательства:

Место захоронения;

Рост и телосложение останков соответствуют прижизненным данным генерала;

Форма черепа, прямой пробор волос с характерными залысинами, форма усиков и бородки клинышком;

Хорошо сохранившиеся погоны генерал-лейтенанта;

Бант от Георгиевской ленты — покойный был Георгиевским кавалером;

Две иконки (лики которых определят позже специалисты— реставраторы) — покойный был православным христианином;

Полуистлевшие цветы и пальмовые ветки — такое же украшение гроба прекрасно видно на читинской фотографии В. О. Каппеля от 21.02.1920 г., лежащего в гробу.

И, наконец, самое ГЛАВНОЕ доказательство: у найденных в Харбине у северной стены Свято-Иверского храма останков генерал-лейтенанта русской армии левая ступня отсутствует полностью, а у правой ноги, одетой в теплый белый шерстяной носок, отсутствует пяточная кость и фаланги пальцев. Как известно из исторических источников, именно такую операцию по ампутации части нижних конечностей генерал Каппель перенес еще прижизненно. Сомнения развеяны полностью. Останки генерала Каппеля — обретены!

НЕПРОСТОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ

Было, конечно же, множество сомнений! Найдем — не найдем? Ведь существуют же документы, подтверждающие, что органы КГБ не только разрушили памятник, но и выкопали и уничтожили останки генерала! Во Владивостоке, например, долго жил отставной офицер КГБ Шевченко Г. Г., который лично участвовал в ликвидации праха В. О. Каппеля (об этом была статья в приморской прессе). Он умер в девяностых годах прошлого века.

Очень любопытно, что в Харбине также был некий Шевченко (его имя и отчество пока не установлены) — Председатель общества советских граждан (ОСГ) в Харбине. Наверное, ему было поручено уничтожить прах Каппеля!? А может быть это один и тот же человек? Ведь на должность Председателя ОСГ Харбина случайного человека явно не поставили бы. Просто, никто в Харбине достоверно не знал, что он офицер НКВД.

Да! Русскому генералу Владимиру Оскаровичу Каппелю уготована оказалась редкая, уникальная судьба! Трижды захороненный! Первый раз он был похоронен в Чите в феврале 1920 года. Наступление Красной Армии заставило вынуть генерала из могилы и вывезти его в Маньчжурию. Второй раз он был похоронен в Китае в городе Харбин в самом конце 1920-го года. За его могилкой ухаживали, у памятника горела неугасимая лампадка. Приходили, снимали краснозвездную фуражку и клали гвоздики осенью 1945 года советские военные начальники Василевский, Малиновский и Мерецков.

И вот через восемьдесят шесть с лишним лет снова эксгумация и перевоз останков в Москву. Зачем и почему, спросите вы? Последняя воля покойного свята! Умирая, он сказал: «Передайте войскам, что я любил Россию и любил их, и своей смертью среди них доказал это!». Эти предсмертные слова генерала, немного видоизмененные, были начертаны на памятнике генералу как эпитафия. Национальные герои должны лежать в родной земле!

17 декабря 2006 года — в день, когда прах В. О. Каппеля еще не пересек границы Китая и России, Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий Второй благословил погребение останков генерала со всеми воинскими почестями в Донском монастыре в Москве! Таким образом, завершился Великий Сибирский Ледовый поход для воистину легендарного командира Белого движения Владимира Оскаровича Каппеля!

Позже, значительно позже, будет вечернее морозное свинцово-багряное скорбное небо над Харбинским вокзалом. Суета с отправкой останков на поезде «Пекин—Харбин—Москва», мерный перестук колес, возбужденные люди на перронах больших и малых российских городов (читинские коммунисты подняли шум, когда стали возникать идеи о захоронении генерала в Чите, на месте его первого упокоения). Позже будет и торжественная встреча «поезда Каппеля» в Москве.

А сейчас мы, все русские участники событий 14 декабря, сидим в ресторане. На часах уже давно 15 число, а мы, уставшие и потрясенные событиями этого дня, пьем «харбин-пицзю» (харбинское пиво) и ощущаем необъяснимое единение между собой. Наверное, потому что каждый делал в этом проекте свое дело, и УСПЕХ — он наш общий успех! Мы поем наши напевные русские песни, а китайские официанты заглядывают в дверь и слушают, широко раскрыв свои узкие азиатского покроя глаза. Им ясно, что у русских какой-то очень большой праздник! Мы балагурим, рассказываем друг другу анекдоты и смешные истории из своей жизни. Расходиться совершенно не охота! За столом обстановка гусарства, лихости, радости и торжественности одновременно! Кто-то предлагает тост: «За окончание Великого Ледяного похода! За исторически оправданную, выстраданную всем Белым Воинством победу! За „взятие“ русским генерал-лейтенантом Каппелем в декабре 2006 года столицы России — города Москвы! Ура! Ура! Ур-р-ра!!!»

Contents

Prose and Poetry

Evgeny Vitchenko. Quarantine Cycle. *Poems* • 3
Maria Bushueva. Quiet Soul. Wardrobe. Escaped. Glowing lanterns. *Short stories* • 8
Slava Sergeev. Reading and Feelings. *Pages of the novel* • 27
Maxim Zamshev. Poems • 73
Ivan Beskrovny. Oak Artem Vorobiev. Bird in Chorus. Tragedy. *Short stories* • 76
Pavel Krusanov. Flight of the Bumblebee. *Short story* • 101
Alexey Shikhalev. Poems • 109
Elena Vyahakuopus. *At crossroads.* Everything Needs to Be Done on Time. Women's Pride. Two Mothers. Pipa. Garden. Dairy Statements. *Short stories* • 113
Pavel Vyalkov. The King and the Clown: Paradigms of Time. Star Wars: Postscriptum of History. Night in Sheremetyevo... „Atlantis". *Short stories* • 122
Sveta Litvak. Poems • 151

Journalistic Writings

Mikhail Kuraev. 100 Years without Lenin. *Reflections with Excursus* • 157

Criticism and Essays

To the 140th Anniversary of E. I. Zamyatin. **Vyacheslav Vlashchenko.** „Fiery A" and Spiritual Drama of Evgeny Zamyatin • 176

St. Petersburg Bookman

Territory of Memory. *Alexander Melikhov.* This is a Glorious Path for Many. **Book Island.** *Elena Zinovieva's Publication* • 210

Pilgrim

Archimandrite Augustine (Nikitin). Harbin — „Russian Kitezh". *Part 8* • 228

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью «Журнал „Нева“»
Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18
Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9
Телефон: (812) 314-50-52
E-mail: nevaredaction@mail.ru; nevaredaction@yandex.ru

Сайт «Невы» в «Журнальном зале»: http://magazines.russ.ru/neva
Ресурс в сети Интернет: http://nevajournal.ru

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет агентство «Роспечать» по каталогу ОАО «Роспечать», подписной индекс 73276.

Свежие номера журнала, а также отдельные номера за последние годы можно приобрести:

в Санкт-Петербурге — в редакции журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23); **льготную подписку** можно осуществить непосредственно в редакции журнала (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23).

За рубежом подписку на журнал осуществляет АО «Международная книга» (117049, Москва, Большая Якиманка, 39, телефакс: (495) 230-21-17, 238-46-34).

Оптовая и мелкооптовая продажа: Санкт-Петербург, ООО «Журнал „Нева“», e-mail: officeneva@mail.ru

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала «Нева» на территории РФ осуществляет редакция. Заказ можно оформить на сайте издательства: http://nevajournal.ru/book.html

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-83135 от 26 апреля 2022 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Учредитель: ООО «Журнал „Нева“»

Сдано в набор 26.12.2023. Подписано в печать 29.01.2024.
Выход в свет 13.02.2024. Гарнитура «Октава».
Формат 70×108 $^{1}/_{16}$. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 800 экз. Свободная цена. Заказ № 6

Адрес издателя ООО «Журнал „Нева“»: Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 18

Отпечатано в типографии ООО «ИПК „БИОНТ“»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр., д. 86
Тел. (812) 207-58-43.А